

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2023 Том 25 № 3

Политическая урбанистика и руралистика

Редактор номера *Е.В. Морозова*

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Почта Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акчурина Виктория — доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин — доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр — доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Никола — доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Капустин Борис Гурьевич — доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Парашар Свати — доктор политических наук, профессор факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life

Подписной индекс издания — 20827.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология» — периодическое рецензируемое научное издание в области политических исследований.

Издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки и ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала — способствовать международному научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлению 5.5. Политические науки (специальности: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется требованиями к научным журналам, предъявляемыми международным научным сообществом, в том числе EASE, АНРИ, и поддерживаемыми ВАК России: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>

Электронный адрес: politj@rudn.ru

Литературный редактор И.Л. Панкратова
Редактор англоязычных текстов Д.Б. Казаринова
Компьютерная верстка И.А. Чернова

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: +7 (495) 936-85-28;
e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 25.09.2023. Выход в свет 30.09.2023. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 22,05. Тираж 500 экз. Заказ № 1126. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2023 VOLUME 25 No. 3

Political Urban and Rural Studies

Guest editor *Elena V. Morozova*

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

CHIEF EDITOR

Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy, Full Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova — Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Viktoria Akchurina — PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell — PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska — Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy — PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz — Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada — Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France

Boris G. Kapustin — Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The United States of America

Elena V. Morozova — Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Scientific Secretary of the Center “Religion in Modern Society” of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar — PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Liubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University)

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English

Indexation: RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's

Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and for postgraduates in Political Sciences (majors History and Theory of Politics, Political institutions, processes, technologies, Public administration and sectoral policies, International relations, global and regional studies).

The editorial board is guided by the requirements for scientific journals set by the international scientific community, including EASE, RASSEP, Higher Attestation Commission of Russian Federation.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru

Review editor *Irina L. Pankratova*
English text editor *Daria B. Kazarinova*
Computer design *Irina A. Chernova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board
RUDN Journal of Political Science:
10a Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 936-85-28
e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Morozova E.V. Volkova A.V. Political Urban and Rural Studies: Introducing the Issue (**Морозова Е.В., Волкова А.В.** Политическая урбанистика и руралистика: представляем номер)..... 509

ПОЛИТИЧЕСКАЯ УРБАНИСТИКА: ГОРОД ПЕРЕД НОВЫМИ ВЫЗОВАМИ

Бардин А.Л. Креативный потенциал города в контексте цифровизации..... 519

Вульфович Р.М., Майборода В.А. Политическая и публично-правовая субъектность городских агломераций..... 539

Подобуева В.А. «Право на город» и политизация городского пространства: краткий обзор 553

Feng Sh. The Impact of Urbanization and Population Policy on China's Economy (**Фэн Ш.** Влияние урбанизации и демографической политики на экономику Китая)..... 564

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В ГОРОДСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ЛАНДШАФТАХ

Волкова А.В., Кулакова Т.А. Движение городов-побратимов в управлении региональной политикой: опыт новых территорий..... 581

Кольба А.И., Орфаниди Э.В. Институционализация городских сообществ крупных региональных центров России в системе политического управления конфликтами: пределы возможностей 601

Палий К.Р., Палий Р.Р. Политика и практика ревитализации индустриального наследия как фактор повышения качества городской среды Санкт-Петербурга..... 614

Колыхалов М.И. Генезис Дубая как мирового города..... 630

Курочкин А.В., Дедуль А.Г., Шалев Л.С., Бабюк И.А. Цифровые системы в публичной политике и городском планировании: лоббирование, примеры и рекомендации к дальнейшему применению..... 647

Уханова Ю.В. Взаимодействие общества и власти в вопросах городского развития: кейс крупных городов Северо-Западного федерального округа..... 663

**«ТРУДНЫЙ РЕБЕНОК» ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ:
ДИСКУРС РУРАЛИСТИКИ**

- Miroshnichenko I.V., Samarkina I.V., Tereshina M.V.** The Leadership in the Institutional System of Rural Development Policy: The Results of the Empirical Study in Krasnodar Region. (**Мирошниченко И.В., Самаркина И.В., Терешина М.В.** Лидерство в институциональной системе политики развития сельских территорий: результаты эмпирического исследования в Краснодарском крае)..... 677
- Ракачев В.Н.** Сельские территории Краснодарского края в контексте политики пространственного развития: социально-демографический аспект 699
- Певная М.В., Тарасова А.Н., Якубова Э.Р.** Гражданское участие молодежи малых территорий крупного индустриального региона России 722
- Арутюнов А.Г.** Реализация и легитимация результатов дистанционного электронного голосования в регионах России: особенности городских и сельских практик 738

CONTENTS

Morozova E.V. Volkova A.V. Political Urban and Rural Studies: Introducing the Issue 509

POLITICAL URBAN STUDIES: THE CITY FACING NEW CHALLENGES

Bardin A.L. The Creative Potential of the City in the Context of Digitalization..... 519

Vulfovich R.M., Mayboroda V.F. Political and Public-Legal Subjectivity of Urban Agglomerations..... 539

Podobueva V.A. “The Right to the City” and Politicization of Urban Space: A Brief Literature Review..... 553

Feng Sh. The Impact of Urbanization and Population Policy on China’s Economy 564

PUBLIC POLICY IN URBAN SOCIAL LANDSCAPES

Volkova A.V., Kulakova T.A. Twin Cities Movement in the Development of Regional Policy: The Experience of the New Territories..... 581

Kolba A.I., Orfanidi E.V. The Institutionalization of Urban Communities of Major Regional Centers of the Russian Federation in the System of Political Conflict Management: Limits of Possibilities 601

Paliy K.R., Paliy R.R. Policy and Practice of Revitalization of Industrial Heritage as a Factor in Improving the Quality of the Urban Environment of St. Petersburg 614

Kolykhalov M.I. The Genesis of Dubai as a World City..... 630

Kurochkin A.V., Dedul A.G., Shalev L.S., Babyuk I.A. Digital Systems in Public Policy and Urban Planning: Lobbying, Examples, and Recommendations for Further Application 647

Ukhanova Yu. V. The Interaction of Society and Authorities in Urban Development: The Case of Big Cities of Northwestern Federal District. 663

THE “DIFFICULT CHILD” OF POLITICAL SCIENCE: THE DISCOURSE OF RURALISTICS

Miroshnichenko I.V., Samarkina I.V., Tereshina M.V. The Leadership in the Institutional System of Rural Development Policy: The Results of the Empirical Study in Krasnodar Region..... 677

Rakachev V.N. The Rural Areas of the Krasnodar Territory in the Context of Spatial Development Policy: A Socio-Demographic Aspect	699
Pevnaya M.V., Tarasova A.N., Yakubova E.R. Civic Participation of Young People in Small Territories of a Russian Large Industrial Region	722
Arutynov A.G. Implementation and Legitimization of the Results of Remote Electronic Voting in the Regions of Russia: Features of Urban and Rural Practices	738

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-509-518

EDN: UNYYVI

Editorial article / Редакционная статья

Political Urban and Rural Studies: Introducing the Issue

Elena V. Morozova ¹, Anna V. Volkova²

¹ *Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation*

² *St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation*

 morozova_e@inbox.ru

Abstract. The increase in the political subjectivity of non-state actors, primarily megacities, has long been articulated, but still has not received sufficient understanding. The ongoing processes of urbanization and globalization, on the one hand, and the processes of deurbanization and deglobalization, clearly manifested during the pandemic, give rise to many complex tasks of political management that require new approaches both in practice and in the theory of politics. The editorial board presents the current issue of the journal devoted to analysing the problems of the city and the countryside from a political perspective, stating political urban and rural studies as a subdiscipline of political science taking its first steps.

Keywords: city, village, political subjectivity of cities, city-state, territorial branding, urban para-diplomacy, political mapping, third space, multiple heterolocal identities, rural political science, peasant studies

For citation: Morozova, E.V., & Volkova, A.V. (2023). Political urban and rural studies: Introducing the issue. *RUDN Journal of Political Science*, 25(3), 509–518. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-509-518>

Acknowledgements: The research is supported by the Russian Science Foundation and the Kuban Science Foundation within the framework of the 2021 competition “Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by individual scientific groups” (regional competition), project No. 22-18-20059 “Policy of rural development of the Krasnodar Territory: the potential of intangible resources”.

© Morozova E.V., Volkova A.V., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Политическая урбанистика и руралистика: представляем номер

Е.В. Морозова ¹, А.В. Волкова²

¹*Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация*

²*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

 morozova_e@inbox.ru

Аннотация. Возрастание политической субъектности негосударственных акторов, и в первую очередь мегаполисов, давно проартикулировано, но все еще не получило достаточного осмысления. Продолжающиеся процессы урбанизации и глобализации и встречные им процессы деурбанизации и деглобализации, ярко проявившиеся в период пандемии, порождают множество сложных задач политического управления, требующих новых подходов как практики, так и теории политики. Редакция представляет выпуск журнала, посвященный анализу проблем города и деревни в политическом ракурсе, заявляя в качестве субдисциплины политической науки становящуюся политической урбанистику и делающую первые шаги политическую руралистику.

Ключевые слова: город, село, политическая субъектность городов, город-государство, территориальный брендинг, городская парадипломатия, политическое картирование, третье пространство, множественная гетеролокальная идентичность, политология села, крестьяноведение

Для цитирования: Морозова Е.В., Волкова А.В. Политическая урбанистика и руралистика: представляем номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. 509–518. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-509-518>

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ и КНФ в рамках конкурса 2021 г. «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс), проект № 22-18-20059 «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов».

You are reading the issue dedicated to the relationship of the social and political spaces of urban and rural areas — a topic that reflects one of the most significant contradictions and dilemmas of the 20th and 21st centuries. Politics, as a struggle for power, as the implementation of policies, as a way of coordinating public interests, takes place in a specific space. The administrative-territorial division of Russia includes 150 thousand settlements, more than 18 thousand urban and rural communities, and more than 2300 municipal and urban districts. And in these micropolities, various political entities — from government bodies to urban and rural network communities — come up with ideas and projects for the development of their territories. These are also the places where local political elites and local identity and political culture are formed.

Research at the turn of the 20th and 21st centuries led to significant changes in the methodology and theory of political science. One of the most significant trends was the shift of research interest from the problems of nation-states to the special features of how transnational structures function and influence political subjects. The priorities of real politics and political subjectivity are shifting accordingly from the regional to the local level.

Today, urban studies, as a direction that analyzes the functional changes in the problems of cities and, above all, megacities, is perceived not only as a part of economic science, but also as a section of social sciences that considers the issues of the historical formation of city districts, urban ecology, and the protection of historical and cultural monuments, the problems of improving the environment and civil communications.

At the end of the 20th century, academician N.N. Moiseev [2000] characterized the growth of megacities as a “natural phenomenon” and the result of the self-organization of society; after a quarter of a century, this thesis is being backed by all new and new examples. Urbanization in many regions and countries of the world is not completed, the growth of cities and megacities continues. One of the options for solving the problem of determining the boundaries of the city has become the recently emerging trend of focusing on development in the logic of the formation of agglomerations. According to the 2021 census data¹, 16 agglomerations with centres in Moscow, St. Petersburg, Yekaterinburg, Kazan, and other large cities fall under these parameters in our country, where the city is an active core, sets the direction and meaning of the development of the territory. In Russia, over 70 % of the population lives in cities and other types of urban-type settlements, and the name of most subjects of the Russian Federation is determined by cities (Voronezh Region, Krasnodar Territory, Moscow Region, etc.). Given sparsely populated territories, uneven development of regions and a request for changing the borders for cities of federal significance (Moscow and St. Petersburg), the abovementioned problem seems to be very relevant for Russia. The breadth of the problems considered in public discussions shows that the logic of the existence of agglomerations is subject to significant criticism, although more than a hundred agglomerations that have been formed or are in the process of formation already have a significant impact on public policy management.

We can state that several countries (de facto city-states, such as Singapore) are approaching the actual definition of the city, and the management of Moscow and St. Petersburg, as projects of the super-agglomeration of the future, can be correlated with the government of a whole country in terms of the complexity of tasks and their

¹ Rosstat presented preliminary figures on the population in the regions of the country according to the All-Russian Population Census. Retrieved May 21, 2023, from <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/166784>

resources. The formation of the “Greater Sochi” agglomeration reflects global trends and makes us think about the role of citizens in the political life of society since original political ideas are produced and accumulated, new concepts of life are formed, and communication and electoral technologies are tested particularly in cities.

Large cities form their own socio-political practices and traditions of collective civic engagement, which are often innovative and ground-breaking. Urban planning and management, traditionally defined to the greatest extent by economic, pragmatic, and aesthetic functions, in modern realities, appear as political affairs, the result of complexly built communication processes.

If these aspects are not taken into account, urban planning will not solve the problem of optimizing urban space, which can lead to losing the social functions of the city, the true meaning of which is traditional, fixed locations, points and spaces of communication between citizens. Historically conditioned points of attraction provide an opportunity to combine meanings, and synergy from the mutual exchange and multiplication of resources, as, for example, the complex work of the Pskov Krom, the Kazan Kremlin, the Plotinka of Yekaterinburg, the Palace Square of St. Petersburg.

Megacities often create their own, very original constructions of power or models for organizing electoral processes, including the use of big data technology, artificial intelligence and blockchain in governance. At the same time, modern researchers around the world are worried and alarmed by the costs of the digital revolution and the destructive types of online civic activity (vigilantism, shaming), which are most relevant for large cities.

The interest of the political science community is not limited to studying the development problems and prospects of megacities. Small towns and urban-type settlements pose several questions to modern researchers, the answers to which, of course, will contribute to the growth of political knowledge. Small towns, where throughout the history of Russia, most citizens lived, determining the socio-cultural image of the Russian province and human capital, today can still rightly be called the backbone of the large country. It is these small towns that are more likely to require state support compared to large metropolitan areas.

Indeed, around the world, the prospects and dynamics of small settlements depend on the economic and political situation in the country and the world, as well as on the interests of states and the prospects for domestic politics. At the same time, the study of domestic and foreign experience in the functioning of small towns allows us to speak of significant reserves of spatial and institutional development.

The industrial revolution, general informatization and increased mobility of the population are forcing small towns and rural settlements to be actively involved in determining their competitive advantages and building the city’s image for ground-breaking positioning based on history, culture, customs, folklore, and the latest technologies. The development of communication technologies, improvement of infrastructure, and investments by the state in the development of the road

network create opportunities for the full functioning of both business and civil society. By and large, we are talking about creating a single space in which small towns complement the agglomerations of megacities. This is how the positioning and development of brands of such cities as Veliky Ustyug (the Votchina of Grandfather Frost), Kostroma (the Birthplace of the Snow Maiden), Lipin Bor (the Kingdom of the Golden Fish), etc.

From the standpoint of the need for a competent alignment of domestic policy and the development of tourism, monument cities deserve special attention, where there is a very high concentration of cultural heritage sites (Kirillov, Suzdal, Totma, Ples, Gorodets, etc.). Favourable conditions for the development of domestic tourism, the formation of tourist routes of national significance, should be supported by the state, business, and civil society structures.

One of the most difficult topics for public discussion by professional political scientists is the life and processes of public policy in the most “non-public” territories, in closed administrative-territorial formations (ZATOs), where all public services and structures and local governments are focused on special production and processes to ensure the safe functioning of organizations engaged in the development, manufacturing, storage of weapons, to ensure the processing of strategically important materials. The efforts of the state and civil society to ensure the rights, freedoms and interests of citizens are important both in practical and theoretical terms to ensure manageability and achieve high levels of public satisfaction, including in cities that ensure the country’s defence capability and the security of the state, where the regime access and requirements for the protection of state secrets require special living conditions for citizens.

The growing importance of the emotional factor in the management of modern public policy actualizes such topics as the study of “angry” citizens, new readings of Lefebvre’s [Lefebvre 2015] “right to the city” and aggravated under the conditions of the “new reality”, especially during the pandemic.

The desire to actively and consciously transcend formal political and administrative boundaries, in turn, leads to fundamental changes in the social, economic and political identity of the communities involved. Scholars and politicians around the world are forced to take into account the power of urban para-diplomacy: public speaking, demonstrations, publications, symbolic urban ceremonies and exchanges. As a vivid example of the consequences of the “axiological turn” in the theory and practice of public administration, one can cite the interest in the formation and study of the axiosphere of cities and regions, the growing attention to such a phenomenon as twin cities, etc.

The burning question of who owns the urban space and how to implement this right in practice leads to the need to study the relationship between the political and non-political in urban life, the idea of political mapping of cities, monitoring network practices and studying the “third spaces” of urban everyday life.

Scientific schools of Tomsk State University, St. Petersburg State University, and researchers from Moscow, Perm, and Krasnodar Krai have accumulated significant empirical and theoretical material and implemented numerous grants and projects.

The institutionalization of political urban studies in Russian political science can be characterized as lagging, and its formation as an independent branch is far from complete. The appearance in the structure of the Russian Association of Political Science of a corresponding working group, and later — in 2022, the research committee on political urbanism, was, on the one hand, the recognition of a significant scientific backlog, and on the other, the advancement of trust and the desire to stimulate promising interdisciplinary research into the political space of the city, urban life, and public policy processes.

If political urban studies in Russia took the first steps in the process of institutionalization, then rural issues have been on the periphery of research interests in domestic political science for a long time. Everything connected with the village was perceived by the “urbanistic” optics of most researchers as an attribute of the outgoing traditional society, the study of which does not excite the scientific imagination of a political scientist. If sociologists, relying on the foundation of the classical works of P. Sorokin [Sorokin, Zimmermann 1929] and T. Shanin [2019], have quite successfully developed such a direction as the sociology of the village over the past decades, then in the problem field of Russian political science rural studies, or “the political science of the village”, are at the stage of a difficult start.

Outside of Russia, a direction of interdisciplinary research has been developing for a long time, which is literally called *rural studies*: it unites the representatives of almost all social sciences and humanities, including political scientists. The results of successful interdisciplinary collaboration are several encyclopedic publications [Cloke, Marsden, Mooney 2006] and authoritative scientific journals². The Russian interdisciplinary direction was called peasant studies, its institutional core was the Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences and the Center for Agrarian Research of the RANEPa. The HSE Institute for Agricultural Research, established in 2018, has become a new research centre.

Local rural communities have become the focus of development policies, the most important direction of which is the development of the agricultural sector of the economy and rural territories, not only because of their economic potential and the relevance of food security issues but also as guardians of the cultural and natural landscape, supporting recognizable universally significant markers of national identity [Semenenko 2019]. At the meeting of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, dedicated to the study of rural issues, it was especially noted that rural areas,

² The most representative and significant journal for understanding the phenomenon we are describing is the *Journal of Rural Studies*.

in addition to the main task of feeding the country, have a civilizational mission — the reproduction of national identity³.

The socio-political realities of recent years, including the tectonic geopolitical processes taking place in front of our eyes, act as powerful accelerators of rural research. Public administration institutions in countries and regions of the world respond to these changes by revising ideas about the development of rural areas: strategic decision-making on the development of the village is transferred from peripheral positions to the centre. The main factors prompting the nomination of the village among the strategic priorities are national food sovereignty and the problem of food shortages, the experience of mass migration of the urban population to the countryside during the COVID-19 pandemic, the digitalization of economic and social processes and the situation of digital inequality, which manifests itself both in regional and local levels.

The classic triad of “rurality” — living in the countryside, employment in agricultural production and adherence to traditional values — is rarely found today in the unity of all three components. In the modern world, multiple heterolocal identities are being formed, tied to several places of residence at once; there is a hybridization of “rural” and “urban”, a mixture of lifestyles. Rural labour is diversifying, and a rural precariat is emerging. The new actors of rural development are represented by people who were previously far from village life — the military, who retired and settled in whole “colonies” in the countryside, residents of eco-villages, groups of parents with multiple children who moved to the countryside for permanent residence. These migratory flows are in line with the global trend of ruralization. Digitalization and the rapid rise of social media have given life to a new subject of rural identity formation — rural bloggers. Many of them have audiences of thousands and even millions, and most of them combine work in personal subsidiaries or peasant farming with blogging.

The study of rural subjects requires special attention to regional features and the specifics of the development of rural areas. There are significant disproportions in the development of rural areas in different regions, and the reason may be not only natural and climatic differences but also the quality of management. The ongoing depopulation of rural areas adds drama to these processes.

The 2022 events in the Netherlands showed the super-urgency of the “rural” agenda — the Farmers and Citizens party, created on the wave of farmer protests, won in March 2023 regional elections in most (three-quarters) of the country’s provinces⁴. The farmers’ protest was directed against the government’s plans to close several farms or significantly limit their productivity, and in a broader context against the absurdization of the “green agenda” at the political and managerial level. The above

³ RAS: the reason for the plight of the village is the lack of funding. Regnum (Electronic Resource). Retrieved April 28, 2023, from <https://regnum.ru/news/innovatio/3148979.html>

⁴ Dutch farmers return the flags to the correct position. Peasant news. Agrobusiness newspaper (Electronic Resource). Retrieved April 28, 2023, from <https://kvedomosti.ru/?p=1134592>

example is only one of a deep demarcation between the “green radicals” and the producers of agricultural products that has manifested itself in many countries.

The study of modern problems of the city and the countryside gives wide scope for the use of interdisciplinary research strategies, the formation of network expert communities and network information resources. This issue of the journal is aimed, among other things, at stimulating interest and highlighting the most promising research issues, and the editorial board very much hopes for the continuation and expansion of research topics within the framework of the directions stated here, for intensifying discussions and a fruitful exchange of views on such significant for modern Russian political science and public policy topics such as political urbanism and contemporary rural studies.

The first part of the volume, devoted to the theoretical foundations of political urban studies, opens with an article by *A.L. Bardin (E.M. Primakov IMEMO)* on the search for new resources for the development of urban strategies in the context of digitalization. *R.M. Vulfovich and V.F. Mayboroda (Northwestern Institute of Management RANEPA)* show the possibilities and limitations of legal and organizational nature for the formation of management systems for urban agglomerations. A young scientist from the *RUDN University named after Patrice Lumumba V.A. Podobueva* studies the politicization of the urban environment, summarizing the most significant theoretical developments of modern English-language scientific literature. And *Shide Feng (MGIMO University)* analyzes the relationship between urbanization, demographic policy, and economic growth in China.

The second part is devoted to the diversity of practices of urban political development. It is presented by case studies of Russian cities, new territories, and an important place for the modern Russian elite — Dubai — the sister city of Moscow⁵. *A.V. Volkova and T.A. Kulakova (St. Petersburg State University)* comprehend the institution of twin cities (very widespread in international practice, however vaguely defined) and its unobvious prospects in the context of the developing international crisis, at the same time focusing on the achievements and difficulties of twinning St. Petersburg and the cities of the “new territories”, first of all, Mariupol. *A.I. Kolba and E.V. Orfanidi (Kuban State University)* are engaged in the political institutionalization of urban communities and record the growth of their subjectivity with their simultaneous insufficient involvement in the system of political governance at the city level. *K.R. Paliy and R.R. Paliy (Northwestern Institute of Management of the RANEPA)* address the political problems that cause the deindustrialization of cities in the context of globalization. They see a way out in the policy of revitalizing industrial facilities as a model for the development of the urban environment based on cultural identity, as well as in the organization of new public spaces and the creation of conditions for the development

⁵ International Association "Twin Cities" Retrieved May 23, 2023 from Retrieved from https://web.archive.org/web/20160601181101/http://goroda-pobratimy.ru/index/spisok_porodnennykh_gorodov_2/0-12

of cultural dialogue. *M.I. Kolykhalov (Siberian Institute of Management — a branch of RANEPA)* explores the process of Dubai’s formation as a “world city”, which has passed through a series of stages from a “major city”, through “international” and “global” without visible historical, geographical, and economic prerequisites, only due to the political will of the UAE authorities. *A.V. Kurochkin (St. Petersburg State University, RUDN)* together with young scientists *A.G. Dedul and L.S. Shalev (St. Petersburg State University)* is studying the deployment of innovative management technologies (digital systems) for the management of both business enterprises and urban and municipal entities, which brings both new opportunities and new risks. *Yu.V. Ukhanova (Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)* explores the features of offline and online practices of interaction between the public and authorities and the conditions for their formation in urban development issues.

The chapter dedicated to the political theory of the countryside opens with an article by leading Russian authors on this topic — *I.V. Miroshnichenko, I.V. Samarkina and M.V. Tereshina (Kuban State University)* on the role of intangible resources for the development of rural areas and the formation of human capital in rural communities. The School of Rural Studies of *KubSU* is also represented by an article by *V.N. Rakachev*, who studies the policy of spatial development of the territories of the Russian Federation on the example of the Krasnodar Krai. *M.V. Pevnaya, A.N. Tarasova and E.R. Yakubova (Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin)* examine the problems of settlement development in the context of civic participation of young people in small towns and rural settlements in comparison with the behaviour of young residents of large cities. Moreover, the traditional chapter for our journal — “Political Science of Youth” [Popova, Kazarinova 2021], was not left without meaningful content. The article by *A.G. Arutynov (Lomonosov Moscow State University)* on the peculiarities of urban and rural practices of preparation (including political technology), implementation and legitimation of remote voting results completes the section and the entire issue.

Received / Поступила в редакцию: 11.05.2023

Accepted / Принята к публикации: 15.06.2023

References

- Cloke, P., Marsden, T., & Mooney, P. (Eds.). (2006). *Handbook of Rural Studies*. London: Sage Pub.
- Lefebvre, H. (2015). *Le droit à la ville*. 3-e édition. Paris.
- Moiseev, N.N. (2000). *The fate of civilization. The Path of Reason*. Moscow: Yaz. rus. Kultury. (In Russian).
- Popova, O.V., & Kazarinova, D.B. (2021). In search of political youth studies as a subfield of political science: Editorial introduction. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 9–17.
- Semenenko, I.S. (2019). The rural local community in development policies in Europe: Discourse and agency. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 20(3), 6–27. (In Russian).

- Shanin, T. (2019). *The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925*. Moscow: Delo. (In Russian) [Shanin, T. (1972). *The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925*. Oxford: Clarendon Press.].
- Sorokin, P., & Zimmerman, C. (1929). *Principles of rural-urban sociology*. New York: H. Holt.

About the authors:

Elena V. Morozova — Doctor of Science in Philosophy, Professor of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (e-mail: morozova_e@inbox.ru) (ORCID: 0000-0002-1369-7594)

Anna V. Volkova — Doctor of Science in Political Sciences, Professor, Department of Political Governance of the Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (e-mail: AV.Volkova@rambler.ru) (ORCID: 0000-0002-3687-5728)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ УРБАНИСТИКА: ГОРОД ПЕРЕД НОВЫМИ ВЫЗОВАМИ

POLITICAL URBAN STUDIES: THE CITY FACING NEW CHALLENGES

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-519-538
EDN: UUTVUE

Научная статья / Research article

Креативный потенциал города в контексте цифровизации

А.Л. Бардин

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия

✉ andreybardin@gmail.com

Аннотация. В условиях ограниченности ресурсов и множественности кризисов, социально-политической напряженности, дисбалансов развития и других вызовов, для городов и городской политики особую актуальность приобретает поиск новых ресурсов развития и разработки стратегий и программ по их наращиванию и реализации. В качестве такого рода нематериального ресурса развития рассматривается креативный потенциал города. Цель исследования — проанализировать значимые аспекты и выявить механизмы, перспективные для городской политики развития креативного потенциала учреждений культуры и креативных индустрий, релевантные в контексте процессов цифровой трансформации. Использованы методы изучения кейсов, анализа стратегических и программных документов, отчетов о работе городских администраций, СМИ. Отдельное внимание уделено периоду пандемии, который продемонстрировал значительную уязвимость сферы культуры и креативных индустрий высокий уровень ее потребности в государственной поддержке, однако также способствовал созданию инновационных продуктов, возникновению новых форм самоорганизации участников отрасли и разработке целевых мер поддержки со стороны городских властей. Сделаны выводы о значимых для развития отрасли инструментах, таких как стратегии цифрового развития, представлены предложения по конкретным управленческим и организационным практикам, способным содействовать реализации креативного потенциала города.

© Бардин А.Л., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: город, идентичность, нематериальные ресурсы развития, информационно-коммуникационные технологии, культура и креативные индустрии, инновации, политика развития, меры поддержки

Для цитирования: Бардин А.Л. Креативный потенциал города в контексте цифровизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. 519–538. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-519-538>

The Creative Potential of the City in the Context of Digitalization

Andrei L. Bardin

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ andreybardin@gmail.com

Abstract. Limited resources, multiple crises, socio-political tensions, development imbalances, and other challenges encourage cities to search for new development resources, especially intangible ones, and policies to tap into their potential. The research considers the creative potential of the city as an intangible development resource of this kind. The study aims to analyze the significant aspects and identify the mechanisms that are promising for cities to develop their creative potential in the context of digital transformations. The author analyzes several cases, numerous program and strategic documents, reports, and publications, paying particular attention to the period of the COVID-19 pandemic. The global crisis demonstrated that organizations in the creative sector are highly vulnerable and need substantial government support. However, it also contributed to the creation of innovative products, gave impetus to the emergence of new forms of self-organization, and tailored support measures coined by the city administrations. The crisis also highlighted the crucial role of ICT tools and digital strategies in the survival and competitiveness of many organizations from the cultural and creative sectors. In this context, and considering the key industry trends, the article discusses possible points of growth and promising formats of interaction between the industry and the city administrations. In conclusion, the author suggests specific tools significant for the development of the industry, such as digital development strategies, as well as organizational practices that can contribute to the realization of the creative potential of the city.

Keywords: city, identity, intangible development resources, information and communication technologies, culture & creative industries, innovation, development policy, support measures

For citation: Bardin, A.L. (2023). The creative potential of the city in the context of digitalization. *RUDN Journal of Political Science*, 25(3), 519–538. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-519-538>

Введение

Города обладают значительным потенциалом как *территории развития* — пространства, содействующие росту человеческого капитала, производству знания, его трансформации в продукты и услуги и их реализации

на практике. Этот потенциал связан прежде всего с ростом населения крупных городов, которое за последние 40 лет более чем удвоилось, а к 2050 г. может достигнуть 5 млрд жителей. Города входят в число ведущих политических акторов и акторов развития современного мира, что связано как с тем, что именно на уровне городов аккумулируются ключевые ресурсы экономики знаний [Curtis 2016], так и с определенной эрозией и изменением функций государства, которое находится «в процессе интенсивной и далеко еще не завершившейся трансформации» [Государство... 2020: 106]. Глобальная конкуренция за инвестиции, технологии и таланты происходит главным образом именно между городами, которые постоянно совершенствуют арсенал средств для этой борьбы — программы по привлечению специалистов, капиталов, системы стимулов для роста местных и привлечения сторонних компаний и инновационных стартапов и т.п.

Город как политический актор обладает существенной спецификой по сравнению с государством, регионом, территорией: к таким отличительным чертам относится концентрация власти, ресурсов управления и вместе с тем необходимость постоянно учитывать интересы широкого круга стейкхолдеров, поддерживать многообразные прямые и обратные связи с жителями города, предпринимателями, корпорациями, с другими городами, решать широкий спектр проблем городского развития. Города, особенно мегаполисы, в высокой степени подвержены влиянию региональных, национальных и глобальных политических изменений, которые оказывают влияние на локальные институты — а те, в свою очередь, инициируют изменения на микроуровне [Kara 2019: 112]. Все это обуславливает значимость стратегического планирования как превентивной меры против «’тирании незамедлительного’, которое часто обусловлено политической конъюнктурой и ведет к тому, что будущее приносится в жертву настоящему» [Mulgan 2009: 3].

Тем не менее далеко не все города, даже в странах с развитой экономикой, смогли разработать комплексные стратегии развития, которые способствовали бы структурированию коллективного мышления акторов городского развития, их «разговору на общем языке», становлению города как цельного политического института [Douglas 1986]. Так, из городов Европы, для которых задача привлечения высококвалифицированных мигрантов весьма актуальна (на фоне жесткой конкуренции со стороны, прежде всего, США и Китая), «лишь немногие... могут гордиться комплексными стратегиями... Чаще всего соответствующие меры носят запоздалый характер и принимаются в крайне неблагоприятных условиях массовой утечки мозгов, которая угрожает конкурентным позициям города» [Квашнин 2022: 56]. Аналогичная ситуация наблюдается и в России, где она зачастую касается большинства сфер жизни города и усугубляется неравномерностью территориального и социально-экономического развития. Исследователи констатируют отсутствие у значительного числа российских городов не только отраслевых концепций, но и понимания общего вектора развития: по некоторым оценкам, «85 % городов страны (950 городов из 1117) не имеют ни федерального,

ни регионального, ни локального видения будущего направления развития. Эти города как бы замерли в индустриальном XX в.» [Журавлева 2022: 166]. В данной ситуации одной из ключевых задач управления является поиск *новых ресурсов развития* городов, которые могли бы лечь в основу стратегий и программ, «максимально сконцентрированных на возможностях, а не на задачах и проблемах» и объединяющих не только «комплекс стратегических решений..., но и спектр тактических действий в рамках ограниченных ресурсов» [Там же: 178]. Данная задача прежде всего актуальна для средних и малых городов, особо нуждающихся в диверсификации экономики, наращивании ее несырьевой составляющей, в новых рабочих местах, источниках локального роста и повышения качества жизни.

В контексте наблюдаемых дисбалансов развития представляется, что наиболее урбанизированные страны все более будут двигаться в направлении, по которому сегодня идет, например, Китай — переходить к политике более равномерного территориального развития, нацеленной на избежание дальнейшего перенаселения городов за счет оттока населения и обеднения сельских территорий. Одним из факторов реализации такого политического курса выступает то обстоятельство, что многие негородские пространства за последние десятилетия претерпели и продолжают испытывать трансформации, которые приближают образ жизни в них к городскому (прежде всего благодаря совершенствованию инфраструктуры, например, телекоммуникационной), и в развитых странах все более в прошлое уходит «антагонизм города и деревни».

К примеру, Герхард Шмидт, профессор информационной архитектуры Цюрихского технологического университета, осмысливает перспективы этого процесса в терминах концепции «пульсирующих городов»: население городов будет колебаться в зависимости от того, прибывают ли в них жители других территорий для работы, получения образования или взаимодействия с местной культурой, либо, напротив, уезжают в том числе в прилегающие местности (пользуясь транспортной инфраструктурой высокой пропускной способностью). В основе концепции лежит идея о том, что город «приходит в деревню», располагаясь по соседству с ней как место, где жители сельских территорий могут удовлетворить свои социокультурные и экономические потребности, не переезжая на постоянное жительство в один из главных мегаполисов страны. Строительство таких городских кластеров призвано стимулировать людей не покидать свое исконное место жительства, тем самым стабилизировав региональную миграционную ситуацию. Такое решение может помочь жителям прилегающих территорий избежать перенаселенности и стрессов мегаполисов, при этом пользуясь их ключевыми преимуществами. Результатом такого подхода, полагает автор, станет формирование постурбанистических территорий (*scapes*), сочетающих в себе черты как города, так и сельской территории¹.

¹ Schmitt, H. How to Create sustainable, Pulsating Cities of the Future // The Huffington Post. 11.05.2015. URL: https://www.huffpost.com/entry/sustainable-cities-future_b_7236992 (accessed: 07.02.2023).

Идентичность и нематериальные факторы развития

Развитие города сопряжено с постоянным поиском компромиссов и баланса на всех уровнях — от локального до международного. Так, глобальные города с передовой инфраструктурой и широким спектром источников для индивидуального и организационного роста, как правило, отличаются высокой стоимостью жизни и ведения бизнеса. В условиях дефицита финансирования и ужесточения конкуренции приобретает особое значение факт наличия либо отсутствия у города четкого понимания целей, задач, действенных инструментов политики развития и их соответствия имеющимся ресурсам. Однако, увлекаясь логикой «город как средство извлечения прибыли», муниципалитеты часто обходят вниманием то, в каком направлении город движется с точки зрения ценностей и смыслов и насколько это движение соответствует и способствует проявлению городской идентичности, которая является важным ресурсом развития — не менее значимым, чем инвестиции или инфраструктура. Впрочем, некоторые эксперты придерживаются той позиции, что роль идентичности в данном смысле амбивалентна: так, известный архитектор Рем Колха отмечает, что город, щепетильно относящийся к собственной идентичности, безусловно обладает особостью и «магнетизмом» (*magnetic city*). Однако такие города «сопротивляются» изменениям и тем более существенным трансформациям; в этом отношении куда больше свободы имеют «города для всех» (*generic city*), свободные от истории и контекста — они куда более открыты к альтернативам и могут сосредоточиться на развитии всего того, что функционально и рационально [Koolhaas, Mau 1995].

Еще один проблемный аспект связан с тем, что в условиях «текущей современности» [Бауман 2008], усложнения и ускорения всех процессов, прежде всего коммуникационных, городская идентичность зачастую сводится муниципалитетами к набору символических элементов, которые могут быть использованы как инструмент брендинга и маркетинга города. Подобная инструментализация идентичности, эксплуатация ее формы при отсутствии «полезной работы» с ее многогранным содержанием может являться причиной возникновения различного рода размежеваний и конфликтов. Многие города придерживаются уже устоявшихся символов и избегают кампаний по разработке новых брендов города именно по причине частого непринятия общественностью их результатов: крайне сложно создать бренд, который устроит всех, избежав приоритизации одних аспектов и целевых групп за счет других.

Для минимизации рисков возникновения новых и обострения уже имеющихся размежеваний, связанных с идентичностью, необходимы тонко настроенные управленческие инструменты, такие как механизмы включения в жизнь города и обеспечения представительства широкого круга социальных групп, диверсификации каналов реализации интересов, идей и потребностей их представителей обеспечения культурно чувствительного городского развития (*culturally more sensitive urban development*). Город в этом ключе рассматривается как хаб множественных культур и общностей, для которых необходимо обеспечить максимальную представительность [Hudson, Nyseth, Pedersen 2019].

Таким образом, очевидна важность работы с различными *нематериальными ресурсами развития*, в том числе на уровне городов. Их многообразие «способствует достижению принципиально нового уровня качества жизни населения с учетом потребностей и интересов, как в городах, так и на селе»; в то же время, несмотря на свой потенциал, зачастую «нематериальные ресурсы развития территорий существуют как некие ‘воздушные’ феномены» [Мирошниченко, Морозова 2022: 145], не осмысленные в конкретных категориях.

Теоретическим базисом для изучения такого рода ресурсов может служить разрабатываемая в таких научных центрах, как ИМЭМО РАН и Кубанский государственный университет, *концепция ответственного развития* — система теоретических установок и управленческих практик, нацеленная на решение ключевых проблем социума, повышение качества управления в сложном обществе, приведение институтов в соответствие с новыми социальными потребностями. Ответственное развитие предполагает, среди прочего, «наращивание и приоритетное использование в качестве источников развития интеллектуальных, возобновляемых ресурсов и опору на нематериальные стимулы жизнедеятельности человека. Речь идет в первую очередь о *наращивании интеллектуальных ресурсов экономических и социальных инноваций*» [Семененко 2019: 15–16]. Далее мы остановимся на креативной экономике как одной из наиболее перспективных областей с точки зрения наращивания такого рода ресурсов.

Креативные индустрии: о роли государства и самоорганизации в контексте конвергенции культуры и цифровых технологий

Согласно одному из классических и наиболее емких определений креативной экономики, она представляет собой «транзакцию творческих продуктов» [Howkins 2002]. Министерство культуры России определяет творческие (креативные) индустрии как «сферы деятельности, в которых компании, организации, объединения и индивидуальные предприниматели в процессе творческой и культурной активности, капитализации и коммерциализации прав интеллектуальной собственности производят товары и услуги, обладающие экономической ценностью, в том числе обеспечивающие формирование гармонично развитой личности и рост качества жизни российского общества»². Развитие креативной экономики имеет важное значение не только с экономической, но и с социальной и политической точки зрения.

В научной литературе представлены полярные точки зрения на роль креативных индустрий в городском развитии. Часть авторов полагает, что акцент

² Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г. 2021. URL: <http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVixBCjIAtAya8FAVDUfP.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

на развитии города как центра креативных индустрий носит скорее демонстративный характер и может быть даже вреден, так как маскирует более существенные проблемы, связанные с социально-экономическими размежеваниями и дисбалансами: «...стратегия креативного развития отвлекает внимание от радикализации центр-периферийного характера городского развития, когда центр города развивается за счет ресурсов окраин, крупные города — за счет своих обширных периферий, а страны центра капиталистической экономики имеют возможности глобально перераспределять в свою пользу наиболее выгодные ресурсы остального мира» [Кочухова, Мартыанов 2019: 52–53]. Многие авторы отмечают, что проекты в этой сфере часто «подвисают в воздухе»: например, развитие вновь созданных креативных кластеров буксует, так как им не удается обзавестись постоянной аудиторией и они сильно зависимы от внешних источников финансирования [Namyślak 2020]. Другие авторы более оптимистичны и приходят к выводу, что культура и креативные индустрии вносят значимый положительный вклад в регенерацию городов, в особенности центра города, так как позволяют задействовать потенциал городской идентичности и культурных традиций для создания новых продуктов и услуг, развития культурного туризма, культурно насыщенных и привлекательных общественных пространств [Pourzakarya, FadaeiNezhad Bahramjerdi 2019: 11]. Представляется, что эффект от целевых программ поддержки креативных индустрий сильно зависит от локального контекста, однако запрос на такие программы однозначно существует и продолжает расти.

В этой связи в России на всех уровнях управления, и прежде всего на городском уровне, идет поиск подходов к развитию сферы креативных индустрий, что делает актуальным изучение историй успеха других стран, одна из которых принадлежит Южной Корее и феномену «Корейской волны» (*Hallyu*), который заключается в огромной международной популярности творческих продуктов, созданных в стране. Представляется уместным рассмотреть некоторые реперные точки корейского кейса с точки зрения управленческой практики (акцентировав внимание на одном из наиболее успешных направлений — киноиндустрии). Данный кейс видится релевантным не только потому, что перед Россией сегодня стоят задачи, схожие с теми, что решались Южной Кореей (задействование потенциала идентичности, консолидация национальной культуры, создание конкурентоспособных продуктов креативных индустрий, их популяризация за рубежом), но и потому, что в данном кейсе важную роль сыграла интеграция культуры и информационно-коммуникационных технологий, возможности которых сегодня вышли на новый уровень. В свою очередь, именно сквозь эту призму (цифровизации культуры) мы далее рассмотрим ряд заслуживающих внимания практик уже из недавнего прошлого — в том числе в период пандемии.

Первые усилия южнокорейского государства в формировании национальной культурной политики выразились в подготовке «первого пятилетнего плана культурного развития» в 1974 г., нацеленного прежде всего на сохранение культурного наследия и традиций страны. В 1995 г.

государственный курс в отношении медиа и культуры изменился в связи с трансформациями этой сферы — экспансией кабельного и спутникового телевидения. Государство направило значительные усилия на поддержку ИКТ, а президент Ким Ён Сам в 1996 г. заявил, что медиаиндустрия страны должна существенно повысить свою международную конкурентоспособность. Культурному развитию был присвоен высокий приоритет как *фактору развития нации*, была поставлена задача экспортировать корейскую культуру в другие страны. В русле реализации этих задач в 1997 г. правительство страны утвердило перечень из 10 «культурных символов, представляющих страну», в число которых вошел корейский алфавит, буддистские храмы и тхэквондо. Эти культурные символы стали широко продвигаться в рамках мощной PR-кампании, реализуемой правительством страны. Данный момент стал переломным в культурной политике страны, заложившим фундамент «Корейской волны» (*Hallyu*). Причина — культура, которая в официальном дискурсе ранее рассматривалась строго как совокупность традиций, которые следовало сохранять «внутри страны», перешла в категорию «продукта», *ресурса развития экономики и нации*.

При новом президенте (Ким Дэ Чжун, годы президентства 1998–2003) произошел сам феномен Корейской волны. Впервые данный термин прозвучал в выступлении президента в 2001 г., на открытии 3-й Конференции по продвижению туризма. В другой речи на Дне освобождения Кореи президент заявил, что будет поддерживать развитие культурной индустрии как «ключевой индустрии, для которой не нужны фабрики с дымищими печами». В своей речи Ким подчеркнул, что «развивать *Hallyu* (растущую популярность корейской культуры) необходимо в долгосрочной перспективе и с максимальной выгодой для экономики. Для этого необходимо развивать культуру прежде всего в части создания контента — музыки, сериалов, фильмов, анимационных фильмов, игр и новых персонажей. Культурный контент должен создавать высокую добавленную стоимость, не требуя значительных инвестиций, и при этом улучшать наш национальный имидж»³. Ким Дэ Чжун увеличил бюджетные ассигнования на культурный сектор, которые в 2000 г. достигли 0,9 млрд долл. США (более 1 % национального бюджета), а в следующем году до более чем 1 млрд долл. Значительная часть бюджета пошла на поддержку культурных индустрий: в 1999–2003 гг. государством был учрежден *Фонд поддержки кино* с капиталом в 125 млн долл., нацеленный на продвижение корейского кино. Также были запущены *программы финансовой поддержки талантов и новых деятелей сферы культуры*.

При следующем президенте страны (Но Му Хён, годы президентства 2003–2008) была сформулирована концепция и создан бренд «Креативная Корея» (Creative Korea). В 2004 г. был запущен пилотный проект «Кванджу — город-хаб

³ Kim D.J. Gogepinryeok yangseonggi gajang joongyo [Importance of nurturing of highly qualified professionals]. Address presented at Conference of Promoting Growth Industries, Seoul, Korea, 2001. http://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index04_result.jsp (accessed: 07.02.2023).

азиатской культуры», направленный на то, чтобы сделать город важным центром культурного обмена, исследований, образования и развлечений. В этом же году государство перешло к активной политике поддержки отдельных направлений культуры. Была создана *система «квот на демонстрацию фильмов»*, которая обязывала прокатчиков демонстрировать определенное количество южнокорейских фильмов, что способствовало росту национальной индустрии кино. В 2007 г. был создан новый государственный фонд поддержки кино, одна из главных целей которого состояла в поддержке независимых кинопроизводителей.

Заступивший на должность президента страны Ли Мён Бак (годы президентства 2008–2013), бывший CEO Hyundai Group, сделал акцент на выстраивании имиджа и бренда страны через «Корейскую волну». С этой целью в 2009 г. был создан *Президентский совет по национальному брендингу* — экспертный и надзорный орган, разрабатывающий программы укрепления бренда страны. Совет разработал девиз “Global Korea”, соответствующая кампания была запущена правительством совместно с технологическими гигантами Samsung, LG и Hyundai-Kia Motors, а также крупнейшими кампаниями сферы развлечений — SM, YG и JYP. В 2012 г. при Министерстве культуры, спорта и туризма было создано специальное *Бюро по продвижению Корейской волны* (это был первый случай, когда термин был использован в наименовании государственной организации). Ли Мён Бак полагал крайне важным распространить Корейскую волну на такие секторы экономики, как мода и сфера питания. Был разработан план выхода корейской кухни на глобальный рынок, в 2009 г. для его реализации был создан специальный комитет, в 2010 г. он был переименован в *Корейский продовольственный фонд* (Корейский институт продвижения продуктов питания).

Президент Кореи Пак Кын Хе (годы президентства 2013–2018) провозгласила одним из ключевых принципов развития страны «культурное обогащение». Была создана *Комиссия по культурному обогащению при президенте* — консультативный орган, в задачи которого входило проведение консультаций с деятелями культуры относительно желаемых изменений в политике страны в этой сфере. Перед Министерством культуры, спорта и туризма было поставлено десять новых задач, из которых две были непосредственно связаны с Корейской волной. Это «повышение культурного разнообразия» и «формирование креативных индустрий в русле Korean Style». Бюджет ведомства был увеличен и составил уже 2 % от национального бюджета.

В своем выступлении на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2014 г. Пак Кын Хе заявила: «Мы используем выражение ‘Корейская волна’, чтобы описать всеобщее увлечение корейской культурой. Сегодня эта волна быстро распространяется по всему миру. Когда корейская музыка недавно объединилась с YouTube, это стало мировой сенсацией. К-поп, корейские драмы и фильмы встречаются повсюду и создают новые дополнительные ценности. Когда культурные ценности каждой страны объединяются с ИТ-технологиями, возможности для создания большей добавленной стоимости становятся поистине безграничными. Действительно, это еще один

ключевой атрибут креативной экономики. Во всем мире приветствуются компании, которые успешно объединили различные культурные ценности с новыми технологиями»⁴. В политике правительства Пак акцент в развитии Корейской волны был сделан именно на ее конвергенцию с ИКТ. Так, государство оказало *организационную и финансовую поддержку нескольким концертным залам страны* (в том числе SM Town и KT K-Live в Сеуле) *в проведении виртуальных K-pop концертов с использованием революционной для того времени 3D-технологии — голограмм*. Солидная статья расходов госбюджета была направлена на поддержку экспорта корейских мультфильмов (Web-toon) на зарубежные рынки, прежде всего в США. Значительное внимание государство уделяло поддержке создателей контента *в защите их интеллектуальных и авторских прав*.

Отдельным важным направлением развития Корейской волны стало *создание за рубежом сети центров корейской культуры* (Korean Cultural Centers, King Sejong Institutes). Благодаря этим центрам южнокорейский контент креативных индустрий стал намного популярнее за рубежом. Особенно успешной считается работа Центра туризма и культуры Кореи в Париже. При этом продвижение и распространение Корейской волны стало не только инструментом развития культуры и экономики, но и важным средством формирования национальной и политической идентичности.

Подводя итоги, выделим некоторые релевантные инструменты государственной политики, направленные на поддержку локальной идентичности и ее воплощение в продуктах креативных индустрий:

- *Квоты на импорт зарубежного кино*. Изначально закупать зарубежные картины имели право только компании, показавшие успехи в производстве либо экспорте местного кино.
- *Корейская корпорация продвижения кинофильмов* (КМРРС). Доход от показа зарубежных фильмов направлялся через корпорацию на поддержку производства местного кино.
- *Создание Фонда поддержки кино* (1999) первоначальным объемом 125 млн долл. Индустрия кино переведена в статус «производительной индустрии», что открыло ее участникам доступ к новым субсидиям.
- *Налоговые льготы для МСП* (менее 1 тыс. сотрудников) с объемом продаж не более 7 млн евро.
- *Учреждение международных кинофестивалей*, таких как Международный кинофестиваль в Пусане (1996), Международный кинофестиваль в Чонджу, Международный кинофестиваль фантастики в Пучхоне. Это позволило привлечь зарубежных кинокритиков, отзывы которых сделали корейские фильмы и города проведения фестивалей международно из-

⁴ *Park G.H.* Reshaping the world through entrepreneurship, education and employment. Address presented at the World Economic Forum Annual Meeting 2014, Davos, Switzerland. http://www1.president.go.kr/news/speech.php?srh%5Bsrh_gb%5D=key&srh%5Bsearch_type%5D=1&srh%5Bsearch_value%5D=%BC%BC%B0%E8%B0%E6%C1%A6%C6%F7%B7%B3&srh%5Bview_mode%5D=detail&srh%5Bseq%5D=4354 (accessed: 07.02.2023).

вестными. Примечательно, что на время проведения кинофестивалей к каждому зарубежному кинокритику был приставлен персональный переводчик, чтобы обеспечить нетворкинг с местными режиссерами и знакомство с их работами.

- *Поддержка проведения совместных кинофестивалей с зарубежными странами (обмен фильмами).*
- *Финансирование совместных кинопроектов корейских компаний с зарубежными.* Субсидирование поездок за рубеж для корейских производителей киноконента для обучения техническим навыкам кинодела и изучения зарубежного кино.
- *Создание инфраструктуры* (площадок для производства кинопродукции, киностудий), предоставление их в аренду компаниям-производителям конента на льготных условиях.
- *Программа подготовки кадров* для желающих работать в вещательной индустрии и повышения квалификации для текущих сотрудников.
- *Программа открытых запросов:* все желающие могли прислать на конкурс свои идеи новых фильмов и сценарии.
- Фиксирование в официальных документах статуса культуры и креативных индустрий как *национального достояния* и экономически значимой индустрии.
- *Создание институтов международного продвижения* — Президентского совета по национальному брендингу, Бюро по продвижению Корейской волны, Корейского продовольственного фонда, сети центров корейской культуры (Korean Cultural Centers, King Sejong Institutes).
- *Субсидирование* участия национальных компаний в международных выставках, подготовки переводов корейских медиапродуктов на зарубежные языки и субтитров, реализация целевых программ продвижения корейских медиапродуктов на рынки зарубежных стран.

Представляется, что элементы этих практик могут быть задействованы при разработке политики городского развития, стратегий и инструментов в сфере креативной экономики.

Пандемия, «цифра», культурная политика и креативная экономика

Необходимо также уделить внимание другим важным практикам, связанным с культурной политикой, политикой идентичности и их «цифровизацией», которые возникли на городском уровне в период пандемии COVID-19 (коронакризиса), а также урокам этого периода.

Культура и креативная экономика оказались в числе сфер, понесших наибольшие потери вследствие пандемии, однако этот период стал и временем возникновения новых партнерств и антикризисных решений, в том числе на базе цифровых технологий, позволив выявить ряд «узких мест» в развитии сектора. Так, в период карантина необходимость полного перехода в онлайн-пространство, связанная

с массовым закрытием офлайн-площадок, таких как музеи и галереи, выявила ряд институциональных проблем учреждений культуры, которые затруднили их функционирование в новых реалиях и выступали «узким местом» в их развитии в целом. Ключевыми здесь представляются следующие две проблемы.

Во-первых, многие из учреждений культуры, придерживаясь консервативных позиций, все еще не разработали собственные стратегии цифровизации либо еще не приступили к их реализации и не имеют опыта интеграции объектов своего фонда с ИТ-инструментами их презентации и выстраивания нарративов в цифровом пространстве.

Во-вторых, в связи с тем, что понимание многими учреждениями культуры своих *целевых аудиторий, их потребностей и предпочтений* остается фрагментированным, а также в связи с недостатком опыта цифровой коммуникации такие учреждения испытывают сложности с выстраиванием пользовательского опыта и пути (*user journey*) — впечатлений и эмоций, возникающих, например, у посетителя интернет-сайта музея. Это сильно затрудняет работу в онлайн-пространстве, где учреждениям культуры пришлось конкурировать за внимание пользователей со множеством других производителей цифрового контента.

Примечательно, что данная проблема относится не только к упомянутому онлайн-аспекту, но и к взаимодействию с аудиторией в широком смысле и сигнализирует о недостаточной настроенности механизмов социального диалога между учреждениями культуры и обществом. Наибольшую устойчивость перед лицом кризиса показали учреждения, уже имевшие опыт такой работы, — прежде всего те, кто приступил к реализации собственных стратегий цифровизации, в рамках которых часть объектов фондов переводилась в электронный формат и налаживались инструменты взаимодействия с онлайн-аудиторией.

Вместе с тем уникальность сложившейся ситуации заключается в том, что коронакризис, хотя и привел к серьезным убыткам и уходу из коммерческой сферы многих ее участников, также имел немало положительных последствий. Важнейший положительный социальный эффект связан с ролью «спасательного круга», которую культура и креативные индустрии сыграли в период кризиса, облегчив преодоление многими людьми психоэмоциональных трудностей, связанных с пребыванием на карантине / самоизоляции. Многие продукты культуры в этот период приобрели статус продуктов первой необходимости, причем не только развлекательные, но и образовательные, такие как лекции и экскурсии, которые широкий круг людей открыл для себя впервые. Коронакризис напомнил о том, что культура играет важную роль в гармонизации отношений человека с окружающим миром. Представляется, что этот опыт стимулирует появление новых решений на городском уровне в области арт-терапии — продуктов на стыке искусства и здравоохранения, которые применяют культурный контент для облегчения трудных эмоциональных состояний, реабилитации после травм и лечения психологических расстройств, а также новых перспективных решений на пересечении культуры и других отраслей.

Коронакризис стал катализатором перехода многих участников креативной экономики в цифровое пространство, диверсификации форматов подачи

контента, инструментов и способов коммуникации с аудиторией. Можно утверждать, что кризис ускорил развертывание уже существовавшего тренда на трансформацию учреждений культуры в своего рода «*новые медиа*», взаимодействующие с посетителями не только офлайн, но и посредством различных онлайн-инструментов и каналов. Таким образом, опыт соприкосновения с культурой все чаще будет начинаться с посещения не физического, а виртуального пространства учреждения и продолжаться в нем же. Например, посредством просмотра его ленты в социальных сетях и участия в челленджах (игровых конкурсах), таких, как #GettyMuseumChallenge, в рамках которого всем желающим предлагалось с помощью предметов быта воспроизвести известные сюжеты изобразительного искусства. По данным Международного совета музеев, в кризисный период для поддержания связи со своей аудиторией музеи мира стали чаще всего использовать социальные сети (47,5 % опрошенных). Другими популярными видами активности стали онлайн-конкурсы и викторины (19,21 %), живые включения (18,8 %), онлайн-демонстрация коллекций (17,8 %), организация виртуальных выставок (16,16 %), новостные рассылки (13,36 %) и подкасты (10,39 %) ⁵.

При этом, хотя виртуальные выставки частично компенсировали невозможность посетить привычные выставочные залы, они не смогли восполнить потребность в общении, в обмене впечатлениями от увиденного. Это обусловило популярность интерактивных форматов таких, как арт-медиации — групповые виртуальные обсуждения творчества и работ художников, предполагающие активное вовлечение в дискуссию всех участников встречи. Так, большим спросом в период пандемии пользовались арт-медиации петербургского Манежа по произведениям в жанре инсталляции, фотографии, видео, скульптуры, в рамках которых вместе с куратором участники группы медиации в формате zoom знакомились с видеопроектами, обменивались мнениями и задавали вопросы об обсуждаемых произведениях и современном искусстве.

Рост цифровизации сферы культуры и креативных индустрий привел к *ослаблению или снятию целого ряда барьеров*, стоявших между объектом культуры и человеком, прежде всего барьеров физических, географических и финансовых. Многие люди впервые получили возможность увидеть шедевры мировой культуры после их появления в формате бесплатных виртуальных выставок. Появился новый опыт взаимодействия с продуктами культуры и креативных индустрий из других стран, чему способствовала их визуализация на национальных и международных онлайн-платформах. Так, одними из самых посещаемых в мире в период пандемии стали виртуальные туры музея Ватикана по Сикстинской капелле, Музею Пио-Клементино в Бельведерском дворце, Музею Кьярамонти, галерее Браччо-Нуово, Станцам Рафаэля, Капелле Никколини и Залу Кьяроскури. В России рекордной величины — более

⁵ Museums, museum professionals and COVID-19: survey results. International Council of Museums. 2020. URL: <https://icom.museum/wp-content/uploads/2020/05/Report-Museums-and-COVID-19.pdf> (accessed: 07.02.2023).

100 млн — достигло число просмотров прямых трансляций и онлайн-показов из архива Мариинского театра. В условиях коронакризиса высокий уровень развития технологий стриминга, 3D-визуализации, проникновения широкополосного доступа в интернет и распространенности мобильных устройств способствовал актуализации тренда на *сокращение количества посредников между создателем и потребителем контента*. Все большее число создателей контента стали делиться им напрямую со своей аудиторией через стримы, нарабатывая навыки видеоблогеров, а также через платформы наподобие Patreon, на которых пользователь напрямую платит креатору за создание интересующего его контента.

Одним из положительных последствий периода коронакризиса стало появление новых и трансформация уже существовавших форм и практик подачи контента, а также появление ряда инновационных элементов. Многие города мира в период пандемии создали *порталы-агрегаторы* бесплатного культурного контента, такого как виртуальные выставки, стримы выступлений, онлайн-спектакли. Например, в Берлине, по инициативе городского департамента культуры, появилась цифровая платформа Berlin (a) live — площадка для онлайн-трансляции концертов, опер и других видов творчества, с помощью которой можно при желании оказать финансовую поддержку исполнителям и проектам. Данный формат имеет большое значение для сферы и может сыграть важную роль в будущем, поскольку является площадкой для самого широкого круга деятелей культуры. Если крупные корпоративные цифровые платформы формируют свой контент исходя из популярных трендов, что зачастую сильно ограничивает шанс найти свою аудиторию для новых, экспериментальных форматов, то, как показала практика, государство может выступить в роли «популяризатора инноваций» и опорного института поддержки культурного разнообразия, предоставляющего площадку для самых разных типов контента. В этой связи можно ожидать развития государственных контент-платформ как агентов диверсификации отрасли.

Пандемия способствовала также возникновению целого ряда экспериментальных творческих форм, в том числе на пересечении различных индустрий и за счет применения технологий в сферах, где они ранее не использовались. Появление подобных инновационных продуктов создает новые точки роста, что позволяет ожидать притока новых инвестиций в креативную сферу. Так, в театральных кругах отмечают, что в ходе коронакризиса возник принципиально новый театральный онлайн-контент, который располагает «к размышлению о переменах в статусе авторов и зрителей, о тотальной демократизации процесса создания спектакля, о каналах и платформах коммуникации, о природе игры и о новой этике в цифровом измерении». Несмотря на ряд сложностей в восприятии цифрового контента, многие театры и в будущем планируют сохранить в своем репертуаре интерактивные форматы ввиду неизбежного сокращения числа зрителей в связи с необходимостью соблюдения санитарных ограничений. Ключевым из перспективных форматов такого рода выступает

интерактивная сцена — выступления, спроектированные специально для интернет-аудитории и проходящие в формате диалога со зрителями — например, спектакль «Через час» в рамках проекта Александринского театра «Другая сцена». Любопытным следствием развития интерактивного формата является демократизация отношений актера и зрителя. Если в традиционном театре по-прежнему присутствует «четвертая стена», а зритель находится «в гостях», то цифровой театр фактически сам приходит к зрителю домой, а неотъемлемой частью действия часто является прямой контакт зрителя и актера — как, например, в спектакле «Алло», основной формат которого — телефонный разговор зрителя с актером, в котором у зрителя есть собственные реплики.

Кризис актуализировал запрос учреждений культуры на три категории сотрудников, спрос на которых будет стабильно расти и в дальнейшем. Во-первых, это *менеджеры культуры*, способные комплексно выстроить процесс культурного производства, и менеджеры по работе с сообществами, формирующие и поддерживающие социальные связи учреждения, что позволяет ему выступать в роли полноценных общественных пространств (в том числе виртуальных) и общественных центров. Во-вторых, *специалисты по выстраиванию нарративов*, такие как сценаристы и кураторы. В-третьих, специалисты, обладающие *ИТ-компетенциями*, необходимыми для создания цифрового контента и интеграции физического и цифрового пространств, например интерактивных выставок, — специалисты по контенту и мультимедийному проектированию. Учет этого запроса видится важным при формировании образовательных и других программ и инструментов поддержки.

В период кризиса активизировались уже существовавшие и появились новые формы горизонтальной кооперации между участниками сферы креативных индустрий, такие как сообщества взаимоподдержки, что является важным шагом на пути консолидации сферы. Совместное обсуждение общих проблем и разработка антикризисных решений стали поводом для активизации сотрудничества как на национальном, так и международном уровне. Среди примеров подобных инициатив в ЕС — *Creatives Unite*, платформа для обмена лучшими практиками и идеями по выходу из кризиса европейскими учреждениями культуры и креативных индустрий, а также *Cultural Gems* — платформа, которая позволяет наносить на карту объекты культуры и креативных индустрий европейских городов, в том числе ранее малоизвестные широкой аудитории, что должно способствовать их большей узнаваемости и создать новые возможности для финансовой поддержки, в том числе за счет роста туризма. В российском интернет-пространстве быстро набрала популярность группа «Шар и крест» — сообщество взаимопомощи участников арт-рынка. В связи с потребностью выжить и найти новые источники дохода образовалось большое количество форм синергетической кооперации между различными игроками отрасли, что стимулирует консолидацию сферы, появление новых профессиональных объединений, рост культурного разнообразия и форм культурного самовыражения. Например,

в рамках инициативы *Coronavirus Theatre Club* потерявшие работу артисты театров и другие деятели культуры стали давать онлайн-спектакли в социальных сетях при поддержке краудфандинга.

Заключение

Коронакризис выявил необходимость разработки учреждениями культуры и организациями креативной экономики собственных *стратегий цифровизации*, «карт» *пользовательского опыта и пути* на базе анализа вовлеченности посетителей, укрепления кадрового потенциала за счет специалистов с ИТ-компетенциями. Кризис привел к более тесному соприкосновению с тканью культуры людей, которые ранее мало интересовались ею либо не имели такой возможности в силу финансовых и других ограничений. Поэтому можно ожидать и дальнейшего роста интереса к продуктам культуры, а также расширения возможностей и потребностей участия в культурной жизни. Хотя кризис вызвал нарушения в циклах культурного производства по всему миру и вытеснил с рынка многих игроков, он способствовал и появлению новых творческих форматов, а также росту консолидации сферы за счет активизации форматов взаимоподдержки.

Важнейшим следствием коронакризиса стала *актуализация роли культуры и креативных индустрий в повышении социальной сплоченности и солидарности*, развитии местных сообществ и гармонизации отношений человека с окружающим миром. Значимость социального аспекта креативных индустрий подчеркивается во многих научных работах: креативные продукты по своей природе *воплощают локальный символический капитал*, однако этот ресурс не всегда оказывается востребован и поддержан другими акторами, в том числе муниципалитетом. В отсутствие политики поддержки креативного сектора (финансовой, организационной, информационной), а главное, интеграции с другими направлениями политики развития города, сектор может остаться (или оказаться) на периферии: «...встроенность в социальный контекст города необходима для развития самих креативных индустрий, она изменяет их природу из индивидуализированных в коллективные через усиление связи и взаимовлияния с другими хозяйствующими субъектами, городскими сообществами и институтами» [Костко 2021: 58].

Пандемия не только продемонстрировала, что цифровые технологии играют важную роль в развитии креативных индустрий, и стала дополнительным стимулом для их внедрения в отрасли, но и напомнила человечеству о важной роли культуры и созидательной творческой деятельности в гармонизации отношений человека с окружающим миром и выражении его идентичности, а также об уязвимости этой сферы, ее высокой потребности в государственной поддержке и содействии на городском уровне. Такого рода инструменты могут варьироваться от учреждения *государственных онлайн-платформ*, которые создают новые возможности для донесения контента малоизвестных исполнителей до более широкой аудитории и краудфандинга, до создания

государством целевых фондов поддержки отрасли и специализированных механизмов ее продвижения в информационном поле, в том числе международном (такие механизмы были рассмотрены на примере Южной Кореи).

Представляется перспективным создание инструментов, позволяющих *вовлечь представителей креативной экономики в развитие города*, что может обогатить содержательное наполнение соответствующих программ. Пример подобного инструмента — конкурс грантов для представителей креативных индустрий «Креативность для Вены» (*Creatives for Vienna*), который был проведен в ходе коронакризиса властями австрийской столицы. Агентство по экономическому развитию города выплатило гранты в размере до 5 тыс. евро представителям креативных индустрий и лицам, предложившим оригинальные идеи и концепты для преодоления последствий кризиса — проекты в сфере дизайна, моды, медиа, издательского дела, анимации, киноиндустрии, музыки, архитектуры, городского планирования, мультимедиа, разработки игр и приложений, искусства. Для повышения привлекательности и конкурентоспособности учреждений культуры городом также могут быть организованы *творческие конкурсы*, в ходе которых участники предложили бы проекты цифровой трансформации таких учреждений — например, одного из местных музеев, которые бы объединяли визуальную, технологическую и контентную составляющие, учитывали локальную идентичность и могли бы быть реализованы силами местных специалистов.

Многие городские администрации, особенно в крупных городах, сталкиваются с проблемой «коммуникационных разрывов», а иногда и выраженного противостояния между департаментами и отдельными городскими структурами, что ведет к торпедированию многих инициатив. Выше мы затронули важность разработки городской стратегии развития как одного из шагов на пути решения этой проблемы: будучи артикулированными в такого рода документе, цели и задачи развития креативной экономики имеют больше шансов на инкорпорирование в административную практику. В контексте городской политики развития креативных индустрий еще одним перспективным решением видится *учреждение должности «уполномоченного по креативному развитию»* в каждом из ключевых департаментов городской администрации с их прямым подчинением курирующему вице-мэру либо напрямую мэру и регулярным участием в работе возглавляемого им совещательного комитета. Обладая пониманием специфики работы своего департамента и в то же время креативной экономики, такие специалисты могут способствовать налаживанию коммуникации между органами власти в развитии этой сферы, координации конкретных инициатив и проектов, а также транслировать свое видение проблемных аспектов и возможных точек роста индустрии.

Диапазон инструментов государственной поддержки и в целом приоритизация тех или иных направлений городской политики развития креативных индустрий определяется, безусловно, не только спецификой конкретного города, уровнем культурного капитала, но и доступными ресурсами, прежде всего финансовыми и организационными. Некоторые направления креативной

экономики отличаются большей капиталоемкостью, и для их развития необходима питательная среда в форме существенных объемов доступного венчурного финансирования, что роднит их со сферой инноваций и высоких технологий. Так, исследователи из НИУ ВШЭ отмечают высокую капиталоемкость таких креативных индустрий, как мода, кино и анимация, и подчеркивают, что «6 из 10 городов-лидеров по уровню развития креативных индустрий — Сан-Франциско, Нью-Йорк, Лондон, Лос-Анджелес, Пекин и Париж — одновременно являются глобальными лидерами венчурного бизнеса... В этих городах высоко развито не только культурное ядро (искусство и литература), но и мода, кино и анимация, реклама и пиар-индустрия»⁶. Представляется, что с точки зрения городской политики в этом отношении перспективен механизм создания *государственных венчурных фондов* (по возможности, с частным участием), деятельность которых будет направлена на поддержку стартапов в указанных сферах. Логичным продолжением такого инструмента являются *инкубационная и акселерационная программы* для профильных проектов, созданные городом в партнерстве с крупными компаниями креативной экономики, где менторами могут выступить специалисты с большим опытом работы в индустрии.

Резюмируя, можно сделать вывод, что соединение политики идентичности, цифровых технологий и культурной политики оказывается особенно востребованным в периоды различных кризисов, пандемий, потрясений и социальных сдвигов. Такое соединение на общегосударственном и на городском уровне, как показывают приведенные примеры, может способствовать консолидации общества, повышению его стабильности и вместе с тем стимулировать социальное, политическое и культурное развитие.

Поступила в редакцию / Received: 14.04.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 23.05.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.05.2023

Библиографический список

- Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь Мир, 2020.
- Журавлева Т.А. Политические стратегии развития города: кризис видения // Политическая наука. 2022. № 3. С. 164–180. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.08>
- Квашнин Ю.Д. Стратегии европейских городов по привлечению высококвалифицированных мигрантов // Общественные науки и современность. 2022. № 1. С. 48–59. <https://doi.org/10.31857/S086904992201004X>
- Костко Н.А. Модели реализации концепции «креативный город»: анализ европейского опыта // *Siberian Socium*. 2021. Т. 5. №3 (17). С. 52–68. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2021-5-3-52-68>

⁶ Рейтинг инновационной привлекательности мировых городов: М.: НИУ ВШЭ, 2023. С. 138.

- Кочухова Е.С., Мартьянов В.С. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте // *Антиномии*. 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 45–66. <https://doi.org/10.17506/aip1.2019.19.2.4566>
- Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. Публичная политика как пространство конвертации нематериальных ресурсов в факторы развития территорий // *Политическая наука*. 2022. № 3. С. 144–164. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.07>
- Семененко И.С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 3. С. 7–26. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02>
- Curtis M. Cities and Global Governance: State Failure or a New Global Order? // *Millennium: Journal of International Studies*. 2016. Vol. 44. No. 3. P. 455–477. <https://doi.org/10.1177/0305829816637233>
- Douglas M. *How institutions think*. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1986.
- Howkins J. *The Creative Economy: How People Make Money From Ideas*. Penguin Global. 2002.
- Hudson C., Nyseth T., Pedersen P. Dealing With Difference // *City*. 2019. Vol. 23. No. 4–5. P. 564–579. <https://doi.org/10.1080/13604813.2019.1684076>
- Kara B. The Impact of Globalization on Cities // *Journal of Contemporary Urban Affairs*. 2019. Vol. 3. No. 2. P. 108–113. <https://doi.org/10.25034/ijcua.2018.4707>
- Koolhaas R., Mau B. *The Generic City. S, M, L, XL*. The Monacelli Press, 1995.
- Mulgan G. *The Art of Public Strategy: Mobilizing Power and Knowledge for the Common Good*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Namyślak B. Barriers to the development of creative clusters in Poland // *Regional Studies*. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 412–427. <https://doi.org/10.1080/21681376.2020.1814853>
- Pourzakarya M., Fadaei Nezhad Bahramjerdi S. A Restudy of Culture-Led Regeneration Approach in Creative City Building; Developing an Analytical Framework for the Regeneration of Cultural and Creative Quarter // *The Monthly Scientific Journal of Bagh-e Nazar*, 2019. Vol. 16. No. 77. P. 5–14. <https://doi.org/10.22034/BAGH.2019.148078.3766>

References

- Bauman, Z. (2008). *Liquid Modernity*. St Petersburg: Piter. (In Russian). [Bauman, Z. (1999). *Liquid Modernity*].
- Curtis, M. (2016). Cities and global governance: State failure or a new global order? *Millennium: Journal of International Studies*, 44(3), 455–477. <https://doi.org/10.1177/0305829816637233>
- Douglas, M. (1986). *How Institutions Think*. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press.
- Howkins, J. (2002). *The creative economy: How people make money from ideas*. Penguin Global.
- Hudson, C., Nyseth, T., & Pedersen, P. (2019). Dealing with difference. *City*, 23(4–5), 564–579. <https://doi.org/10.1080/13604813.2019.1684076>
- Kara, B. (2019). The impact of globalization on cities. *Journal of Contemporary Urban Affairs*, 3(2), 108–113. <https://doi.org/10.25034/ijcua.2018.4707>
- Kochukhova, E.S., & Martianov, V.S. (2019). Creative city or right toward the city: Alternative of urban development in Russian context. *Antinomies*, 19(2), 5–66. (In Russian). <https://doi.org/10.17506/aip1.2019.19.2.4566>
- Koolhaas, R., & Mau, B. (1995). *The generic city. S, M, L, XL*. The Monacelli Press.
- Kostko, N.A. (2021). Models for the concept implementation of ‘creative city’: analysis of European experience”. *Siberian Socium*, 5, 3(17), 52–68. (In Russian). <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2021-5-3-52-68>
- Kvashnin, Yu.D. (2022). European urban strategies for attracting high-skilled migrants. *Social Sciences and Contemporary World*, (1), 48–59. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S086904992201004X>

- Miroshnichenko, I.V., & Morozova, E.V. (2022). Public policy as a space for converting intangible resources into factors of territorial development. *Political science (RU)*, (3), 144–163. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.07>
- Mulgan, G. (2009). *The art of public strategy: Mobilizing power and knowledge for the common good*. Oxford: Oxford University Press.
- Namyślak, B. (2020). Barriers to the development of creative clusters in Poland. *Regional Studies*, 7(1), 412–427. <https://doi.org/10.1080/21681376.2020.1814853>
- Pourzakarya, M., & Fadaei, Nezhad Bahramjerdi, S. (2019). A restudy of culture-led regeneration approach in creative city building: Developing an analytical framework for the regeneration of cultural and creative quarter. *The Monthly Scientific Journal of Bagh-e Nazar*, 16(77), 5–14. <https://doi.org/10.22034/BAGH.2019.148078.3766>
- Semenenko, I.S. (2019). Horizons of responsible development: From discourse to governance. *Polis. Political Studies*, (3), 7–26. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02>
- Semenenko, I.S. (Ed.). (2020). *The state in political science and social reality in the 21st Century*. Moscow: Ves Mir. (In Russian).
- Zhuravleva, T.A. (2022). Political strategies of urban development: The crisis of vision. *Political science (RU)*, (3), 64–180. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.08>

Сведения об авторе:

Бардин Андрей Леонидович — кандидат политических наук, научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: andreybardin@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-9526-9763)

About the author:

Andrei L. Bardin — PhD in Political Sciences, Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: andreybardin@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-9526-9763)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-539-552

EDN: TFKQYC

Научная статья / Research article

Политическая и публично-правовая субъектность городских агломераций

Р. М. Вульфович , В. А. Майборода

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Санкт-Петербург, Российская Федерация

 vulfovich-rm@ranepa.ru

Аннотация. В связи с масштабами российской территории проблема развития системы расселения и городских агломераций как центров преимущественного развития обладает высокой степенью актуальности. Целью исследования является выявление возможностей и ограничений как правового, так и организационного характера для формирования систем управления городскими агломерациями. Проведя сравнительный анализ развития и функционирования данных систем в ряде стран с условиями, существующими в регионе Санкт-Петербурга, второго по численности населения города России, авторы впервые четко вычленили проблему развития городской агломерации, территория которой включает полностью или частично территории двух субъектов Российской Федерации: города федерального значения и окружающей его Ленинградской области. В обоих вариантах — агломерация радиусом 60 км и радиусом 120 км — определена допустимая с точки зрения российского законодательства и принципов рациональности, экономичности и эффективности, являющихся базовыми принципами современного управления, модель организации системы публичной власти для Санкт-Петербургской агломерации, способной сформировать оптимальное единое образное качество жизни на ее территории. Она не предусматривает институционализацию с созданием полной системы публичной власти для всей территории, а должна быть ориентирована на совместное выполнение общих для всей территории функций с включением в процесс всех уровней и органов публичной власти, ответственных за качество жизни на территории. Первые шаги в этом направлении предпринимаются обоими регионами на протяжении последних лет. Объединение Санкт-Петербурга и Ленинградской области в один субъект федерации, а также присоединение к городу части территории области пока не рассматриваются.

Ключевые слова: территория, выравнивание, устойчивое развитие, город, агломерация, политическая субъектность, публично-правовая субъектность

© Вульфович Р.М., Майборода В.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Вульфович Р.М., Майборода В.А. Политическая и публично-правовая субъектность городских агломераций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. 539–552. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-539-552>

Благодарности: Исследование выполнено в рамках инициативной НИР СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, номер в системе ЕГИСУ НИОКТР 122112900037–6. 29.11.2022.

Political and Public-Legal Subjectivity of Urban Agglomerations

Revekka M. Vulfovich , Victor F. Mayboroda

*North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation*

 vulfovich-rm@ranepa.ru

Abstract. Due to the gigantic scale of Russia's territory, the problem of the settlement system and urban agglomerations as its primary development centres is urgent. The purpose of this research is to identify opportunities and limitations, both legal and organizational, for the formation of governance systems for urban agglomerations. Having conducted a comparative analysis of the development and functioning of such systems in some countries with the conditions existing in the St. Petersburg region, the second populous city of Russia, the authors for the first time identify the development and governance problems of the urban agglomeration, the territory of which includes fully or partly the territories of two subjects of the Russian Federation: the federal city and the surrounding Leningrad region (oblast). For both variants of the agglomeration — with the 60 km and 120 km radius — the authors determine the model of the public power system for the Saint Petersburg agglomeration, acceptable from the point of view of the Russian legislation and the main modern management principles of rationality, effectiveness, and efficiency. The model does not envisage institutionalization with the creation of a complete public power system for the entire region but should be focused on the joint performance of functions with the inclusion in the process of all levels and authorities responsible for the life quality in the region. The first steps in this direction have been taken by both federation subjects in recent years. The unification of St. Petersburg and the Leningrad Region into one subject of federation, as well as the partial annexation of the region's territory to the federal city, are not yet considered.

Keywords: territory, equalization, sustainable development, city, agglomeration, political subjectivity, public-legal subjectivity

For citation: Vulfovich, R.M., & Mayboroda, V.F. (2023). Political and public-legal subjectivity of urban agglomerations. *RUDN Journal of Political Science*, 25(3), 539–552. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-539-552>

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the initiative research NWIM branch RANEPА, № 122112900037–6. 29.11.2022.

Введение

Крупные урбанизированные регионы (городские агломерации) в XXI в. играют активную роль как центры развития и акторы, оказывающие влияние на внутривластные и внешнеполитические процессы [Chuangling, Danlin 2017]. Они растут, «захватывая территории», прилегающие к городу-ядру, чаще всего являющемуся административным, но в ряде случаев — политическим центром. Так, в федеративных государствах агломерации могут включать полностью или частично территории двух или нескольких субъектов федеративного государства, а в условиях высокой плотности населения и развитой транспортной системы (прежде всего, скоростного железнодорожного транспорта) формируют и межгосударственные образования. Развитию крупных урбанизированных регионов и включению их в системы публичного управления как особого политико-административного уровня в последние годы посвящено множество исследований, как правило междисциплинарного характера [Batty 2013; Chuangling, Danlin 2022; Derudder 2022; Ergen 2018; Glaeser, Ponzetto, Zou 2016; Haynes, Stough 2020; Taylor 2020; Kafka 2016]. При этом, как указывают авторы, исследующие развитие российской системы расселения и его взаимосвязь с развитием экономики, в обеих системах наблюдается высокий уровень централизации [Churkina, Zaverskiy 2017]. Нельзя отрицать, что формирование агломераций и их превращение в одну из основных форм расселения XXI в. изменяют само представление о городе как феномене развития цивилизации на протяжении тысячелетий [Rozenblat 2020].

Концентрированным отражением политики является право, а реальным ее воплощением — применение его норм в том числе в процессе организации жизнедеятельности и управлении процессом достижения оптимальных и единообразных параметров качества жизни. Это является целью политики и управления в современном социальном государстве, каковым позиционирует себя Российская Федерация (ст. 7 Конституции РФ). Социальная ориентация российской политики была усилена внесением в Конституцию ряда социально значимых поправок, что также обеспечило высокий уровень поддержки при голосовании в 2020 г. В 2019 г. была принята Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г., что свидетельствует об особом внимании к вопросам политики развития территории страны и отдельных ее частей, включая городские агломерации¹.

При этом агломерация не является нормативно определенным термином. Его использование в актах нормативного характера допускается с отдельными квалифицирующими свойствами, позволяющими применительно к конкретному документу уяснить значение и использование термина. Так, в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 агломерации

¹ Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-п. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda/ (дата обращения: 30.03.2023).

в приложениях квалифицированы в одном случае как города, которые обеспечивают вклад в экономический рост Российской Федерации в размере более 1 процента ежегодно, во втором случае *крупная городская агломерация* определяется как «совокупность компактно расположенных населенных пунктов и территорий между ними с общей численностью населения от 500 до 1000 тыс. человек, связанных совместным использованием инфраструктурных объектов и объединенных интенсивными экономическими, в том числе трудовыми и социальными связями». Как *крупнейшая агломерация* определяется, соответственно, аналогичная по характеристикам территория с населением более 1000 тыс. человек.

В Приказе Министерства экономического развития Российской Федерации от 15 февраля 2021 г. № 71 «Об утверждении Методических рекомендаций по подготовке нормативов градостроительного проектирования» термин «агломерация» указывает на наличие ядра агломерации, под которым понимается территория муниципальных образований, имеющих общие границы в составе крупных и крупнейших городских агломераций, а также административные центры субъектов Российской Федерации в границах таких агломераций. Выделение города-ядра или нескольких ядер требует также исследования развития этих городов и выявления их роли в прилегающих регионах [Sulzer, Desax 2015]².

Подробный анализ развития городских агломераций России был проведен специалистами РАНХиГС. В Докладе о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации [2021] в качестве главного механизма формирования, развития и создания управляющих структур рассматривается межмуниципальное сотрудничество, что фактически исключает придание агломерации полноценного политического и публично-правового статуса как самостоятельного субъекта в процессе определения политики, основных стратегических приоритетов, а также реализации базовых направлений социально-экономического развития.

Таким образом, возможно сформулировать вывод о том, что под агломерациями современное нормативное регулирование понимает совокупность населенных пунктов, имеющих единство населения, транспортной, коммунальной и (или) иных видов инфраструктуры и характеризующихся рациональным подходом к организации мест приложения труда. Проблематика настоящего исследования призвана определить место агломерации в общих и специальных политических, правовых и социально-экономических отношениях в случае рассмотрения агломераций не в качестве объекта регулирования (особой территории), а в качестве субъекта, то есть активного участника политических, правовых и управленческих отношений. В данном контексте агломерация способна определять политику региона в целом. Политическая и правовая сущность агломерации как целостной политико-административной и социально-экономической системы требует четкого установления ее политической и публично-правовой субъектности.

² Clark, G., Moonen, T., Nunley J. Die Geschichte Ihrer Stadt: Stadtentwicklung in Europa von 1970 bis 2020. 2018. URL: <https://www.eib.org/de/essays/the-story-of-your-city> (accessed: 30.03.2023).

Цель и методы исследования

Цель настоящей работы средствами дедукции и индукции установить возможности и ограничения образования городских агломераций в качестве политических и публично-правовых субъектов и сформулировать проблему выделения свойств агломераций, достаточных для наделения их такой субъектностью в условиях существования единой системы публичной власти в России.

Определение возможной модели публичной власти в агломерации³

Стремительное увеличение количества крупных урбанизированных регионов в XXI столетии [Loibl et al. 2018] и постоянные усилия по повышению эффективности управления на их территории позволяют выделить ряд моделей публичной власти для данных систем. Прежде всего они характеризуются различным количеством уровней, что зависит от общей структуры системы публичной власти в стране, а также от целей, которые ставятся перед управляющей системой. Так, двухуровневые системы призваны осуществлять определение политики и ее реализацию как для всей территории, так и для отдельных ее частей, обладающих, как правило, собственной полной или ограниченной политико-административной субъектностью, например, являющихся административными районами или муниципальными образованиями. При этом система может быть сильно фрагментированной или консолидированной.

В случае существенной фрагментации органы общей компетенции для всего региона отсутствуют, что повышает значимость органов местной власти в муниципалитетах, а также требует использования специальных механизмов координации принятия решений по вопросам, выходящим за рамки полномочий и функциональных возможностей отдельных территориальных единиц. В вопросах развития инфраструктуры, формирования единообразных параметров качества жизни и движения финансовых потоков требуется, кроме того, кооперация между всеми территориями, а также поддержка со стороны государства и хозяйствующих субъектов при решении наиболее масштабных задач. К последним относятся инфраструктурные проекты, а также проблемы устойчивого развития.

Подобная фрагментация создает существенные трудности и формирует неравенство между элементами агломерации, затрудняет ее развитие.

Наличие единой системы органов общей компетенции для всей территории имеет ряд преимуществ: более высокий уровень наполнения бюджета и возможность его рационального распределения для решения задач муниципалитетов с разным уровнем доходов. Единая система власти способствует выравниванию качества жизни. Однако ее формированию препятствует ряд

³ Данная проблема стоит практически перед всеми странами в связи со всеобщностью процесса интенсивной урбанизации. См., например, *Urbanisierung im globalen Kontext / Der Umzug der Menschheit: Die transformative Kraft der Städte. Hauptgutachten 2016 des Wissenschaftlichen Beirats der Bundesregierung. Globale Umweltveränderungen. P.43-137. URL: <https://www.wbgu.de/de/publikationen/hauptgutachten> (accessed: 30.03.2023).*

обстоятельств: во-первых, агломерации постоянно растут, включая в себя новые муниципальные образования, что требует реорганизации системы власти. Во-вторых, перераспределение бюджетных средств в пользу более слабых с финансово-экономической точки зрения муниципалитетов может сказываться отрицательно на городе-ядре, затраты которого на поддержание качества жизни и эффективной инфраструктуры всегда высоки. И наконец, формирование единой системы власти для всей агломерации требует нормативного определения и закрепления особого политико-правового статуса территории с приданием ей полной публично-правовой и политической субъектности. Последнее представляет собой сложную проблему с точки зрения различных отраслей права, а также в рамках взаимодействия уровней системы публичной власти и иных политических акторов.

В последнее десятилетие в ряде работ [Barber, 2013; Bassens et al 2019] города — а они чаще всего структурно представляют собой агломерации — рассматриваются как глобальные политические акторы, а мэры городов-ядер характеризуются как политики, значимость которых затмевает харизму глав государств. Эта точка зрения представляется спорной, однако нельзя отрицать, что политическая роль крупных урбанизированных регионов возрастает в том числе с расширением их территории и увеличением численности населения. Население Парижской агломерации в границах региона Иль-де-Франс уже составляет почти 20 % населения Франции, а население Московской и Санкт-Петербургской агломераций (хотя точное его определение затруднено отсутствием четко делимитированных границ) приближается к этой цифре.

Ряд проблем, с которыми агломерации сталкиваются в процессе развития, становится предметом рассмотрения специалистов-географов, экономистов, урбанистов, социологов. Однако в настоящее время в значительной степени эти проблемы анализируются в рамках ряда направлений политической науки, так как без принятия ответственных и рациональных решений невозможно определять стратегию развития агломерации как целостной системы [Otomo 2021; Szczurek, Bryczek-Wróbel 2018; Zhao, Zhang, Zhao 2021].

Формирование «дорожной карты» к политико-правовой субъектности агломерации в рамках концепции единой системы публичной власти

В России не только городская агломерация, но и населенный пункт — нормативно не определенный термин. Однако определены земли в границах населенных пунктов согласно пункту 2 статьи 83 Земельного кодекса Российской Федерации, где ведется экономическая деятельность. В публично-правовом смысле субъектами политических и правовых отношений являются Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования. Они приравнены к физическим и юридическим лицам.

С политической точки зрения возможно и допустимо заключение соглашений о создании агломерационных образований между органами публичной власти всех трех уровней. В развитой системе права, как указывали еще советские

юристы, правоспособность есть не сумма возможностей, а особое право быть субъектом прав и обязанностей. Процесс реализации правоспособности порождает конкретные гражданские права и обязанности. Они также выделяли общую, отраслевую и специальную правосубъектность — способность лица быть участником определенного круга отношений в пределах данной отрасли права, что позволяет ему вступать в том числе в договорные отношения [Братусь 1950; Братусь 1984; Алексеев 2010].

В настоящее время воззрения на данный вопрос не претерпели значимых изменений: аналогичную позицию занимают, например, П.В. Крашенинников⁴ и Н.В. Козлова [2018]. Соответственно это позволяет придавать различные виды субъектности и территориям городских агломераций.

Изменения Конституции РФ 2020 г. разграничили объем полномочий и компетенций между публично-правовыми субъектами, внесли концепцию публичной власти. По смыслу конституционного регулирования публичная власть понимается как обеспечиваемое законом единство функций органов государственной власти и органов местного самоуправления, передаваемых ими друг другу отдельными нормативными актами [Майборода, 2022].

Легальное определение единой системы публичной власти дано в части 1 ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации». Она понимается как совокупность органов власти всех уровней, объединенных по признаку функционального и иного единства для обеспечения реализации прав человека и создания условий для социально-экономического развития государства.

Изменения Конституции 2020 г. также закрепили возможности установления особенностей осуществления власти в границах отдельных территорий, в том числе территорий городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и «других территорий» (часть 3 статьи 131 Конституции Российской Федерации). По мнению С.А. Авакьяна, данные территории не обязательно останутся муниципальными [Авакьян 2021: 700]. Таким образом свойство организации публичной власти само по себе выступило причиной формирования нового публично-правового субъекта и потенциально открывает возможности для создания агломераций как самостоятельных политических и правовых акторов.

Свойством политико-правовой субъектности выступает наличие политической воли: применительно к коллективному субъекту — процедуры формирования коллективной воли, на что указывали И. Кант [2007: 320] и Г.В.Ф. Гегель, трактовавший договор как «два согласия, посредством которых осуществляется общая воля» [Гегель 2007: 135].

В разработке группы американских авторов сформулировано следующее определение данных понятий: «*политическая воля* пересекает значимый порог, когда достаточное количество лиц, принимающих решения... на официальном

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий к главам 1, 2, 3 / ред. П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2014. 336 с.

уровне поддерживает принятое совместно, потенциально эффективное политическое решение. *Общественная воля* аналогичным образом приобретает смысл, когда социальная система имеет общее понимание конкретной проблемы и решает урегулировать ситуацию особым образом посредством устойчивых коллективных действий»⁵.

Процедура изъявления коллективной воли основана на институтах референдума и свободных выборов. Самостоятельные процедуры изъявления коллективной воли возможны и при принятии решения о вхождении в состав агломерации. Применительно к публичным отношениям волеизъявление есть проявление возможности определять будущее территории для цели достижения общего блага [Иеринг 2006]. Таким образом наделение политико-правовой субъектностью территорий с особенностями организации публичной власти возможно на основании консолидации воли населения такой территории в формах, определенных законом.

Есть ли свойства населения агломераций, качественно отличающие его от населения иных территорий, как основания постановки вопроса о наделении агломерации самостоятельной публично-правовой субъектностью в единой системе публичной власти? Три городских агломерации наделены особой субъектностью непосредственно Конституцией РФ: Москва, Санкт-Петербург и Севастополь. Они являются объединением населенных пунктов, чья целостность обусловлена единством транспортной, социальной и коммунальной инфраструктур, а также единой системой власти субъекта РФ.

Организация труда и раздел формируемого прибавочного продукта выступает основой делимитации территории города федерального значения и городского округа в финансово-экономическом смысле. В ключевом факторе организации жизнедеятельности жители исходят из баланса расстояния от жилья до работы и уровня заработка. Но при этом городской округ не получает налога на доходы в качестве источника формирования бюджета, а субъект РФ формирует из данного источника значимый объем его доходной части.

В связи с этим региональные органы представительной власти формируют экономическое представление об агломерации, но настоятельно воздерживаются от инициативы нормативного закрепления ее субъектности в связи с проблемой распределения ресурсов территорий, входящих и не входящих в состав агломерации. Последние оказываются в ущемленном положении.

Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 507-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в законодательство включены требования к отдельному виду документа территориального планирования — схеме территориального планирования двух и более субъектов Российской Федерации. Федеральный законодатель не исключил возможности объединения инфраструктуры различных политических и публично-правовых субъектов в едином

⁵ Raile A.N.W., Raile E.D., Post L.A. Analysis and action: The political will and public will approach, 2014. URL: https://www.researchgate.net/publication/324899368_Analysis_and_action_The_political_will_and_public_will_approach (accessed: 30.03.2023).

для них документе территориального планирования. Более того, в части 5 статьи 28.1. Градостроительного кодекса Российской Федерации Федеральным законом от 19 декабря 2022 г. № 541-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и статью 18.1 Федерального закона «О защите конкуренции» полномочие на принятие решения о едином плане территориального планирования для нескольких территорий закреплено за высшим исполнительным органом субъекта Российской Федерации. Проблема организации публичной власти и ее роли в развитии таких территорий привлекает в настоящее время внимание российских исследователей⁶.

Особенности формирования политико-правовой субъектности городских агломераций, включающих территории двух субъектов РФ (вариант Санкт-Петербурга)

Следует отметить, что в настоящее время процесс агломерирования в регионе Санкт-Петербурга интенсивно включает в состав Санкт-Петербургской агломерации муниципальные районы Ленинградской области: Всеволожский, Выборгский, Тосненский, Кировский и Ломоносовский. С точки зрения жилой застройки, распределения мест приложения труда, эти районы втягиваются в сферу влияния города. Более низкая стоимость земельных участков для жилищного строительства делает жилье на этих территориях привлекательным для жителей Санкт-Петербурга. Это требует разработки схем территориального планирования по многим направлениям, например развития транспортной инфраструктуры с учетом соблюдения прав и интересов жителей обоих субъектов федерации. В настоящее время ведется проектирование первого в истории Санкт-Петербургского метрополитена выхода на территорию Ленинградской области в городе Кудрово Ленинградской области.

В мире существует много примеров формирования агломераций в регионах городов-метрополий, сильно влияющих на окружающую территорию. Их правосубъектность сформирована в различных вариантах. Во Франции создана метрополия, обладающая полной субъектностью и единой системой публичной власти и управления (Большой Париж (фр. *Métropole du Grand Paris*)⁷. В центре Германии функционирует столичный регион Берлин — Бранденбург с интенсивным взаимодействием двух земель в сфере экономики, рынка труда, жилья, транспорта, науки, энергетики, здравоохранения и охраны окружающей среды. Кооперация земель, сохраняющих полную политическую и публично-правовую

⁶ Kolba A., Tereshina M. Political and Administrative Resources of Public Management of Agglomeration Development in the Context of the Evolution of the Agglomeration Processes. URL: https://www.researchgate.net/publication/348052159_Political_and_Administrative_Resources_of_Public_Management_of_Agglomeration_Development_in_the_Context_of_the_Evolution_of_the_Agglomeration_Processes (accessed: 30.03.2023).

⁷ Loi n° 2014–58 du 27 janvier 2014 de modernisation de l'action publique territoriale et d'affirmation des metropoles. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000028526298> (accessed: 30.03.2023).

субъектность, делает регион уникальным в ФРГ. Еще более тесное взаимодействие муниципалитетов осуществляется в границах Берлинской агломерации (Berliner Umland), наиболее густонаселенной территории. В состав последней входят 50 городов и сельских коммун земли Бранденбург, ближе всего расположенные к границам Берлина. Необходимо также отметить, что сделанная в 1995 г. попытка объединения земель Берлин и Бранденбург завершилась неудачей, так как не была поддержана жителями Восточного Берлина и Бранденбурга: политической воле правительства ФРГ и органов публичной власти земель была противопоставлена воля сообществ значительной части населения региона⁸.

Пример Берлинского региона является вариантом, в значительной степени сравнимым с Санкт-Петербургом. В обоих случаях речь идет о субъектах федеративного государства с различной системой расселения, плотностью населения и разным уровнем экономического развития. В обоих случаях можно выявить аналогичные проблемы, в том числе в сфере определения общей стратегии развития в соответствии с современными принципами устойчивого развития ООН.

Анализируя проблему развития крупных урбанизированных территорий и формирования их политической и публично-правовой субъектности, нельзя, с нашей точки зрения, обойти показательный пример Региональной ассоциации планирования, действующей с 20-х годов прошлого века на территории региона США, известного как трехштатный Нью-Йорк. На протяжении столетия эта некоммерческая организация, включающая профессиональных планировщиков, хозяйствующие субъекты, муниципальные и региональные власти и активно привлекающая к обсуждению планов жителей, определяет и реализует политику в сфере транспорта, устойчивого развития территорий, защиты от стихийных бедствий, выравнивания качества жизни и решения наиболее острых социальных проблем (бедности, безработицы и т. п.), отдыха и рекреации, а также активно лоббирует интересы региона в Конгрессе США.

Данную модель можно рассматривать как функциональную, гибкую организационно и исключительно эффективную по результатам деятельности. В 2017 г. был принят и опубликован четвертый региональный план, лозунг которого гласит: «Заставить регион работать на благо всех нас, содействуя инклюзивному росту, который принес бы общее процветание, справедливость, улучшение здоровья и устойчивость для региона⁹».

Результаты и выводы исследования

Достаточно оптимистичными и реалистичными представляются решения органов публичной власти субъектов Российской Федерации об одновременной подготовке единых планировочных документов для муниципальных

⁸ Hauptstadtregion Berlin — Brandenburg. URL: <https://www.berlin-brandenburg.de/hauptstadtregion/> (accessed: 30.03.2023).

⁹ The Fourth Regional Plan URL: <https://rpa.org/work/reports/the-fourth-regional-plan#:~:text=The%20Fourth%20Plan%20calls%20for,into%20a%20pedestrian%2Dfriendly%20boulevard> (accessed: 30.03.2023).

образований, которые в совокупности представляют собой городскую агломерацию. Именно в таком документе могут решаться вопросы надлежащей организации транспортной, коммунальной и социальной инфраструктуры не для отдельно взятого муниципалитета (являющегося донором или реципиентом трудового ресурса для соседнего), а для их совокупности, образующей агломерацию. Такой подход позволит оптимизировать инфраструктуру, изыскать ресурсы для ее развития.

Резюмируя изложенное следует заключить, что, во-первых, особенности организации публичной власти в части перераспределения полномочий между уровнями властно-публичной организации свершившийся факт правовой системы России; во-вторых, установление особенностей такой организации применительно к территориям, не наделенным самостоятельной публично-правовой субъектностью, фактически может осуществляться в настоящее время и без ее формализации; в-третьих, проблема регулирования расселения и обеспеченности населения объектами инфраструктуры при комплексном подходе планирования применительно к нескольким муниципалитетам позволит решать их в том числе и за счет источников регионального бюджета; в-четвертых, экономико-финансовый феномен агломераций является сформированным в географическом и экономическом аспектах и настоятельно требует юридического оформления и политического осмысления.

Для Санкт-Петербургской агломерации примером может служить функциональная модель развития крупной урбанизированной территории в центре Германии. Тем более, что в обоих случаях речь идет о необходимости учета полностью сформировавшихся ранее территорий, обладающих полной политической и публично-правовой субъектностью в соответствии с конституционными документами стран.

При этом отдельные положения различных документов, принятых в последние годы, не могут быть применены при разработке документов стратегического планирования для Санкт-Петербурга и образуемой им, постоянно расширяющей свою территорию агломерации. В частности, приведенное выше определение ядра агломерации не дает основания для выделения ядра данной территории. Из этого следует необходимость принятия отдельных нормативных правовых актов для регламентации процессов в границах данной агломерации.

Достаточно рациональным представляется также подход, избранный в 20-е годы прошлого века в регионе Нью-Йорка. Использование этой модели вполне может быть полезно при принятии решений о взаимодействии органов власти Санкт-Петербурга, Ленинградской области совместно с органами местного самоуправления муниципальных районов последней.

Поступила в редакцию / Received: 16.04.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 27.04.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.05.2023

Библиографический список

- Авакьян С.А.* Конституционное право России. Т. 2. М.: ИНФРА-М, 2021.
- Алексеев С.С.* Проблемы теории права. Основные вопросы общей теории социалистического права // Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. М.: Статут, 2010.
- Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права // Советское гражданское право (ред. С.Н. Братусь). М.: Госюриздат, 1984.
- Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950.
- Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мир книги, 2007.
- Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации // Межмуниципальное сотрудничество как механизм управления городскими агломерациями: монография / ред. К.А. Иванова; научный ред. Э. Маркварт. М.: Изд-во «Перспект», 2021.
- Иеринг Р.Ф.* Дух Римского права: в 2 т. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006.
- Кант И.* Критика практического разума. СПб.: Наука, 2007.
- Козлова Н.В.* Абстрактное и конкретное понимание субъекта, правоспособности и гражданского правоотношения // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики. М.: Статут, 2018.
- Майборода В.А.* Подсудность правовых актов органов публичной власти федеральной территории, принимаемых по согласованию // Судья. 2022. № 1. С. 51–56. https://doi.org/10.52433/18178170_2022_01_51
- Barber B.* If mayors ruled the world. Dysfunctional nations, rising cities. New Haven: Yale University Press, 2013.
- Bassens D.* et al. An urban studies take on global urban political agency // The city as global political actor / ed. by S. Oosterlynck et al. London: Routledge, 2019. P. 1—22.
- Batty M.* The New Science of Cities. Cambridge Mass: The MIT Press, 2013.
- Churkina N., Zaverskiy S.* Challenges of Strong Concentration in Urbanization: The Case of Moscow in Russia // Procedia Engineering, 2017. Vol. 198. P. 398–410. <https://doi.org/10.1016/j.proeng.2017.07.095>
- Derudder B.* Polycentric urban regions: conceptualization, identification and implications // Regional Studies. 2022. Vol. 56. Is. 1. P. 1–6. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1982134>
- Fang C., Yu D.* The proposed spatial configuration of china's urban agglomerations is adopted in major national documents and master plans // Chinas Urban Agglomerations. Springer Nature. Singapur, 2020.
- Fang C., Yu D.* Urban agglomeration: An evolving concept of an emerging phenomenon // Landscape and Urban Planning. 2017. Vol. 162. P. 126–136. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.02.014>
- Glaeser E.L., Ponzetto G.A.M., Zou Y.* Urban networks: Connecting markets, people, and ideas // Papers in Regional Science. 2016. Vol. 95. Iss. 1. Special Issue: Agglomerations and the Rise of Urban Network Externalities.
- Haynes K.E., Stough R.R.* The Rise of mega urban regions and the future of spatial organization // Glaeser E., Kourtit K., Nijkamp P., (eds.). Urban Empires. Cities as Global Rulers in the New Urban World. Routledge, 2020. P. 117–128.
- Loibl W. et al.* Characteristics of Urban Agglomerations in Different Continents: History, Patterns, Dynamics, Drivers and Trends // Urban Agglomerations. Intech Open. London, 2018. P. 29–65.
- Metropolregionen — Kooperation und Wettbewerb in Deutschland und Europa / ed. by R. Kafka. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2016.
- Otomo A.* Urban Agglomerations in Japan // Quarterly Journal of Geography. 2021. Vol. 73. P. 108–123.
- Rozenblat C.* Extending the concept of city for delineating large urban regions (LUR) for the cities of the world // CYBERGEO. 2020. 954. <https://doi.org/10.4000/cybergeog.35411>

- Sulzer J., Desax M. Stadtwerdung der Agglomeration. Die Suche nach einer neuen urbanen Qualität. Schweizerischer Nationalfonds, Bern, und Verlag Scheidegger & Spiess AG, Zürich, 2015.
- Szczurek T., Bryczek-Wróbel P. Crisis Management Model for Large Urban Agglomerations // *БиТР*, 2018. Vol. 49. No 1. P. 102–110.
- Taylor P.J. Promiscuous Agglomerations Towards Integrating Urban Agglomerations with Urban Networks // Glaeser E., Kourtit K., Nijkamp P. (eds.) *Urban Empires. Cities as Global Rulers in the New Urban World*. Routledge. 2020. P. 69–75.
- Urban Agglomerations. Intech Open / Ergen M. (ed.). London, 2018.
- Zhao Y., Zhang G., Zhao H. Spatial Network Structures of Urban Agglomeration Based on the Improved Gravity Model: A Case Study in China's Two Urban Agglomerations // *Complexity*. 2021. <https://doi.org/10.1155/2021/6651444>

References

- Alekseev, S.S. (2010). *Problems of Law theory. The main issues of the general theory of socialist law*. Collected works, 3. Moscow: Statut Publishing (In Russian).
- Avakyan, S.A. (2021). *Russian constitutional law*. 2. Moscow, INFRA-M Publishing. (In Russian).
- Barber, B. (2013). *If mayors ruled the world. Dysfunctional nations, rising cities*. New Haven: Yale University Press.
- Bassens, D. et al. (2019). An Urban Studies Take on Global Urban Political Agency. In S. Oosterlynck et al. (Eds.), *The city as global political actor* (pp. 1–22). London: Routledge.
- Batty, M. (2013). *The new science of cities*. Cambridge Mass.: The MIT Press.
- Bratus, S.N. (1950). *Subjects of civil law*. Moscow: State Legal Publishing (In Russian).
- Bratus, S.N. (1984). Subjects of civil law. In Bratus, S.N. (Ed.). *Soviet civil law*. Moscow: State Legal Publishing (In Russian).
- Churkina, N., & Zaverskiy, S. (2017). Challenges of strong concentration in urbanization: The case of Moscow in Russia. *Procedia Engineering*, 198, 398–410. <https://doi.org/10.1016/j.proeng.2017.07.095>
- Derudder, B. (2022). Polycentric urban regions: Conceptualization, identification and implications. *Regional Studies*, 56(1), 1–6. <https://doi.org/10.1080/00343404.2021.1982134>
- Ergen, M. (Ed.). (2018). *Urban agglomerations*. London: Intech Open.
- Fang, C., & Yu, D. (2020). The Proposed spatial configuration of China's urban agglomerations is adopted in major national documents and master plans. In F. Chuangling & Yu. Danlin (Eds.), *Chinas Urban Agglomerations*. Singapore: Springer Nature.
- Fang, C., & Yu, D. (2017). Urban agglomeration: An evolving concept of an emerging phenomenon. *Landscape and Urban Planning*, 162, 126–136. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.02.014>
- Glaeser, E.L., Ponzetto, G.A. M., & Zou, Y. (2016). Urban networks: Connecting markets, people, and ideas. *Papers in Regional Science*, 95(1), Special Issue: Agglomerations and the Rise of Urban Network Externalities, 17–59.
- Haynes, K.E., & Stough, R.R. (2020). The rise of mega urban regions and the future of spatial organization. In E. Glaeser, K. Kourtit & P. Nijkamp (Eds.), *Urban empires. Cities as global rulers in the new urban world*. (pp. 117–128). Routledge.
- Hegel, G.W.F. (2007). *Philosophy of law*. Moscow: Book World Publishing (In Russian).
- Iering, R.F. (2006). *The spirit of Roman law*. St Petersburg: Law Center Press Publishing. (In Russian).
- Ivanov, K.A. & E. Marquart (Eds.). (2021). *Report on the state of local self-government in the Russian Federation. Inter-municipal cooperation as a mechanism for managing urban agglomerations*. Moscow: Prospect Publishing house (In Russian).

- Kafka, R. (Eds.). (2016). *Metropolregionen — Kooperation und Wettbewerb in Deutschland und Europa*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Kant, I. (2007). *The critique of practical reason*. St Petersburg: Science Publishing.
- Kozlova, N.V. (2018). Abstract and concrete understanding of the subject, legal capacity, and civil legal relationship. In *Civil law: modern problems of science, legislation, practice* (pp. 306–324). Moscow: Statut Publishing.
- Loibl, W., et al. (2018). Characteristics of urban agglomerations in different continents: History, patterns, dynamics, drivers and trends. In *Urban Agglomerations* (pp. 29–65). London: Intech Open.
- Maiboroda, V.A. (2022). Jurisdiction of legal acts of the federal territory's public authorities adopted by agreement. *Judge*, 1, 51–56. (In Russian). https://doi.org/10.52433/18178170_2022_01_51
- Otomo, A. (2021). Urban agglomerations in Japan. *Quarterly Journal of Geography*, 73, 108–123.
- Rozenblat, C. (2020). Extending the concept of city for delineating large urban regions (LUR) for the cities of the world. *CYBERGEO*. 954. <https://doi.org/10.4000/cybergeo.35411>
- Sulzer, J., & Desax, M. (2015). *Stadtwerdung der Agglomeration. Die Suche nach einer neuen urbanen Qualität*. Zürich: Schweizerischer Nationalfonds, Bern, und Verlag Scheidegger & Spiess, AG.
- Szczurek, T., & Bryczek-Wróbel, P. (2018). Crisis management model for large urban agglomerations. *BiTP*, 49(1), 102–110.
- Taylor, P.J. (2020). Promiscuous agglomerations towards integrating urban agglomerations with urban networks. In E. Glaeser, K. Kourtit & P. Nijkamp (Eds.), *Urban empires. Cities as global rulers in the new urban world*. Routledge.
- Zhao, Y., Zhang G., & Zhao, H. (2021). Spatial network structures of urban agglomeration based on the improved gravity model: A case study in China's two urban agglomerations. *Complexity*. <https://doi.org/10.1155/2021/6651444>

Сведения об авторах:

Вульфович Ревекка Михайловна — доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: vulfovich-rm@ranepa.ru) (ORCID: 0000-0002-1303-9057)

Майборода Виктор Александрович — доктор юридических наук, судья областного суда в отставке, доцент кафедры правоведения, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: victormaiboroda@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-3439-1244)

About authors:

Revekka M. Vulfovich — Doctor in Political Sciences, Professor of the Department of State and Municipal Management, North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (e-mail: vulfovich-rm@ranepa.ru) (ORCID: 0000-0002-1303-9057)

Viktor A. Mayboroda — Doctor of Law, retired judge of the regional court, Associate Professor of the Department of Jurisprudence, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: victormaiboroda@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-3439-1244)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-553-563

EDN: TLVEFX

Обзорная статья / Review article

«Право на город» и политизация городского пространства: краткий обзор

В.А. Подобуева

*Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация*

✉ Podobueva-va@rudn.ru

Аннотация. Политизация городского пространства быстро становится предметом отдельного внимания политической науки. В научном сообществе нет единого определения публичного пространства города. Однако в многообразии дефиниций можно проследить и общие характеристики: в основном публичное пространство города определяют через пространственные категории, связывая их с социально-политическим и культурно-ценностным контекстом. В исследовании также приводятся основные подходы и концептуальные схемы, с помощью которых обосновывается процесс политизации городского пространства. Основным методом в работах по политической урбанистике — case-study для выявления общих закономерностей этого процесса. Этот метод характерен для накопления эмпирической базы для дальнейшего развития этой новой отрасли политической науки.

Ключевые слова: публичное пространство, город, политическая урбанистика, право на город, культурно-ценностный контекст, социальная справедливость

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки РФ и ЭИСИ, проект FSSF-2023-0032 «Параметры российской цивилизации: суверенитет, солидарность, идентичность».

Для цитирования: *Подобуева В.А.* «Право на город» и политизация городского пространства: краткий обзор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. 553–563. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-553-563>

© Подобуева В.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

“The Right to the City” and Politicization of Urban Space: A Brief Literature Review

Veronika A. Podobueva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ Podobueva-va@rudn.ru

Abstract. The politicization of urban space is rapidly becoming the subject of special attention for political science. Urban political studies provide extensive literature on the topic. Although there is no single definition of a city’s public space in academia, we can trace some common characteristics in the existing definitions: a city’s public space is mainly defined through spatial categories, linking them with the socio-political and cultural-value context. The article also provides basic approaches and conceptual schemes that justify the process of politicization of the urban space. It is also worth noting that the authors of the works under consideration use the case-study method to identify the general patterns of this process.

Keywords: public space, city, political urbanism, the right to the city, cultural and value context, social justice

For citation: Podobueva, V.A. (2023). “The Right to the City” and politicization of urban space: A brief literature review. *RUDN Journal of Political Science*, 25(3), 553–563. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-553-563>

Acknowledgements: The study was carried out with the support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the EISI, project FSSF-2023-0032 «Parameters of Russian civilization: sovereignty, solidarity, identity».

Введение

Московские урбанистические форумы демонстрируют значимость поиска логики развития городов, включающей конгломерат проблем: от образования и социальной сферы до поисков будущего. Предлагаемые проекты, например «Город для каждого», соотношения координат человека и машины, культурной самобытности и универсальной рациональности имеют ключевую точку пересечения – публичное пространство. Именно в нем актуализируются ценности и политическое действие, выводя на передний план солидарность и социальную справедливость. Сегодня громко зазвучали цивилизационные, исторические и ценностно-смысловые акценты, что заставляет пристальнее вглядываться в теоретические подходы. Изучение городов как политических единиц имеет огромное значение для политической науки и понимания как локальных, так и глобальных политических процессов. Х. Арендт [Arendt 2006], обращаясь к греческому полису, определяла город, как единственное место, которое может обеспечить такие условия, чтобы удовлетворять понятию политического [Mehan 2016a: 311].

Несмотря на то, что город становится предметом исследования политической науки значительно позже, чем государство и надгосударственные структуры, с точки зрения важности для объяснения политических процессов и окружающего нас политического пространства он не менее значим.

Для этого существует множество причин и одной из них является быстрый рост городского населения и степени урбанизации. По данным ООН, на 2019 г. в городах проживало 56 % населения Земли. Города стали центрами экономической и политической жизни государств. Именно в городах концентрируется инновационный потенциал всех сфер жизни, и в частности политической: вводятся новые способы управления, организации власти, такие как «умный город». Города становятся площадками для внедрения новых форм политического участия: от электронного голосования до создания специализированных зон, предназначенных для митингов, дискуссий и других публичных мероприятий, так называемых гайд-парков. Р. Маркетти, например, признает, что именно городская среда является колыбелью значительных политических трансформаций, таких как реформы и революции. Культурное и религиозное разнообразие городов порождает сложные взаимоотношения, которые могут приводить как к развитию интернационализации, поддержанию мира, увеличению объема знаний и информации, так и к росту конфликтных ситуаций, влияющих на мировое сообщество. Главным выводом автора в этой связи является то, что, не умаляя роли государств в мировой политике, необходимо принимать во внимание и возрастающее значение городов в выработке общезначимых решений [Marchetti 2021]. Такую же позицию поддерживает и Х.Л. Манфреди-Санчес, который утверждает, что города давно стали элементом процесса глобализации и способствуют развитию дипломатических и политических отношений как неформально, так и через официальные институты. По его мнению, город может самостоятельно формировать не только свой внешнеполитический курс, но и политическую повестку дня, которая иногда может не совпадать с линией государства. Таким образом, города становятся в такой степени значимыми игроками, что государствам и наднациональным структурам приходится считаться с их интересами [Manfredi-Sanchez 2021].

В рамках политической науки активно развивается такая субдисциплина, как политическая урбанистика. В рамках данной сферы исследований изучаются локальные политические режимы, проблемы политического управления городами, политическое участие на местном уровне, политические элиты городов. Предметная область исследований политической урбанистики постоянно расширяется. Например, в настоящей статье предметом анализа станет процесс политизации городских пространств, который пока не имеет достаточного отражения в трудах отечественных ученых. По нашему мнению, это может быть связано с тем, что политическая урбанистика для России является достаточно молодым направлением исследований и значительные труды в этой области только начинают появляться. С другой стороны, пространственная теория и теория публичных пространств как основополагающие теоретико-методологические основания для анализа политизации городов в зарубежной литературе начали появляться еще в конце XX в. Однако следует отметить, что на тот период они связывались с архитектурой, политической географией, городским планированием, но не рассматривались с точки зрения влияния локальных политических процессов на социальную городскую среду.

Публичное городское пространство, с нашей точки зрения, находит свое отражение в приобретении физическим, архитектурным пространством политического смысла, выстраивании ассоциаций с конкретными политическими событиями или отношениями, а также в присвоении данного пространства определенными институтами или социальными группами. Как правило, именно в городах исторически складываются элементы символической политики и «места памяти» (в терминах П. Нора [Nora 1989]) — площади, центральные улицы, бульвары, скверы или парки. Факторы, которые обуславливают процесс переосмысления публичного пространства как политического, включают в себя отношение населения к публичному пространству, интерпретацию исторического смысла пространства, функции и цели, которые вкладываются в производство пространства формальными институтами власти.

Понятие публичного пространства

Единой трактовки публичного городского пространства не существует, но традиционно выделяют два подхода к пониманию публичного городского пространства. Во-первых, это конкретная территория, предназначенная для взаимодействия множества акторов и согласования их интересов. Во-вторых, это социально-политический конструкт, описывающий публичные взаимодействия. Но существует и третий, который синтезирует оба этих подхода и понимает под публичным городским пространством определенную территорию, которая осмысливается с помощью социально-политического конструкта. С функциональной точки зрения, которой придерживались Ю. Хабермас, Х. Арндт и З. Бауман, публичное пространство представляет собой территорию, предназначенную для выработки и принятия политических решений, для реализации «права на город». Другую трактовку публичных пространств, поддерживали Л. Лофланд [Lofland 2017], И. Гоффман [Goffman 2008], Р. Сеннет [Sennett 2020]. В их понимании публичное пространство — пространство для социальных взаимодействий множества анонимных индивидов. Такую характеристику публичных пространств можно назвать гетерогенностью, которая в данном контексте обозначает собрание множества незнакомых людей с различной социальной, политической, культурной идентичностью.

Д. Мэсси же придерживается второго подхода и говорит, что пространство — это продукт взаимоотношений людей, а это неизбежно включает в себя вопрос власти в рамках этих взаимодействий. Она считает, что традиционное понимание публичного пространства стало анахронизмом и в современном мире не стоит слишком сильно связывать его с категориями физического, статического и формального [Massey 2005].

Также публичное городское пространство исследуется в работах Ш. Зукин. Она утверждает, что исторический контекст публичного пространства чрезвычайно важен для понимания его символизма и функциональности [Zukin 2004: 30]. С этим нельзя не согласиться, поскольку именно культурно-ценностный аспект того или иного места порой является одной из основ мобилизации

населения вокруг этого пространства, а с другой стороны, он же становится элементом государственной политики памяти. Она также говорит о том, что изменение правил доступа к пространству влияет на то насколько демократичным и менее дискриминирующим становится то или иное место. Помимо этого, она наделяет публичное городское пространство следующими характеристиками. Во-первых, наличие общественного управления данными территориями. Во-вторых, свобода доступа к ним. В-третьих, использование таких пространств имеет общественные, а не индивидуальные цели [Zukin 2004: 33].

Э. Соджа, исследуя публичные пространства прежде всего американских городов вследствие развития и расцвета капитализма, обращает внимание на пространственную сегрегацию города. Здесь идет борьба за право распоряжаться публичным пространством [Soja 2000]. Это конфликт, в котором участвуют не только гражданское общество и государство, но и группы интересов. В логике П. Бурдьё именно наличие капитала предопределяет возможность материального или символического присвоения пространства и исключения тех, кто не обладает соответствующими характеристиками.

М. Дикеч и Э. Свингедоу отразили в своей работе синтезированный подход. Они утверждают, что политическая идея не может существовать без локализации [Dikeç, Swyngedouw 2017]. Публичные пространства, согласно авторам, исторически были местами, в которых осуществляются эмансипационные практики. Сама локация еще не гарантирует успех политическим акциям, проводящимся в ее границах, тем не менее без места политическая идея бессильна. Политика в этом смысле тесно связана с созданием пространств и трансформацией их в места, где можно бороться с несправедливостью и демонстрировать равенство. Исследователи считают, что ключевой политической вопрос состоит в последствиях, которые произойдут после окончания политических акций, демонстраций, протестов. Они концентрируют внимание на влиянии «протополитических локализованных событий» на повседневную жизнь горожан.

Концепция «права на город»

Развитие этого направления исследований в политической урбанистике связывают в первую очередь с работами французского социолога А. Лефевра. Он разработал концепцию «производства пространства», которая утверждает, что пространство, создаваемое людьми, влияет на их повседневную жизнь и городскую среду. Он также изучал «пространства репрезентации», которые наполнены символикой и воображением, и утверждал, что они уходят своими корнями в историю и культуру. Кроме того, Лефевр развивал концепцию «права на город», которая подразумевает право граждан на преобразование городской среды и борьбу за присвоение ее средств производства [Lefebvre, Nicholson-Smith 1991]. Однозначно большинство дискуссий, касающихся связи политики и города, строятся вокруг этой концепции. Кроме теоретических изысканий концепцией «права на город» активно пользуются городские активисты по всему миру. Например, движение «Reclaim the Streets», зародившееся

в Англии и распространившееся во многих городах по всему миру, основано на лозунге о том, что государство ограничивает их право на город, путем массовой застройки публичных мест. К. Смит, исследуя городские движения, отмечает связь между развитием капитализма и сужением права на использование городского пространства жителями города. По его мнению, «гиперкапиталистическая глобализация в постмодернистском городе» стала основной причиной появления городских политических движений, особенно движений, которые борются с администрациями городов за свободное использование городского пространства [Smith 2004]. Одним из последователей А. Лефевра был Д. Харви. В работе по исследованию концепции «права на город», он пишет о том, что оно «гораздо шире, чем индивидуальная свобода доступа к городским ресурсам: это право менять себя, изменяя город» [Harvey 2008]. Город как политический организм может функционировать благодаря «урбанистическим общественным движениям, стремящимся преодолеть изоляцию, видоизменить город, придать ему вид, не похожий на планы застройщиков, за которыми стоят деньги, корпоративные интересы и невероятно предприимчивые представители органов власти и местного самоуправления» [Harvey 2008: 26]. Необходимо учитывать, что Харви рассматривает только капиталистические города на примере городов США, Канады и Европы, именно поэтому в его работах делается акцент на противоречии между капитализмом, частной собственностью и возможностью свободно использовать публичные городские пространства. В этом смысле любые пространственные трансформации в городе становятся конфликтогенным фактором, что оказывается катализатором в мобилизации и консолидации горожан и приводит к появлению городских движений. Исследования городских движений также являются одним из основных элементов изучения политизации городских пространств. Сотрудничество между государством и частным сектором в сфере городского планирования воспринимается им как ограничение использования городского пространства горожанами, как форма контроля и господства. При этом, рассматривая данную проблематику в рамках марксистской теории и скорее осуждая коммерциализацию публичного пространства, Д. Харви обращается к понятию справедливости. В целом понятие справедливости занимает одно из центральных мест в городских исследованиях в контексте использования публичных пространств и их политизации.

Д. Митчел, работающий также в рамках марксистского подхода, одним из ключевых понятий своих исследований сделал понятие справедливости, на которой, по его мнению, основана концепция «права на город». Для него город является местом экспроприации доминирующим классом и набором экономических интересов. Он также обращает внимание на то, что характерной чертой города является гетерогенность, свойство которой — столкновение различных интересов в рамках единого публичного пространства. Именно это, как утверждает автор, является условием существования и развития городской среды [Mitchell 2003]. Д. Митчелл развивает мысль о производстве публичного пространства, которое являет собой одновременно и основание и результат социальной справедливости и реализации «права на город».

В логике концепции «права на город» можно привести труд Л.Т. Брауна, который на примере трех американских городов: Балтимора, Сент-Луиса и Кливленда — рассуждает о расовом неравенстве в Соединенных Штатах. Анализ автором политических протестов чернокожего населения этих городов и реакции администрации демонстрирует попытку присвоения городского пространства, с одной стороны, и страх потери власти над ним — с другой. Кажется важным для понимания политизации городского пространства в контексте данной книги то, что само неравенство воплощается в территориальном разделении городской среды, то, что Л.Т. Браун назвал «городским апартеидом». Степень социальной справедливости и равенства в городской среде и их влияние на социально-политическую ситуацию в государстве в целом здесь отражено ярчайшим образом [Brown 2021].

Обобщая все вышесказанное, можно констатировать связь между производством публичного городского пространства горожанами, его присвоением и демократизацией. Т. Хоскинс рассматривает процесс политизации пространства через призму пространственной теории и концепции А. Лефевра «права на город». Она считает, что «право на город» должно реализовываться не через собственно институт права, но через институты партисипаторной демократии. Она вводит взаимодополняющие понятия «демократия пространства» и «пространства демократии», которые включают в себя пространственные и политические интерпретации публичного пространства [Hoskyns 2014]. А. Механ, следуя логике Хоскинс, рассматривает публичные пространства не просто как архитектурную составляющую города, но как пространство, определяемое политическими, социальными, культурными и историческими характеристиками. Она также связывает характеристики определенного пространства с социально-политической активностью горожан, в большей степени в работах А. Механ в данном контексте рассматриваются площади. В ее работах также прослеживается попытка выявления политических функций открытых общественных пространств, в частности в городах Ближнего Востока. По мнению А. Механ, взаимосвязь между архитектурой публичного пространства и политической властью можно проследить через его трансформацию в исторической перспективе. Архитектура города по словам исследователя призвана обеспечивать идеологическое взаимодействие посредством действия и реакции, революции и сопротивления [Mehan 2015, 2016].

Проблему социальной справедливости в контексте городского пространства поднимают С. Лоу и К. Ивсон. Они говорят о том, что использование публичных пространств и управление ими часто ведет к конфликтным ситуациям различной интенсивности между горожанами и представителями городской власти. Урегулирование этих конфликтов становится основной целью городской политики, которая связана с политическим участием горожан в производстве пространства, диалогом населения и представителей властных структур, репрезентацией публичного пространства при его использовании, условиями содержания публичного пространства, доступом к данному пространству различных социальных слоев [Low, Iveson 2016].

Альтернативные проявления политизации общественных пространств

Как правило, политизацию городского пространства связывают с городскими политическими акциями, протестами, демонстрациями. Однако некоторые исследователи утверждают, что творчество в публичном пространстве в виде, к примеру, граффити, муралов, инсталляций, перформансов также могут являться выражением политизации городского пространства. В книге «The Everyday Practice of Public Art: Art, Space, and Social Inclusion» М. Джордан и А. Хьюит отмечают, что политика может проявляться через произведения искусства, которые адресованы широким массам и доступны им для восприятия, поскольку таким способом происходит управление формированием общественного мнения, что является по сути политическим манипулированием общественным сознанием. В своей работе авторы в качестве аргумента ссылаются на Ю. Хабермаса, используя его слова о том, что злоупотребление публичностью подрывает политическую публичную сферу. В этом смысле по мнению Ю. Хабермаса все переводится в символы, которые не оспариваются, а только воспринимаются и интерпретируются [Jordan, Hewitt 2016]. Авторы на основе теории пространства Мэсси и теории публичной сферы Ю. Хабермаса сделали вывод о том, что публичные произведения искусства могут политизировать свою целевую аудиторию. Т. Таш и О. Таш придерживаются подобных взглядов. Они, рассматривая уличное искусство как практику партисипаторной политики, выявили взаимосвязь между политическим протестом и уличным искусством. По их мнению, существует три стратегии, посредством которых искусство в публичных городских пространствах становится политически осмысленным и значимым. Во-первых, использование общественного пространства города как наиболее политически выгодного. Во-вторых, пересмотр границ между искусством, политической деятельностью и политической коммуникацией. В-третьих, вовлечение целевой аудитории в политическую активность [Taş, Taş 2014].

Также интересен в смысле политизации городского пространства феномен «гайд-парков». Этот феномен связан с исторически сложившимся «уголком ораторов» в лондонском «Гайд-парке», который является пространством для публичных политических дискуссий, митингов и демонстраций. В Москве в 2012 г. была предпринята попытка создания такого пространства в ЦПКиО им. М. Горького, которое задумывалось как компромисс между властью и гражданским обществом в вопросе места для протестов, митингов и демонстраций, который всегда стоит для обеих сторон довольно остро. Гайд-парк, который должен был стать символом свободы слова и свободы собраний, стал символом ограничений, поскольку, во-первых, в выборе места не участвовала сама общественность, для которой создавалось это пространство, во-вторых, значительно было сокращено количество участников, на которое оно рассчитано. Тем не менее существуют и сторонники феномена «Гайд-парк» как пространства,

способствующего предотвращению беспорядков, анархии, установлению дисциплины при проведении политических акций. М. Арнольд был одним из сторонников такой позиции и в своих трудах выражал позицию согласия с государственной политикой в отношении неконтролируемых городских протестов [Arnold 1993]. Д. Митчелл же объясняет эти две противостоящие друг другу позиции: с одной стороны, протестующих, которые в попытках «вернуть себе город» пренебрегают общественным порядком, что, по мнению Митчелла, нередко сопровождает частные интересы, с другой стороны, государственный аппарат, который не хочет терять контроль над пространством, что означало бы разрушение властной иерархии, использует легитимное насилие против восставших.

Выводы

Существующий массив литературы по проблематике политизации публичных городских пространств в основном фрагментирован и не дает целостного понимания этого явления. Тем не менее каждый из подходов к анализу данной темы не противоречит другому, а скорее дополняет и расширяет поле исследований как в теоретико-методологическом обосновании, так и посредством case-study. Следует отметить, что основными источниками, на которые опирались все последующие публикации по этой теме, были написаны в марксистской парадигме и отсылают к классовому подходу, экономическому обоснованию социальной несправедливости, радикальному решению проблем неравенства. Недавние публикации рассматривают данную исследовательскую проблематику в рамках немарксистской и нелиберальной парадигмы, что существенно расширяет границы исследуемого объекта.

Заключение

Ключевой концепцией, используемой при исследовании политизации городского пространства, является «право на город». Эта концепция, хотя и была создана в рамках левых взглядов А. Лефевра, стала практически универсальной и применяется для обоснования политического участия на локальном уровне в широком политическом спектре. «Право на город» позволяет объяснить причины политизации городского пространства в любых обществах. Такими причинами, согласно концепции, являются требования социальной справедливости, свободы слова, свободы собраний, артикуляции и представления групповых интересов, а также потребность в консолидации и солидарности.

Важной проблемой, которая поднимается на теоретическом фундаменте вышеуказанной концепции, является проблема демократизации городского сообщества. Ограничение использования публичного пространства путем применения легитимного насилия отражается в case-study рассмотренных трудов. При этом обнаруживается, что вне зависимости от политического режима

государства реакция власти на подобные политические акции универсальна. Компромиссные способы регулирования городских конфликтов применяются крайне редко, обеспечение соблюдения общественного порядка достигается насильственными методами.

Публичное пространство города приобретает политическую окраску, когда пространство начинает осмысливаться через категории политического с учетом культурно-ценностного контекста. Причем процесс политизации может идти с двух сторон. Государственная политика памяти неизбежно локализуется, поскольку именно символизм и образность пространства может стать эффективным инструментом как солидаризации, так и манипулирования общественным мнением. Этим же пользуются и лидеры общественного мнения, оппозиционные элиты. В этом ключе анализируются альтернативные формы политизации публичного пространства, такие как стрит-арт, уличные перформансы, стихийные мемориалы. Однако в науке еще нет целостного понимания взаимовлияния этих процессов друг на друга.

Поступила в редакцию / Received: 20.04.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 25.05.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.05.2023

Библиографический список / References

- Arendt, H. (2006). *On revolution*. Penguin.
- Arnold, M. (1993). *Arnold: 'Culture and Anarchy' and Other Writings*. Cambridge University Press.
- Brown, L.T. (2021). *The black butterfly: The harmful politics of race and space in America*. JHU Press.
- Dikeç, M., & Swyngedouw, E. (2017). Theorizing the politicizing city. *International Journal of Urban and Regional Research*, 41(1), 1–18. <http://doi.org/10.1111/1468-2427.12388>
- Goffman, E. (2008). *Behavior in public places*. Simon and Schuster.
- Harvey, D. (2008). The right to the city. *The city reader*, 6(1), 23–40.
- Hoskyns, T. (2014). *The empty place: Democracy and public space*. Routledge.
- Jordan, M., & Hewitt, A. (2016). Politicizing publics: A social framework for public artworks. In C. Cartiere & M. Zebracki (Eds.), *The Everyday Practice of Public Art: Art, Space and Social Inclusion* (pp. 27–44). Routledge.
- Lefebvre, H., & Nicholson-Smith, D. (1991). *The production of space*. Blackwell: Oxford.
- Lofland, L.H. (2017). *The public realm: Exploring the city's quintessential social territory*. Routledge.
- Low, S., & Iveson, K. (2016). Propositions for more just urban public spaces. *City*, 20(1), 10–31. <http://doi.org/10.4324/9781351202558-19>
- Manfredi-Sánchez, J.L. (2021). Urban diplomacy: A cosmopolitan outlook. *Brill Research Perspectives in Diplomacy and Foreign Policy*, 3(4), 1–90.
- Marchetti, R. (2021). *City diplomacy: From city-states to global cities*. University of Michigan Press.
- Massey, D.B. (2005). *For space*. Sage Publications.
- Mehan, A. (2015). Architecture for revolution: Democracy and public space. *SAHGB Graduate Student Research Forum*. <https://doi.org/10.13140/RG.2.1.3595.6243>

- Mehan, A. (2016a). Blank Slate: squares and political order of city. *Journal of Architecture and Urbanism*, 40(4), 311–321. <https://doi.org/10.3846/20297955.2016.1246987>
- Mehan, A. (2016b). Squares as tools for urban transformation: Foundations for designing the Iranian public squares. *Revista Brasileira de Planejamento e Desenvolvimento*, 5(2), 246–254.
- Mitchell, D. (2003). *The right to the city: Social justice and the fight for public space*. Guilford press.
- Nora, P. (1989). Between memory and history: Les lieux de mémoire. *Representations*, 26 (Special Issue: Memory and Counter-Memory), 7–24.
- Sennett, R. (2020). The public realm. In Goldhill, S. (Ed.), *Being urban: Community, conflict and belonging in the Middle East*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003021391-3>
- Smith, C.B.R. (2004). ‘Whose streets?’: Urban social movements and the politicization of public space. *Public: Art, Culture, Ideas*, 29, 156–167.
- Soja, E.W. (2000). *Postmetropolis: Critical studies of cities and regions*. Blackwell Publishers.
- Swartz, D. (2012). *Culture and power: The sociology of Pierre Bourdieu*. University of Chicago Press.
- Taş, T., & Taş, O. (2014). Resistance on the walls reclaiming public space: Street art in times of political turmoil in Turkey. *Interactions: Studies in Communication & Culture*, 5(3), 327–349.
- Zukin, S. (2004). Whose culture? Whose city? *Urban culture: Critical concepts in literary and cultural studies*, 3, 86–117.

Сведения об авторе:

Подобуева Вероника Александровна — студент магистратуры кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: podobueva-va@rudn.ru) (ORCID: 0009-0003-8940-6962)

About the author:

Veronika A. Podobueva — MA student of the Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: podobueva-va@rudn.ru) (ORCID: 0009-0003-8940-6962)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-564-580

EDN: TOTSQN

Research article / Научная статья

The Impact of Urbanization and Population Policy on China's Economy

Shide Feng

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russian Federation

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russian Federation

✉ shidefeng508@gmail.com

Abstract. Urbanization and Population policies are critical influential factors of economic growth, the quantitative and qualitative methods are applied to analyze the relationship between urbanization, population policy from 1950 to the present. The analysis of the correlations and patterns of urbanization processes and economic growth, allows to make prediction of future trends. China's economy and urbanization are mutually beneficial. In the process of urbanization, a large quantity of labor has been transferred the secondary and tertiary industries, which significantly improved production efficiency. The population transfers from rural areas to small and medium-sized cities, and from small and medium-sized cities to large cities. The cities in the certain areas form a huge urban agglomeration. This brings a certain imbalanced regional development. People move from the western region to the eastern region because the economy in the eastern coastal area is more developed, with more employment opportunities, infrastructure, and medical care, which leads to imbalanced regional development. Based on the model prediction, the process of urbanization will reach its peak in 2040, and the urbanization rate will be more than 80 percent.

Keywords: urbanization, population policy, China, population mobility, migration, development, economic growth

For citation: Feng, Sh. (2023). The impact of urbanization and population policy on China's Economy. *RUDN Journal of Political Science*, 25(3), 564–580. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-564-580>

© Feng Sh., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Влияние урбанизации и демографической политики на экономику Китая

Шидэ Фэн

*Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация*

✉ shidefeng508@gmail.com

Аннотация. Урбанизация и демографическая политика являются важнейшими факторами экономического роста, и количественные и качественные методы применяются для анализа взаимосвязи между урбанизацией, демографической политикой с 1950 г. по настоящее время. Анализ корреляций и закономерностей между процессами урбанизации и экономическим ростом позволяет делать прогноз относительно будущих тенденций. Экономика Китая и урбанизация являются связанными. В процессе урбанизации большое число рабочей силы переходит в отрасли промышленной сферы, что значительно повышает эффективность производства. Население перемещается из сельской местности в малые и средние города, а из малых и средних городов — в крупные города. Города в определенных районах образуют огромную городскую агломерацию. Население перемещается из западного региона в восточный, поскольку экономика в восточной прибрежной зоне более развита, здесь больше возможностей для трудоустройства, есть инфраструктура и медицинское обслуживание, что приводит к несбалансированному региональному развитию. На основе модели автор прогнозирует, что процесс урбанизации достигнет своего пика в 2040 г., а уровень урбанизации составит более 80 процентов.

Ключевые слова: урбанизация, демографическая политика, перемещение населения, Китай, миграция, развитие, экономический рост

Для цитирования: *Feng Sh.* The Impact of Urbanization and Population Policy on China's Economy // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-564-580>

Introduction

The concept of urbanization originates from the Ildefons Cerda [Soria Y Puig 1995] and it is the general trend that the degree of urbanization will be higher as the economy develops [Zhang 2008]. In 2021, China's urbanization rate has reached 62,512 %, and the urban population has reached 880 million, this is already more with the total population of many countries.¹ How to well distribute the population appropriately is a serious challenge for Chinese government.

The transition of population in the urbanization has contributed considerably to China's development. The scale of Chinese urbanized population is the largest

¹ National Bureau of Statistics of China. Retrieved March 21, 2023, from <http://www.stats.gov.cn/english/>

in the world, China's urbanization process is one of the fastest processes in the world². After the economic reform, sufficient labor force transferred from the countryside to the city [Li & Li 2004]. And these labor forces quickly joined various industries in the city and contributed to economic development.

At different periods of development, various domestic and international situations, this process of population growth and transition is relatively complex. Although this process has contributed to China's economic development a lot, there are still many challenges [Zhou 2002]. The over urbanized population is the burden on the city. In the urbanization development, expansion of the cities is not appropriately planned, for instance, some cities over occupied rural arable land. The working age population has flowed from rural areas to cities, which brings a shortage of rural labor. Furthermore, there are still unsolved issues with the integration of new immigrants into the city [Guo 2006].

The quantitative and qualitative methods are applied to analyze the interaction between population, urbanization policy and economy from the perspective of Chinese policies.

The Development of Urbanization and Population Policies

There are many indicators to measure urbanization, common indicators are the rate of urbanized population, the output value of the tertiary industry and the employed population. These indicators are highly related to population and transition of population. While exploring the impact of urbanization on the economy, other important variables have to be considered like the structure of the population and the policies themselves as they are influential factors to both urbanization and economic growth.

The mechanism and pattern of the impact of population movement could directly affect China's sustainable development. If the speed of urbanization is lower than the speed of economic development, problems such as insufficient labor will restrict urbanization and economic development. However, if the speed of urbanization development is higher than the speed of economic development, it is difficult for cities to support such a large population.

In different periods, the process of population and urbanization development was different, which can be mainly divided into 4 stages. The first phase, from 1950 to 1958, was a period of recovery after the war. The second phase was from 1959 to 1978, a period of gradual economic development. The third stage occurred after the economic reform, from 1979 to 2001, China is constantly reforming and adjusting development strategies in different industries. The fourth stage is from 2001 to the present, as in 2001 China joined the WTO, and the economic structure is relatively stable.

² China. World Bank data. Retrieved March 21, 2023, from <https://data.worldbank.org/country/CN>

Phase 1 (1950–1958)

In the early 1950s, China's population was only 550 million at that time, the urbanization level of the population was very low, and the population structure was not very normal. As a result of years of war, China suffered a lot of losses, and at the same time, to avoid the war, a large number of people moved from the cities to the countryside. The war in China had just ended, and China was gradually restoring order, with economic growth reaching 17 percent in 1952.

The degree of urbanization was also rising after war, it was 10 percent, and the urban population of the city was only about 60 million, because China was still an agricultural country, the economy was underdeveloped, the degree of industrialization was low, and the GDP at that time was only 6%. 7.91 billion CNY, the output value of the primary industry was 34.29 billion CNY, the output value of the secondary industry was 14.11 billion CNY, and the output value of the tertiary industry was only 19.51 billion CNY. A large number of people returned to the cities, with the urban population growing by 8.47 percent in 1953 and the urbanization rate reaching 12 in 1952 (46%). China's population was about 550 million, and in the years following the end of the war, this was largely due to better medical conditions and stable living conditions, a decline in mortality, and rapid population growth. During the war people could not have children, they had children after the end of war. China's population growth rate was as high as 2% during this period.

In his speech, Chairman Mao supported the population growth.³ At the same time, China's borders were not very stable, and the Korean War lasted until 1953, a year when the population growth rate was as high as 2.4%. Because the economic loss caused by the ongoing war was very serious, the loss of young and middle-aged labor in the war was huge.

At that time, sufficient population meant sufficient productive labor and sufficient military resources, so in early 1950, the Ministry of Health suspended abortion, and the policy was called the Ministry of Health Interim Measures. The Interim Regulation on the Administration of Urban housing management was implemented in 1951. However, the regulation did not impose any restrictions on the entry and emigration of urban populations.

In 1953, when the first census was conducted, China's population reached 580 million, the population has increased⁴ by 30 million in a short period of time, and the population structure was more like the expansive population pyramid. The growth rate of the urban population was about 7%, while the growth of the rural population was only 1.5%, and the urbanization rate was much greater than the growth of the rural population. At that time China was quite stable internally and externally, recovering from the losses of the war.

The previous policies provided abundant labor force, China began its first five-year plan (1953–1958), and its economy began to grow rapidly with the first five-year plan

³ The Review of Chairman Mao's theory. Retrieved March 21, 2023, from <https://www.dswxyjy.org.cn/n1/2019/0228/c423718-30943675.html>

⁴ State Statistical Bureau (China) (1953). China Population and Housing Census.

mainly focused on the development of industry. GDP in 1958 was 131.23 billion CNY, it increased 61 % compared to 1953, before the start of the First Five-Year Plan. This growth was mainly due to the output value of the secondary industry, which was 48.36 billion CNY, a year-average increase of 4 %, surpassing the other two industries, and the tertiary industry was also twice as good as before. The industrialization movement absorbed a lot of labor from the cities.

But this also brought some problems, rapid population growth put pressures on society, such as urban housing problems, support labor and food supply shortage. In 1955, the government began a program to transfer surplus labor to the countryside, a large number of urban educated youth began to move to the countryside, and in 1955 the urban population barely grew, roughly by 6.4 % from 1953 to 1958. The contribution of migration to rural areas to the primary sector increased, and in 1956 there was a small peak in the GDP value of the secondary industry.

In 1955, the Ministry of Health began preliminary birth control.⁵ In 1957, both officials from the government and scholars in the academic field believed that population should be planned and embedded as part of a planned economy.

Phase 2 (1958–1978)

In 1958, the total population had reached 659 million, the urban population was about 100 million, and the urbanization process accelerated, because the labor force in the secondary industry grew rapidly, and a large amount of population entered the city, about 20 million. The urban population grew by 13 % in 1958, the urbanization rate reached 18.3 %. The large number of urban population caused a lot of pressure on the city's education, food and transportation education, etc.

In 1958, the people's movement began, and the government decided to accelerate industrial development, despite rapid economic growth. In 1958 the economic growth was close to 25 %, 131.23 billion CNY, the GDP value of the secondary industry was 61.6 billion CNY, but this abnormal pattern disrupted normal economic order, and the continuous natural disasters in the later period reduced the supply of food. There was a short-term negative growth in the population.

Labor shortages in rural areas began to emerge, and along with ongoing natural disasters, food supplies began to run low. By 1960, the urban population decreased by 15.2 percent, a large number of urban population has declined, and the urbanization rate dropped significantly.

From 1958 to 1963, the growth rate of the urban population was only about 5 percent, the growth rate of the rural population was almost zero, the rate of urbanization was very high, and the urban expansion was constantly expanding. However, natural disasters reduced the total population and GDP, increasing the pressure on the cities. During this period, the economy experienced negative growth. The output value of the

⁵ Critical point of family plan. Retrieved March 21, 2023, from <http://theory.people.com.cn/n/2013/0807/c40531-2247578.html>

secondary industry continued to decline, and in 1963 the output value was only 41.2 billion CNY.

In 1964, the economy began to gradually return to the level of 1960, and it reached 164 billion CNY, and the population reached 690 million. The population increased by 110 million in 10 years, the Family Planning Commission of the State Council was established, and family planning was formally incorporated into the system of the planned economy. The government began to try to solve China's growing population problem, and began to systematically transfer the population from the city to the countryside again, and the educated youth to the rural resource construction.

Between 1964 and 1968, China's population continued to grow, reached 785 million, the urban population reached 120 million, and the urban population grew by 1–2 percent. The growth rate of the urban population slowed down significantly, and the growth rate of the rural population remained above 2.5 %, reaching 646 million. After 1966, the output value of the secondary industry began to decline.

At the beginning of the People's Revolutionary Movement, China's political and economic order suffered a huge shock, in the following years, the economic growth rate declined year by year, and in 1975 there was a negative growth rate of –1.7 % roughly.

In 1968, when some of the educated youth who had been transferred to the countryside returned to the cities, the growth of the urban population reached about 2.05 percent, and in 1969 the secondary and tertiary industries grew rapidly, by 21 % and 10 %, i.e. 54.26 billion CNY and 47.53 billion accordingly.

In 1969, the labor force of some cities was transferred again, which greatly reduced the employment pressure in the city. However, the output value of the primary industry did not increase much, and the output value of the secondary industry increased significantly. Because the diplomatic honeymoon period between China and the Soviet Union ended, in order to prevent potential conflicts, a large number of intellectual youths went to the countryside to begin a paramilitary life, not only to participate in rural agricultural production, but also to build defense projects and participate in military training.

Family planning for the population was not implemented smoothly. The family planning commission was abolished, but in 1970 the family planning commission was restored, the family planning policy was not strictly enforced, and the population continued to grow in certain periods, and the population reached 821 million, roughly 20 million increase per year. In the 1971 “Report on Family Planning Work of the State Council” and “The Impact of Family Planning and Population Growth on the Development of the National Economy in 1972”, the government reopened the study of family planning, and the government hoped that the people could marry later, have children later, and have fewer children. These policies had a positive effect, with the birth rate of the population at 2.3 % in the years before the implementation of the policy. After the implementation of this policy, the birth rate of the population fell from 2.23 % in 1971 to 1.33 % in 1978.

Between 1968 and 1975, the urban population growth rate was about 2.04 %, the rural population growth rate was about 2.2 %. The population transfer policy continued after 1973, the rural population growth rate continued to decline, from 2.9 % in 1973

down to 0.9% in 1978. The growth rate of the urban population peaked in 1975, when many of the educated youth who had been transferred to the countryside began to return to the cities, and the growth rate of the urban population was about 2.3%, and the population reached 700 million. The output value of the secondary industry was growing faster than the primary and tertiary industries. In 1978, the secondary industry had reached 175.51 billion CNY, and the primary and tertiary industries were only 101.8 billion CNY and 90.51 billion CNY.

Phase 3 (1978–2001)

The goal of population policy is that the government establishes a reasonable population structure, controls the number of people, targets full employment, and rationally allocates labor.

During this period, China began a new round of political and economic reforms, introducing the market economy as a tool to further develop the economy, and the transferred labor forces back to the cities became the human capital for economic development. China's economy grew rapidly during this period, averaging 18 percent annually from 1979 to 1995, with more than 20 percent in three years.

Based on the new Constitution of the People's Republic of China in 1978, China gradually restored and administrative capacity was strengthened. Family planning measures were included into the constitution to control the growing population. The 1979 government work report pointed out that practical measures must be formulated to promote family planning. An article in the People's Daily in 1980 stated that there should be planned population growth. In early 1978, the return of educated youth from rural areas to cities increased the employment pressure in cities and indirectly promoted the further implementation of family planning.⁶

In 1982, the government proposed to improve the quality of the population and control the number of people, so that urban couples could have only one child, and rural and ethnic minority families could have two children. State officials could have only one child. The family planning policy began to be implemented, and in the next 10 years, the natural population growth rate was about 1.5%, effectively controlling the population growth, while the population circulated from the countryside to the cities, providing sufficient labor force and ensuring economic growth.

From 1978 to 1983, urbanization rate reached 20%, and the urban population reached 220 million. The average annual growth rate of the urban population was about 4.7%, the natural growth rate of the rural population was only 0.5%, economic reforms were beginning to influence the movement of people, the labor force in the city promoted the development of industry, and China's urbanization process promoted the growth of China's economy.

In 1986, Deng Xiaoping said in the People's Daily that controlling population growth was based on our vital interests, which was China's strategic decision, and

⁶ Critical point of family plan. Retrieved March 21, 2023, from <http://theory.people.com.cn/n/2013/0807/c40531-2247578.html>

that the natural population growth rate began to gradually decline from 1986 onwards, roughly 1.64 %. It fell down to 0.76 % in 1999.

Since 1992, the rural population began to flow out continuously, and the rural population showed continuous negative growth. Until 2000, when the negative growth of the rural population reached 0.8 % per year. In 2000 China's urbanized population rate reached 35.8 per cent, with 450 million urban residents and 811 million rural residents. The output value of the secondary industry and the tertiary industry were much higher than that of the primary industry reaching 4566.7 billion CNY and 3989.91 billion CNY accordingly. The growth rate of the secondary and tertiary industries exceeded 20 % in the early 90s, and the production efficiency and income of urban residents, who accounted for 35 % of the total population, were much greater than those of rural people.

In 1998, the People's Congress began to discuss the issue of national family planning legislation, and family planning also became the core strategy of the country, and these policies had a far-reaching impact on China's urbanization and economy in the next century [Song 1997].

Phase 4 (After 2001)

In the new century, family planning became the focus of legislators and the family planning commission began to be fully operational. At the same time, local governments paid attention to family planning and steadily implemented policies, such as “family planning management measures” and “floating population management measures”.

Since 2001, China's population reached 1.2 billion, and the natural population growth rate reached 0.6 per cent, while the population growth rate was declining until 2008. The natural growth rate of the population was about 0.5 %. The population was still constantly flowing from the countryside to the city, the growth rate of the urban population begun to decline year by year, with an average of about 3.6 % per year, the rate of loss of rural population was rising, about 1.7 % per year, and the rate of population outflow was constantly rising. The GDP of the economy in 2008 was 31924 billion.

In 2008, the primary sector was still growing, and the growth rate was relatively low, and the share of GDP in the primary industry was decreasing, about 10 percent. The growth rate of the secondary industry continued to grow the fastest, averaging 15 % per year, and the growth rate of the tertiary industry was also very fast, accounting for 47 and 43 % of the total economy, respectively.

The imbalance of regional development was more serious, the population was flowing to the east. After the 2008 economic crisis, the global recession hit international trade, and the rate of population growth and urbanization began to decline for a short period of time [Yu et al. 2014].

Economic growth was about 15 % in 2009 and 2010, China's economy continued to recover after the global recession. In 2011, China's urbanization exceeded 50 %, and more people moved into cities, more urbanized population drove further economic growth [Liao et al 2020]. In 2013, the government began

to issue a two-child policy to cope with the increasingly aging problem, and the population growth rate was getting slower and lower. At this time, China's population structure was more like contraction type, and China's population development plan stated that China would reach a period of demographic transition in the 2030s.

The Current status of urbanization in China, its characteristics and impact on the economy

By 2022, the population has almost stopped growing, the scale of population is about 1.41 billion, there is negative growth in 2022. So, from 2009 to 2021, the gradual growth of the urban population has reached 880 million, but the annual growth rate of the urban population has begun to decline to 1.77 %, the rural population has fallen from 700 million in 2008 to 530 million, and the rate of decline is increasing minus 1.2 % in 2000 to minus 2 % in 2008 to minus 2.9 % in 2021, China's urbanization rate has reached 62.5 %.

Since 2020, the global COVID-19 pandemic has impacted the global economy, and China's economy has maintained growth, reaching 121020.72 billion in 2022. In the past decade, the tertiary industry surpassed the secondary industry, accounting for 52.8 % of the total economy, and the secondary industry accounted for 39.9 % of the total economy. China's urbanization has reached a relatively high level.

Due to the concentration of population, the economic situation in large cities was better. Higher economic levels often lead to better living conditions because economic advantage leads to abundant infrastructure, health care and education resources, better job opportunities. These indicators are very attractive, and a large number of people with higher education will enter the city. In the early stage of urbanization, the development speed of large cities will be higher than that of small and medium-sized cities. These large cities may have geographical advantages, such as coastal cities or natural resources, they also may have special national policy, such as Free zone, special economic zone, etc.

The development of big cities will drive the development of small cities around them, soon they form industrial clusters in a certain area, such as manufacturing, mining and Internet industries. They will form upstream and downstream industrial chains in a certain area. There are a lot of advantages such as low logistics cost, higher efficiency, which will bring faster the economic development.

As industrial clusters continue to expand, they became super-large urban agglomerations, such as China's Yangtze River Delta, Pearl River Delta, Beijing-Tianjin and Sichuan-Chongqing [Zhu, Zhu, Xiao 2019; Zhang 2008].

The trend of population transition in China is from the west to the east, from the north to the south. The rural population moves to small and medium-sized cities, and the small and medium-sized cities move to large cities.

The population flowing into cities is roughly divided into two categories, one long-term urbanized population and one temporarily urbanized population.

Cities attract highly productive and scarce human resources, such as people with higher education, skilled workers, who contribute more to the economy than other workers and China’s big cities have also begun to introduce various policies to attract population with higher education and sophisticated skill, the policies contain subsidies and other beneficients. The scarcity leads to higher incomes [Bai, Chen, Shi 2012; Qiu, Zhao 2019]. So that their incomes will be higher, and they will have bigger chance to stay in the city for a long time. The other is the temporary population in the city, their income is relatively low, they will move between different cities, and as the skills and work experience improve, some people will transit to permanent population in the city. Urbanization and the economy mutually benefit (Figure 1).

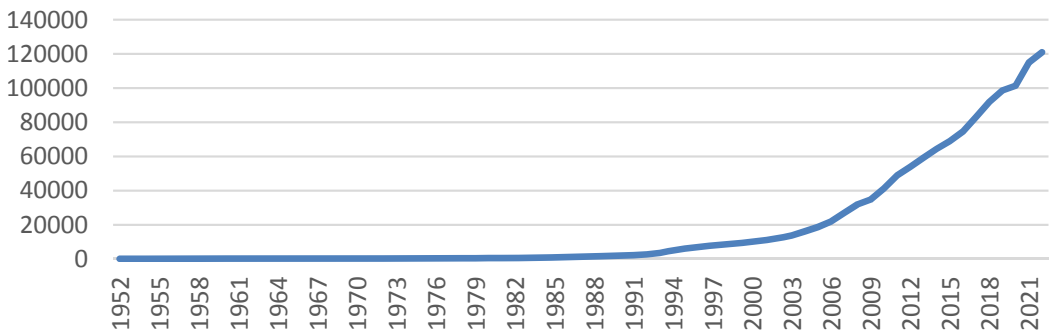

Figure 1. GDP, 1952–2021, billion CNY

Source: National Bureau of Statistics of China. Retrieved March 21, 2023, from <http://www.stats.gov.cn/english/>

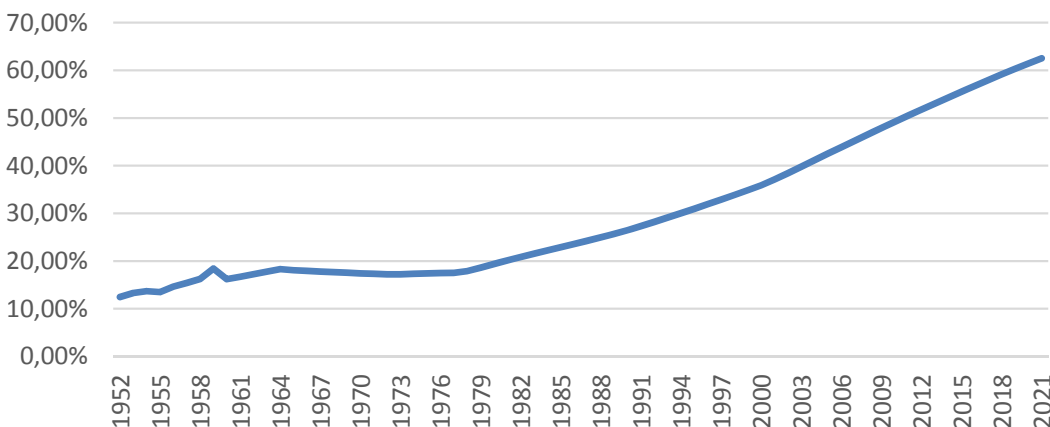

Figure 2. Urbanization, 1952–2021, %

Source: National Bureau of Statistics of China. Retrieved March 21, 2023, from <http://www.stats.gov.cn/english/>

These can also be seen from the historical process of urbanization that China’s urbanization rate has a slow growth rate in the early stage and a fast growth rate in the later stage. The same is true about the level of economic growth. Since the economic reforms of 1979, we have seen an increase in urbanization.

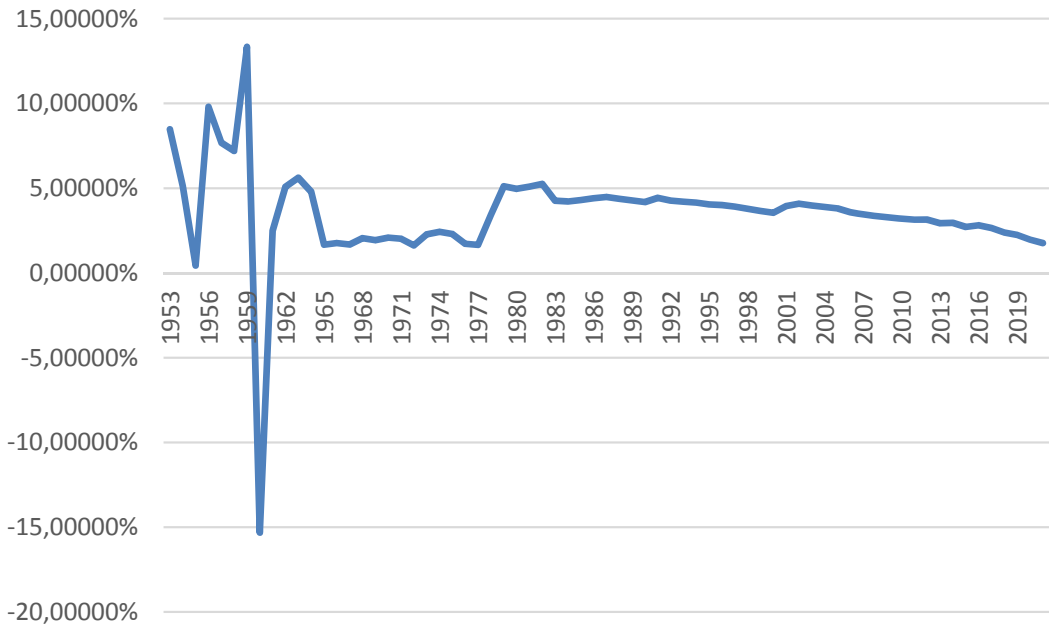

Figure 3. Growth Rate of Population, 1953–2019, %

Source: National Bureau of Statistics of China. Retrieved March 21, 2023 <http://www.stats.gov.cn/english/>

But according to data, the rate of urbanization of China’s population is declining, and the rate of urbanization in China is declining.

Based on the Production Function [Cobb, Douglas 1928] the relationship between the parameters of economic growth and population urbanization is estimated by quantitative methods. The models are built like this (Tables 1, 2, 3):

$$Y = \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \varepsilon, \tag{1}$$

where Y stands for GDP of the tertiary industry, X_1 is Urban population, and X_2 is rural population.

Table 1

Result of Model 1

Indicators	Coefficients	Stand Deviation	P value
Urban Population	135.366***	6.428	2e-16
Rural Population	-60.011***	5.03	1.71e-12

Source: Author’s Estimation.

Urban population and economic growth are positively correlated, rural population and economic growth are negatively correlated, and rural population is declining. Thus, the process of urbanization is benefiting economic growth.

$$Y = \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \varepsilon, \quad (2)$$

where Y stands for GDP of the secondary industry, X_1 is Urban population, and X_2 is rural population.

Table 2

Result of Model 2

Indicators	Coefficients	Stand Deviation	P value
Urban Population	55.515***	2.088	2e-16
Rural Population	-23.797***	1.634	1.36e-14

Source: Author's Estimation.

$$Y = \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \varepsilon, \quad (3)$$

where Y stands for GDP of the tertiary industry, X_1 is Urban population, and X_2 is rural population

Table 3

Result of Model 3

Indicators	Coefficients	Stand Deviation	P value
Urban Population	69.882***	4.198	4.71e-16
Rural Population	-32.662***	3.285	1.09e-10

Source: Author's Estimation.

The urban population is positively related with the GDP of the secondary and tertiary industries, while the rural population is negatively related, and the rural population is declining. Therefore, continuing to promote urbanization and increase of the urban population can benefit the economic growth more. The intuition behind this may be that the secondary and tertiary industries are the current pillars of the economy, and most of these industries are located in cities and suburban areas, while most of the primary industry's agriculture, forestry, animal husbandry and fisheries are in rural areas, and the overall economic output value is relatively small.

The Trend Analysis

According to the results of the forecast model, China’s urbanization rate will reach 68.2% in the next few years, and China’s economy will continue to grow, reaching 162020.6 billion in 2027. Both urbanization rates and economies will grow in the future (Figure 4).

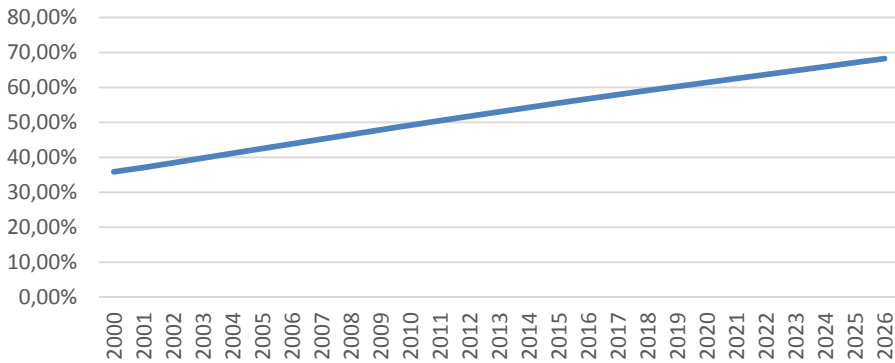

Figure 4. Predication of Urbanization, 2000–2026, %

Source: Author’s Estimation.

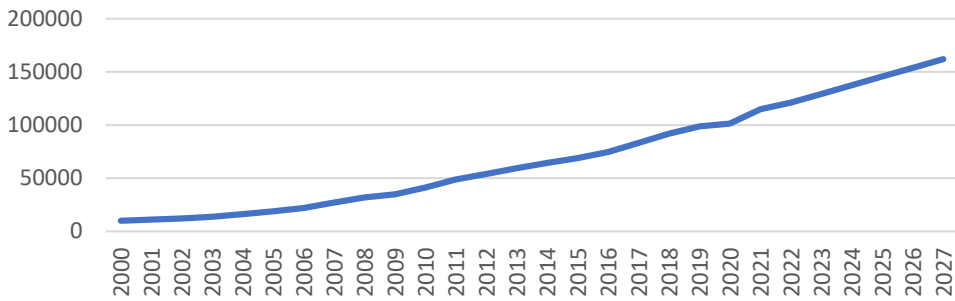

Figure 5. Predication of GDP, 2000–2027, Billion CNY

Source: Author’s Estimation.

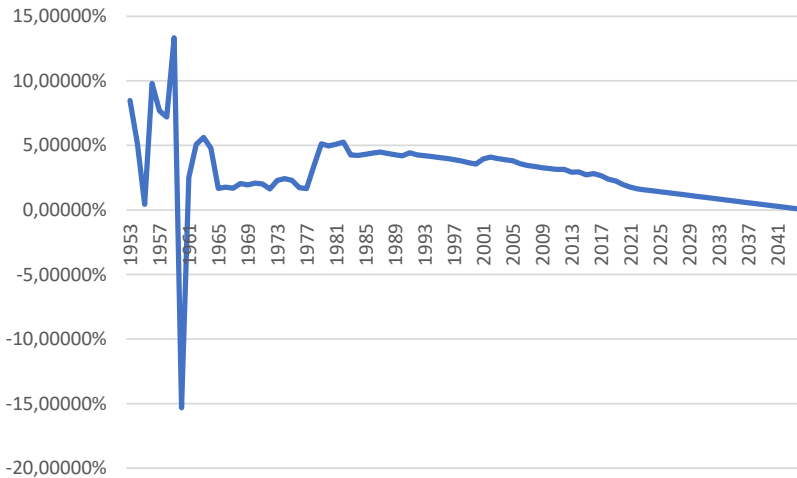

Figure 6. Predication of Growth Rate of Population, 1953–2041, %

Source: Author’s Estimation.

According to the Northam's curve of urbanization⁷, the situation in China corresponds to the third stage, the growth rate on the way shows (Figures 7, 8) that the growth rate of China's urbanized population has begun to decrease, at this time, the forecast model is used to calculate the time when the urbanization of the Chinese reaches the peak, according to the forecast model, to the time of 2044 China's urbanization rate growth rate will change to 0, and if the proportion of population in cities and towns is used as an indicator, China's urbanization will peak in the 2040s and then remain stable.

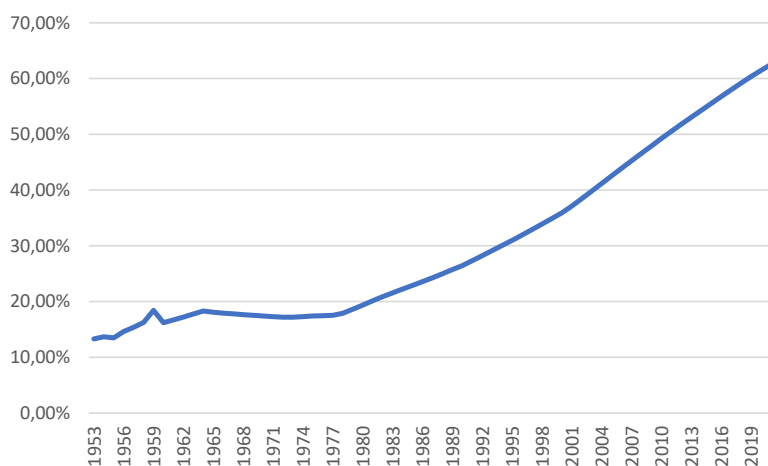

Figure 7. Predication of Predication of Urbanization Rate, 1953–2019

Source: Author's Estimation.

According to this model, China's urbanization rate will reach 82.9% in 2044, which is similar to the rate of most developed countries today.

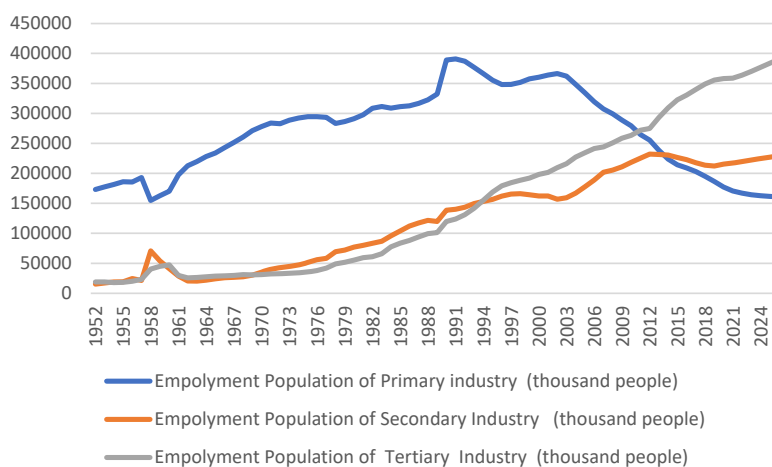

Figure 8. Predication of Labor in Primary, Secondary, and Tertiary (thousand people), 1952–2024

Source: Author's Estimation.

⁷ Northam's curve of urbanization. Retrieved March 21, 2023, from https://www.researchgate.net/figure/Northams-curve-of-urbanization_fig1_350395814

With the development of the economy, the number of workers in China's secondary and tertiary industries will continue to increase, while the number of workers in the primary industry will decrease relatively. The decline rate of labor in the primary industry has declined, and in the near future, China's primary industry population will be relatively stable.

China is now facing an increase in labor costs brought about by industrialization and increasing cost of living in a better economic situation [Lu, Zhang, Luo 2014].

Many enterprises have transferred industries, or use high-tech measures for production, and the demand for people is shrinking, how to ensure employment without the decline of the population?

China has a large population, and the development of cities needs rural support, if the rural labor force is insufficient, the Agriculture mechanization will be a solution, which increases rural productivity and accumulates capital, improves the living conditions and education of rural areas. The industrial structure in the east has become labor-intensive and accelerated the change to capital and technology-intensive, attracting a large number of talents and capital from the central and western parts of the country, further widening the gap between the economic and development levels in the east and the west [Zeng 2011; Zhou et al. 2021].

The state's macro-control strategies also strictly control the development of large cities, small and medium-sized cities and allocate population resources appropriately. From the perspective of the regional balance, the central and local governments should put forward reasonable policies to attract talent and capital into the central and western regions to attract labor-intensive industries in the central and western regions to retain qualified personnel and accumulate capital [Knight, Li, Song 2006]. To achieve diversified industrial structure and balanced regional development in different large regions, some industrial clusters have been established in the central and western regions to make the population evenly distributed and balance the gap between small and medium-sized cities and large cities [Nijman, Wei 2020].

The urbanization rate of the population is gradually increasing, cities with excessive population inflow should limit the inflow, and outflow areas should attract population with higher education and sophisticated skills to return. Administrative and market instruments can be used to adjust the distribution of the population.

Cities need rational allocation of resources and infrastructure, strengthen social security systems, and raise living standards, so that they can fully attract talents and develop the economy. In the case of urban expansion, rational planning of the city, expansion of new urban areas and development of surrounding satellite cities, the area between the city and the satellite city to form an urban agglomeration.

Conclusion

China's economy and urbanization are mutually beneficial, and China's urbanization process is relatively rapid compared to other countries, especially after economic reforms. Although this will bring some problems, such as imbalanced regional development, China's urbanization structure is growing steadily, mainly due

to the government's rational policies and administrative capacity. China's population transition trend is from rural to small and medium-sized cities, small and medium-sized cities to large cities, and central and western regions to economically developed coastal areas. Urban agglomerations are becoming larger, most of the inflow of people goes into the secondary and tertiary sectors, which are more productive and have greatly contributed to China's economic development, and China's urbanization process will continue in the coming years, but the rate will gradually decline, the peak of urbanization process will be around the 2040s, then the rate of urbanization will stop growing, the urbanization rate will be more than 80 percent.

Received / Поступила в редакцию: 20.03.2023

Revised / Доработана после рецензирования: 25.04.2023

Accepted / Принята к публикации: 15.05.2023

References

- Bai, X., Chen, X., & Shi, P. (2012). Landscape urbanization and economic growth in China: Positive feedbacks and sustainability dilemmas. *Environmental Science & Technology*, 46, 132–139.
- Cobb, C.W., & Douglas, P.H. (1928). A theory of production. *American Economics Review*, 18, 139–165.
- Guo, Y. (2006). The impact of demographic factors on sustainable development. *Resource Economy*, 5, 16–20.
- Knight, J., Li, S., & Song, L. (2006). The rural-urban divide and the evolution of political economics. Retrieved March, 20, 2023, from https://www.researchgate.net/publication/241597736_The_Urban-Rural_Divide_and_the_Evolution_of_Political_Economy_in_China
- Kojima, R. (1995). Urbanization in China. *The Developing Economies*, 33(2), 121–54.
- Li, G., & Li, M. (2004). Patterns of population mobility and social policy innovation in urbanization. *Research*, 9, 41–42.
- Liao, W., Qiao, J., Xiang, D., Peng, T., & Kong, F. (2020). Can labor transfer reduce poverty? Evidence from a rural area in China. *Journal of Environmental Management*, 1(271), 110981. <http://doi.org/10.1016/j.jenvman.2020.110981>.
- Lu, L., Zhang, L., & Luo, T. (2014). Difficulties and strategies in the process of population urbanization: A case study in Chongqing of China. *Open Journal of Social Sciences*, 2(4), 90–95.
- Nijman, J., & Wei, Y.D. (2020). Urban inequalities in the 21st century economy. *Applied Geography*, 117, 1–8. <http://doi.org/10.1016/j.apgeog.2020.102188>
- Qiu, L., & Zhao, D. (2019). Urban inclusiveness and income inequality in China. *Regional Science and Urban Economic*, 74, 57–64. <http://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2018.11.006>
- Song, B. (1997). A mutually beneficial and complementary system of population policy and population legislation. *Gansu Journal of Theory*, 3, 42–47.
- Soria Y Puig, A. (1995). Ildefonso Cerdá's general theory of "urbanización." *The Town Planning Review*, 66(1), 15–39. <http://doi.org/> <http://www.jstor.org/stable/40113676>.
- Yu, A.T., Wu, Y., Zheng, B., Zhang, X., & Shen, L. (2014). Identifying risk factors of urban-rural conflict in urbanization: A case of China. *Habitat International*, 44, 175–185.
- Zeng, X. (2011). Population development trends and population development policy adjustment in western China. *Journal of Yunnan Finance & Economics, University*, 21(1), 48–53.

- Zhang, J. (2008). Urban migration in Asia: A comparison of China, Korea and Malaysia. *Journal of Guangxi University for Nationalities*, 30(2), 2–9.
- Zhou, J., Yu, X., Jin, X., & Mao, N. (2021). Government competition, land supply structure and semi-urbanization in China. *Land*, 10, 2–29. <http://doi.org/10.3390/land10121371>
- Zhou, W. (2002). Five policy dilemmas of population urbanization. *Frontiers of theory*, 12, 19–21.
- Zhu, J., Zhu, M., & Xiao, J. (2019). Urbanization for rural development: Spatial paradigm shifts toward inclusive urban-rural integrated development in China. *Journal of Rural Studies*, 71, 94–103. <http://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2019.08.009>

About the author:

Shide Feng — postgraduate of the Department of Comparative Politics, MGIMO University, Moscow; postgraduate, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ORCID: 0000-0002-4786-1751), (e-mail: shidefeng508@gmail.com)

Сведения об авторе:

Фэн Шидэ — аспирант кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России; аспирант, Институт Китая и современной Азии РАН (ORCID: 0000-0002-4786-1751), (e-mail: shidefeng508@gmail.com)

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В ГОРОДСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ЛАНДШАФТАХ PUBLIC POLICY IN URBAN SOCIAL LANDSCAPES

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-581-600
EDN: ТМОКQR

Научная статья / Research article

Движение городов-побратимов в управлении региональной политикой: опыт новых территорий

А.В. Волкова , Т.А. Кулакова

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская
Федерация*

 AV.Volkova@rambler.ru

Аннотация. Институт городов-побратимов в условиях развивающегося международного кризиса, когда городская дипломатия, успешная практика межгосударственного гражданского сотрудничества, десятилетиями воспринимаемые как незыблемые и ценностно ориентированные, оказались подвергнуты «приостановке» или «отмене», сталкивается с серьезными вызовами. Вместе с тем территориальные изменения 2022 г., вхождение новых территорий в состав России и установление отношений побратимства российских городов с городами Донбасса придают институту городов-побратимов новый смысл и важное политико-культурное значение. Формирование и развитие аксиосферы городов-побратимов видится важным фактором развития межрегионального сотрудничества и «связывания» российских территорий. Междисциплинарность настоящего исследования выражается в обращении не только к вопросам публичной политики, социальной философии, культурологии, этики, экономики, но и в стремлении учесть специфику развивающегося цифрового общества, при этом авторы рассматривают вопросы регионального управления с позиции аксиологического подхода. Авторы отмечают важность гражданских инициатив и движений, социальных медиа, деятельность которых направлена на поддержание социальной сферы и формирование цифровой среды доверия, на интенсификацию городского, гражданского сотрудничества в сети как противовес используемым сегодня агрессивным сетевым практикам антироссийского характера.

© Волкова А.В., Кулакова Т.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: публичная политика, аксиосфера региона, города-побратимы, государственная региональная политика, цифровые трансформации, новая гуманизация, публичные ценности

Для цитирования: Волкова А.В., Кулакова Т.А. Движение городов-побратимов в управлении региональной политикой: опыт новых территорий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. 581–600. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-581-600>

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00779 «Суверенность и суверенитет: логика и антиномии глобальной цивилизации».

Twin Cities Movement in the Development of Regional Policy: The Experience of the New Territories

Anna V. Volkova , Tatyana A. Kulakova

St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

 AV.Volkova@rambler.ru

Abstract. The institute of twin cities faces serious challenges due to the developing international crisis, when urban diplomacy, and successful practices of interstate civil cooperation, perceived for decades as unshakable and value-oriented, have been subjected to “suspension” or “cancellation”. On the other hand, the territorial changes of 2022, the entry of new territories into Russia, and the establishment of twinning relations between Russian cities and the cities of the Donbass region give the twin cities institute a new meaning and important political and cultural value. The formation and development of the twin cities’ axiosphere is an important factor in the development of interregional cooperation and the “linking” of Russian territories. The research is interdisciplinary. It deals with various issues of public policy, social philosophy, cultural studies, ethics, and economics. We discuss the specifics of a developing digital society and consider issues of regional governance from the standpoint of the axiological approach. The authors note the importance of civic initiatives and movements, social media, whose activities are aimed at maintaining the social sphere and forming a digital environment of trust, at intensifying urban, civic network cooperation as a counterbalance to the aggressive network practices of modern anti-Russian narratives.

Keywords: public policy, axiosphere of the region, twin cities, state regional policy, digital transformations, new humanization, public values

For citation: Volkova, A.V., & Kulakova, T.A. (2023). Twin cities movement in the development of regional policy: The experience of the new territories. *RUDN Journal of Political Science*, 25(3), 581–600. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-581-600>

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project N 22-28-00779 “Sovereignty and sovereignty: The logic and antinomies of global civilization”.

Введение

Рост урбанизации, возрастающая роль мегаполисов в мировых экономических, социальных, политических процессах [Nawratek 2011; Nawratek 2012], а также усиливающееся влияние городского населения на развитие регионов и обусловленная этим остро ощущаемая потребность в прогрессивных и эффективных системах управления делают урбанистику актуальным и перспективным направлением политической науки. Так, согласно данным ООН, в конце 2020 г. в городах проживало 55 % населения всего мира, а к 2050 г. доля городских жителей превысит 2/3¹. Обратившись к данным Росстата, можно увидеть неизменно растущую долю городского населения (109982329 в 2021 г.) среди общей численности населения (146980061)². Цифровые трансформации, внедрение концепции «умный город» и опыт городского управления в период пандемии обострили ряд проблем и вопросов жизни горожан, а период политической турбулентности 2022 г. и обострение проблем мировой политики сформировали новые вызовы, затрагивающие городское население во всем мире.

В современной научной литературе можно увидеть отражение наиболее значимых проблем городского развития [Щербинин 2021]. Так, самого пристального внимания заслуживают публикации, посвященные «умным городам»³. И если цифровая эпоха вначале виделась через проблемы киберпространства, кибербезопасности и электронной демократии [Komninos 2015: 14], то позже акцент сместился в сторону проблемы «умных граждан» и гармонии человека, техники и природы [Valley 2018], причем вопросы «преодоления наследия индустриальной эпохи» и возможности и угрозы нового мира «в цифре» занимают центральные позиции [Шмидт 2013; Korab-Karłowicz 2019; Соловьев 2021]. Вся гамма противоречий и конфликтов, связанных с управлением публичной политикой, цифровизацией и «новой гуманизацией», отраженная в работах современных обществоведов [Volkova 2021; Щербинин 2022], относится к теоретическим и практическим аспектам управления современными городами. Российская критика движения «умных городов» делает акцент на оптимизации таких процессов, как «включение граждан в принятие важных решений в сфере городского развития, налаживание обратной связи между городской властью и населением, повышение уровня информированности жителей о событиях в городе...» [Вульфвич 2019:68; Волкова, Борисова 2020]. Коронакризис стал триггером нового витка борьбы за город и реализацию «права на город» [Щербинин 2022: 173]. И это, вероятно, наиболее яркий всплеск гражданской активности с момента фиксации такого феномена, как «рассерженные горожане» [Попова 2021], когда произошли существенные сдвиги только в плане стихийного участия в публичных акциях протеста, организации гражданской инициативы, а также было зафиксировано изменение модели электорального поведения.

¹ World Cities Report 2020. URL: <https://unhabitat.org/wcr/2020/> (accessed: 24.03.2023).

² Официальная страница Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 02.04.2023).

³ Sterling B. Stop Saying ‘Smart Cities’. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2018/02/stupid-cities/553052/> (accessed: 20.04.2023).

Таким образом, политическая урбанистика, по праву закрепившаяся как актуальное и динамично развивающееся направление политологии, представляет собой один из лучших примеров отрасли, демонстрирующий необходимость методологического синтеза и развития междисциплинарных исследований. И все это в полной мере относится к такому эмоционально окрашенному феномену публичной политики, как побратимство городов.

Движение побратимства как инструмент публичной дипломатии

На наш взгляд, именно интерес к исследованию культурных факторов ошутимо преобразует как современную политическую науку, так и процессы управления публичной политикой. Российские философы на рубеже веков активно разрабатывают ценностную проблематику, но при этом современное аксиологическое направление включает целый спектр трактовок сущности понятия «ценность» и представлен, соответственно, разными направлениями, которые часто дополняют друг друга [Розов 1998; Выжлецов 2016; Данилов 2022].

Возможность развивать данное направление в отечественной науке связана не только с масштабным переосмыслением теории и практики государственного управления, с переориентацией системы науки и образования, а также с целым рядом обстоятельств, ставших результатами международного кризиса 2022 г. Представляется значимым, что декларируемый впервые в новейшей истории страны на самом высоком уровне отказ от «заимствования западного опыта» становится реальной политикой государства⁴. Представляется, что в условиях политической турбулентности и глобальных изменений в системе международных отношений, которая обострила внутренние проблемы духовного развития, аксиологический подход способен позиционировать ответственное отношение к изучаемому объекту и направлен исключительно на осмысление его ценностных характеристик. Сегодня большинство людей полагаются на комплекс эмоций и когнитивные установки при формировании своих политических взглядов [Мартыанов 2021], культура не просто выступает ориентиром, она подсказывает простые решения и предлагает «сети доверия» (т.е. эмоциональное, ценностное знание), что особенно важно для «вовлечения в публичность» широкой публики как инновации государственного управления [Кулакова 2022: 108].

Среди современных концепций, связывающих государственное управление с формированием или трансляцией системы ценностей, концепция «мягкой силы» Дж. Ная, имеющая ярко выраженное прикладное значение как при моделировании международных процессов, так и внутри национальных государств, занимает особое место. Следует признать, что термин «мягкая сила», несмотря на неоднозначность трактовок и критику концепции, исключительно точно характеризует свое время. Значимость выявленных компонентов

⁴ В Университете состоялась презентация проекта «ДНК России». URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/v-universitete-sostoyalas-prezentaciya-proekta-dnk-rossii> (дата обращения: 25.09.2022).

(культура, политические ценности, внешнеполитические установки), от привлекательности которых зависит «мягкая сила» государства [Nye 2005: 11] и ее коммуникативный потенциал, сегодня нельзя не признать. Традиционно ресурсы «мягкой силы» определяются ценностями организации или страны, что выражено в культуре и может быть проиллюстрировано внутренними правилами, законами, политикой. Это имеет принципиальное значение для выстраивания отношений взаимодействия в системе координат «свой-чужой».

Аксиологический подход к региональному управлению состоит в понимании региона территориальной единицей «с единообразными относительно автономными социальными, экономическими и культурными условиями, для которой характерно определенное мышление, уникальные традиции, специфическое мировоззрение и мироощущение», региональное пространство выступает как территория, обладающая социально-исторической целостностью, способствующая формированию идентичности [Бакулина 2013: 58], что предполагает наличие более или менее устойчивого механизма трансляции ценностей. Кроме того, для процессов городского управления рубежа веков проблема формирования конкурентоспособного бренда города для привлечения жителей и зарубежья является актуальной в связи с усилением глобальной конкуренции за потребителя и инвестиции [Пашкус 2022].

В этом контексте феномен побратимства городов представляется крайне интересным и значимым. История взаимодействия городов (Ганзейский союз, сборы ополчения и т.д.) достаточно разнообразна, но современное побратимство городов возникло в Европе на рубеже XIX — XX вв., а потом распространилось по всему миру. Изучение этого феномена затруднено тем, что нет и не было единого центра управления этим процессом, отсутствуют международные и региональные базы данных, существует огромное количество мифов, а кроме того, не сформулированы четкие критерии установления братских или сестринских, как их принято называть в Европе («sister-city»), отношений между городами и населенными пунктами. Стихийное движение то возникало, то затухало. Так, к примеру, в 1912 г. были установлены связи между Мюнхеном и Эдинбургом, а после Первой мировой войны возникают связи между Германией и Швейцарией, Германией и Австрией. Основным мотивом налаживания «низовых» гражданских контактов было стремление преодолеть ужасы войны и разобщенность Европы.

С уверенностью можно утверждать, что рост числа этих коммуникативных практик и их формализация относятся к периоду после окончания Второй мировой войны. Декларирование и продвижение этой идеи на международном уровне делает побратимство городов одним из значимых направлений мирового политического процесса и инструментом государственной региональной политики начиная с 1950-х. Тогда же была создана «Всемирная Федерация Породненных городов» (World Federation of United Cities) со штаб-квартирой в Париже и в 1962 г. определен праздник — «Всемирный день породненных городов» (последнее воскресенье апреля). По некоторым данным, к 1980-м гг. в мире насчитывалось около 6,5 тысяч породненных городов, но только 9% приходилось на страны соцлагеря. Сегодня действует созданная в 2004 г. путем

объединения нескольких организаций Всемирная организация «Объединенные города и местные власти» (United Cities and Local Governments)⁵.

Побратимство отражает стремление активно и сознательно стать единым целым, что приводит к фундаментальным изменениям в социальной, экономической и политической идентичности, и неслучайно современные исследователи, обращаясь к проблемам городов побратимов, поднимают такие сложные и дискуссионные темы, как вклад городов-побратимов в реинтеграцию разделенных сообществ (на примере установления братских связей между германскими городами и городами союзников во время и после Второй мировой войны) и роль городских сообществ в условиях Холодной войны [Laucht, Allbeson 2023]. Вместе с тем следование риторике городов-побратимов может использоваться как манипулятивный инструмент управления публичной политикой, давая чиновникам основания выдвигать претензии на возможности в сфере торговли и туризма и потенциальный доступ к дополнительным национальным ресурсам. Интересен опыт городов Благовещенск (Россия) и Хэйхэ (Китай), сознательно ограничивающих свою побратимскую деятельность торговлей и туризмом и намеренно исключающих любые изменения, которые могут касаться административных границ или национальной безопасности по причине препятствий, порожденных национализмом, историей, экономической ситуацией и демографическими тенденциями [Mikhailova 2017].

В самом общем виде основные модели отношений городов-братьев могут быть сведены к следующим.

«*Побратимство-помощь*». Причем это может быть как взаимопомощь равных городов (Сталинград — Ковентри, Ковентри — Киль), так и помощь, оказываемая в одностороннем порядке, или донорство, осуществляемое более крупным и благополучным городом в отношении своего нуждающегося партнера. Такие отношения чаще складываются в послевоенные периоды или после катастроф (землетрясения, цунами и т.д.);

«*Презентационное побратимство*» — характерно для мирного времени и направлено на развитие двусторонних отношений в сфере культуры, спорта, образования, причем целями могут быть и формирование сильного бренда города, и развитие туризма, и лоббирование интересов (например, участие в крупных международных спортивных соревнованиях).

«*Политическая декларация*» как способ заявить о своей позиции (Поти-Севастополь, 2008).

Среди российских городов Сekt-Петербург и Москва — безусловные лидеры по числу братьев как за рубежом, так и внутри страны. Первым город-побратимом Санкт-Петербурга (Ленинграда) стал в 1953 г. финский город Турку, который соответствовал высоким критериям отбора (приблизительное равенство по значению в своей стране, выход к морю, наличие культурных и учебных заведений), города сближала и история бывших столиц.

⁵ United Cities and Local Governments. URL: <https://www.uclg.org/> (accessed: 14.03.2023).

События 2022 г. внесли значительные коррективы в осуществление международного партнерства. Ни многомерные процессы глобальной трансформации, включая «планетарный урбанизм», ни осуществлявшаяся (или только декларированная) на разных уровнях децентрализация управления, ни расширение и усиление автономных сетевых взаимодействий, ни появление «субгосударственных акторов» с властным потенциалом не смогли остановить масштабное, демонстративное и политически обусловленное движение отмены «братских уз» западноевропейскими городами. Городская дипломатия, успешные практики межгосударственного гражданского сотрудничества, десятилетиями воспринимаемые как незыблемые и ценностно ориентированные, оказались подвергнуты «приостановке» или «отмене», что перечеркнуло, по сути, всю историю и весь накопленный в процессе сотрудничества городов опыт. Приходится признать, что в мире города-побратимы утрачивают способность к проведению самостоятельной политики, используя инструменты «братской дипломатии» и «мягкой силы», без оглядки на свои правительства и с выгодой для локальных сообществ [Побратимство... 2021]. Из 97 городов-побратимов с Санкт-Петербургом в 2022 г. 9 расторгли побратимские связи, это были города Польши, Литвы, Эстонии. Если оценивать сотрудничество Санкт-Петербурга с городами-побратимами в 2022 г., то международное сотрудничество с городами Европы ограничилось двумя мероприятиями с Сербией и Республикой Сербской (Босния и Герцеговина), но произошла активизация взаимодействия с такими странами, как Китай, Индия, Вьетнам, причем обсуждаются преимущественно вопросы регионального торгово-экономического сотрудничества⁶.

Надежда на сохранение братских связей и новые форматы «презентационного побратимства» появилась в апреле 2023 г., когда в представительстве Санкт-Петербургского государственного университета в городе-побратиме Барселоне (Испания) прошла первая онлайн-встреча «Санкт-Петербург — город вне времени», и гид-переводчик по Санкт-Петербургу и Ленинградской области рассказала о золотом веке города на Неве, о петровском и елизаветинском барокко и о том, какую роль сыграли испанцы в его строительстве и развитии⁷. Историческая память, эмоционально окрашенные воспоминания, сотрудничество и преодоление общих проблем, безусловно, остаются важным аспектом гуманитарного взаимодействия городов, территорий, государств, однако, учитывая неоднозначность и разнонаправленность социально-политических процессов начала этого века, возникает необходимость активного включения молодого поколения в процессы публичной политики. Приходится учитывать и тот факт, что молодое поколение больше не разделяет яркие воспоминания об общем прошлом городов и народов и события прошлого века для них не столь эмоционально окрашены и близки, а отсюда — тенденция к сосредоточению внимания на гуманитарных проектах и поисках новых ориентиров.

⁶ Сотрудничество Санкт-Петербурга с городами-партнерами. URL: https://kvs.gov.spb.ru/media/content/docs/323/СВОД_320-2022.pdf (accessed: 02.04.2023).

⁷ Санкт-Петербург — вне времени. URL: <https://www.culture.ru/live/broadcast/50734/sankt-peterburg-gorod-vne-vremeni>

Побратимство в управление региональной политикой РФ

В ситуации охлаждения мирового сообщества к движению побратимства и в связи с ограничениями, связанными с неприятием вхождения Крыма в состав России, после 2014 г. движение побратимства активизировалось внутри страны и имело характер стимулирования экономической, культурной, социальной активности населения России. С 2017 г. установление отношений побратимства является одним из основных направлений деятельности Интеграционного комитета «Россия — Донбасс» (табл. 1). Соглашения о побратимских связях и сотрудничестве стали заключать как отдельные муниципалитеты (или районы) городов-братьев, так и новые города и муниципалитеты исторических территорий.

Таблица 1

**Установление побратимских связей
между регионами РФ и новыми территориями в 2017–2021 гг.**

Россия	Дата, место подписания соглашения	ЛНР/ДНР
2017		
г. Судак (Республика Крым)	12 мая 2017, г. Донецк	Киевский район г. Донецка (ДНР)
Нижнегорский район (Республика Крым)	12 мая 2017, г. Донецк	Перевальский район (ЛНР)
г. Симферополь (Республика Крым)	26 августа 2017, г. Донецк	г. Донецк (ДНР)
г. Алушта (Республика Крым)	24 сентября 2017, г. Краснодон	г. Краснодон (ЛНР)
г. Ковров (Владимирская область)	3 ноября 2017, г. Владимир	г. Краснодон (ЛНР)
г. Муром (Владимирская область)	3 ноября 2017, г. Владимир	г. Ясиноватая (ДНР)
г. Суздаль (Владимирская область)	3 ноября 2017, г. Владимир	г. Докучаевск (ДНР)
г. Феодосия (Республика Крым)	18 декабря 2017, г. Феодосия	г. Алчевск (ЛНР)
г. Саки (Республика Крым, РФ)	13 ноября 2017, г. Симферополь	г. Брянка (ЛНР)
Ковровский район (Владимирская область)	3 ноября 2017, г. Владимир	Славяносербский район (ЛНР)
2018		
г. Евпатория (Республика Крым)	22 октября 2018, г. Ялта	г. Свердловск (ЛНР)
г. Бахчисарай (Республика Крым)	22 октября 2018, г. Ялта	г. Углегорск (ДНР)
Бахчисарайский район (Республика Крым)	16 марта 2018, г. Симферополь	Старобешевский район (ДНР)
2019		
г. Керчь (Республика Крым)	18 января 2019, г. Симферополь	г. Макеевка (ДНР)
г. Ялта (Республика Крым)	18 января 2019, г. Симферополь	г. Луганск (ЛНР)
2021		
Ленинский район (Республика Крым)	9 июня 2021, г. Ялта	Новоазовский район (ДНР)
Черноморский район (Республика Крым)	9 июня 2021, г. Ялта	г. Дебальцево (ДНР)
Сакский район (Республика Крым)	9 июня 2021, г. Ялта	г. Первомайск (ЛНР)

Источник: составлено авторами на основе: Побратимы Донбасса. URL: <https://russia-donbass.ru/pobratimy-donbassa/#> (дата обращения: 22.04.2023).

Establishment of sister city relations by regions of the Russian Federation

Russia	Date, place of signing of the agreement	LNR/DNR
2017		
Sudak (Republic of Crimea)	May 12, 2017 Donetsk	Kyiv district of Donetsk (DPR)
Nizhnegorsky district (Republic of Crimea)	May 12, 2017 Donetsk	Perevalsky district (LPR)
Simferopol (Republic of Crimea)	August 26, 2017 Donetsk	Donetsk (DPR)
Alushta (Republic of Crimea)	September 24, 2017 Krasnodon	Krasnodon (LPR)
Kovrov (Vladimir region)	November 3, 2017 Vladimir	Krasnodon (LPR)
Murom (Vladimir region)	November 3, 2017 Vladimir	Yasinovataya (DPR)
Suzdal (Vladimir region)	November 3, 2017 Vladimir	Dokuchaevsk (DPR)
Feodosia (Republic of Crimea)	December 18, 2017 Feodosia	Alchevsk (LPR)
Saki (Republic of Crimea)	November 13, 2017 Simferopol	Bryanka (LPR)
Kovrovskiy district (Vladimir region)	November 3, 2017 Vladimir	Slavyanoserbsky district (LPR)
2018		
Evpatoria (Republic of Crimea)	October 22, 2018 Yalta	Sverdlovsk (LPR)
Bakhchisarai (Republic of Crimea)	October 22, 2018 Yalta	Uglegorsk (DNR)
Bakhchisaray district (Republic of Crimea)	March 16, 2018 Simferopol	Starobeshevsky district (DNR)
2019		
Kerch (Republic of Crimea)	January 18, 2019 Simferopol	Makeevka (DPR)
Yalta (Republic of Crimea)	January 18, 2019 Simferopol	Lugansk (LPR)
2021		
Leninsky district (Republic of Crimea)	June 9, 2021 Yalta	Novoazovsky district (DNR)
Chernomorsky district (Republic of Crimea)	June 9, 2021 Yalta	Debaltseve (DNR)
Saki district (Republic of Crimea)	June 9, 2021 Yalta	Pervomaisk (LNR)

Source: compiled by the authors based on: Brothers of Donbass. Retrieved April 22, 2023, from <https://russia-donbass.ru/pobratimy-donbassa/#>

В рамках подписанных Соглашений 22 мая 2018 г. побратимами стал ряд населенных пунктов Нижнегорского района Республики Крым и Перевальского района, ЛНР (табл. 2).

За исключением нескольких пунктов с близкими названиям (Михайловка, Ивановка и Новоивановка) выбор побратимов, очевидно, диктовался не наличием культурной близости, а иными, в первую очередь политическими, причинами.

Установление побратимских отношений по Соглашению от 22 мая 2018 г.

Нижнегорский район, Республика Крым, РФ	Перевальский район, ЛНР
Желябовка	Перевальск
Изобильное, Емельяновка	Артёмовск
Зоркино, Чкалово	Зоринск
Уваровка	Бугаевск
Акимовка	Селезнёвка
Косточковка	Городище
Новогригорьевка	Фащевка
Лиственное	Ящиково
Михайловка	Михайловка
Пшеничное	Чернухино
Садовое	Центральный
Жемчужина	Комиссаровка
Ивановка	Малоивановка
Митрофановка	Адрианополь
Охотское	Червоный Прапор
Дрофино	Петровка

Источник: составлено авторами на основе: Побратимы Донбасса. URL: <https://russia-donbass.ru/pobratimy-donbassa/#> (дата обращения: 22.04.2023).

Table 2

Establishment of sister city relations under the Agreement of May 22, 2018

Nizhnegorsky district, Republic of Crimea	Perevalsky district, LPR
Zhelyabovka	Perevalsk
Izobilnoye, Emelyanovka	Artyomovsk
Zorkino, Chkalovo	Zorinsk
Uvarovka	Bugaevsk
Akimovka	Seleznyovka
Kostochkovka	Городище
Novogrigorevka	Fashevka
Listvennoye	Yashchikovo
Михайловка	Mikhailovka
Pshenichnoye	Chernukhino
Sadovoye	Centralniy
Zhemchuzhina	Komissarovka
Ivanovka	Maloivanovka
Mitrofanovka	Adrianople
Okhotskoye	Chervony Prapor
Drofino	Petrovka

Source: compiled by the authors based on: Brothers of Donbass. Retrieved April 22, 2023, from <https://russia-donbass.ru/pobratimy-donbassa/#>

Как отмечено на сайте организации, «эти соглашения направлены на развитие дружественных связей по взаимодействию и расширению историко-культурного, патриотического и социально-экономического сотрудничества. Приоритетными направлениями двустороннего сотрудничества является развитие отношений в области культуры, образования и молодежной политики»⁸, поскольку Донбасс воспринимается как часть Русского мира.

Территориальные изменения 2022 г., вхождение новых территорий в состав России и установление отношений побратимства российских городов с городами Донбасса придают институту городов-побратимов новый смысл и важное политико-культурное значение. Во-первых, произошла активизация тех соглашений, которые были заключены в период до 2022 г., с учетом новых геополитических реалий. К примеру, в 2022 г. отмечалось двадцатилетие побратимству Казани и Донецка, ставшего к этому времени столицей Донецкой Народной Республики. Стороны реализовали проект «Помощь детям Донбасса», подразумевавший организацию экскурсионной поездки в Россию, в частности в Казань, для детей и родителей из пострадавших от обстрелов районов города Горловки ДНР⁹. И это было видимое наращивание активности и изменение ее направления.

Президент России Владимир Путин принял решение, что российские регионы «возьмут шефство» над районами Донецкой и Луганской народных республик¹⁰. Санкт-Петербург официально 1 июня 2022 г. стал городом-побратимом Мариуполя, 3 июня городами-побратимами стали Москва и Луганск. Эстафету приняли другие регионы России, география побратимства расширилась. Так, 29 июня 2022 г. между Сахалинской областью и Шахтерском было подписано Соглашение о сотрудничестве¹¹. Логика включения определялась не только геополитическими реалиями, но и театром военных действий. В июле 2022 г. Севастополь стал побратимом Мелитополя. Примечательно, что города — побратимы Севастополя (2000–2015) за исключением Поти (Грузия, 2008) и Евпатории (2016 г.) российские города. В этом явно прослеживается особый статус города и политическая составляющая.

Побратимство мирного времени позволяло использовать такие инструменты и институты публичной дипломатии, как обмен делегациями, организация художественных и спортивных мероприятий, совместные выставки и фестивали, взаимное просвещение о жизни друг друга и проч. В современных условиях установление связей по типу «побратимство-помощь» подразумевает

⁸ Официальная страница Интеграционного комитета «Россия-Донбасс». URL: <https://russia-donbass.ru/pobratimy-donbassa/> (дата обращения: 18.04.2023)

⁹ Реальное время. URL: <https://realnoevremya.ru/news/252498-kazan-i-doneck---goroda-pobratimy-s-2002-goda> (дата обращения: 02.04.2023)

¹⁰ Побратимы Донбасса. URL: <https://russia-donbass.ru/pobratimy-donbassa> (accessed: 02.04.2023).

¹¹ Официальный сайт РИА новости. Выпуск 30.06.2022. URL: <https://ria.ru/20220630/soglashenie-1799153074.html> (дата обращения: 02.04.2023).

формирование и развитие аксиосферы городов-братьев. Аксиосфера, как динамичная «область ценностного отношения человека к миру» [Бакулина 2013: 7], элементы которой обеспечивают преемственную трансляцию культурного наследия, имеет особое значение в период социокультурных трансформаций. Это важный фактор развития межрегионального сотрудничества и «связывания» российских территорий, наряду с экономической помощью. Таким стало побратимство Санкт-Петербурга с Мариуполем, который получил значительные разрушения в ходе начатой РФ специальной военной операции (СВО). Важнейшим посылом этого акта стало промышленное восстановление, активизация портовой деятельности и идея масштабной перестройки жилых районов, включая такой амбициозный проект, как создание на месте «Азовстали» территории отдыха и досуга с оформлением набережной. До этого времени у Петербурга среди украинских городов побратимами были и Харьков, и Одесса, очевидно, что заключенное соглашение получило серьезный символический смысл, стало демонстрацией единства российских регионов в деле поддержки единой политической линии Российского государства. Что касается сотрудничества Петербурга и Мариуполя, то, несмотря на тяжесть нынешнего положения, сотрудничество не может быть (и не будет) ограничено делом восстановления городской инфраструктуры. При разнице масштабов у городов много схожего: два города-порта с непростой историей, опытом преодоления военных тягот, стремящиеся развивать и сферу туризма, и промышленный потенциал.

В этих условиях важной миссией Санкт-Петербурга становится формирование и развитие гражданской поддержки новой роли Санкт-Петербурга как лидера в деле восстановления братского города-порта и развития связей с территориями Донбасса. Дело не только и не столько в экономической помощи, которую готовы оказать правительство и бизнес второго по величине мегаполиса России разрушенному городу-побратиму, а в формировании общей аксиосферы, в организации процесса трансляции культурных ценностей, транслокации культурных брендов и взаимного усиления позиций городов. Примером стала выставка «Донбасс. Индустриальный портрет» в Академии искусств в Санкт-Петербурге¹², ведь искусство способно «удваивать» действительность, усиливая ценностный и эмоционально значимый контекст времени, а визуализация образа пространства становится декларацией действительности, дает необходимую основу для формирования концепта памяти.

Эта работа немислима без идейного обоснования, без широкого гражданского участия и поддержки горожан, она должна строиться на таких ценностных установках, как сопереживание, солидарность, сотрудничество, а учитывая цифровые трансформации и особенности взаимодействия внутри разных поколений — должна одинаково активно вестись как в офлайн, так и в онлайн-пространствах, например, с использованием страниц крупнейших культурных

¹² Официальная страница выставки «Донбасс. Индустриальный портрет». URL: <https://artsacademymuseum.org/exhibition/donbass-industrialnyi-portret/> (дата обращения: 12.04.2023).

центров города и сетевых сообществ («Это Питер, детка!», «Мой Питер», «Питер :) Подписывайся и будь в курсе жизни Петербурга» и др.). Формирование заинтересованности в двустороннем партнерстве должно быть частью целенаправленной и системной работы как традиционных средств массовой информации, так и социальных медиа, что видится важным фактором развития межрегионального сотрудничества и «связывания» российских территорий.

Сформулированные Дж. Блаттером принципы трансграничного сотрудничества (идейные, утилитарные, конкретно-целевые) [Blatter 2003] могут быть использованы гораздо шире и применимы для понимания способностей к сотрудничеству городов-побратимов. Так, к примеру, способность генерировать совместные идеи подразумевает определение идейной близости, формирование и продвижение общей системы ценностей на уровне городских сообществ. Способности к обеспечению совместных бизнес-проектов сосредоточены на возможностях находить и приумножать взаимную пользу, взаимно усиливать конкурентные преимущества. Способности целеполагания видятся в данном случае как идентификация общих интересов (базовых или ситуационных), возможностей совместного лоббирования интересов и обеспечение достижения общих целей.

Таким образом, в центре внимания оказывается поликультурная среда региона, «сформированная на основе закрепленных аксиологических ориентаций, — это форма, для которой содержание создает человек, выстраивая свою деятельность с учетом не только заказа времени, но и специфики аксиологической доминанты местоживания» [Бакулина 2013:58]. Социально-культурное проектирование — актуальная стратегия развития территории и процесс побратимства городов — может быть использовано как активный механизм межрегионального взаимодействия при условии, что меры социально-экономического характера будут основываться на безусловной поддержке инициатив со стороны граждан. Отсюда — необходимость исследований и формирования гражданской поддержки роли Санкт-Петербурга как лидера в деле восстановления Мариуполя и развития связей с территориями Донбасса как новой уникальной исторической миссии Санкт-Петербурга, в том числе обеспечение поддержки этого направления через социальные сети. Подобные проекты в сфере культуры, особенно связанные с сильными брендами, ассоциирующимися с Санкт-Петербургом, могут способствовать урегулированию политической нестабильности и росту понимания между людьми. В качестве примеров можно привести просветительскую активность Санкт-Петербургского государственного университета (организация научных обменов) и регионального отделения общества «Знание» (проведение открытых лекций по истории), а также соглашение о передаче в оперативное управление Мариупольскому музею изобразительного искусства 300 картин из фондов Государственного Русского музея и Эрмитажа. Более того, эти проекты даже в кризисных условиях могут обеспечить прямую или косвенную выгоду, а также в будущем — способствовать развитию туристических обменов.

Вопрос формирования заинтересованности петербуржцев в туризме и развитии отношений с новым российским портом в настоящий момент не может быть реализован в полной мере. Серьезной проблемой как для развития гражданского взаимодействия, так и для проектирования потенциальных бизнес-проектов является отсутствие позитивного образа Мариуполя, положительного коммуникационного опыта и ярких совместных событий, относящихся к периоду до 2022 г., опираясь на которые можно было бы формировать общественное мнение в Санкт-Петербурге сегодня. Мариуполь не обладал особым позитивным либо негативным образом, а существующий вариант формировался из характеристик, которыми город объективно обладает, и не является результатом целенаправленной, структурированной медиакампании. Кроме того, следует учесть, что в условиях информационной войны Санкт-Петербург, как город со значительным протестным потенциалом и традиционной «европейской ориентацией», неоднократно оказывался в лидерах по числу дел о дискредитации армии¹³. Эмоционально окрашенный конфликт Губернатора Санкт-Петербурга с Е. Пригожиным, развернувшийся в 2021–2023 гг.¹⁴, также усложнял формирование консенсуса для горожан по вопросу отношения к усилиям руководства нашего города для поддержки города-побратима.

Исследование аксиосферы городов-побратимов показывает, что в настоящий момент речь идет о солидарности и сотрудничестве во имя гуманитарных ценностей. Важно, чтобы такие представления формировались не только стихийно и на уровне обыденного сознания, но были частью целенаправленной и системной работы как традиционных средств массовой информации, так и социальных медиа, а также строились на вовлечении в данный вид межрегионального и межмуниципального сотрудничества лидеров общественного мнения, представителей гражданского общества и бизнеса.

В связи с этим кроме официальной страницы Губернатора¹⁵, страницы Законодательного Собрания Санкт-Петербурга и официальных СМИ города¹⁶, в материалах которых содержится информация о новых направлениях деятельности региона и развития связей с городами-побратимами, информация и продвижение должны идти и по неформальным каналам с использованием страниц крупнейших культурных центров города.

Среди крупных культурных, научных центров Санкт-Петербурга, каждый из которых имеет официальную страницу в социальной сети «ВКонтакте» и многотысячную аудиторию подписчиков (Государственный Эрмитаж¹⁷

¹³ Газета РБК. Выпуск 14.02.2022. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/04/14/625535529a79472a2d17b7b8> (дата обращения: 25.02.2023).

¹⁴ Беглов связал с «грязным и алчным бизнесом» свой конфликт с Пригожиным // Коммерсант. 30.06.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6071277> (дата обращения: 12.07.2023).

¹⁵ Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: <https://www.gov.spb.ru/governor/> (дата обращения: 25.02.2023).

¹⁶ Петербургский дневник. URL: <https://spb dnevnik.ru/news/2022-10-05/aleksandr-belskiy-otsenil-rabotu-peterburzhtsev-po-vosstanovleniyu-mariupolya> (дата обращения: 25.09.2023).

¹⁷ Страница ВКонтакте. URL: https://vk.com/hermitage_museum (дата обращения: 25.02.2023).

(363 345 подписчиков), Русский музей¹⁸ (207 410 подписчиков), Санкт-Петербургский государственный университет¹⁹ (74 594 подписчика)), информация о взаимодействии Санкт-Петербурга и Мариуполя представлена крайне незначительно, в основном на страницах вузов (к примеру, в СПбГУ), где разворачиваются программы научно-образовательного сотрудничества с образовательными учреждениями вновь присоединенных республик и областей.

Среди наиболее популярных в сети узлов неформальной сетевой коммуникации, таких как «Это Питер, детка!» [Типичный Питер] Лучшее о Санкт-Петербурге. Интересные Мероприятия и Заведения²⁰ (1 161 379 подписчиков), «Мой Питер»²¹ (754 039 подписчиков), «Питер :) Подписывайся и будь в курсе жизни Петербурга»²² (397 895 подписчиков), «Санкт-Петербург Интересные события и новости Петербурга» (248 317 подписчиков), «Санкт-Петербург Все о Санкт-Петербурге»²³ (107 834 подписчиков), «Регион 78» | Санкт-Петербург Новости и жизнь любимого города в режиме non-stop²⁴ (34 921 подписчиков), обнаружить информацию о новой миссии Санкт-Петербурга и материалов, направленных на формирование (развитие) позитивного имиджа города в новых условиях, не удалось. При этом одна из наиболее посещаемых страниц «Санкт-Петербург Live»²⁵ (761 460 подписчиков) содержит крайне спорные с точки зрения интересов государства и региона идеологические установки и публикации, что является еще одним свидетельством сохранения региональной межэлитной борьбы и ряда латентных конфликтов.

Заключение

В условиях сложного, многоуровневого процесса присоединения к России новых территорий, жители которых в ходе референдумов подтвердили и отстаивали свое право быть с Россией, процесс побратимства российских городов выступает как хорошо знакомый, но вместе с тем новый (переосмысленный), потенциально высокоэффективный механизм межрегионального взаимодействия и обеспечения процесса «связывания» территорий, при условии комплексного подхода и развития аксиосферы городов-побратимов, территорий и государства в целом.

¹⁸ Страница движения ВКонтакте URL: <https://vk.com/rusmuseum> (дата обращения: 25.02.2023).

¹⁹ Страница движения ВКонтакте URL: <https://vk.com/spb1724> (дата обращения: 22.02.2023).

²⁰ Страница движения ВКонтакте URL: <https://vk.com/piter> (дата обращения: 24.02.2023).

²¹ Страница движения ВКонтакте URL: <https://vk.com/my.piter> (дата обращения: 25.02.2023).

²² Страница движения ВКонтакте URL: https://vk.com/gorod_na_neve (дата обращения: 25.02.2023).

²³ Страница движения ВКонтакте URL: <https://vk.com/online.piter> (дата обращения: 21.02.2023).

²⁴ Страница движения ВКонтакте URL: <https://vk.com/regio78> (дата обращения: 22.02.2023).

²⁵ Страница движения ВКонтакте URL: <https://vk.com/spb.live> (дата обращения: 17.02.2023).

И если пандемия и «новая реальности» активизировали усилия по цифровизации городских отношений, то период политической турбулентности 2022 г. породил ряд новых фундаментальных вызовов, среди которых — выстраивание гражданской коммуникации в условиях информационной войны, «гибридной войны», затрагивающее, прежде всего, городское население страны, жителей мегаполисов. Основанием солидарности перед лицом внешних и внутренних вызовов, доверия, обеспечивающего как формальные, так и неформальные виды координации, выступает ответственность как власти, так и общества за настоящее и будущее страны [Кулакова 2023]. Одним из важных условий сохранения суверенитета и обеспечения управляемости государства выступает целенаправленная и системная работа по формированию аксиосферы «старых» и «новых» регионов с опорой на идейные установки Российского государства, и институт побратимства играет здесь важную роль. Однако следует отметить, что сохранение стихийных коммуникаций в среде цифрового гражданского общества вряд ли будет достаточно, чтобы сохранить отношения устойчивыми, так как концепция городов-побратимов, с принципом свободного общения горожан в международной среде, продемонстрировала, что они развиваются или приостанавливаются с личным участием отдельных лиц и гражданского общества в более широком смысле и определяются транслируемой системой ценностей. Определение факторов формирования гражданской поддержки активности Санкт-Петербурга в деле восстановления Мариуполя и развития связей с территориями Донбасса как усиление своих позиций видится нам в качестве перспективной и привлекательной задачи.

Тематика транслокации культурных брендов является новой и крайне слабо разработанной в научной литературе как политологической, так и экономической направленности. В настоящий момент понятие «транслокация» в социальных науках используется преимущественно при описании музейных технологий (перенос памятников, создание музеев под открытым небом). Проблематика носит ярко выраженный междисциплинарный характер и способствует как развитию исследований аксиосферы региона, с позиции расширения опыта трансляции и способов репрезентации культуры места в качестве ресурса управления публичной политикой региона, так и расширению представлений о прорывном позиционировании территорий.

Работа с культурной памятью как ресурс выстраивания эффективной культурной политики региона сохраняет свое значение, но не является единственно возможным. Политический смысл трансляции ценностей состоит в связывании территорий Российского государства, и особое значение имеют гражданские инициативы и движения, социальные медиа, деятельность которых направлена на поддержание социальной сферы и формирование цифровой среды доверия, на интенсификацию городского, гражданского сотрудничества в сети и выстраивание привлекательного образа будущего как противовес используемым сегодня агрессивным сетевым практикам антироссийского, русофобского характера.

В перспективе работа по поиску сценариев обеспечения конкурентного преимущества города, а также по обеспечению инвестиционной привлекательности посредством формирования устойчивых представлений об уникальности данной территории и выстраивании долгосрочных партнерских как на территории РФ, так и на вошедших в состав РФ территориях будет выступать неотъемлемой частью городского политического процесса, способствующего формированию позитивного бренда территории, наращиванию социального и креативного капитала территории и стратегическому социально-экономическому развитию Санкт-Петербурга и сплочению российских территорий на основе единой системы ценностей.

Поступила в редакцию / Received: 30.04.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 16.05.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.05.2023

Библиографический список

- Бакулина С.Д., Аксиосфера региона: опыты трансляции и способы репрезентации культуры места (на материале южных регионов Западной Сибири). Омск: Изд-во ОмГПУ. 2013.
- Волкова А.В. Борисова О.В. Гражданская оценка развития инновационной инфраструктуры мегаполиса: вызовы и уроки современной административной реформы // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14. № 1. С. 88–96. <http://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-88-96>
- Вульфович Р.М. Город как платформа: миф или реальность? // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2019. Т. 10. № 2 (39). С. 63–68.
- Выжлецов Г.П. Аксиология культуры на рубежах веков // Международный журнал исследований культуры. 2016. Т. 23. № 2. С. 15–26.
- Данилов А.Н. Культура как «плавильный котел» истории: ценностный профиль новой цивилизации // Философия истории философии / под ред. А.А. Иваненко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 7–19.
- Кулакова Т.А., Волкова А.В. Цифровой вигилантизм: спектакль против реальности? // Философия истории философии / под ред. А.А. Иваненко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 107–125. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.108>
- Кулакова Т.А., Волкова А.В. Цифровой суверенитет и политико-административные режимы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. № 1. С. 92–105.
- Мартьянов Д.С., Лукьянова Г.В. Эмоциональная публичная сфера: поляризация паралингвистического интернет-дискурса // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 2. С. 25–48. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.2.2021.2548>
- Пашкус В.Ю. Стратегия прорывного позиционирования и ее применение при продвижении брендов территорий // Современные политические стратегии / отв. ред. В.А. Гуторов, Д.А. Мальцева. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2022. С. 164–188.
- Побратимство городов: состояние, возможности развития, вызовы, приоритеты. международная научно-практическая конференция / под ред. О.С. Пустошинской, Г. Саймонса, В.В. Никуленкова. Тюмень: Изд-во ТюмГ, 2021.

- Попова О.В. Студенческая молодежь российских мегаполисов: ценностные ориентации и эффекты политической онлайн мобилизации // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 107. № 5. С. 118–129. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2021-107-05-121-132>
- Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1998.
- Соловьев А.И. Политика и управление государством: очерки теории и методологии. М.: Изд-во Аспект Пресс. 2021.
- Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- Щербинин А.И. Социально-политические проблемы города в быстро меняющемся мире на границе исследовательских // Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы: сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума / под ред. Т.А. Сеньюшкиной. Симферополь: Ариал, 2021. С. 483–488.
- Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. «Право на город»: политическое конструирование пост-пандемийного мироустройства // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 169–177. <https://doi.org/10.17223/15617793/474/19>
- Blatter J. Beyond hierarchies and networks: institutional logics and change in transboundary spaces // *Governance*. 2003. Vol. 16. No. 4. P. 503–526. <https://doi.org/10.1111/1468-0491.00226>
- Komninos N. The age of intelligent cities: smart environments and innovation-for-all strategies. L&NY: Routledge, 2015.
- Korab-Karpowicz W.J. The Clash of Epochs: Traditional, Modern, Postmodern, and Evolutionity // *Perspectives on Political Science*. 2019. Vol. 48. No. 3. P. 170–182. <https://doi.org/10.1080/10457097.2019.1576435>
- Laucht C., Allbeson T. Twin Cities, Special ed.: Urban Internationalism: Coventry, Kiel, Reconstruction and the Role of Cities in British-German Reconciliation, 1945–49. Urban History file. URL: https://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/156273/1/TWIN_Cities_Spec_ed_Urban_Internationalism_Coventry_Kiel_1945_49_rev_final_final_edit.pdf (accessed: 21.07.2023).
- Mikhailova E., Wu C.-T. Ersatz Twin City Formation? The Case of Blagoveshchensk and Heihe // *Journal of Borderlands Studies*. 2017. Vol. 32. No. 4. P. 513–533. <https://doi.org/10.1080/08865655.2016.1222878>
- Nawrotek K. City as Political Idea. Plymouth: Plymouth University Press, 2011.
- Nawrotek K. Holes in the Whole. Introduction to the Urban Revolutions. Winchester-Washington: Zero Books. 2012.
- Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Press, 2005.
- Valley M. Becoming a Citizen Scientist // *Global Dialogue*. 2018. Vol. 8. No. 1. P. 18–19.
- Volkova A.V., Kulakova T.A. Network, procedural and cognitive components of digital public governance implementation designs: the experience of European countries // *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2021. Vol. 37. No. 1. P. 118–135. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.110>

References

- Bakulina, S.D. (2013). *Axiosphere of the region: Experiences of translation and ways of representing the culture of the place (on the material of the southern regions of Western Siberia)*. Omsk: OmGPU Publishing House. (In Russian).
- Blatter, J. (2003). Beyond hierarchies and networks: Institutional logics and change in transboundary spaces. *Governance*, 4(16), 503–526. <https://doi.org/10.1111/1468-0491.00226>

- Danilov, A.N. (2022). Culture as a “melting pot” of history: The value profile of a new civilization. In A.A. Ivanenko (ed.), *Philosophy of the History of Philosophy* (pp. 7–19). St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. (In Russian).
- Komninos, N. (2015). *The age of intelligent cities: Smart environments and innovation-for-all strategies*. L&NY: Routledge.
- Korab-Karpowicz, W. (2019). The Clash of epochs: Traditional, modern, postmodern, and evolutionity. *Perspectives on Political Science*, 3(48), 170–182. <https://doi.org/10.1080/10457097.2019.1576435>
- Kulakova, T.A., & Volkova, A.V. (2022). Digital vigilantism: Spectacle versus reality? In A.A. Ivanenko (ed.), *Philosophy of the History of Philosophy* (pp. 107–125). St. Petersburg: St. Petersburg State University. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.108>
- Kulakova, T.A., & Volkova, A.V. (2023). Digital sovereignty and political and administrative regimes. *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology*, 1(39), 92–105. (In Russian).
- Laucht, C., & Allbeson, T. (2023). Twin Cities, Special ed.: Urban Internationalism: Coventry, Kiel, Reconstruction and the Role of Cities in British-German Reconciliation, 1945–49. *Urban History file*. Retrieved May 30, 2023, from https://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/156273/1/TWIN_Cities_Spec_ed_Urban_Internationalism_Coventry_Kiel_1945_49_rev_final_final_edit.pdf
- Martyanov, D.S., & Lukyanova, G.V. (2021). Emotional public sphere: Polarization of paralinguistic internet discourse. *Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism*, (2), 25–48. (In Russian). <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.2.2021.2548>
- Mikhailova, E., & Wu, C.-T. (2017). Ersatz twin city formation? The case of Blagoveshchensk and Heihe. *Journal of Borderlands Studies*, 4(32), 513–533. <https://doi.org/10.1080/08865655.2016.1222878>
- Nawratek, K. (2011). *City as political idea*. Plymouth: Plymouth University Press.
- Nawratek, K. (2012). *Holes in the whole. Introduction to the urban revolutions*. Winchester-Washington: Zero Books.
- Nye, J.S. (2005). *Soft power: The means to success in worlds politics*, New York: Public Affairs Press.
- Pashkus, V.Yu. (2022). Breakthrough positioning strategy and its application in the promotion of brands of territories. In V.A. Gutorov & D.A. Maltseva (Eds.), *Modern political strategies* (pp.164-188). SPb.: Russian Christian Humanitarian Academy. (In Russian).
- Popova, O.V. (2021). Student youth of Russian megalopolises: value orientations and effects of political online mobilization. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences*, 5(107), 118–129. (In Russian). <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2021-107-05-121-132>
- Pustoshinskoy, O.S., Simons, G., & Nikulenkov, V.V. (Eds.) (2021). *Twin cities: State, development opportunities, challenges, priorities. International Scientific and Practical Conference*. Tyumen: Tyumen Publishing House. (In Russian).
- Rozov, N.S. (1998). *Values in a problematic world: Philosophical foundations and social applications of constructive axiology*. Novosibirsk: NGU Publishing House, 1998.
- Schmidt, E., & Cohen, J. (2013). *New digital world*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2013. (In Russian).
- Shcherbinin, A.I. (2021). Socio-political problems of the city in a rapidly changing world on the border of research. In T.A. Senyushkina (Ed.), *Political space and social time: Global challenges and civilizational responses. Collection of scientific papers of the XXXVII International Harak Forum* (pp. 483–488). Simferopol: Arial. (In Russian).
- Shcherbinin, A.I., & Shcherbinina, N.G. (2022). “Right to the city”: Political construction of the post-pandemic world order. *Tomsk State University Bulletin*, (474), 169–177. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/474/19>

- Solovyov, A.I. (2021). *Politics and government. Essays on theory and methodology*. Moscow: Publishing House Aspect Press. (In Russian).
- Valley, M. (2018). Becoming a citizen scientist. *Global Dialogue*, 1(8), 18–19.
- Volkova, A.V., & Borisova, O.V. (2020). Civil assessment of the development of the innovation infrastructure of the metropolis: Challenges and lessons of modern administrative reform. *Bulletin of the Perm University. Political science*, 1(14), 88–96. (In Russian). <http://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-88-96>
- Volkova, A.V., & Kulakova, T.A. (2021). Network, procedural and cognitive components of digital public governance implementation designs: The experience of European countries. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 1(37), 118–135. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.110>
- Vulfovich, R.M. (2019). City as a platform: myth or reality? *Scientific works of the North-Western Institute of Management RANEPА*, 2(10), 63–68. (In Russian).
- Vyzhletsov, G.P. (2016). Axiology of culture at the turn of the century. *International Journal of Cultural Studies*, 2(23), 15–26. (In Russian).

Сведения об авторах:

Волкова Анна Владимировна — доктор политических наук, профессор кафедры политического управления, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) (e-mail: AV.Volkova@rambler.ru (ORCID: 0000-0002-3687-5728)

Кулакова Татьяна Александровна — доктор политических наук, профессор, кафедры политического управления, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) (e-mail: t.kulakova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0003-3386-8079)

About the authors:

Anna V. Volkova — Doctor of Science in Political Sciences, Professor, Department of Political Governance of the Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (e-mail: AV.Volkova@rambler.ru (ORCID: 0000-0002-3687-5728)

Tatyana A. Kulakova — Doctor of Science in Political Sciences, Professor, Department of Political Governance of the Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (e-mail: t.kulakova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0003-3386-8079)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-601-613

EDN: SCXCXS

Научная статья / Research article

Институционализация городских сообществ крупных региональных центров РФ в системе политического управления конфликтами: пределы возможностей

А.И. Кольба , Э.В. Орфаниди

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

 alivka2000@mail.ru

Аннотация. В современной России актуализируются проблемы институционализированного участия сообществ крупных региональных центров в политическом управлении конфликтами и принятии решений по повестке городского развития. Политическая институционализация рассматривается авторами в контексте таких концептов, как либеральная теория конфликта, неоинституциональный подход, нелиберальное миростроительство. На основе данных эмпирического исследования, проведенного методами полуструктурированного интервью с лидерами и активистами городских сообществ в трех крупных региональных центрах России — Воронеже, Краснодаре, Ярославле, а также экспертного опроса в указанных городах, были сделаны выводы о росте субъектности городских сообществ при недостаточной их включенности в систему политического управления на городском уровне. Анализ кейса «Краснодарский трамвай» позволяет выявить такие проблемы, как низкий уровень институционального доверия в системе взаимодействия городских сообществ с местными органами власти, а также отсутствие эффективных механизмов согласования решений в условиях конфликта. Таким образом, политическая институционализация сообществ осуществляется в ограниченном масштабе, что обусловлено состоянием пространства публичной политики на муниципальном уровне, гибридным характером институционального регулирования, структурой и характеристиками деятельности самих сообществ.

Ключевые слова: городские сообщества, политическая институционализация, городской конфликт, нелиберальное миростроительство, политическое управление

Для цитирования: Кольба А.И., Орфаниди Э.В. Институционализация городских сообществ крупных региональных центров РФ в системе политического управления конфликтами: пределы возможностей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. 601–613. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-601-613>

© Кольба А.И., Орфаниди Э.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Institutionalization of Urban Communities of Major Regional Centers of the Russian Federation in the System of Political Conflict Management: Limits of Possibilities

Alexey I. Kolba , Elvira V. Orfanidi

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

 alivka2000@mail.ru

Abstract. In modern Russia, the problems of institutionalized participation of the communities of major regional centers in political conflict management and decision-making on the urban development agenda are becoming more relevant. Political institutionalization is considered by the authors in the context of the liberal theory of conflict, the neo-institutional approach, and illiberal peacebuilding. The authors draw conclusions on the growth of the subjectivity of urban communities with their lack of involvement in the system of political governance at the city level, based on the data of an empirical study conducted through semi-structured interviews with leaders and activists of urban communities in three major regional centers of Russia — Voronezh, Krasnodar, Yaroslavl, as well as an expert survey in these cities. The analysis of the “Krasnodar Tram” case reveals such problems as the low level of institutional trust in the system of interactions between urban communities and local authorities, as well as the lack of effective mechanisms for coordinating decisions in a conflict. Thus, the political institutionalization of communities is limited in scale, which is due to the state of the public policy space at the municipal level, the hybrid nature of institutional regulation, as well as the structure and characteristics of the activities of the communities themselves.

Keywords: urban communities, political institutionalization, urban conflict, illiberal peacebuilding, political governance

For citation: Kolba, A.I., & Orfanidi, E.V. (2023). The institutionalization of urban communities of major regional centers of the Russian Federation in the system of political conflict management: Limits of possibilities. *RUDN Journal of Political Science*, 25(3), 601–613. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-601-613>

Введение

Проблематика институционализации конфликтов в целом и деятельности отдельных участников конфликтов в частности является одной из ключевых для политической конфликтологии. Практически общепризнанным среди исследователей стало мнение, согласно которому комплекс формальных и неформальных правил, разрабатываемых и реализуемых в рамках политических институтов, выступает той основой, без которой использование политических мер управления конфликтами не может быть эффективным. При этом дискуссионными остаются форматы институционализации (демократические и недемократические), соотношение институтов различных типов, возможности использования

тех или иных практик институционализации в зависимости от конкретной ситуации и ряд других вопросов.

Кроме того, важным представляется исследование различий в механизмах и способах институционализации в конфликтах различного типа и масштаба. В этом плане особо выделяются городские конфликты, которые в силу присущих им особенностей (неантагонистический характер противоречий, низкий уровень идеологизации, отсутствие прямой борьбы за власть) достаточно редко становятся ареной открытых столкновений в треугольнике отношений «гражданин — власть — бизнес». Институционализация подобных конфликтов, как правило, происходит на основе механизмов муниципальной демократии с незначительной их доработкой (создание согласительных комиссий для коллаборативного планирования и т.д.). Однако в условиях, когда сами эти механизмы купированы или функционируют не на должном уровне эффективности, она зачастую становится проблемной.

Городские сообщества как активные участники городской политики и принятия политико-управленческих решений также часто становятся предметом исследовательского внимания. Несмотря на отсутствие научного консенсуса по ряду вопросов их развития в современных городах, распространена точка зрения, что без учета их позиции по вопросам городского развития вполне адекватные решения на данном уровне не могут приниматься. Это неизбежно приводит к накоплению проблем развития, а также росту социальной напряженности в социальной среде. В связи с этим нам представляется важным поставить исследовательский вопрос: могут ли городские сообщества при нынешнем состоянии муниципальной демократии в РФ выступать как институционализированные субъекты политического управления и решения проблем городского развития?

Степень изученности проблемы

Институционализации конфликтов и ее проблемам в контексте политического управления конфликтами посвящены многочисленные исследования.

Следует отметить, что данная проблематика является предметом как институциональных, так и собственно конфликтологических исследований. Дискуссии неинституционалистов относительно содержательного наполнения понятия «институт» привели к широкому распространению его трактовки как системы норм и правил, с помощью которых регулируются взаимодействия акторов в определенной сфере отношений. Также институты рассматриваются как социальные структуры, достигшие высокой степени устойчивости на основе развития трех основных компонентов — регулятивного, нормативного и культурно-когнитивного [Scott 2008]. При этом существуют определенные расхождения относительно того, каким образом устанавливаются и закрепляются институциональные правила, каков характер и цели их воздействия на конфликтные процессы [Levitsky 1998; Shepsle, Bonchek, 1997].

Институционализация с позиций данного подхода обеспечивает возможность создания нормативных рамок для участников конфликта, устанавливает

механизмы его регулирования, а в более длительной перспективе — приводит к формированию поведенческих паттернов. Помимо нормативного, можно выделить и ее организационный аспект — создание организованных структур, обеспечивающих реализацию установленных возможностей и ограничений.

Исследователи, работающие в русле конфликтологического подхода [Козер 2000; Dahrendorf 1991; Kriesberg 1998; Глухова 2011], уделяют значительное внимание характеру взаимного воздействия конфликтов и институтов. Институциональное воздействие упорядочивает протекание конфликтов, ограничивая выбор вариантов поведения участников, и, как правило, нацелено на повышение уровня его конструктивности. Конфликты, в свою очередь, могут приводить к изменениям политических институтов. Соотнося конфликтологическую парадигму с институциональной, можно отметить, что в рамках первой из них институционализация конфликтов рассматривается в первую очередь с точки зрения нормативного и регулятивного компонентов.

Для более широкого представления поля теоретического осмысления проблем институционализации конфликтов в политической науке следует также упомянуть весьма популярные в настоящее время концепции «нелиберального миростроительства» (*illiberal peace-building*), предполагающие использование авторитарной и гибридной модели институционализации. Первая из них предполагает репрессивную политику по отношению к независимым от государства субъектам с целью сдерживания насилия [Ramsbotham, Miall, Woodhouse 2011; Smith, Waldorf, Venugopal, McCarthy 2020]. С точки зрения второй, гибридной модели возможно совмещение демократических и авторитарных практик. Фактически при институционализации конфликтов решающую роль играют неформальные институты, через которые распределяются основные ресурсы и определяются бенефициары проводимой политики, а также форматы участия различных политических сил в конфликтах [Алейников, Пинкевич 2018]. Широко используются манипуляции, в том числе институциональные [Jayasuriya, Rodan 2007]. Отметим, что если первая модель неприменима к реалиям современной городской политики, то вторая имеет существенный потенциал для исследования управления городскими конфликтами.

Собственно исследований институционализации городских сообществ (или других общественных структур локального уровня) как субъектов управления конфликтами относительно немного. Можно отметить работы общего характера, посвященные институционализации местных сообществ, в которых преимущественно рассматриваются условия и форматы данного процесса [Малютина 2009], а также ряд исследований, где данная проблематика затрагивается косвенно или в качестве одного из аспектов более широких проблем [Косыгина 2020]. Наиболее близки к ней содержательно публикации, в которых рассматривается институционализация гражданской активности горожан [Pruij 2003; Смолева 2021; Гольбрайх 2020; Dayneko, Dayneko 2017]. Отдельные

аспекты этой проблематики затрагиваются в исследованиях городских конфликтов [Желнина, Тыканова 2021; Скалабан, Сергеева, Лобанов 2022; Бедерсон 2022]. В целом же проблема институционализации городских сообществ как субъекта политического управления конфликтами малоизучена, что и обусловило исследовательский интерес к ней.

Методология и методы исследования

Исследование выполнено на основе конфликтологической и институциональной парадигм анализа политических процессов. Институционализация рассматривается нами как важнейший этап построения системы политического управления конфликтом, заключающийся в создании норм, механизмов и организационных начал регулирования конфликтных отношений. В то же время в процессе институционализации может трансформироваться и сама структура политических институтов.

Эмпирические данные, используемые в исследовании, были получены методом полуструктурированных интервью, проводимых с лидерами и активистами городских сообществ в 2019 г. в трех крупных региональных центрах России — Воронеже, Краснодаре, Ярославле. Также были использованы результаты экспертного опроса, проведенного в 2020 г. в указанных городах.

Результаты полевого исследования

К индикаторам институционализации городских сообществ в системе политического управления конфликтами и, шире, в политическом пространстве города нами были отнесены наличие структуры и организационной составляющей сообщества (постоянного ядра сообщества, лидеров, постоянных внутренних коммуникаций и определенных правил взаимодействия); наличие постоянных связей с субъектами политики и политического управления (политические партии, движения, муниципальные депутаты, административные структуры); включенность в процессы принятия решений по поводу актуальных проблем города и конфликтов, связанных с ними (через структуры представительства интересов или публично-политическое участие). Данные индикаторы, на наш взгляд, позволяют определить их институциональный потенциал в нормативном, регулятивном и организационном аспектах.

В топик-гайде полуструктурированных интервью содержался блок вопросов, связанный со структурой сообществ. Большинство опрошенных лидеров и активистов отметили наличие ядра сообщества при отсутствии постоянной структуры и иерархии внутрисообщественных отношений. Значительную роль в активизации деятельности сообществ играют коммуникационные цифровые платформы социальных сетей (можно предположить, что с введением ограничений на деятельность некоторых из них в РФ ситуация изменилась), однако превалировало мнение, что взаимодействие через них не является главным и не может заменить собой другие виды контактов.

Организационная составляющая сообществ также связана с цифросетевым взаимодействием. Аккаунты в социальных сетях являются своеобразными «точками сборки»: в их рамках происходят диагностика и обнаружение проблем, дискуссии (в том числе и с внешними для сообщества субъектами), рекрутирование части новых участников и т.д. Была выявлена часть сообществ, которые предпочитают формальную организацию (принятие устава, фиксация названия, определение официальных руководителей и т.д.). Немаловажно отметить, что название сообщества («Помоги городу», «Городские решения», «Транспортная инициатива» в Краснодаре, «Дороги Ярославля», «Градозащитник» в Ярославле, «Воронеж — мой любимый город», «Город и Транспорт» в Воронеже) играют существенную роль в их позиционировании в городской среде и повышении узнаваемости и влияния.

Ответы респондентов на вопрос о том, как сообщества взаимодействуют с политическими институтами, дают картину преимущественно фрагментарных взаимодействий. Большинство ответивших отмечало, что взаимодействуют с органами власти для решения каких-то конкретных проблем, например, путем участия в публичных слушаниях, обращений к представителям местного самоуправления и др. Постоянное взаимодействие в тех или иных форматах (через участие в общественных советах при органах власти, представительные органы и т.д.) отмечается редко, подчеркиваются преимущества неформального общения (на основе личных контактов с теми или иными чиновниками). Высказывалось мнение, что многим политическим институтам сообщества интересны с точки зрения достижения каких-то собственных целей. Респонденты подчеркивали интерес к сообществам со стороны оппозиционных партий, в ряде случаев — обмен ресурсами с ними (лидеры сообществ выдвигаются в качестве кандидатов на выборах, партии предоставляют организационную и материальную поддержку для деятельности сообществ). Также существуют единичные случаи кооптации лидеров и активистов в органы власти (назначение муниципальными чиновниками, избрание местными депутатами). Более распространенной становится политизация гражданской активности, развиваются публичные формы политической деятельности. В целом преобладает недоверие к органам власти как к партнерам для решения проблем, а низовые структуры (территориальные органы самоуправления — ТОСы) оцениваются как бесполезные.

Участие сообществ в конфликтах и принятии решения по поводу проблемных ситуаций часто имеет конфронтационный характер. Интервьюируемые отмечали, что обращения и запросы в органы власти не являются эффективным средством решения значимых городских проблем. Встречаются такие характеристики взаимодействия МСУ и гражданского общества, как «параллельные миры», «нулевое уважение к человеку». Публично-политические методы участия, в том числе протестные, рассматриваются как более эффективные, однако использование протестных форм активности воспринимается как крайняя, вынужденная мера, «из-за безопасности людей». Ее использование несет высокие риски для участников. При этом конфликты, как правило, пробуждают общественный интерес к участвующим в них сообществам и поднимаемым проблемам, ведут

к укреплению структуры и количественному росту сообществ. При должной настойчивости, как считает большинство опрошенных, через конфликт можно наладить коммуникации с представителями власти и повлиять на принимаемые решения.

Данные, полученные в ходе проведения экспертного опроса в 2020 г., позволили расширить представления о возможностях и ограничениях политической институционализации городских сообществ как акторов политического управления конфликтами.

Исследование выявило, что сообществами используются различные каналы взаимодействия с оппонентами. Если официальные каналы коммуникации задействованы преимущественно во взаимодействии с государственными органами власти и бизнесом; неофициальное взаимодействие свойственно контактам с другими сообществами и представителями муниципальных органов власти. Еще одна группа способов коммуникации и взаимодействия сообществ с другими субъектами городской политики — создание коалиций. Распространено использование такого механизма, как участие сообществ в консультациях с органами власти.

Эксперты подчеркнули особую значимость фактора лидера в ходе конфликтного взаимодействия городских сообществ со своими контрагентами. Наиболее значимыми функциями лидера являются обеспечение контактов сообщества с органами власти, бизнес-структурами, другими акторами городской политики, а также определение тактики поведения в конфликтных ситуациях, представление интересов сообщества в публичном пространстве, формирование повестки дня, актуализации проблем, значимых для сообщества.

Большинство экспертов согласилось с тем, что городские сообщества могут оказывать существенное влияние на конфликты, но у них недостаточно ресурсов, чтобы реализовывать свои цели на постоянной основе. Тем самым можно отметить значительную роль сообществ, однако с учетом того факта, что им необходимо получение поддержки со стороны более влиятельных субъектов, например органов власти или бизнеса.

Стратегии взаимодействия с другими субъектами городских конфликтов имеют, как правило, неконфронтационный характер. Чаще всего сообщества выбирают сотрудничество и компромисс, хотя такие стратегии не всегда оказываются эффективными. Это объясняется недостатком ресурсов для более активного отстаивания своих интересов. В структурах конфликтующих сообществ обычно выделяется «ядро» активистов, но при этом велика и роль лидеров. Через последних осуществляется значительная часть коммуникаций сообщества, определение стратегий, формирование повестки дня. Исследование показало, что уровень субъектности городских сообществ как акторов конфликтов возрастает, равно как и их возможности оказывать влияние на решение городских проблем. Однако они остаются недостаточно встроенными в систему принятия политико-управленческих решений и институты публичной политики, что затрудняет интеграцию городских сообществ в механизмы конструктивного регулирования конфликтов.

Значение политической институционализации городских сообществ: кейс «Краснодарский трамвай»

При этом проблема институционализации городских сообществ в системе политического управления шире, нежели их встраивание в пространство городской публичной политики (которое, отметим, не всегда является достаточно развитым). Значимым также является формирование институционального доверия во взаимодействиях сообществ как с политическими структурами, так и друг с другом. Эти аспекты институциональной проблематики демонстрирует конфликтная ситуация, связанная со строительством трамвайной ветки в г. Краснодаре.

Проектирование трамвайной ветки, которая соединит густонаселенный микрорайон Восточно-Кругликовский с центром города, началось в 2019 г. По первоначальной идее, она должна была пройти по улице Новосельской. Для обеспечения строительства предполагалось выкупить от 31 до 60 частных домовладений. Этот вариант был закреплен и в генеральном плане развития города, общественные слушания по которому прошли в августе-сентябре 2020 г. В условиях пандемийных ограничений слушания проводились в режим онлайн. Однако после объявления о начале реализации данного проекта жители Новосельской, чьи дома попадали в зону строительства, выступили с протестом, образовав территориальное сообщество. На слушаниях по данному вопросу, проведенных в декабре 2020 г., действующий на тот момент мэр Краснодара Е. Первышов заявил, что затрагивать интересы местных жителей — неправильно, а трамвайную ветку следует перенести на улицу Жлобы, где снос не планируется¹.

Казалось бы, конфликт был урегулирован, однако строительство ветки по состоянию на август 2022 г. не началось. Более того, ситуация вновь актуализировалась после того, как в феврале 2022 г. данный вопрос обсуждался на заседании Городской Думы Краснодара, в ходе которого депутат А. Волощук, представляющий избирательный округ, на территории которого планируется вести работы, заявил о необходимости возвращения к первоначальному плану строительства. Это заявление сгенерировало новую волну протестов со стороны жителей². При этом депутата поддержали члены городского сообщества «Транспортная инициатива», посчитавшие, что в данном конфликте нужно отдать предпочтение общегородским интересам. На данном этапе конфликт никак не урегулирован, представители городской администрации по поводу возможных решений публично не высказывались.

Особенностью данной конфликтной ситуации является то, что одно из сообществ общегородского масштаба, достаточно известное в Краснодаре,

¹ Власти Краснодара планируют снести более 50 домов для строительства трамвайной ветки. URL: https://bloknot-krasnodar.ru/news/vlasti-krasnodara-planiruyut-snesti-bolee-50-domov-1447574?sphrase_id=2360410 (дата обращения: 14.05.2023).

² «Грудью встанем, детей поставим, никого не допустим»: в Краснодаре хотят снести 60 домов из-за новой трамвайной ветки. URL: <https://bloknot-krasnodar.ru/news/grudyu-vstanem-detey-postavim-nikogo-ne-dopustim-v> (дата обращения: 06.02.2023).

выступает на стороне того решения, которое изначально поддерживалось представителями муниципального самоуправления, и, вероятнее всего, устроило бы их. Однако это не только не способствует решению проблемы, но и отодвигает его. Фактически реализация важного для города проекта блокируется в течение ряда лет, демонстрируя недостатки политической институционализации конфликта, не позволяющие прийти к компромиссному решению. На наш взгляд, основной причиной является недостаток институционального доверия: для жителей улицы Новосельской не являются гарантией ни обещания городских чиновников, ни поддержка определенного варианта решения избранным от их округа депутатом городского представительного органа, ни обращения общественников, которые не рассматриваются как референтные лица. Протестующие заявляют, что не верят в выплату справедливой компенсации, противопоставляя намерения администрации практики известного предпринимателя С. Галицкого, который, по их словам, выкупал участки для своих проектов за двойную рыночную цену³.

Заключение

Исследование институционализации городских сообществ крупных региональных центров РФ в системе политического управления конфликтами показало рост их возможностей, влияния на городскую политику и принимаемые решения. В то же время достаточно четко обозначаются и пределы этих возможностей. Сообщества на данный момент не могут стать равноправными субъектами в треугольнике отношений «горожане — власть — бизнес», где они должны выражать и отстаивать интересы горожан. Для этого, на наш взгляд, существует несколько причин.

Первой из них является ограниченное развитие самого пространства публичной политики в региональных центрах, на территории которых проводилось исследование. Городские сообщества, изначально не являющиеся политическими структурами, для того чтобы участвовать в политической жизни, должны в той или иной форме сотрудничать с институционализированными политическими структурами и акторами. Однако оппозиционные партии и политики на местном уровне, как правило, не имеют достаточной ресурсной базы, чтобы сделать это сотрудничество взаимовыгодным, тогда как для представителей правящей партии сообщества, по всей видимости, не выглядят достаточно лояльными. Характерно, что в ходе исследования не были выявлены устойчивые связи между сообществами и местными депутатами, которые, как представляется, должны быть заинтересованы в таких контактах. Большим недостатком с точки зрения развития субъектности городских сообществ представляется маргинализация ряда публично-политических практик.

³ Снос 60 домов: активисты защищают чиновников в конфликте со стройкой трамвайной ветки в Краснодаре. URL: <https://bloknot-krasnodar.ru/news/razgrebat-budet-preemnik-obshchestvenniki-vstali-n-1448108> (дата обращения: 06.02.2023).

Вторая причина связана с гибридным характером институционализации. В условиях, когда влияние неформальных норм и правил принятия политических решений по городским проблемам возрастает, сообщества (и их лидеры) рассматриваются скорее как объект манипуляции, чем как самостоятельные субъекты. Их «роль» в городской политике заключается в том, чтобы символизировать демократические практики управления и обеспечивать легитимацию принимаемых решений. С этих позиций консультативные структуры, которые должны обеспечивать взаимодействие сообществ с местными органами власти (общественные советы, общественные палаты и др.) имеют преимущественно имитационный характер.

Третья причина связана со структурой и характером деятельности городских сообществ в указанных городах. Как правило, число активистов сообществ не слишком велико, а рост внимания к их деятельности и числа сторонников обычно наблюдается в ситуациях возникновения резонансных конфликтов. Как показывают ответы на вопросы интервью, часть лидеров считает такую ситуацию наиболее удобной для работы, видя свою задачу преимущественно в апелляциях к органам власти по различным вопросам развития города, решения актуальных проблем. В совокупности лидеры сообществ образуют сегмент «общественников», которые находятся в относительной близости к городским властям, а порой и кооптируются во властные структуры. Однако такая ситуация оборачивается отсутствием реального представительства интересов, так как лидеры не опираются на широкую поддержку и, в сущности, мало известны горожанам за пределами своих сообществ.

Совокупность этих обстоятельств ограничивает и в обозримом будущем будет ограничивать политическую институционализацию городских сообществ крупных региональных центров РФ в системе политического управления конфликтами.

Поступила в редакцию / Received: 07.04.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 13.05.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.05.2023

Библиографический список

- Алейников А.В., Пинкевич А.Г.* Конфликтная специфика гибридных политических режимов: российский случай // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2018. Т. 31. № 3. С. 85–95.
- Бедерсон В.Д.* Московских окон негасимый свет: коммуникационные и организационные факторы гражданской и политической активности в районах Москвы // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2022. № 25 (2). С. 158–175. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.7>
- Глухова А.В.* Конфликты в обычной и экстраординарной политике // *Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований*: сб. науч. ст. Краснодар: КубГУ, 2011. С. 130–140.

- Гольбрайх В.Б. Социальные сети как ресурс для институционализации общественного движения (на примере конфликта вокруг мусорных конфликтов в Архангельской области) // *Власть и элиты*. 2020. Т. 7, № 1. С. 183–203. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.7>
- Желнина А.А., Тыканова Е.В. «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. № 19 (2). С. 205–222. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>
- Козер Л. Функции социального конфликта. Москва: Идея-Пресс, 2000.
- Косыгина К.Е. Барьеры гражданского участия в деятельности некоммерческих организаций: региональное измерение // *Вопросы территориального развития*. 2020. Т. 8. № 2. С. 1–18. <https://doi.org/10.15838/tdi.2020.2.52.5>
- Малютина О.В. Институционализация местных сообществ как условие развития социальной активности жителей крупного города: дис. ...канд. соц. н. Пенза, 2009.
- Скалабан И.А., Сергеева З.Н., Лобанов Ю.С. Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска) // *Мир России. Социология. Этнология*. 2022. No. 31 (4). С. 33–56. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56>
- Смолева Е.О. Формирование практик участия граждан в развитии городской среды: хаби-туализация или институционализация «сверху» // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14. No. 5. С. 244–260. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.14>
- Dahrendorf R. Liberalism // *The New Palgrave Dictionary of Economics*. London: Macmillan, 1991. P. 385–389.
- Dayneko A.I., Dayneko D.V. Institutional Problems in Urban Planning and Modern Methods of Reconstruction for Siberian Cities // *IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering*. 2017. Vol. 262. P. 1–5. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/262/1/012065>
- Jayasuriya K., Rodan G. Beyond Hybrid Regimes: More Participation, Less Contestation in Southeast Asia // *Democratization*. 2007. Vol. 14. No. 5. P. 773–794. <https://doi.org/10.1080/13510340701635647>
- Kriesberg L. The Phases of Destructive Conflicts. Communal Conflicts and Pro-active Solutions // *The International Politics of Ethnic Conflict. Prevention and Peace-keeping*. Columbia: University of South Carolina Press, 1998. P. 33–60.
- Levitsky S. Institutionalization and peronism: the concept, the case and the case unpacking the concept // *Party Politics*. 1998. No. 4. P. 77–117. <https://doi.org/10.1177/1354068898004001004>
- Pruijt H. Is the institutionalization of urban movements inevitable? A comparison of the opportunities for sustained squatting in New York City and Amsterdam // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2003. No. 27 (1). P. 133–157. <http://dx.doi.org/10.1111/1468-2427.00436>.
- Ramsbotham O., Miall H., Woodhouse T. *Contemporary Conflict Resolution*. Cambridge: Polity, 2011.
- Scott W.R. *Institutions and Organizations: Ideas and Interests*. Thousand Oaks: Sage, 2008.
- Shepsle A.K., Bonchek M. *Analyzing Politics*. New York: Norton, 1997.
- Smith C.Q., Waldorf L., Venugopal R., McCarthy G. Illiberal peace-building in Asia: a comparative overview // *Conflict, Security & Development*. 2020. Vol. 20. No. 1. P. 1–14. <http://doi.org/10.1080/14678802.2019.1705066>.

References

- Aleinikov, A.V., & Pinkevich, A.G. (2015). Conflict under hybrid political regimes: The case of Russia. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 31(3), 85–95. (In Russian).

- Bederson, V. (2022). An influential light of Moscow windows: Communication and organizational factors of civil and political activity in Moscow districts. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 25(2), 158–175. (In Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.7>
- Coser, L. (2000). *Functions of social conflict*. Moscow: Idea-Press. (In Russian).
- Dahrendorf, R. (1991). Liberalism. *The New Palgrave Dictionary of Economics*. London: Macmillan, 385–389.
- Dayneko, A.I., & Dayneko, D.V. (2017). Institutional problems in urban planning and modern methods of reconstruction for Siberian cities. *IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering*, 262, 1–5. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/262/1/012065>
- Glukhova, A.V. (2011). Conflicts in ordinary and extraordinary politics. *Extraordinary, Chance and Protest in Politics: Thematic and Methodological Field of Comparative Research*. Krasnodar: KubSU, 130–140. (In Russian).
- Golbraih, V. (2020). Social networks as a resource for the institutionalization of social movement (on the example of the conflict around garbage conflicts in the Arkhangelsk region). *Power and Elites*, 7(1), 183–203. (In Russian). <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.7>
- Jayasuriya, K., & Rodan, G. (2007). Beyond hybrid regimes: More participation, less contestation in Southeast Asia. *Democratization*, 14(5), 773–794. <https://doi.org/10.1080/13510340701635647>
- Kosyгина, K.E. (2020). Civic participation barriers within non-profit organizations: Regional measurement. *Issues of territorial development*, 8(2), 1–18. (In Russian). <https://doi.org/10.15838/tdi.2020.2.52.5>
- Kriesberg, L. (1998). The phases of destructive conflicts. Communal conflicts and pro-active solutions. *The International Politics of Ethnic Conflict. Prevention and Peace-keeping*. Columbia: University of South Carolina Press, 33–60.
- Levitsky, S. (1998). Institutionalization and peronism: The concept, the case and the case unpacking the concept. *Party Politics*, 4, 77–117. <https://doi.org/10.1177/1354068898004001004>
- Malyutina, O.V. (2009). *Institutionalization of local communities as a condition for the development of social activity of residents of a large city*. Penza. (In Russian).
- Pruijt, H. (2003). Is the institutionalization of urban movements inevitable? A comparison of the opportunities for sustained squatting in New York City and Amsterdam. *International Journal of Urban and Regional Research*, 27(1), 133–157. <http://dx.doi.org/10.1111/1468-2427.00436>
- Ramsbotham, O., Miall, H., & Woodhouse, T. (2011). *Contemporary Conflict Resolution*. Cambridge: Polity.
- Scalaban, I.A., Sergeeva, Z.N., & Lobanov, Yu.S. (2022). The defendants. The defensive functions of communities in urban conflict (based on a case study in Novosibirsk). *Mir Rossii*, 31(4), 33–56. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56>
- Scott, W.R. (2008). *Institutions and organizations: Ideas and interests*. Thousand Oaks: Sage.
- Shepsle, A.K., & Bonchek, M. (1997). *Analyzing politics*. New York: Norton.
- Smith, C.Q., Waldorf, L., Venugopal, R., & McCarthy, G. (2020). Illiberal peace-building in Asia: A comparative overview. *Conflict Security & Development*, 20(1), 1–14. <http://doi.org/10.1080/14678802.2019.1705066>
- Smoleva, E.O. (2021). Forming the practices of citizens' participation in the development of the urban environment: Habitualization or institutionalization from above. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(5), 244–260. (In Russian). <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.14>
- Zhelmina, A.A., & Tykanova, E.V. 'Players' in 'arenas': A study of interactions in local urban conflicts (a case study of Saint Petersburg and Moscow). *The Journal of Social Policy Studies*, 19(2), 205–222. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>

Сведения об авторах:

Кольба Алексей Иванович — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет (e-mail: alivka2000@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-7663-8890)

Орфаниди Эльвира Викторовна — соискатель кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет (e-mail: elviravictorovna@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-5833-882X)

About the authors:

Alexey I. Kolba — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (Russian Federation) (e-mail: alivka2000@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-7663-8890)

Elvira V. Orfanidi — Applicant of the Department Public Policy and Public Administration, Kuban State University (Russian Federation) (e-mail: elviravictorovna@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-5833-882X)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-614-629
EDN: TCXDYG

Научная статья / Research article

Политика и практика ревитализации индустриального наследия как фактор повышения качества городской среды Санкт-Петербурга

К.Р. Палий , Р.Р. Палий

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-
Петербург, Российская Федерация*

 paliy-kr@ranepa.ru

Аннотация. В российских городах можно наблюдать ситуацию, когда крупные промышленные предприятия в связи с ликвидацией многих производств представляют собой бесхозные и разрушающиеся объекты. Например, современное состояние старо-промышленных территорий Санкт-Петербурга, обладающих в разной степени моральным и физическим износом, депрессивно воздействует на городскую среду в целом. Отметим, что феномен деиндустриализации достаточно известен во всем мире. Как результат глобализации, он создает города-призраки, что негативно влияет на социальную, экономическую и политическую среду. Один из самых наглядных примеров таких городов представляет собой Детройт в штате Мичиган, который в 1960-е гг. воплощал в себе всю мощь индустриальной Америки, а сегодня переживает упадок. Данное исследование сосредоточивается на рассмотрении актуальной проблемы бережного перепрофилирования и сохранения индустриального наследия. Особое внимание авторы уделяют политике ревитализации промышленных объектов как модели развития комфортной городской среды с учетом сохранения культурной идентичности, ценностей промышленной эпохи, а также организации новых общественных пространств и созданию условий для развития культурного диалога. Раскрываются проблемы реализации государственной культурной политики в сфере ревитализации индустриального наследия, рассмотрены перспективы диалога между гражданским обществом и государством по вопросам восстановления промышленных зон, проанализированы возможности эффективного привлечения ресурсов частного сектора, определены основные стратегии развития промышленных территорий. Эмпирической основой исследования послужили результаты исследования промышленных объектов и комплексов Санкт-Петербурга. В заключении авторами делается вывод о релевантности предложенной модели ревитализации, способствующей эффективному

© Палий К.Р., Палий Р.Р., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

использованию градостроительного потенциала депрессивных территорий Санкт-Петербурга. Результатом такой деятельности является преобразование индустриального наследия в комфортные центры притяжения людей, обладающие благоприятными условиями и инвестиционной привлекательностью.

Ключевые слова: рефункционализация, урбанизация, устойчивое развитие территорий, серый пояс Санкт-Петербурга, общественное пространство

Для цитирования: Палий К.Р., Палий Р.Р. Политика и практика ревитализации индустриального наследия как фактор повышения качества городской среды Санкт-Петербурга // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. 614–629. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-614-629>

Policy and Practice of Revitalization of Industrial Heritage as a Factor in Improving the Quality of the Urban Environment of St. Petersburg

Kristina R. Paliy , Ruslan R. Paliy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-Western Institute of Public Administration RANEPА), St. Petersburg, Russian Federation

 paliy-kr@ranepa.ru

Abstract. Due to the liquidation of many industries, many large industrial enterprises in Russian cities become ownerless and collapsing objects. For example, the St. Petersburg industrial zone, which occupies one-third of the urban area, has a depressive effect on the urban environment due to its current state. This research considers the problem of careful conversion and preservation of industrial heritage. The authors pay special attention to the revitalization of industrial facilities as a model for the development of a comfortable urban environment, taking into account the preservation of cultural identity, the values of the industrial era, as well as the organization of new public spaces and the creation of conditions for the development of cultural dialogue. The study reveals the problems of implementing the state cultural policy in the field of industrial heritage revitalization, considers the prospects for a dialogue between civil society and the state on the restoration of industrial zones, analyzes the possibilities of effectively attracting private sector resources, and identifies the main strategies for the development of industrial territories. The article is based on the results of a study of industrial facilities and complexes in St. Petersburg. The authors conclude about the relevance of the proposed revitalization model, which contributes to the effective use of the urban development potential of the depressed areas of St. Petersburg. The result of such activities is transforming industrial heritage into comfortable centers of attraction for people, with favorable conditions and investment attractiveness.

Keywords: refunctionalization, urbanization, sustainable development of territories, gray belt of St. Petersburg, public space

For citation: Paliy, K.R., & Paliy, R.R. (2023). Policy and practice of revitalization of industrial heritage as a factor in improving the quality of the urban environment of St. Petersburg. *RUDN Journal of Political Science*, 25(3), 614–629. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-614-629>

Введение

Современные процессы градостроительного развития мегаполисов ставят цель сформировать качественную городскую среду как место комфортного проживания населения. При этом понятие «качества»¹ имеет ряд индексов, среди которых особое место занимает наличие благоустроенных общественных территорий. Еще в 2019 г. стартовал Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» национального проекта «Жилье и городская среда», основной задачей которого является повышение комфортности городской среды, в том числе общественных пространств². В большинстве российских мегаполисов, достигших высокого уровня урбанизации, остро встает вопрос о рациональном использовании городских территорий для комфортного проживания населения. Одним из способов его решения служит процесс ревитализации заброшенного, бесхозного индустриального наследия, посредством которого объекты материальной культуры прошлого не только будут спасены от неминуемого разрушения, но и интегрируются в жизнь современного региона. И уже на очередном этапе развития русской культуры путем переосмысления, трансформирования и рефункционализации памятников индустриального наследия возникнет что-то новое, значимое, современное, но в то же время сугубо национальное и ценное³.

Следует отметить, что в настоящее время сохранение объектов индустриального наследия перестает быть исключительно эстетической проблемой, оно приобретает особое культурное значение и политическую значимость [High 2020: 169]. Архитектурное проектирование все чаще рассматривается как социокультурное программирование среды, где значительная часть государственных и муниципальных программ в направлении социокультурной среды посвящается социально-экономическому блоку вопросов с акцентом на изучение уже сложившихся на территории социальных связей и их дальнейшее развитие. Поэтому в рамках данной статьи интересно рассмотреть вопрос ревитализации депрессивных промышленных территорий в контексте политической урбанистики на примере Санкт-Петербурга, города, где промышленная архитектура является важным пластом русского зодчества. Согласно Стратегии

¹ Индекс качества городской среды — инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий ее формирования // Индекс качества городской среды. URL: <https://xn---dtbcccdtsyapbxk.xn--plai/#/> (дата обращения: 06.02.2023).

² Городская среда // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-sreda/> (дата обращения: 10.02.2023).

³ Шестаков Г.Д. Ревитализация архитектурного наследия. Исторический центр Екатеринбурга // XI Терехинские чтения. Проблема художественной формы и содержания в современном искусстве, архитектуре, дизайне: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Пермь: Уральский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова». 2022. С. 275-280

социально-экономического развития Санкт-Петербурга⁴, основанной на принципах и положениях, содержащихся в Основах государственной культурной политики⁵, Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года⁶ и Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года⁷, повышение качества городской среды — одно из приоритетных направлений социально-экономической политики Петербурга, важной задачей которого на ближайшую перспективу является создание удобной, безопасной и благоустроенной городской среды, которая при сохранении исторической индивидуальности соответствует современным требованиям и отвечает ожиданиям жителей и гостей города. Исследование базируется на изучении реализованных проектов, научных публикаций, профессиональных интернет-ресурсов, а также эмпирическом исследовании индустриальных объектов Санкт-Петербурга.

Индустриальное наследие как ресурс развития территории

Сегодня развитие современных городов с выводом промышленного наследия на качественно новый уровень обеспечивает городам социально-экономический подъем, возрождая индустриальную историю и культуру в целом [Emery 2019]. Уже к началу 1980-х гг., согласно исследованиям британского ученого М. Страттона [Stratton 2000], стала очевидна важность социокультурной роли промышленных объектов. Так, многие европейские проекты по приспособлению промышленных объектов для новой функции становились частью большой программы развития городской среды. Полезность реализации проектов на базе бывших предприятий подтверждают исследователи Р.Н. Грабар и Ж.Г. Шумак: «Мировой опыт показывает, что продвижение креативных проектов решает проблему формирования комфортного урбанистического пространства... Такие проекты способны повысить статус населенного пункта, улучшить его имидж» [Грабар 2018: 142]. Процесс преобразования промышленной территории, при котором значительная часть объектов сохраняется, а не разрушается, называется ревитализацией. Специфика такого подхода заключается в переносе акцента с архитектурной формы на его функциональное содержание. А сам процесс ревитализации (от латинского «ге» — возобновление и «vita» — жизнь) рассматривается как

⁴ О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 г. (с изменениями на 21 декабря 2022 г.) // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: www.gov.spb.ru/norm_baza/npa, 20.12.2018. (дата обращения: 06.02.2023).

⁵ Основы государственной культурной политики (с изменениями на 25 января 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 52 (часть I) ст. 7753.

⁶ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (с изменениями на 30 сентября 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 февраля 2019 г. № 7 (часть II) ст. 702.

⁷ Стратегия государственной культурной политики до 2030 г. (с изменениями на 30 марта 2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 11, 14.03.2016, ст. 552.

постепенное приспособление не востребовавшей недвижимости, освободившейся в результате деиндустриализации, под городские нужды⁸.

Осмысление феномена ревитализации, анализ ее роли и возможностей в развитии экономики и гражданского общества наиболее заметно прослеживается в Российской Федерации после 1990-х гг. Когда ввиду распада крупных строительных организаций и ограниченности финансовых ресурсов восстановление аварийного жилищного фонда стало вполне обоснованным с экономической, социальной и политической точек зрения. По определению С.Б. Глотовой [Глотова 2010: 3], ревитализация — термин, обозначающий процессы воссоздания, оживления и восстановления городского пространства. Основным принцип данного процесса заключается в раскрытии новых возможностей старых территорий и построек [Барабанов 2013: 240]. А.А. Яковлев подчеркивал, что задачей ревитализации является «функциональное назначение преобразуемых пространственно-планировочных единиц»⁹.

Философия ревитализации состоит в том, что «исторически наделенные полезными ресурсами территории ветхой промышленной застройки могут быть вновь воссозданы, а за преимуществами улучшения городской среды непременно приходят стратегические выгоды для развития региональной экономики и для всего гражданского общества в целом», — считает А.А. Райкин¹⁰. В отечественной практике гораздо чаще применяются схожие термины «реновация» и «реконструкция». Реновация представляет собой совокупность мероприятий, направленных на создание благоприятных условий проживания граждан, обновление общественного пространства в целях предотвращения роста аварийного жилищного фонда и обеспечение развития жилых территорий и их благоустройства¹¹. Программа реновации часто предполагает снос заброшенных строений и строительство на их месте новых зданий, что противоречит концепции сохранения исторической застройки. Согласно Градостроительному кодексу РФ¹² реконструкция — это «изменение параметров объекта строительства и его частей, в том числе надстройка, перестройка, расширение объекта строительства, а также замена и восстановление несущих строительных конструкций объекта строительства». То есть реконструкция является проектом развития территории, сохраняющим не только первоначальную застройку, но и прежнюю функцию. Вместе с тем ревитализация

⁸ Центр городских компетенций Агентства стратегических инициатив (АСИ), Арт-пространство: Flakon X. Сносить нельзя ревитализировать: практическое руководство по созданию креативного кластера. URL: https://100gorodov.ru/attachments/1/32/cf719d-998c-4619-bdfa-b28a94083d33/Практическое_руководство_по_созданию.pdf (дата обращения: 10.02.2023).

⁹ Яковлев А.А. Архитектурная адаптация индустриального наследия к новой функции: дис. ... канд. архитектуры: 05.23.21. Нижний Новгород, 2014. 230 с.

¹⁰ Райкин А.А. Архитектурно-художественные особенности ревитализации промышленных объектов: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04. Москва, 2016. 167 с.

¹¹ О Фонде реновации // Фонд реновации. URL: <https://fr.mos.ru/o-programme/o-fonde-renovatsii/> (дата обращения: 10.02.2023).

¹² Градостроительный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 29 декабря 2022 г.) // Российская газета, № 290, 30.12.2004.

предусматривает сохранение исторической составляющей территории с изменением ее функционального назначения. Таким образом, термины «реновация» и «реконструкция» являются схожими с определением «ревитализация», но не являются его полной заменой. В Российской Федерации на данный момент недостает теоретической и практической базы ревитализации, в большинстве исследовательских работ рассматриваемая тема затрагивается лишь косвенно.

В настоящее время можно отметить активное развитие практик ревитализации индустриального наследия в крупнейших городских агломерациях. Например, Хафен-сити, Гамбург. В 1999 г. после объявления конкурса на реновацию района, бывший порт Гамбурга начал преобразовываться [Черняева 2020: 308]. Согласно плану, из общей территории чуть более половины отводилось под жилые помещения и коммерческую недвижимость, а остальное занимали общественные пространства и инфраструктура. Следует отметить, что эта часть города по-прежнему застраивается. Еще одним позитивным примером ревитализации является московский дизайн-завод «Флакон» (бывший завод «Хрустальный имени Калинина»). В середине 2009 г. была разработана стратегия развития объекта, основная цель которого заключалась в формировании креативного потенциала в развитии творческих индустрий. Сегодня это популярная культурно-просветительная зона отдыха москвичей и гостей города. Нельзя не вспомнить об успешном проекте реставрации и приспособления острова Новая Голландия в Санкт-Петербурге. На месте отдельно взятой территории, являющейся объектом культурного наследия федерального значения, был организован городской парк с удобной инфраструктурой. Проект включил в себя благоустройство и озеленение пространства, размещение коммерческих проектов, культурных и образовательных центров.

Вышеописанные примеры указывают на то, что опыт ревитализации индустриального наследия доказывает актуальность данного явления в развитии территорий городов и оживления невостребованной городской среды [Алексеева, Быстрова: 8]. Отсюда можно сделать вывод, что ревитализация является современной формой сохранения старых промышленных комплексов российских городов, драйвером развития регионов, а также местных сообществ.

Санкт-Петербург — первый индустриальный город России

Город на Неве — это не только парадный имперский Петербург, который славится его величественными дворцами, доходными домами, театрами. Есть альтернативный туристическому индустриальный Петербург, который редко видят, а еще меньше — знают.

Серый пояс Северной столицы — уникальная территория, отражающая все периоды отечественной индустриальной истории: доиндустриальный (XVIII век), начальной индустриализации (первая половина XIX века), поздний (вторая половина XIX — начало XX века) и советский (1917–1930-е

годы), каждый из которых имеет индивидуальную специфику и свои приоритетные критерии¹³. Всем промышленным объектам серого пояса присуща высокая архитектурно-художественная ценность, общенациональная, региональная, а в некоторых случаях и международная значимость. Их общими проблемами являются изжившее себя производство, изолированность от городской среды, неэффективное использование потенциала ресурсов, утрата истории и памятников промышленной архитектуры [Штиглиц, Лелина, Кириков 2020: 6].

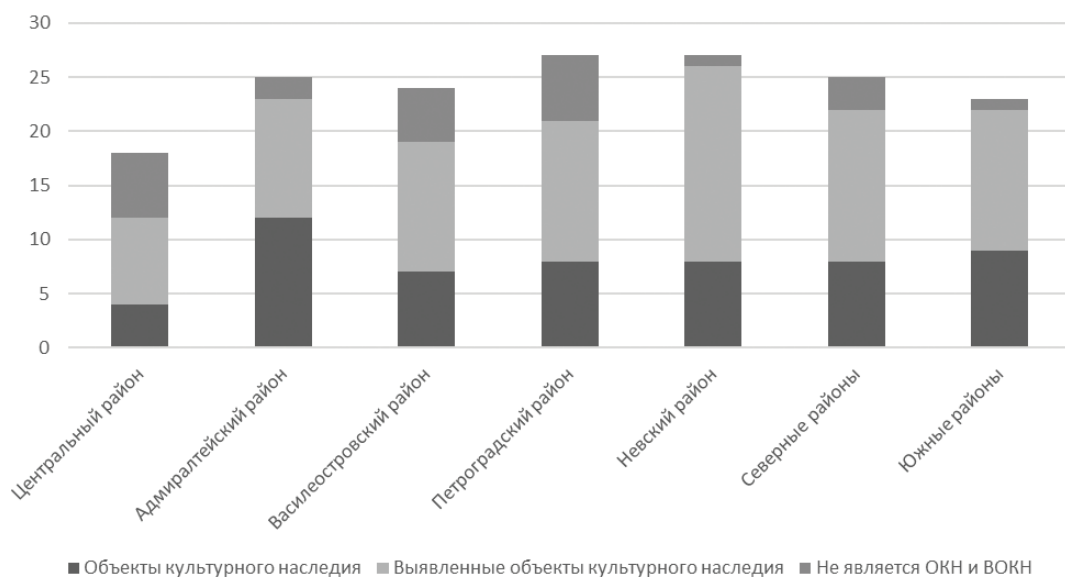
Серый пояс — стратегически важная для Санкт-Петербурга территория, расположенная между историческим центром Петербурга и поясом густонаселенных разрастающихся современных микрорайонов, через которую повседневно транзитом передвигается половина города, теряя значительные временные и материальные ресурсы. Периферия города непрерывно расширяется, а потенциал внутренней ткани так и остается нераскрытым.

В Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035 года¹⁴ выделено несколько планировочных поясов, обладающих специфическими особенностями градостроительного и социально-экономического развития, в их числе «Серый пояс», который характеризуется низкой транспортной связностью территорий, а также низким развитием улично-дорожной сети, но рассматривается как необходимый элемент модели пространственного развития Санкт-Петербурга.

Ревитализация промышленных территорий Санкт-Петербурга — это шаг в стремлении к устойчивому развитию города, способствующий росту экономики и улучшению качества жизни населения, сохраняющий при этом объекты культурного наследия и сложившийся образ города в целом [Лопаткин, Шушунова, Вакуленко, Лашманкина 2022: 81]. В настоящее время промышленные территории полностью выключены из городской ткани, поэтому остро должен стоять вопрос об их дальнейшем развитии и использовании. Кроме того, кризис старопромышленных районов отражается не только на экономическом, но и на социальном положении местного населения. Длительная деиндустриализация приводит к разрушению социальной структуры, соответственно, к упадку уровня развития человеческого капитала Санкт-Петербурга. Необходимость сохранения и ревитализации индустриального наследия, обладающего большим потенциалом в контексте повышения качества жизни населения, выявила потребность в анализе «серого» пояса Санкт-Петербурга. Эмпирической основой послужили результаты исследования промышленных построек, комплексов и целых производственных зон Санкт-Петербурга (рис.).

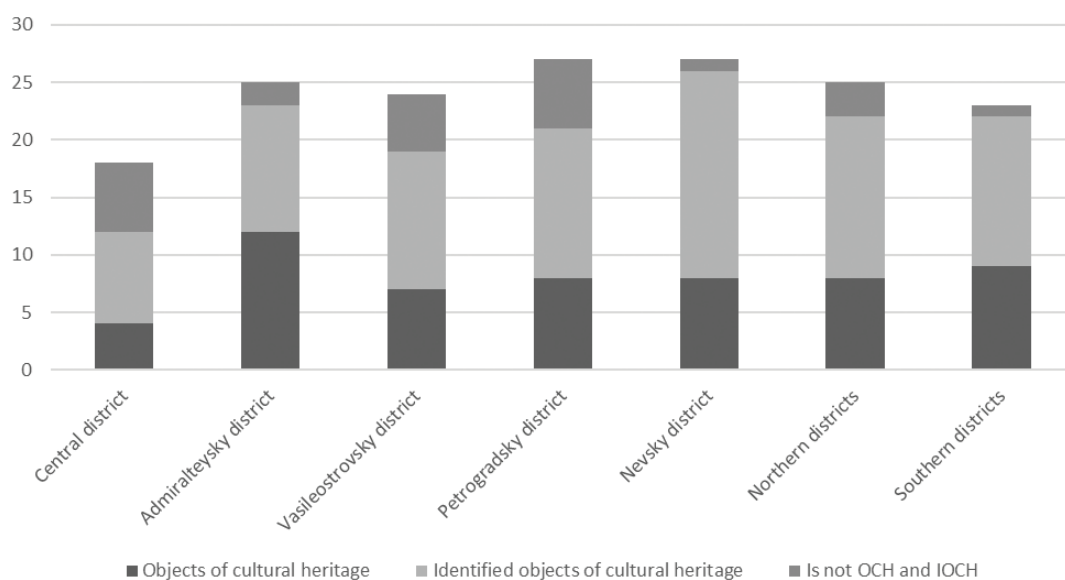
¹³ Штиглиц М.А. Промышленная архитектура Санкт-Петербурга XVIII — первой половины XX в.: историко-культурные проблемы: дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01. СПб., 2002. 458 с.

¹⁴ О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 г. (с изменениями на 21 декабря 2022 г.) // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга URL: www.gov.spb.ru/norm_baza/npa (дата обращения: 10.02.2023).

Распределение промышленных объектов Санкт-Петербурга по районам города

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Distribution of industrial facilities in St. Petersburg by city districts

Source: compiled by the authors based on research results.

Авторами были рассмотрены около 200 промышленных объектов. Выбор мотивирован, прежде всего, историко-архитектурной значимостью объектов, степенью их сохранности и реальными перспективами использования. Некоторые из них достаточно известны, но большинство не так давно введены в круг наследия. К сожалению, часть из них находятся под угрозой уничтожения. Как показало исследование, 55 % памятников промышленной архитектуры

являются выявленными объектами культурного наследия, 35 % промышленных объектов находятся в статусе объекта культурного наследия и 10 % — не включены в реестр объектов культурного наследия и выявленных объектов культурного наследия. Необходимо обратить внимание на то, промышленный объект снимается с государственной охраны, если будет принято отрицательное решение о включении его в государственный реестр. При этом, если задаться вопросом о влиянии статуса культурного наследия: способствует ли он сохранению промышленных объектов или мешает их развитию, то, скорее всего, первый вариант ближе к истине — индустриальное наследие должно находиться под государственной охраной. Да, отчасти это отпугивает девелоперов и может несколько сдерживать развитие индустриальных территорий, но это необходимая мера для того, чтобы решения, которые в результате редевелопмента могут появиться, были более высокого качества. Из представленных на рисунке данных видно, что статус культурного наследия присвоен лишь третьей части рассмотренных нами индустриальных объектов. Таким образом, можно говорить о том, что целый пласт уникального промышленного наследия подвержен разрушению, а Петербург может потерять ценную часть городской среды и каждый район города понесет ощутимые потери. Поэтому авторами был предложен наиболее эффективный и корректный с точки зрения сохранения исторической индустриальной среды метод ревитализации.

Индустриальное наследие Санкт-Петербурга: стратегия ревитализации

Какие же существуют проблемы в реализации проектов ревитализации индустриальных объектов в Сером поясе Санкт-Петербурга? Прежде всего стоит назвать проблему отсутствия стратегии развития промышленных территорий — так называемого пилотного проекта. На сегодняшний день имеется ряд межведомственных, межуровневых и межрегиональных противоречий по вопросам восстановления и развития территорий индустриального наследия, также существуют ограничения в вопросах ресурсного обеспечения. К настоящему моменту, в Петербурге существует много негативных примеров взаимодействия государственных и муниципальных органов власти, бизнес-структур и местного населения. Так, например, представители партии «Яблоко» в Санкт-Петербурге написали обращение «Максидому» с призывом прислушаться к мнению общественного штаба жителей Василеостровского района и отказаться от уничтожения исторических зданий завода им. М.И. Калинина на принадлежащей компании территории. В итоге в 2022 г. был произведен частичный демонтаж зданий, попытки членов партии сохранить исторический облик завода оказались безрезультатными¹⁵. Исторический завод «Тюдор» находится под угрозой

¹⁵ Муниципальные депутаты вступились за исторические здания завода им. М.И. Калинина // Градозащитный Петербург. URL: <https://protect812.com/2020/09/21/trubochniy-zavod/> (дата обращения: 23.06.2023).

сноса. Инвесторы АО «Аккумуляторная Компания «Ригель» в лице компании «Евроинвест» намерены построить на его месте жилой комплекс по согласованию КГИОП, в настоящий момент судьба его неизвестна¹⁶. Градозащитники, спасавшие в свое время от сноса корпуса Левашовского завода на Петроградской стороне, пытались спасти и корпуса завода «Красный пекарь», но в 2019 г. начался неизбежный снос. Поданное на рассмотрение в КГИОП заявление о включении корпусов в выявленные объекты культурного наследия вернулось с отказом¹⁷. В связи со сложившейся ситуации необходимо разработать единую концепцию развития Серого пояса, которая должна соотноситься с перспективами социально-экономического, экологического и культурного развития, при этом необходимо учитывать разделение полномочий между федеральными органами власти Санкт-Петербурга и органами местного самоуправления, обеспечить финансово-экономическими механизмами поддержки. Программа проекта должна разрабатываться с учетом общественного мнения, в духе уважения и патриотического отношения к истории города, охватывать разнообразие людей, культур, интересов и возрастов [Колбасина 2021: 70]. Есть необходимость в создании системы межведомственного взаимодействия посредством организации на федеральном, региональном и местном уровнях межотраслевых проектных офисов в сфере разработки и реализации политики сохранения серого пояса Петербурга.

В настоящий момент действует исключительно экономически привлекательная модель, в которой девелоперами выкупаются участки промышленных территорий и застраиваются жильем — это еще одна городская проблема. В приоритете застройка бывших исторических территорий жилыми комплексами с полным сносом индустриальных объектов. В коммерческом плане сохранение индустриальных объектов будет значительно уступать по коммерческой выгоде существующей практике застройки высотными зданиями. Не берется в расчет тот факт, что индустриальная недвижимость по истечении срока окупаемости может стать вполне прибыльной. Если при разовой продаже сумма доходов фиксирована, то доходная недвижимость может приносить прибыль снова и снова [Орлова, Орлов, Гаршина 2020: 117].

Целых 40 % от общей площади города составляет Серый пояс, поэтому есть смысл в формировании отдельной отраслевой комиссии или организационной структуры в составе органа власти Санкт-Петербурга (например, Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры), которая занималась бы оценкой ресурсов Серого пояса, определением основных активов, формированием реестра, а также разработкой стратегии развития и «дорожной карты» ее достижения. На наш взгляд, концепция развития Серого пояса должна включать в себя

¹⁶ Завод «Ригель»: корабль идет ко дну? // Градозащитный Петербург. URL: <https://protect812.com/2023/06/21/rigel/> (дата обращения: 23.06.2023).

¹⁷ «Болконский» захватывает 11-ю Роту // Градозащитный Петербург. URL: <https://protect812.com/2021/01/04/bolkonskiy-na-krasnoarmeiskoy/> (дата обращения: 23.06.2023).

три обязательные составляющие. Первая, инфраструктурная, задача — связать центр и периферию, для этого желательно постепенно развивать транспортные сети, строить новые улицы, формировать зеленые каркасы, использовать прилегающие водные ресурсы [Нераскрытый Серый Петербург: 256]. Следующая задача — сохранить уникальные индустриальные памятники архитектуры и специфику территорий. Оставить без изменений все то, что создает особую атмосферу, является градостроительной ценностью, частью индустриальной истории. Третья задача — перевод территорий в общественное пользование, кластеризация пространств (спорт, культура, наука, образование). Предлагаются следующие формы пространственной реорганизации индустриального наследия, которые создадут новые условия труда, образа жизни, форм общения и окружения, позволят комфортно себя чувствовать, продуктивно работать и развиваться, тем самым повысят качество жизни населения:

- кампус — университетский, институтский, студенческий городок, расположенный в рекреационной зоне;
- технопарк — комплекс, в котором объединены научно-исследовательские институты, объекты индустрии, деловые центры, выставочные площадки, учебные заведения, а также обслуживающие объекты: средства транспорта, жилые поселки, охрана¹⁸;
- бизнес-центр — офисное здание или комплекс зданий с необходимой инфраструктурой для ведения деловой деятельности;
- творческие кварталы — объединение независимых творческих организаций и коллективов, разместившихся в брошенном здании или старом промышленном квартале;
- культурный центр — здание или комплекс зданий, предназначенных для включения в жизнь общества тех или иных ценностей и традиций в культуре и искусстве;
- торгово-развлекательный центр — здание или комплекс зданий, предназначенных для использования в целях размещения торговых объектов, объектов общественного питания и объектов бытового обслуживания;
- инновационный центр — здание или комплекс зданий, структура которых обладает научно-технической базой, комплексами для испытания практических образцов, источниками привлечения финансирования и базой данных готовых проектов¹⁹;
- физкультурно-оздоровительный центр — здание или комплекс зданий, предназначенных для проведения физкультурно-оздоровительных и спортивных занятий.

¹⁸ О промышленных технопарках и управляющих компаниях промышленных технопарков (Постановление Правительства РФ от 27.12.2019 № 1863) (с изм. от 26.10.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 44. Ст. 7587.

¹⁹ Что такое инновационный центр и зачем он нужен // Via Future. URL: <https://viafuture.ru/sozdanie-startapa/innovatsionnyj-tsentr> (дата обращения: 20.01.2022).

Решить комплекс вышепоставленных задач не по силам отдельным собственникам земельных участков, поскольку масштаб проблемы слишком велик. Регенерация индустриального наследия носит междисциплинарный характер и включает различные городские структурные единицы [Мезенова 2020: 152]. Для решения вопроса с ревитализацией индустриального наследия Санкт-Петербурга требуется непосредственное участие органов государственной власти и местного самоуправления Санкт-Петербурга, которые, при сохранении возможности для горожан и бизнес-структур принимать непосредственное участие в формировании городского пространства, будут выступать с позиции консультанта, а также регулировать процесс этапа согласования градостроительной концепции. Особенно требуется государственная поддержка на стадии инвестирования проекта, например, снижение имущественных и земельных налогов путем применения различных льгот, софинансирования капитальных затрат на ревитализацию объекта и (или) прилегающей территории, предоставление грантов и субсидий. Процесс развития гражданского общества в Российской Федерации, направленный на стимулирование творческой инициативы и развитие диалога между субъектами гражданского общества и государством, будет способствовать активизации движения по сохранению индустриального наследия разных субъектов культурной политики, а также гарантировать выполнение культурных прав каждого человека. Наиболее эффективным инструментом реализации практики взаимодействия государства и гражданского общества по вопросам ревитализации промышленного наследия являются инструменты государственно-частного партнерства, муниципально-частного партнерства и государственные программы, посредством которых может быть достигнут баланс между государственной и частной инициативой. Государственно-частное партнерство в сфере ревитализации промышленного наследия может стать достаточно эффективным механизмом по привлечению венчурного финансового капитала, а также перспективным инструментом, позволяющим разделить ответственность между государством и частным партнером за конечный итог реализации проекта [Палий 2019: 143].

Еще одним актуальным вопросом ревитализации объектов индустриального наследия является формирование информационно-коммуникационной среды. Необходимы информационные площадки, аккумулирующие материалы о заброшенных промышленных территориях с целью трансляции позитивного опыта, привлечения к деятельности заинтересованных лиц, налаживания профессиональных контактов.

Несмотря на все вышеописанные сложности и колоссальную финансовую затратность, необходимо постепенно начинать освоение Серого пояса, иначе он превратится в безжизненное пятно, которое уже к тому моменту нужно будет ликвидировать, а не развивать. Прогресс самостоятельно не случится, а изменений не будет до тех пор, пока город и его жители не обозначат свои интересы и представления о включении данной территории в городскую среду.

Заключение

Индустриальное наследие Петербурга — это не только история и память, но и закрытые виды, уникальные природные экосистемы, набережные рек. В настоящее время этот ценный материальный ресурс полностью выключен из городской среды, при этом он обладает огромным потенциалом для градостроительного преобразования Санкт-Петербурга.

В целом по итогам проведенного исследования, несмотря на выявленный ряд рисков и проблем, связанных с реализацией идеи развития территорий Серого пояса, таких как сложность межведомственного взаимодействия, отсутствие документов стратегического планирования, недофинансирование и отсутствие ресурсов обеспечения, авторами сделан вывод о целесообразности разработки общегородской концепции изучения, документирования, сохранения и перепрофилирования индустриального наследия Санкт-Петербурга как активного компонента оптимизации городской среды. Ревитализация индустриального наследия Петербурга может способствовать повышению уровня социально-экономического развития Санкт-Петербурга, а именно созданию позитивного имиджа территории, развитию малого и среднего бизнеса, появлению новых рабочих мест, сохранению исторического индустриального облика города, подъему социально-культурных характеристик местного сообщества, повышению исторической грамотности жителей, их самоидентичности, а также расширению круга заинтересованных лиц на пользование территорий. Одним словом, бывшие промышленные зоны рассматриваются как ресурс для достижения устойчивых моделей сотрудничества, экономического и социального развития.

Таким образом, с одной стороны, поскольку базовые элементы гибнущей промышленной архитектуры будут спасены благодаря процессу ревитализации, сохранится ядро исторической памяти горожан. К тому же такой подход воспитает бережное отношение последующих поколений к своей культуре и традициям. Вместе с тем коммуникативные и инфраструктурные обновления раскроют творческий и креативный потенциал петербургской молодежи, сформируют их социальную активность. Наконец, дополнительно — будет сформирована дружественная конкурентная среда между городскими территориями с ориентацией на повышение качества жизни населения, также будет укреплен креативный кластер в Санкт-Петербурге. Авторы статьи постарались раскрыть для горожан, предпринимателей, представителей городской власти и муниципальных образований достоинства промышленной архитектуры Петербурга и призвать к содействию в ее защите в интересах устойчивого развития территорий города. Только максимальная заинтересованность государства и гражданского общества в проблеме сохранения бывших промышленных территорий сможет изменить текущую ситуацию и переломить тенденцию потери объектов индустриального наследия.

Совместная работа, основанная на доверии и партнерстве местного населения, градозащитных сообществ и инвесторов, под управлением инициатора государственно-частного и муниципально-частного партнерства, которые

объединены общей идеей, ценностями и прочими характеристиками, позволит наилучшим образом оптимизировать процесс включения «Серого пояса» в общую городскую ткань Санкт-Петербурга и с большей вероятностью решить поставленную в настоящей статье проблему.

Поступила в редакцию / Received: 19.04.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 21.05.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.05.2023

Библиографический список

- Алексеева Е.В., Быстрова Т.Ю.* Индустриальное наследие: понятия, ценностный потенциал, организационные и правовые основы. Екатеринбург: TATLIN, 2021. 164 с.
- Барабанов А.А.* Социально-культурные и семантические принципы ревитализации индустриального наследия // *Эко-потенциал*. 2013. С. 237–248.
- Глотова С.Б.* К вопросу о способности конверсируемых Промышленных объектов соответствовать критериям Современной жилой архитектуры. Москва: Московский архитектурный институт, 2010. 21 с.
- Грабар Р.Н.* Значение кластеров в сфере креативной экономики для развития социально-экономической системы города // *Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сборник трудов XII Междунар. науч. конференции*. Пинск: Полесский государственный университет, 2018. С. 141–143.
- Колбасина М.А.* Культурные и социальные аспекты ревитализации исторического наследия: превращение волгоградского ЦУМа в музейно-выставочный центр «Машков» // *Сталинград: война и мир: сборник статей I Всероссийской научной конференции молодых ученых*. Волгоград: Волгоградский государственный технический университет, 2021. С. 69–79.
- Лопаткин Д.С., Шушунова Т.Н., Вакуленко В.Ф., Лапманкина К.Ю.* Управление развитием городской среды на основе ревитализации промышленных территорий // *Транспортное дело России*. 2022. № 4. С. 80–82. https://doi.org/10.52375/20728689_2022_4_80
- Мезенова С.П.* Креативный кластер в малом городе: анализ запроса горожан на ревитализацию индустриального объекта (на примере города Арамил) // *Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VI Международной научно-практической конференции*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 2020. Т. 1. С. 149–152.
- Нераскрытый Серый Петербург. СПб.: MLA+, 2021. 294 с.
- Орлова Н.А., Орлов Д.Н., Гаршина А.А.* Ревитализация исторического квартала. Опыт применения контекстуального подхода // *Градостроительство и архитектура*. 2020. Т. 10. № 4 (41). С. 108–118. <https://doi.org/10.17673/Vestnik.2020.04.14>
- Палий К.Р.* К вопросу о государственно-частном партнерстве в сфере охраны объектов культурного наследия Санкт-Петербурга // *Управленческое консультирование*. 2019. № 5 (125). С. 140–150. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-5-140-150>
- Черняева А.И.* Процесс ревитализации в условиях современного мира // *Проектирование и строительство: сборник научных трудов 4-й Международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, магистров и бакалавров*. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 307–310.
- Штиглиц М.С., Лелина В.И., Кириков Б.М.* Памятники промышленной архитектуры Санкт-Петербурга / отв. ред. М.С. Штиглиц. СПб.: Северный паломник, 2020. 272 с.

- Emery J. Geographies of deindustrialization and the working-class: Industrial ruination, legacies, and affect // *Geography Compass*. 2019. No. 2. <https://doi.org/10.1111/gec3.12417>
- Harfst J. Industrial heritage tourism as a driver of sustainable development? A case study of steirische eisenstrasse // *Sustainability*. 2021. No. 7. <https://doi.org/10.3390/su13073857>
- High S. Deindustrialization and its Consequences // *Routledge International Handbook of Working-Class Studies*. 2020. P. 169–179.
- Stratton M. Industrial buildings: conservation and regeneration / ed. by M. Stratton. London: Taylor & Francis, 2000. <https://doi.org/10.4324/9780203362471>

References

- Alekseeva, E.V., & Bystrova, T.Yu. *Industrial heritage: concept, value potential, organizational and legal foundations*. Ekaterinburg: TATLIN. (In Russian).
- Barabanov, A.A. (2013). Socio-cultural and semantic principles of industrial heritage revitalization. *Eco-potential*, 237–248. (In Russian).
- Chernyaeva, A.I. (2020). The process of revitalization in the conditions of the modern world. *Design and construction: collection of scientific papers of the 4th International Scientific and Practical Conference of Young scientists, postgraduates, masters and bachelors*. Kursk: Southwest State University, 307–310. (In Russian).
- Emery, J. (2019). Geographies of deindustrialization and the working-class: Industrial ruination, legacies, and affect. *Geography Compass*, 13(2), e12417 <https://doi.org/10.1111/gec3.12417>
- Glotova, S.B. (2010). *On the issue of the ability of converted Industrial facilities to meet the criteria of Modern residential architecture*. Moscow: Moscow Architectural Institute. (In Russian).
- Grabar, R.N. (2018). The importance of clusters in the field of creative economy for the development of the socio-economic system of the city. *Sustainable development of the economy: state, problems, prospects: collection of works of the XII International scientific. Conferences*. Pinsk: Polesky State University, 141–143. (In Russian).
- Harfst, J. (2021). Industrial heritage tourism as a driver of sustainable development? A case study of steirische eisenstrasse. *Sustainability*, 13(7), 3857. <https://doi.org/10.3390/su13073857>
- High, S. (2020). Deindustrialization and its Consequences. *Routledge International Handbook of Working-Class Studies*, 169–179.
- Kolbasina, M.A. (2021). Cultural and social aspects of the revitalization of historical heritage: the transformation of the Volgograd Museum and exhibition Center “Mashkov”. *Stalingrad: war and peace: Collection of articles I All-Russian Scientific Conference of Young Scientists*. Volgograd: Volgograd State Technical University, 69–79. (In Russian).
- Lopatkin, D.S., Shushunova, T.N., Vakulenko, V.F., & Lashmankina, K.Yu. (2022). Management of urban environment development based on the revitalization of industrial territories. *Transport business of Russia*, (4), 80–82. (In Russian) https://doi.org/10.52375/20728689_2022_4_80.
- Mezenova, S.P. (2020). Creative cluster in a small town: analysis of the citizens’ request for the revitalization of an industrial facility (on the example of Aramil city). *Strategies for the development of social communities, institutions and territories: materials of the VI International Scientific and Practical Conference*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, (1), 149–152. (In Russian).
- Orlova, N.A., Orlov, D.N., & Garshina, A.A. (2020). Revitalization of the historical quarter. The experience of using a contextual approach. *Urban planning and architecture*, 10(4), 108–118. (In Russian) <https://doi.org/10.17673/Bulletin.2020.04.14>.
- Paliy, K.R. (2019). On the issue of public-private partnership in the field of protection of objects of cultural heritage of St. Petersburg. *Administrative Consulting*, (5), 140–150. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-5-140-150>

Stiglitz, M.S., Lelina, V.I., & Kirikov, B.M. (2020). *Monuments of industrial architecture of St. Petersburg*. SPb: Northern Pilgrim (In Russian).

Stratton, M. (2000). *Industrial buildings: Conservation and regeneration*. London: Taylor and Francis. <https://doi.org/10.4324/9780203362471>

Undisclosed Gray Petersburg. (2021). St. Petersburg: MLA+ (In Russian).

Сведения об авторах:

Палий Кристина Романовна — кандидат политических наук, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (e-mail: paliy-kr@ranepa.ru) (ORCID: 0009-0007-9155-6563)

Палий Руслан Романович — преподаватель факультета среднего профессионального образования Северо-Западного института управления РАНХиГС (e-mail: paliy-rr@ranepa.ru) (ORCID: 0009-0005-6189-6650)

About the authors:

Kristina R. Paliy — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Jurisprudence, North-West Institute of Management of RANEPА (Russian Federation) (e-mail: paliy-kr@ranepa.ru) (ORCID: 0009-0007-9155-6563)

Ruslan R. Paliy — Lecturer, Faculty of Secondary Vocational Education, North-West Institute of Management of RANEPА (Russian Federation) (e-mail: paliy-rr@ranepa.ru) (ORCID: 0009-0005-6189-6650)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-630-646

EDN: RCAJWM

Научная статья / Research article

Генезис Дубая как мирового города

М.И. Колыхалов

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирск, Российская Федерация

✉ maxim_kolykhalov@mail.ru

Аннотация. В настоящее время происходит существенная трансформация мировой политики на разных уровнях, негосударственные акторы и субгосударственные территориальные образования активизируют свою международную деятельность. Безусловно, ведущие городские центры мира — глобальные и мировые города не остаются в стороне от данных процессов. Самые амбициозные, целеустремленные и активно включенные в глобальные процессы города получают шанс ворваться в элиту. Показательный пример реализации данных процессов — город Дубай, который за короткий, в историческом плане, период прошел путь от небольшой рыбацкой деревни до ведущего глобального центра — признанного мирового города. Таким образом, цель данного исследования — анализ предпосылок, этапов, основных влияющих факторов и специфики развития международной деятельности и становления Дубая в качестве мирового города. Методология исследования базируется на системном, структурно-функциональном методах исследования, конкретно-историческом подходе, которые позволили выявить исторические предпосылки, этапы, основные факторы, исследовать схему генезиса мировых городов на примере города Дубай.

Ключевые слова: Дубай, международный центр влияния, глобальный город, международный город, этапы генезиса

Для цитирования: Колыхалов М.И. Генезис Дубая как мирового города // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. 630–646. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-630-646>

© Колыхалов М.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Genesis of Dubai as a World City

Maksim I. Kolykhalov

Siberian Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation

✉ maxim_kolykhalov@mail.ru

Abstract. Currently, there is a significant transformation of world politics at different levels, when non-State actors and sub-State territorial entities are intensifying their international activities. Indeed, the leading urban centers of the world — global and world cities do not stay away from these processes. The most ambitious, purposeful cities which are actively involved in global processes get a chance to break into the elite. An illustrative example of the implementation of these processes is the city of Dubai, which in a short, historically speaking, period went from a small fishing village to a leading global center — a well-known world city. Thus, the purpose of this study is to analyze the prerequisites, stages, main influencing factors and specifics of the development of international activity and the formation of Dubai as a world city. The research methodology is based on systematic, structural and functional research methods, a concrete historical approach, which allowed to identify historical preconditions, and periodization, to explore the scheme of the genesis of world cities on the example of the city of Dubai.

Keywords: Dubai, international center of influence, global city, stages of genesis

For citation: Kolykhalov, M.I. (2023). The genesis of Dubai as a world city. *RUDN Journal of Political Science*, 25(3), 630–646. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-630-646>

Введение

Исследование концепций различных категорий городов — международных центров влияния проводилось рядом ведущих зарубежных исследователей, начиная с середины XX в. Так, концепция мирового города, определяющая в качестве таковых ограниченное число городских центров, играющих особую роль в международных делах на основании политического влияния, экономических, логистических, технологических, культурно-гуманитарных факторов, проводилась П. Геддесом [Geddes 1915], П. Холлом [Hall 1966], Дж. Фридманом [Friedmann 1986]. Исследование концепции глобального города через призму размещения штаб-квартир и офисов глобальных компаний приведены в исследованиях С. Сассен [Sassen 1991]. Значительный объем исследований в данной области проводится исследовательским коллективом Globalization and World Cities Research Network (GaWC) под руководством П. Тейлора [Taylor 2002]. Подходы концепции международного города, как широкого спектра городских центров, активно комплексно вовлеченных в международные процессы, исследованы в работах К. Аббота [Abbott 1997], Ж. Готтмана [Gottmann 1983]. Современные отечественные исследования международной деятельности глобальных и мировых городов приведены в работах

М.М. Лебедевой, В.М. Сергеева [Лебедева 2022; Лебедева, Сергеев 2004], Н.А. Слуки [Слука 2020], И.Ю. Окунева [Окунев 2020].

Автором предложена концепция городов-международных центров влияния, на основании которой, в процессе развития международной деятельности, городские центры проходят ряд этапов, приобретая соответствующий статус в мировой иерархии городов — от крупного города — мегаполиса, имеющего предпосылки развития международной деятельности, до мирового города [Колыхалов 2022b].

В процессе исторического развития города могут как терять свои позиции, так и значительно повышать свой статус в мировой сети городов — международных центров влияния, в результате целенаправленной политики властей, деятельности экономических субъектов, политических, геополитических и макроэкономических факторов, развития мегатрендов мировой политики. Как отмечает Питер Диккен, история показывает, что города могут приобретать и терять свое значение в глобальной сети городов. Мировая экономика следует за длинными волнами экономических подъемов и спадов, движимыми радикальными инновациями, эти экономические циклы влияют на функциональную иерархию городов. Растущее значение ряда городов на Аравийском полуострове, и в первую очередь Дубая, является явным свидетельством данного утверждения [Dicken 1998].

Сопоставляя состав городов, которые изначально были определены исследовательским коллективом GaWC, как города мира (на основе данных 1998 года)¹, а также классификации за 2000 год², с исследованием 2020 года³, можно сделать ряд значимых выводов.

В категории городов alpha+, которые могут быть отнесены к категории мировых городов, в исследовании 2020 г. появились такие мегаполисы, как Шанхай, Пекин, Дубай. При этом данные города продемонстрировали разную динамику повышения своего уровня в иерархии глобальных городов. В исследовании 1998 г. эти города были отнесены к следующим категориям: Шанхай, Пекин — глобальные города с минимальным количеством офисов глобальных фирм, Дубай — находился в списке формирующихся глобальных городов, которые имеют некоторые предпосылки — низшая категория D2⁴.

¹ Globalization and World Cities Research Network: официальный сайт исследовательского коллектива GaWC. URL: <https://www.lboro.ac.uk/microsites/geography/gawc/citylist.html> (accessed: 21.05.2023).

² Globalization and World Cities Research Network: официальный сайт исследовательского коллектива GaWC. URL: <https://www.lboro.ac.uk/microsites/geography/gawc/world2000.html> (accessed: 21.07.2023).

³ Globalization and World Cities Research Network: официальный сайт исследовательского коллектива GaWC. URL: <https://www.lboro.ac.uk/microsites/geography/gawc/world2020t.html> (accessed: 21.07.2023).

⁴ Globalization and World Cities Research Network: официальный сайт исследовательского коллектива GaWC. URL: <https://www.lboro.ac.uk/microsites/geography/gawc/citylist.htm> (accessed: 21.07.2023).

Таким образом, город Дубай, в терминологии исследовательского коллектива GaWC — на основе вовлеченности в глобальные процессы международного обмена и размещения офисов глобальных фирм высокоспециализированных бизнес-услуг, продемонстрировал максимальную динамику повышения статуса в иерархии мировой сети городов — международных центров влияния.

Следовательно, анализ генезиса города Дубай, в качестве динамичного развивающегося городского центра, достигшего статуса мирового города, является весьма показательной и значимой исследовательской задачей, на основе концептуальной модели генезиса мировых городов, предложенной ранее автором [Колыхалов 2022а].

В то же время возникает еще один важный исследовательский вопрос: *о роли государственных институтов, а также экономических субъектов — глобальных фирм и ТНК в процессах формирования и развития глобальных и мировых городов.*

Этапы развития международной деятельности Дубая на пути к статусу мирового города

Весьма показательно, что Дубай за очень короткое время превратился из маленькой рыбацкой деревушки в глобальный город, привлекающий международные фирмы, работающие в сфере экономики знаний. Если в 1950 г. это был небольшой городок с населением не более 20 000 человек⁵, то к началу 2000-х это стал глобальный центр с населением более 1,5 млн человек (United Nations, 2004) [Thierstein, Schein 2008], а к началу 2023 г. — уже мировой город с населением более 3,5 млн человек⁶.

Таким образом, Дубай прошел впечатляющий, в своем роде уникальный путь по формированию глобального статуса за весьма короткий в историческом плане период, не имея исторических предпосылок к этому — статуса столицы, или сложившегося мирового центра в одной из сфер международной деятельности.

Итак, исследуем генезис Дубая как мирового города с целью выявления основных предпосылок, этапов, влияющих факторов и особенностей развития.

На основании концепции городов — международных центров влияния — городской центр в процессе развития международной деятельности и движения вверх в мировой иерархии городов проходит четыре основных этапа: формирование крупного города (мегаполиса), международного города, глобального города и в итоге — приобретение статуса мирового города (рис.).

⁵ Информационный портал World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/world-cities/dubai-population> (дата обращения: 10.05.2023).

⁶ Информационный портал World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/world-cities/dubai-population> (дата обращения: 11.05.2023).

На первом этапе происходит формирование крупного городского центра — мегаполиса, который за счет экономического потенциала, вовлеченности в глобальные экономические сети, развитой инфраструктуры для осуществления международной деятельности, выгодного географического положения, развитой логистики имеет потенциал для успешного развития международной деятельности [Колыхалов 2022b: 975].

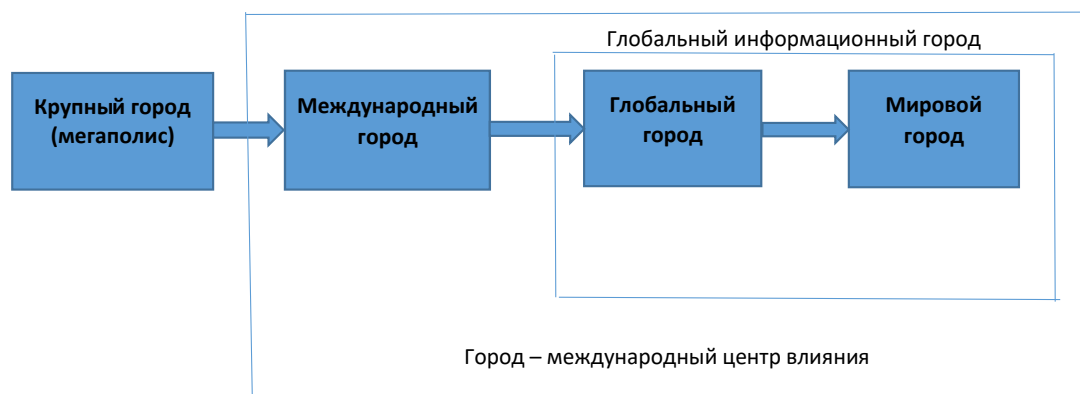
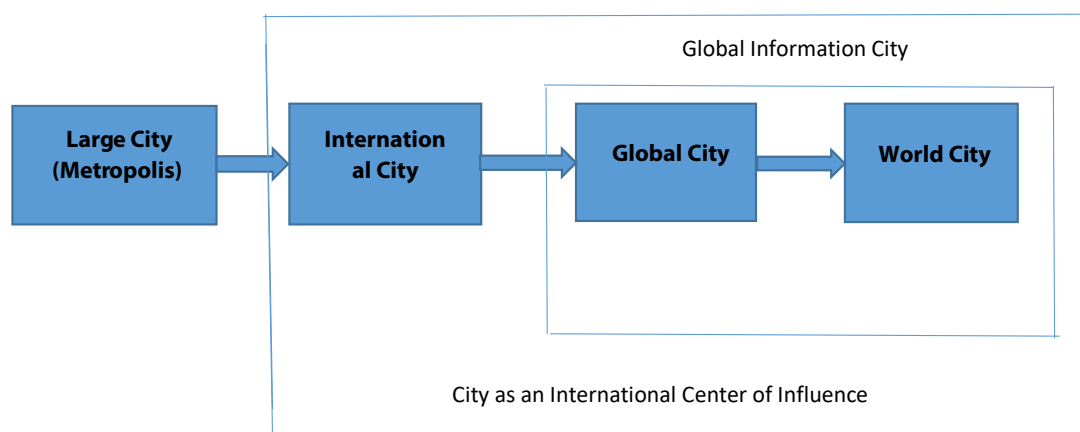

Схема генезиса городов — международных центров влияния

Источник: составлено автором

The scheme of the genesis of cities — international centers of influence

Source: compiled by the author.

До 1940-х годов в Дубае была развита промышленность по добыче жемчуга, однако, после того как в Японии появились технологии искусственного выращивания жемчужины, данная сфера экономики стала приходить в упадок. Международная деятельность практически отсутствовала, население города Дубай составляло порядка 20000 жителей⁷.

⁷ Информационный портал WorldPopulationReview. URL: <https://worldpopulationreview.com/>

В целях поддержки экономики власти города приняли решение сделать из Дубая центр реэкспорта. Было снижено налогообложение, порт Дубая в этот период стал крупнейшим на побережье, численность населения увеличилась в несколько раз⁸.

На данном этапе в Персидском заливе была обнаружена нефть, а в 1966 г. ее месторождение было открыто в Дубае. Началась добыча и переработка нефтепродуктов, значительно увеличился поток иностранцев и объем инвестиций. Были облегчены условия налогообложения, в Дубай стали прибывать предприниматели из-за границы. К 1985 г. население Дубая достигло 345 000 чел.⁹

Таким образом, основными факторами развития Дубая в качестве города — международного центра влияния на данном этапе, явились развитие логистики международной торговли — формирование крупнейшего в данном регионе морского порта, институциональные изменения государственного устройства с целью укрепления безопасности, консолидации ресурсов ряда регионов — вступление в государство ОАЭ, либерализация налогообложения, развитие нефтедобычи.

Второй этап генезиса Дубая в качестве мирового города в терминологии концепции городов — международных центров влияния характеризуется формированием международного города, в качестве мегаполиса комплексно вовлеченного в международную деятельность в одной или нескольких основных сферах международного взаимодействия: производство и экспорт продукции и технологий; формирование международных логистических центров; открытие зарубежных филиалов и экспорт профессиональных знаний и услуг. В зависимости от акцентов развития того либо иного направления международной деятельности выделяются производственные, шлюзовые, или транзакционные международные города [Колыхалов 2022а].

Начало данного периода возможно отнести к 80–90-м гг. XX в., когда в рамках усилий по развитию инфраструктуры в 1985 г. была создана зона свободной торговли «Джебель-Али», которая и в настоящее время является крупнейшей свободной зоной во всем регионе, а также расширен международный аэропорт Дубая, который стал основным региональным транспортным узлом [Ramin Keivani et al. 2002: 98].

Запасы нефти Дубая составляют лишь 5% от всех запасов Эмиратов. Понимая это, дальнейшая политика эмиратов была направлена на укрепление экономики, независимой от добычи нефти. Доходы от нефтедобычи инвестировались в инфраструктуру города. Это дало возможность укрепить авторитет Дубая как зоны свободной торговли. В этот же период был возведен самый крупный искусственный порт в мире «Джебель Али». Возле него расположился

world-cities/dubai-population (дата обращения: 10.07.2023).

⁸ Официальный сайт Правительства Объединенных Арабских Эмиратов. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae> (дата обращения: 10.07.2023).

⁹ Информационный портал World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/world-cities/dubai-population> (дата обращения: 10.07.2023).

промышленный центр свободной экономической зоны, что привлекло значительный поток иностранных инвестиций¹⁰.

Сыграла свою роль и война в Персидском заливе 1990–1991 гг., когда Дубай активно продавал топливо и другие нефтепродукты вооруженным силам других государств, торговые предприятия Кувейта, Бахрейна меняли адрес регистрации на Дубай. В то же время после окончания войны цены на нефть ощутимо поднялись, что позволило развивать городскую инфраструктуру, международную торговлю и туризм¹¹.

На данном этапе Дубай начал формировать имидж международного города за счет международно значимых мероприятий и достижений. Так, Дубай известен конными скачками Dubai World Cup, которые начали проводить с 1996 г. Визитная карточка Дубая — первый и единственный семизвездочный отель в мире в виде паруса «Бурдж Аль-Араб» — открылся в Дубае в 1999 г.,¹² с 2000 г. проводится Дубайский международный марафон, являющийся самым высокооплачиваемым марафоном в мире¹³, а в 2004 г. был запущен Международный кинофестиваль Дубая — один из ведущих кинематографических конкурсов Ближнего Востока¹⁴.

Таким образом, исходя из критериев концепции городов — международных центров влияния, Дубай на данном этапе развития международной деятельности приобретает статус международного города. Исходя из выгодного географического положения на побережье Персидского залива, развития инфраструктуры мировой торговли (наличие центров мировой торговли, проведение международных ярмарок, наличие зон свободной торговли), характеристики мегаполиса в качестве международного логистического центра (крупнейшие в регионе морской порт и аэропорт), количества мигрантов, Дубай возможно трактовать в качестве *иллюзового международного города*.

В результате развития городской инфраструктуры, активизации международной торговли, логистики, туризма, выгодного использования геополитических событий (война в Персидском заливе), к началу 2000-х гг. численность населения Дубая достигло 1 млн чел.¹⁵

Третий этап генезиса Дубая в качестве мирового города в терминологии концепции городов — международных центров влияния трактуется формированием глобального города, который активно вовлечен в глобальные экономические

¹⁰ Информационный портал Dubai-life. URL: <https://dubai-life.info/history-dubai/> (дата обращения: 02.07.2023).

¹¹ Официальный сайт правительства Дубая. URL: <https://www.dm.gov.ae/about-dubai-municipality/> (дата обращения: 07.07.2023).

¹² Информационный портал Dubai-life. URL: <https://dubai-life.info/history-dubai/> (дата обращения: 02.05.2023).

¹³ Официальный сайт Дубайского международного марафона. URL: dubaimarathon.org (дата обращения: 11.05.2023).

¹⁴ Официальный сайт Международного кинофестиваля Дубая. URL: dubaiilmfest.com (дата обращения: 02.05.2023).

¹⁵ Информационный портал World Population Review. URL: <https://worldpopulationreview.com/world-cities/dubai-population> (дата обращения: 10.05.2023).

потоки на основе размещения в нем офисов глобальных сервисных компаний [Колыхалов 2022b: 970].

Дубай в качестве глобального города был определен исследовательским коллективом GaWC в 2000 г., причем сразу был отнесен в категорию Beta¹⁶.

Дубай к этому времени практически истощил свои запасы нефти и акцент развития был сделан на расширение международной торговли, туризма, деловых услуг и транспортных мощностей. В целом на Дубай приходится около 25 % общего ВВП ОАЭ, в то же время вклад Дубая в нефтегазовой ВВП ОАЭ составлял 35 % в 2000 г. Это в большей степени относится к сектору торговли и транспорта, где 47,2 и 44,1 % ВВП соответственно приходится на Дубай. На финансовый и страховой сектор Дубая приходится 41,7 % нефтегазового ВВП, что четко отражает уровень успехов, достигнутых национальной экономикой в нефтегазовых секторах, прежде всего в бизнес-услугах¹⁷.

По мнению исследователей, Дубай приобрел значение глобального города благодаря росту наукоемкой экономики. Комфортные городские пространства в масштабе городского района, помимо других факторов, способствуют привлекательности города для глобальных компаний наукоемкой экономики. Эти городские пространства соответствуют требованиям данных фирм в отношении организации их бизнес-процессов¹⁸.

Следует отметить, что на данном этапе развитие Дубая в качестве мирового города приобрело системную основу. Правительством Дубая были последовательно разработаны и реализованы ряд стратегических планов развития города: Структурный план развития Дубая 2003 г.; Стратегический план развития Дубая (2010–2014 гг.); Стратегический план развития Дубая (2013–2015 гг.); Стратегический план развития Дубая (2016–2021 гг.), Стратегический план развития Дубая (2022–2026 гг.)¹⁹, основными целями которых явились развитие инфраструктуры города, привлечение иностранных инвестиций и развитие международной торговли, совершенствование государственного управления, улучшение качества жизни населения.

Политика городского управления, основой которой стало разделение города на зоны, наделенные определенными функциями, основывалась на структурном плане развития Дубая 2003 г., это позволило привлечь иностранные инвестиции

¹⁶ Globalization and World Cities Research Network: официальный сайт исследовательского коллектива GaWC. URL: <https://www.lboro.ac.uk/microsites/geography/gawc/citylist.html> (accessed: 01.07.2023).

¹⁷ Ramin Keivani R., Parsa A., Sim L.-L., Eng Ong S. Emerging Global Cities Comparison of Singapore and the Cities of UAE // European Real Estate Society (ERES). Vol. 27. No. 3&4. 2002. P. 97.

¹⁸ Thierstein A., Schein E. Emerging Cities on the Arabian Peninsula: Urban Space in the Knowledge Economy Context // Archnet-IJAR: International Journal of Architectural Research. 2008. № 2 (2). P. 181.

¹⁹ Официальный сайт правительства Дубая. URL: <https://www.dm.gov.ae/about-dubai-municipality/strategic-plan-of-dm/> (дата обращения: 07.05.2023).

в специально предназначенные для продажи городские районы и увеличило темпы развития города за счет параллельных подходов к планированию²⁰.

Запуск Дубайской зоны свободной торговли технологиями, электронной коммерцией и СМИ в 2003 г.²¹, включающей Дубайский интернет-город (DIC)²², Дубайский оазис идей (Dubai Silicon Oasis) и Дубайский медиагород (DMC), позволил сделать Дубай столицей электронной коммерции, Интернета и СМИ Ближнего Востока²³.

Таким образом, Дубай привлек целый ряд глобальных компаний наукоемкой экономики, таких как Microsoft, Oracle, и занял значимое место в глобальной сетевой экономике.

Исследователи отмечают, что выбор города Дубай в качестве стабильного местоположения наукоемких компаний в основном был обусловлен следующими географическими, политическими и экономическими критериями: доступность рынков снабжения и сбыта, наличие важного морского порта и крупного международного аэропорта, легкость выхода на рынок для иностранных компаний и предпринимателей, низкие налоги/пошлины и высокие финансовые субсидии. Следует отметить благоприятный политический климат и экономическую среду Дубая, связанные с достаточно эффективным государственным управлением, стабильностью нормативно-правового регулирования, активным использованием механизмов государственного — частного партнерства, высоким уровнем безопасности и толерантности общества, поддерживаемой государством²⁴.

Таким образом, на данном этапе развития Дубай становится глобальным городом за счет привлечения офисов и открытия штаб-квартир глобальных компаний на основе развития сфер международной торговли, туризма, деловых услуг, логистики, а также благодаря росту наукоемкой экономики, что стало возможным в результате развития соответствующей инфраструктуры — распределения города на зоны, наделенные определенными функциями, наличие крупнейшего морского порта и международного аэропорта, запуск Дубайской зоны свободной торговли технологиями, электронной коммерцией и СМИ.

Четвертый этап генезиса Дубая, в терминологии концепции городов — международных центров влияния, характеризуется трансформацией глобального города в мировой центр на основе политического влияния, формирования

²⁰ Ramin Keivani R., Parsa A., Sim L.-L., Eng Ong S. Emerging Global Cities Comparison of Singapore and the Cities of UAE // *European Real Estate Society (ERES)*. Vol. 27. No. 3&4. 2002. P. 95–101.

²¹ Информационный портал BridgeWest. URL: <https://companyincorporationdubai.com/dubai-technology-and-media-free-zone/> (дата обращения: 01.07.2023).

²² The Region's Thriving Tech Hub. URL: <https://dic.ae/> (accessed: 07.05.2023).

²³ Ramin Keivani R., Parsa A., Sim L.-L., Eng Ong S. Emerging Global Cities Comparison of Singapore and the Cities of UAE // *European Real Estate Society (ERES)*. Vol. 27. No. 3&4. 2002. P. 99.

²⁴ Thierstein A., Schein E. Emerging Cities on the Arabian Peninsula: Urban Space in the Knowledge Economy Context // *Archnet-IJAR: International Journal of Architectural Research*. 2008. № 2 (2). P. 184.

соответствующего имиджа и мировой известности, успешной конкуренции с действующими мировыми городами за размещение офисов глобальных сервисных компаний, а также приобретения лидерства в одной или нескольких сферах международной деятельности²⁵.

Следует отметить, что в 2010 г. исследовательский коллектив GaWC отнес Дубай в категорию Alfa +, обозначающую «узкий круг городов, дополняющих Лондон и Нью-Йорк, с высокой степенью интеграции в транснациональную городскую сеть, в значительной степени удовлетворяющих потребности в передовых услугах», что возможно трактовать как признание достижения Дубаем статуса **мирового города**.

Какие факторы, ключевые события, достижения и мероприятия мирового масштаба, а также какие предпосылки позволили Дубаю реализовать данное уникальное достижение и занять высшее положение в мировой городской иерархии?

Больше, чем любой другой город арабского мира, Дубай воспринимается как открытый, толерантный и космополитичный город. Таким образом, при ограничении и регулировании определенных видов деятельности, например номинальном ограничении продажи алкоголя немусульманам, имеющим разрешение, наблюдается гораздо более либеральное отношение к социальному поведению и выбору образа жизни. Это является очень важным фактором для становления Дубая в качестве мирового города, привлечения международного бизнеса, развития международного туризма и миграции жителей со всех регионов мира, формирования соответствующего имиджа мирового города²⁶.

Показательно, что 88,5 % населения Дубая составляют экспатрианты из 117 стран происхождения. Это явно подтверждает, что Дубай является космополитичным толерантным мировым городом²⁷.

В то же время Дубай является мировым лидером в ряде сфер международной деятельности: цифровой трансформации, технологий искусственного интеллекта и робототехники, иностранных инвестиций, в сфере туризма, инфраструктуры и логистики²⁸, а также ведущим международным финансовым центром²⁹.

Важнейшим стратегическим направлением диверсификации Дубая в 2000-х гг. в специализации в международном разделении труда явилась

²⁵ См.: [Колыхалов 2022b: 968]; Globalization and World Cities Research Network: официальный сайт исследовательского коллектива GaWC. URL: <https://www.lboro.ac.uk/microsites/geography/gawc/citylist.html> (accessed: 01.07.2023).

²⁶ Ramin Keivani R., Parsa A., Sim L.-L., Eng Ong S. Emerging Global Cities Comparison of Singapore and the Cities of UAE // European Real Estate Society (ERES). Vol. 27. No. 3&4. 2002. P. 100.

²⁷ Информационный портал Dubai-life. URL: <https://dubai-life.info/history-dubai/> (дата обращения: 02.07.2023).

²⁸ Официальный сайт правительства Дубая. URL: <https://www.dm.gov.ae/about-dubai-municipality/> (дата обращения: 07.07.2023).

²⁹ Информационный портал Dubai-life. URL: <https://dubai-life.info/history-dubai/> (дата обращения: 12.06.2023).

политика по превращению городского центра в крупный **международный центр капитала** на основании использования значительных финансовых ресурсов от экспорта энергоресурсов. Как отмечают исследователи, долгое время на огромном расстоянии между Юго-Восточной Азией (Сингапур, Гонконг, Шанхай) и Европой (Лондон, Франкфурт-на-Майне) не существовало крупного финансового центра. В 2000-х гг. в регионе стали развиваться ряд финансовых центров в государствах Аравийского полуострова (Бахрейн, Катар, Дубай, Абу-Даби, Саудовская Аравия)³⁰.

В 2002 г. эмират Дубай объявил о намерении создать Дубайский международный финансовый центр. В 2004 г. был издан закон о его создании в форме Федеральной финансовой свободной зоны для эмирата Дубай, а в 2010 г. была создана единая Дубайская международная фондовая биржа, что позволило создать необходимую эффективную инфраструктуру международного финансового центра. К 2011 г. Дубай занял 36-е место в «Глобальном индексе финансовых центров» от компании Z/Yen Group, а к 2013 г. — уже находился на 23-м месте, выше всех других региональных конкурентов и был признан компанией Z/Yen не региональным, а **международным финансовым центром**³¹.

Дубай является мировым лидером в сфере **цифровой трансформации** на основе непрерывного развития цифровой и технологической инфраструктуры. Заложённая в 2000-х гг. инфраструктурная база и конкретные проекты для содействия и поддержки различных направлений цифровой экономики, например, Дубайский Интернет-Сити, Медиа-Сити, позволили Дубаю в 2010-х гг. занять лидирующие позиции в мире в сфере цифровой трансформации³².

В 2016 г. правительство эмирата запустило стратегию Dubai Blockchain Strategy, согласно которой Дубай станет первым в мире городом, работающим на технологии блокчейн. На сегодняшний день в городе функционируют более 100 блокчейн-компаний и успешно реализовано 24 блокчейн-проекта в восьми отраслях экономики. Стратегия откроет экономические возможности для всех секторов города и укрепит репутацию Дубая как мирового технологического лидера в соответствии с мандатом Smart Dubai стать мировым лидером в области умной экономики, стимулируя предпринимательство и глобальную конкурентоспособность. Стратегия будет опираться на три стратегических столпа: эффективность правительства, развитие отрасли и международное лидерство³³.

³⁰ Бирюков Е.С. Создание финансовых центров // *Обозреватель*. 2013. № 12 (287). С. 81–82.

³¹ Бирюков Е.С. Создание финансовых центров // *Обозреватель*. 2013. № 12 (287). С. 83.

³² Ramin Keivani R., Parsa A., Sim L.-L., Eng Ong S. Emerging Global Cities Comparison of Singapore and the Cities of UAE // *European Real Estate Society (ERES)*. Vol. 27. No. 3&4. 2002. P. 100.

³³ Информационный портал Visitdubai. URL: <https://www.visitdubai.com/ru/invest-in-dubai/newsroom/news-insights/global-leader-in-research-digital-transformation> (дата обращения: 22.06.2023).

Дубай реализует проект формирования первого цифрового правительства в мире. Проект Dubai 10X направлен на то, чтобы установить во всех государственных учреждениях города так называемые «центры X Labs». За счет этого Дубаю удастся опередить другие города мира как минимум на 10 лет, первым внедряя инновации в таких ключевых сферах, как государственные услуги, образование, технологии и здравоохранение³⁴.

В 2021 г. ОАЭ вошли в десятку лучших в рейтинге цифровой конкурентоспособности IMD, опередив Великобританию, Израиль, Германию и Францию. Правительство Дубая отслеживает показатели цифровой эффективности на уровне страны и города по более чем 15 известным индексам, измеряющим цифровую конкурентоспособность, и ОАЭ неизменно занимают первое место в каждой оценке³⁵.

Дубай рассматривает искусственный интеллект как свой самый большой актив будущего на пути к тому, чтобы стать самым развитым городом в мире, полагая, что по мере того, как точки соприкосновения и услуги по всему городу становятся все более беспрепятственными и бесшовными, благополучие граждан неизбежно³⁶.

Дубай признан мировым лидером по объему **прямых иностранных инвестиций (ПИИ)** в технологии искусственного интеллекта и робототехники. Это отражает доверие международных инвесторов к деловой среде эмирата и инициативам правительства Дубая³⁷.

Дубай занял третье место в мире по привлечению прямых иностранных инвестиций в 2019 г. Чтобы достичь этого, с 2015 по 2018 г. эмират привлек в общей сложности 21,6 млрд долл. США только на инвестиции в искусственный интеллект и робототехнику. На сегодняшний день это самый высокий зарегистрированный мировой показатель для этого сектора³⁸.

Дубай — мировой лидер в сфере **инноваций**. Благодаря значительным средствам, выделенным на развитие инфраструктуры, государственной поддержке бизнеса и благоприятной деловой среде Дубай привлекает амбициозные хайтек-стартапы и предпринимателей со всего мира. Инновации охватывают каждый сектор высоко диверсифицированной экономики эмирата. Внедряя

³⁴ Информационный портал Visitdubai. URL: <https://www.visitdubai.com/ru/invest-in-dubai/newsroom/news-insights/global-leader-in-research-digital-transformation> (дата обращения: 22.06.2023).

³⁵ Информационный портал Entrepreneur.com. URL: <https://www.entrepreneur.com/en-ae/growth-strategies/how-dubai-is-putting-in-the-work-to-become-the-next-digital/438452> (дата обращения: 22.06.2023).

³⁶ Информационный портал Entrepreneur.com. URL: <https://www.entrepreneur.com/en-ae/growth-strategies/how-dubai-is-putting-in-the-work-to-become-the-next-digital/438452> (дата обращения: 24.06.2023).

³⁷ Информационный портал Visitdubai. URL: <https://www.visitdubai.com/ru/invest-in-dubai/newsroom/news-insights/global-leader-in-research-digital-transformation> (дата обращения: 25.06.2023).

³⁸ Официальный сайт правительства Дубая. URL: <https://www.dm.gov.ae/about-dubai-municipality/> (дата обращения: 17.05.2023).

новые технологии и эффективные решения, правительство намерено превратить Дубай в экогород будущего³⁹.

Дубай завоевал **мировую известность и является мировым центром туризма и индустрии развлечений**. Так, в 2017 г. Дубай принял больше гостей, чем Лондон или Париж. Торговый центр Dubai Mall, расположенный в цокольном этаже самого высокого здания в мире — небоскреба Бурдж-Халифа, в 2013 г. посетило больше людей, чем любой другой супермаркет на земле, — 75 миллионов (это более 200 тысяч человек в сутки!). Терминал-3 аэропорта Дубая представляет собой уникальную точку пересечения цивилизаций; через него ежегодно проходит больше пассажиров, чем через любой другой терминал, особенно между полуночью и пятью часами утра. Огромный парк самолетов Airbus A380 делает его единственным местом в мире, откуда можно без пересадок долететь до любого крупного города мира. Кроме того, ведется круглосуточное строительство еще более крупного аэропорта Dubai World Central, способного обслужить до 200 млн пассажиров в год.

Дубай стал **мировым центром развития свободных экономических зон**. Для каждого вида глобальных потоков существует зона физического воплощения. В Media City размещаются студии спутникового телевидения, в Internet City — интернет-компании, в Healthcare City — медицинские и фармацевтические фирмы; есть и другие говорящие сами за себя названия, например Textile Village, Auto Parts City, Carpet Free Zone и DuBiotech. В совокупности в ОАЭ, и в Дубае в частности, размещено более трех четвертей из более чем двухсот СЭЗ, разбросанных сегодня по странам арабского мира⁴⁰.

Международно значимые достижения и мероприятия, формирующие имидж мирового города

Бурдж-Халифа является самым высоким рукотворным сооружением на Земле а также единственным 7-звездочным отелем в мире⁴¹.

Gevora Hotel Dubai — самый высокий отель в мире (356 м).

Мегапроект — рукотворные пальмовые острова — Пальма Джумейра, Пальма Дейра и Пальма Джебель-Али. Это набор жилых поселков и экзотических пляжей.

В 2019 г. Дубай получил награду как «Первый умный город на блокчейн» на международном форуме Barcelona Smart City Expo⁴².

³⁹ Информационный портал Visitdubai. URL: <https://www.visitdubai.com/ru/invest-in-dubai/newsroom/news-insights/global-leader-in-research-digital-transformation> (дата обращения: 26.06.2023).

⁴⁰ Информационный портал BridgeWest. URL: <https://companyincorporationdubai.com/dubai-technology-and-media-free-zone/> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴¹ Информационный портал Holidify.com. URL: <https://www.holidify.com/pages/history-of-dubai-2241.html> (дата обращения: 01.07.2023).

⁴² Информационный портал Holidify.com. URL: <https://www.holidify.com/pages/history-of-dubai-2241.html> (дата обращения: 09.07.2023).

Дубай — мировой центр досуга и развлечений. Ежегодно здесь проводятся масштабные мероприятия, такие как Кубок мира в Дубае, Дубайский джазовый фестиваль и Дубайские соревнования по регби-7⁴³.

В 2020 г. в Дубае успешно прошла всемирная выставка World Expo 2020, впервые в своей истории в регионе Ближнего Востока, Северной Африки и Южной Азии⁴⁴.

Таким образом, на данном этапе генезиса (развития международной деятельности), завоевав лидерство в целом ряде сфер международной деятельности, получив мировую известность и соответствующий имидж за счет уникальных международно значимых достижений и мероприятий, привлекая наибольшее число туристов в мире и являясь крупнейшим транспортным и логистическим узлом, Дубай ворвался в плеяду мировых городов, тем самым подтвердив тезис о том, что формирование мирового города возможно не только в процессе длительного исторического развития на основе геополитического влияния (являясь центрами мировых империй либо крупнейшими европейскими или североамериканскими городскими центрами — лидерами в различных сферах).

Исследуем роль деятельности государственных институтов как фактор развития международной деятельности и становления города Дубай в качестве мирового города.

Основоположник концепции глобального города С. Сассен [Sassen 1991], а также основатель исследовательского коллектива GaWC П. Тейлор обозначают определяющую роль международного бизнеса и ТНК в процессах формирования и развития глобальных городов⁴⁵, однако ряд авторов отмечают ведущую роль государственного сектора в данных процессах, в частности наличие специализированных государственных учреждений, а также компаний с государственным участием, являющихся локомотивом развития сфер международной деятельности. Отмечается, что Дубай является самым агрессивным целеустремленным городом в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, преследующим эту цель в рамках своих 20-летних планов стратегического развития [Ramin Keivani et al. 2002].

Действительно, только благодаря четко определенной, разумно направленной и хорошо реализованной стратегии развития сравнительные преимущества городского центра могут быть полностью реализованы и использованы для получения конкурентного преимущества на мировом рынке. Что касается международных инвесторов, то их восприятие привлекательности города в значительной степени зависит от институциональной городской среды, стабильности и прозрачности налогового режима, обеспечения безопасности [Ramin Keivani et al. 2002].

⁴³ Информационный портал Amazing-dubai. URL: <https://www.amazing-dubai.com/history-of-dubai.html> (дата обращения 11.07.2023).

⁴⁴ Официальный сайт Expo2020dubai. URL: <https://www.expo2020dubai.com> (дата обращения 14.07.2023).

⁴⁵ Официальный сайт правительства Дубая. URL: <https://www.dm.gov.ae/documents/strategic-plan-2013-2015/> (дата обращения: 07.07.2023).

Дубай предлагает нормативно-правовую базу с гибкостью и реагированием на изменения в динамичной и постоянно меняющейся среде. Этот подход направлен на внедрение подхода ГЧП (государственно-частное партнерство) к инновациям, поддерживаемым регулированием, путем прямого общения с лидерами отрасли и реализации политики для поддержки их потребностей⁴⁶.

С точки зрения международного экономического развития Дубай сделал шаг вперед благодаря созданию специализированного департамента экономического развития, которому поручено формулирование и реализация политики конкретных задач в данной области⁴⁷.

Показательны усилия местных, региональных, а также федеральных властей по формированию инфраструктуры, которые обеспечивают развитие международной деятельности Дубая. Так, началом формирования Дубая в качестве крупного городского центра, имеющего предпосылки для развития международной деятельности, явилось строительство морского порта, а также либерализация международной торговли. Второй этап развития в качестве международного города стал возможен благодаря инвестициям властей Дубая нефтяных доходов в дальнейшее развитие инфраструктуры — возведение самого крупного искусственного порта в мире, строительство крупнейшего аэропорта, открытие зоны свободной торговли. Дальнейшее развитие международной деятельности Дубая также напрямую связано с усилиями государственных властей — планирование и развитие городского пространства Дубая было реализовано с учетом требования размещения компаний наукоемкой экономики, а последовательная реализация ряда стратегических планов развития, принятых властями Дубая, позволила занять городскому центру лидирующие позиции в целом ряде сфер международной деятельности, стать международным финансовым центром. К тому же реализация знаковых мегапроектов, а также мероприятий мирового уровня, принесших Дубаю мировую известность, также осуществлялась при непосредственном инициативном участии государственных органов.

Таким образом, по мнению автора, роль государственных институтов в процессах генезиса Дубая в качестве мирового города является определяющей, это позволило сформировать космополитичную толерантную городскую среду, современную инфраструктуру, либеральные условия международной деятельности, а также планомерное целенаправленное развитие на основе стратегического государственного планирования. Так, актуальный план «План развития Дубая 2021»⁴⁸ формирует следующие ключевые направления развития этого

⁴⁶ Информационный портал Visitdubai. URL: <https://www.visitdubai.com/ru/invest-in-dubai/newsroom/news-insights/global-leader-in-research-digital-transformation> (дата обращения: 26.06.2023).

⁴⁷ Официальный сайт правительства Дубая. URL: <https://www.dm.gov.ae/about-dubai-municipality/> (дата обращения: 07.07.2023).

⁴⁸ Официальный сайт правительства Дубая. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/local-governments-strategies-and-plans/dubai-plan-2021> (дата обращения: 07.05.2023).

мирового города: город счастливых, творческих и сильных людей; инклюзивное и сплоченное общество; лучшее место для жизни, работы и посещения; умный и постоянно развивающийся город; центральный узел мировой экономики; новаторское и превосходное правительство, что подтверждает направление усилий государственных властей и общества по утверждению Дубая в качестве мирового города.

Поступила в редакцию / Received: 07.06.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 13.06.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.06.2023

Библиографический список

- Бирюков Е.С.* Создание финансовых центров // *Обозреватель*. 2013. № 12 (287). С. 80–97.
- Колыхалов М.И.* Концепция международного города в мировой политике // *Вопросы политологии*. 2022а. Т. 12. № 12 (88). С. 4313–4326. <http://doi.org/10.35775/PSI.2022.88.12.025>
- Колыхалов М.И.* Теоретические аспекты международной деятельности мегаполисов в транснациональной городской сети // *Регионоведение*. 2022б. Т. 30, № 4 (121). С. 961–979. <http://doi.org/110.15507/2413-1407.121.030.202204.961-979>
- Лебедева М.М., Сергеев В.М.* Мегаполис как актор мировой политики // *Космополис*. 2004. № 4. С. 193–200.
- Лебедева М.М.* Возрастающая роль городов и субнациональных регионов в мировой политике // *Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности: материалы всероссийской конференции РАПН с международным участием* / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: Аспект Пресс, 2022.
- Окунев И.Ю.* Столицы в зеркале критической геополитики. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. 272 с.
- Слука Н.А.* «Геополитический вызов» исследовательскому буму глобальных городов // *Вестник МГИМО Университета*. 2020. Т. 13. № 3. С. 283–294.
- Abbott C.* The international city hypothesis // *Journal of Urban History*. 1997. Vol. 24. P. 28–52.
- Dicken P.* *Global Shift: Transforming the World Economy*. London: Paul Chapman Publishing Ltd., 1998.
- Friedmann J.* The World City Hypothesis // *Development and Change*. 1986. No 17. P. 69–83.
- Geddes P.* *Cities in evolution*. London, 1915.
- Gottmann J.* *Coming of the Transactional City*. University of Maryland Institute for Urban Studies, 1983.
- Hall P.* *World Cities*. New York: McGraw-Hill, 1966.
- Ramin Keivani R., Parsa A., Sim L.-L., Eng Ong S.* Emerging Global Cities Comparison of Singapore and the Cities of UAE // *European Real Estate Society (ERES)*. 2002. Vol. 27. No. 3&4. P. 95–101.
- Sassen S.* *The global city*. New York, London, Tokyo. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 1991.
- Taylor P.J., Walker D.R. F., Beaverstock J.V.* Firms and their global service networks // *Global Networks, Linked Cities*, Sassen, S. (Ed.), London: Routledge, 2002. P. 93–116.
- Thierstein A., Schein E.* Emerging Cities on the Arabian Peninsula: Urban Space in the Knowledge Economy Context // *Archnet-IJAR: International Journal of Architectural Research*. 2008. № 2 (2). P. 178–195.

References

- Abbott, C. (1997). The international city hypothesis. *Journal of Urban History*, 24, 28–52.
- Biryukov, E.S. (2013). Creation of financial centers. *Observer*, 12(287), 80–97. (In Russian).
- Dicken, P. (1998). *Global shift: Transforming the world economy*. London: Paul Chapman Publishing Ltd.
- Friedmann, J. (1986). The world city hypothesis. *Development and Change*, 17, 69–83.
- Geddes, P. (1915). *Cities in evolution*. London.
- Gottmann, J. (1983). *Coming of the transactional city*. University of Maryland Institute for Urban Studies.
- Hall, P. (1966). *World cities*. New York: McGraw-Hill.
- Kolykhalov, M.I. (2022a). Theoretical aspects of the international activities of megacities in the transnational urban network. *Regionology*, 30, 4(121), 961–979. (In Russian). <http://doi.org/110.15507/2413-1407.121.030.202204.961-979>
- Kolykhalov, M.I. (2022b). The concept of an international city in world politics. *Political science issues*, 12(88), 4313–4326. (In Russian). <http://doi.org/10.35775/PSI.2022.88.12.025>
- Lebedev, M.M., & Sergeev, V.M. (2004). Megapolis as an actor in world politics. *Cosmopolis*, (4), 193–200. (In Russian).
- Lebedeva, M.M. (2022). The growing role of cities and subnational regions in world politics. In O.V. Gaman-Golutvina, L.V. Smorgunov, & L.N. Timofeeva (Eds.), *Political challenges and political dialogue in the context of global turbulence: materials of the All-Russian Conference of the Russian Academy of Sciences with international participation*. Moscow: Aspect Press. (In Russian).
- Okunev, I.Yu. (2020). *Capitals in the mirror of critical geopolitics*. Moscow: Aspect Press Publishing House. (In Russian).
- Ramin Keivani, R., Parsa, A., Sim, L.-L., & Eng Ong, S. (2002). Emerging global cities comparison of Singapore and the cities of UAE. *European Real Estate Society (ERES)*, 27 (3&4), 95–101.
- Sassen, S. (1991). *The global city*. New York, London, Tokyo. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Sluka, N.A. (2020). “Geopolitical challenge” to the research boom of global cities. *MGIMO Review of International Relations*, 13(3), 283–294. (In Russian).
- Taylor, P.J., Walker, D.R.F., & Beaverstock, J.V. (2002). Firms and their global service networks. In S. Sassen (Ed.), *Global Networks, Linked Cities* (pp. 93–116). Routledge, London.
- Thierstein, A., & Schein, E. (2008). Emerging cities on the Arabian Peninsula: Urban space in the knowledge economy context. *Archnet-IJAR: International Journal of Architectural Research*, 2(2), 178–195.

Сведения об авторе:

Кольхалов Максим Игоревич — кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (maxim_kolykhalov@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-3137-1889)

About the author:

Maksim I. Kolykhalov — PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Siberian Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (maxim_kolykhalov@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-3137-1889)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-647-662

EDN: RDJPCY

Научная статья / Research article

Цифровые системы в публичной политике и городском планировании: лоббирование, примеры и рекомендации к дальнейшему применению

А.В. Курочкин ^{1,2}, А.Г. Дедуль¹ , Л.С. Шалев¹ , И.А. Бабюк¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 alexkur@bk.ru

Аннотация. Применение цифровых систем в условиях растущей глобальной конкуренции является одним из важнейших трендов развития как корпоративного, так и публичного управления во всем мире. Отсюда ключевая задача статьи проанализировать специфику внедрения и совершенствования цифровых систем управления в аспекте минимизации политико-экономических рисков. Сравнительный анализ различных кейсов наглядно демонстрирует, что даже лоббирование внедрения цифровых систем планирования и управления может оказать как положительное, так и отрицательное влияние на политику правительства в зависимости от конкретной ситуации. Однако запрос на их использование в государственных институтах федерального и регионального уровней с каждым годом неизменно возрастает, что открывает возможности не только для потенциальных заказчиков, но и для исполнителей, а также разработчиков цифровых систем. Авторы доказывают, что развертывание инновационных технологий управления играет решающую роль в формировании конкурентоспособности и рентабельности компании как государственного, так и частного секторов. В качестве примера авторы рассматривают варианты имплементации системы планирования ресурсов предприятия (ERP-систем или Enterprise Resource Planning, т.е. программное решение, которое объединяет различные бизнес-процессы и функции организации в единую систему). В частности, в исследовании представлены примеры успешной реализации проектов по цифровой трансформации в России и составлен перечень потенциальных рисков, на которые стоит обратить внимание при реализации проектов по городскому планированию, дабы в дальнейшем избежать финансовых потерь. Внедрение цифровых систем управления в практику функционирования

© Курочкин А.В., Дедуль А.Г., Шалев Л.С., Бабюк И.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

единой системы публичной власти РФ является важным шагом на пути к совершенствованию управления государственными ресурсами и повышению эффективности работы государственных структур в целом.

Ключевые слова: ERP, EPR, имплементация, бизнес-процессы, лоббирование, городское управление, IT-решения

Для цитирования: Курочкин А.В., Дедуль А.Г., Шалев Л.С., Бабюк И.А. Цифровые системы в публичной политике и городском планировании: лоббирование, примеры и рекомендации к дальнейшему применению // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. 647–662. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-647-662>

Благодарности: Статья выполнена в рамках научно-исследовательского проекта при поддержке РНФ 22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности».

Digital Systems in Public Policy and Urban Planning: Lobbying, Examples, and Recommendations for Further Application

Alexander V. Kurochkin^{1,2} , Anastasia G. Dedul¹ ,
Lev S. Shalev¹ , Irina A. Babyuk¹

¹*St Petersburg University, Saint-Petersburg, Russian Federation*

²*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

 alexkur@bk.ru

Abstract. The use of digital systems in the face of growing global competition is one of the most important trends in the development of both corporate and public governance worldwide. Hence, the key task of the article is to analyze the specifics of the implementation and optimization of digital management systems in terms of minimizing political and economic risks. A comparative analysis of various cases clearly demonstrates that even lobbying for the introduction of digital planning and management systems can have both a positive and negative impact on government policy, depending on the specific situation. However, the demand for their use in state institutions at the federal and regional levels is only increasing every year, which opens up opportunities not only for potential customers, but also for performers and developers of digital systems. The authors prove that the deployment of innovative management technologies plays a crucial role in shaping the competitiveness and profitability of a company in both the public and private sectors. As an example, the authors consider options for implementing an enterprise resource planning system (ERP systems or Enterprise Resource Planning, i.e. a software solution that integrates the various business processes and functions of an organization into a single system), which led to failures due to a number of factors. On the other hand, examples of successful implementation of digital transformation projects in Russia are presented and a list of factors worth paying attention to when implementing urban planning projects in order to avoid financial losses in the future is given. The introduction of digital management systems in the practice of functioning of the unified system of public authority of the Russian Federation is an important step towards improving the management of public resources and improving the efficiency of government structures in general.

Keywords: ERP, EPR, implementation, business processes, lobbying, urban planning, IT solutions

For citation: Kurochkin, A.V., Dedul, A.G., Shaley, L.S., & Babyuk I.A. (2023). Digital systems in public policy and urban planning: Lobbying, examples, and recommendations for further application. *RUDN Journal of Political Science*, 25(3), 647–662. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-647-662>

Acknowledgements: This article was completed as part of a research project supported by the Russian Science Foundation 22-78-10049 «The State and the Citizen in the New Digital Reality».

Введение

Рост глобализации и перманентное развитие конкурентных общественно-экономических отношений обуславливают формирование новой модели взаимодействия акторов, в рамках которой на первый план выходят следующие процессы: разработка и имплементация нового формата инновационной политики, цифровая трансформация деловых и административно-политических коммуникаций, постоянная оптимизация инвестиционной политики. Данные трансформации приводят к необходимости внедрения систем планирования и распределения процессов производства сложных продуктов, а также оказания клиентоориентированных услуг.

В рамках данной статьи авторы анализируют важность использования цифровых систем управления, таких как система планирования ресурсов предприятия (ERP-система) в публичной политике и городском управлении. Эти системы позволяют обеспечить более эффективное взаимодействие между гражданами и государством, повысить прозрачность и открытость политико-административных процессов.

Актуальность исследований в данной области связана с ростом интереса к использованию информационных технологий в государственном управлении в целом, а также с необходимостью повышения эффективности и подотчетности государственных органов. Авторы акцентируют исследовательский фокус не столько на технических аспектах использования цифровых систем, сколько на том, как эта технология может помочь улучшить процессы принятия политических и административных решений и повысить прозрачность работы государственных органов.

Теоретическая разработанность

Проблема имплементации и дальнейшего развития корпоративных систем управления достаточно подробно раскрывается в научных трудах С.В. Юрьева [2018] и Н.Б. Демироглу [2019], которые обозначают ее актуальность с позиции экономической целесообразности и эффективности. Ряд авторов (в частности Е.А. Савенкова и О.Н. Горбунова) анализируют

основные критерии и индикаторы внедрения данных систем. А.В. Артемов, Е.В. Артемова, В.А. Красников, А.Е. Трубин, И.О. Трубина [2018] фокусируют внимание на логистических особенностях и снижении издержек при имплементации ERP.

Предприятия внедряют ERP-системы по ряду причин, например из-за необходимости снижения операционных затрат [Spathis, 2003]. Л. Фитц-Джеральд и Д. Кэрролл [2005] обнаружили, что внедрение систем ERP является сложным мероприятием, которое оказывает значительное воздействие на основные заинтересованные стороны, включая персонал и клиентов. С. Ленгник-Холл, М. Ленгник-Холл и С. Абдиннур-Хельм [Lengnick-Hall, Lengnick-Hall, Abdinnour-Helm, 2004] заметили, что системы ERP лучше всего подходят для организаций «механистического» типа, в которых доминируют рутинные, высокозапрограммированные технологии и операции, однако именно нерутинные процессы обучения и изменений, которые происходят в сложных, самоорганизующихся системах, позволяют компаниям создавать отличительные конкурентные преимущества на основе результатов ERP.

ERP-системы имеют свои преимущества. Они приводят к устойчивой операционной эффективности и улучшению общей ликвидности [Matolcsy, Booth & Wieder, 2005; Stratman, 2009]. Д. О’Лири [2004] выделил, что некоторые преимущества систем ERP варьируются в зависимости от отрасли, в то время как другие, похоже, важны для компаний независимо от отрасли. Эти преимущества включают снижение операционных затрат, сокращение времени цикла и повышение общей ликвидности.

Роль лоббирования в развертывании ERP освещена не так детально. Тем не менее некоторые работы дают представление, которое может иметь значение. Лоббирование за ERP оказывает определенное влияние на государственную политику, но это влияние не всегда положительное. Институциональное давление и зависимость от ресурсов положительно влияют на принятие ERP-систем, поддерживаемых государством, в то время как неприятие риска малыми и средними предприятиями отрицательно влияет на принятие ERP-систем, поддерживаемых государством. Исследование с использованием данных китайских государственных предприятий выявило сильные стимулы для внедрения ERP на государственных предприятиях, предприятиях с небольшим количеством независимых директоров, государственных предприятиях с высокой концентрацией собственности и негосударственных предприятиях с низкой концентрацией собственности [Jidong & Liyan, 2010].

Использование ERP-систем в организации государственного сектора может привести к положительным финансовым показателям и предоставлению более качественных услуг клиентам [Fernandez, Zainol & Ahmad, 2017]. Взаимная зависимость между клиентом и консультантом при внедрении ERP положительно влияет на динамику отношений, что приводит к более совместным и продуктивным отношениям. Это происходит потому, что обе стороны нуждаются друг в друге для достижения своих целей. Взаимная

зависимость также может привести к большему обмену знаниями и властью между сторонами, поскольку им необходимо работать вместе для преодоления проблем, возникающих в ходе установки ERP. Также было обнаружено, что имплементация систем ERP оказала неоднозначное воздействие на организации государственного сектора Австралии¹. Работа В. Паульссон убедительно показала, что ERP-системы оказывают ограниченное влияние на бюджетирование, что говорит о том, что они могут не оказывать существенного влияния на государственные расходы².

Одни исследования выявили значительное повышение производительности и выгоды от ERP-систем, в то время как другие исследования показали, что они не оказали значительного влияния. Это говорит о том, что лоббирование и применение ERP-систем может оказать как положительное, так и отрицательное влияние на политический процесс в зависимости от конкретной ситуации [Coelho, Cunha & de Souza Meirelles, 2016].

Для начала необходимо дать определение нескольким терминам, поскольку они будут активно использоваться в разбираемых кейсах.

Enterprise Resource Planning (ERP далее) расшифровывается как планирование ресурсов предприятия посредством системы методов и технологий интегрированного управления бизнесом с целью рационального и эффективного использования ресурсов, а также повышения эффективности управления предприятием [Leon, 2014, С. 25]. Информационные технологии интегрируются с основными бизнес-процессами предприятий для оптимизации и достижения конкретных бизнес-целей [Иванов, Черкасов, 2018].

ERP является объединением трех наиболее важных компонентов:

- 1) практика управления бизнесом;
- 2) информационные технологии;
- 3) конкретные бизнес-цели.

Обобщая вышесказанное, представим следующим образом схему ERP (рис.).

ERP — это также широкая архитектура программного обеспечения, которая поддерживает потоковое распространение и географически разбросанной информации о масштабах предприятия по всем функциональным областям бизнеса. Оно предоставляет руководителям предприятий всесторонний обзор полного выполнения бизнес-процессов, который, в свою очередь, влияет на их решения продуктивным образом [Питеркин, Оладов, Исаев, 2005].

Концепция ERP была сформулирована в 1990-м г., и к середине 1990-х начали появляться первые тиражируемые ERP-системы [Wylie, 1990]. Одна из причин — проблема 2000 г. (Y2K), которая увеличила принятие клиентоориентированных решений [Wang, 2009].

¹ Sederer D., Gable G.G., Palmer A. (2002). Enterprise resources planning systems impacts: a delphi study of Australian public sector organisations. In the 6th.P ACIS.

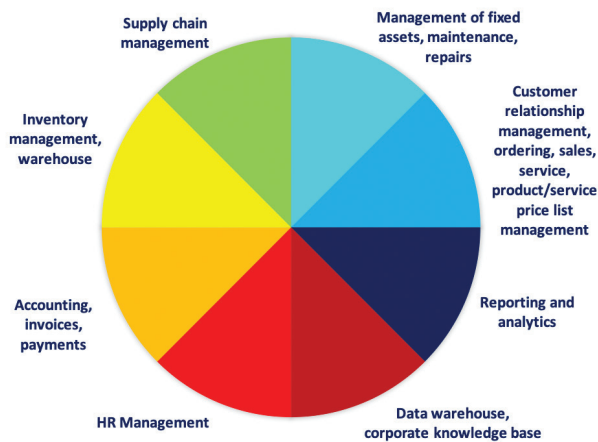
² Paulsson, W. The complementary use of IS technologies to support flexibility and integration needs in budgeting: Doctoral Thesis. Lund University, Department of Informatics, 2013.

Она заключалась в том, что установленное на компьютерных системах программное обеспечение использовало всего два знака для представления года в датах. Когда год «99» сменился бы на год «00», программы перенеслись бы на столетие назад — в 1900 г. И тогда бы системы одна за другой посыпались как почти бесконечная цепочка домино. По приблизительным оценкам, на решение данной проблемы было потрачено от 100 до 400 млрд долл. США³.

Компоненты ERP

Источник: Novosoft: ERP система NERPA — планирование ресурсов предприятия.
 URL: <https://www.novosoft.ru/nerpa/erp> (дата обращения: 27.11.2022).

ERP components

Source: Novosoft: ERP system NERPA — enterprise resource planning. Retrieved November 27, 2022, from <https://www.novosoft.ru/nerpa/erp>

³ Senate: Y2k Fixes Worth the Billions Spent Projects preclude major problems, modernize systems // *Computerworld*. March 6, 2000. URL: <https://www.computerworld.com/article/2593290/senate-y2k-fixes-worth-the-billions-spent.html> (accessed: 03.12.2022).

Объем мирового рынка программного обеспечения для планирования ресурсов предприятия (ERP) в 2020 г. оценивался в 43,72 млрд долл. США⁴. Крупнейшими игроками в этом секторе являются Oracle Corporation (США), IBM Corporation (США), SAP SE (Германия), Microsoft Corporation (США), Sage Group PLC (Великобритания) и т.д.⁵

ЕРР (Electronic Public Records) — это технологический инструмент, который позволяет автоматически отслеживать, анализировать и предоставлять доступ к информации о принимаемых государственных решениях. Использование ЕРР-систем в публичной политике и городском планировании может помочь предотвратить коррупцию и повысить прозрачность процессов принятия решений.

В каждом отобранном кейсе мы уделяем внимание следующим вопросам:

- Какова была ситуация до внедрения платформы ЕРР в предприятие муниципального уровня?
- Каким образом платформа ЕРР применялась для оптимизации производительности?
- Каков был итоговый результат применения платформы?

В качестве кейсов для исследования были выбраны Муниципальное унитарное предприятие г. Сочи «Водоканал» и Санкт-Петербургское государственное унитарное предприятие пассажирского автомобильного транспорта «Пассажиравтотранс». Оба предприятия являются важными компонентами инфраструктуры городов и взаимодействуют с большим количеством граждан и организаций. Предполагается, что их опыт внедрения платформы ЕРР может оказаться полезным для сравнения и анализа влияния такой системы на эффективность работы муниципальных учреждений.

Российский опыт внедрения ЕРР-систем

В России ЕРР-системы вводятся в первую очередь в федеральных государственных органах, таких как Министерство экономического развития, Федеральная налоговая служба, Министерство финансов («Электронный бюджет») и т.д. Среди уже реализованных проектов по развертыванию ЕРР-систем достаточно много успешных примеров.

1. Единая электронная заявка — это решение, внедренное в государственный сектор России, которое позволяет гражданам и организациям подавать заявки на оказание услуг через Интернет. Таким образом, система облегчает и упрощает процесс получения государственных услуг, сокращает время на ожидание официальных ответов и улучшает качество обслуживания.
2. Единый портал государственных и муниципальных услуг России (Госуслуги) — это единая электронная система, которая позволяет

⁴ Enterprise Resource Planning (ERP) Market Report // Allied Market Research. February 2022. URL: <https://www.alliedmarketresearch.com/ERP-market> (accessed: 04.12.2022).

⁵ Fortune Business Insights. (2022). Enterprise Resource Planning (ERP) Software Market — Market Research Report. Retrieved December 8, 2022, from <https://www.fortunebusinessinsights.com/enterprise-resource-planning-erp-software-market-102498>

гражданам и организациям получать государственные и муниципальные услуги не выходя из дома. Система включает в себя более 35 тысяч различных услуг, таких как выдача загранпаспорта, регистрация автомобиля, получение справок из ФНС и т.д.

3. Единый федеральный реестр медицинских организаций — это государственный реестр, который содержит информацию о всех медицинских организациях в России. Реестр позволяет упростить поиск необходимых медицинских учреждений для пациентов, а также повысить прозрачность в системе здравоохранения.
4. Единая система закупок — это электронная система, внедренная для упрощения и сокращения времени на проведение процедуры государственных и муниципальных закупок. Система позволяет улучшить качество товаров и услуг, а также обеспечивает здоровую конкуренцию между поставщиками.
5. Единая электронная база данных о почве и агроклиматических ресурсах России (ЕЭБД) — это государственная система, которая содержит информацию о почвенном покрове, агроклиматических условиях и растительности в России. База данных позволяет аграрному сектору использовать эти данные для разработки планов хозяйственной деятельности и улучшения качества сельскохозяйственного производства.

ERP-системы в городском управлении России используются для увеличения оперативности и эффективности процессов управления, автоматизации бизнес-процессов и улучшения качества услуг для населения.

Конкретные позитивные результаты внедрения ERP-систем в городском управлении могут проявляться в виде:

- улучшения планирования бюджета и управления финансами;
- совершенствования работы с кадрами, оптимизации управления персоналом;
- автоматизации бизнес-процессов, что позволяет сократить время на выполнение задач и ликвидировать риски, связанные с человеческим фактором;
- улучшения процесса управления документооборотом и документами;
- увеличения прозрачности и контроля над деятельностью структурных подразделений муниципальных образований;
- улучшения доступности и качества государственных и муниципальных услуг для населения.

В последние годы заметно возрос интерес отечественных компаний к российским ERP-системам. Эта тенденция объясняется, прежде всего, санкциями и стремительным ростом цен на лицензии зарубежного программного обеспечения. Другая важная причина заключается в том, что ИТ-сектор уже в конце 2016 г. был отнесен к приоритетным отраслям развития на государственном уровне, что делает его мощным катализатором процесса импортозамещения.

В 2016 г. на российском рынке доля SAP была в пределах 49 %, обгоняя российскую «1С» (32,9 %) и американские Microsoft и Oracle (8,8 и 4 %

соответственно)⁶. В России решения SAP использовались администрацией Ленинградской области и Пермского края, Министерством промышленности и торговли, государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом», федеральным агентством водных ресурсов Российской Федерации «Росводресурсы», федеральным агентством по управлению государственным имуществом «Росимущество» и многими другими. Отечественная «Галактика» была на пятом месте с долей 2,2 %⁷. Однако к концу 2021 г. расстановка сил существенно изменилась, в основном благодаря государственной программе постепенного отказа от иностранного программного обеспечения.

В настоящее время российский рынок ERP очень насыщен и диверсифицирован. Среди крупнейших поставщиков ERP-систем первое место занимает фирма 1С, доля которой на этом рынке составляет около 45 %⁸. Большинство крупных корпораций, холдинги, структуры в большей или меньшей степени работают на 1С. Например, Департамент цифрового развития Воронежской области в конце 2021 г. внедрил программный продукт 1С для автоматизации закупочной деятельности, что позволило автоматизировать такие процессы, как информационное извещение, подготовка, редактирование и согласование технических заданий, подготовка и проведение закупок, обсуждение замечаний между инициатором и проверяющим⁹. На государственных предприятиях система и лицо, ответственное за импортозамещение, теперь могут подвести итоги установленных информационных систем и четко заявить об использовании решения 1С.

Microsoft находится на втором месте с 983 завершёнными проектами (14,5 %). На третьем месте — Корпорация «Галактика» с долей рынка 12 % (794 проекта). А некогда популярная SAP уступила место Microsoft (11 % против 14,5 %)¹⁰. С уходом крупных иностранных игроков с российского рынка ожидается, что отечественное программное обеспечение увеличит свою долю на рынке¹¹. На два успешно проведенных проекта по внедрению российской ERP-системы в предприятие муниципального уровня взглянем более подробно.

⁷ AP остановила в России продажи и «поставила на паузу» переговоры // CNews. 3 марта, 2022. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-03-03_nemtsy_pokidayut_rossiyu_iz-za (дата обращения: 14.01.2023).

⁷ Переход на «1С:ERP» и импортозамещение // IT-World. 2022, 19 июля. URL: <https://www.it-world.ru/tech/choice/186146.html> (дата обращения: 15.01.2023).

⁸ Разработка ERP систем. Кому, зачем и сколько стоит // VC. 29 августа, 2022. URL: <https://vc.ru/s/1161865-a2seven/490265-razrabotka-erp-sistem-komu-zachem-i-skolko-stoit> (дата обращения: 17.01.2023).

⁹ Создание системы аудита технических заданий для автоматизации закупок Департамента цифрового развития Воронежской области на базе «1С:Государственные и муниципальные закупки 8». URL: <https://solutions.1c.ru/projects/1162643/> (дата обращения: 22.01.2023).

¹⁰ Как производители и ритейл отреагировали на уход западных IT-компаний // Executive.ru. 31 октября 2022. URL: <https://www.e-executive.ru/finance/novosti-ekonomiki/1995561-kak-proizvoditeli-i-riteil-otreagirovali-na-uhod-zapadnyh-it-kompanii> (дата обращения: 16.01.2023).

¹¹ Тараканов Д. Обзор российского рынка ERP-систем // Wiseadvice-IT. 07.09.2022. URL: <https://wiseadvice-it.ru/o-kompanii/blog/articles/obzor-rossiiskogo-rynka-erp-sistem/> (дата обращения: 16.01.2023).

МУП г. Сочи «Водоканал»

Муниципальное унитарное предприятие г. Сочи «Водоканал» предоставляет услуги водоснабжения и водоотведения жителям Большого Сочи, от Лазаревского района до Красной Поляны. В настоящее время водопроводно-канализационная система Сочи состоит из 1 480 км водопроводных и 685 километров канализационных сетей. Количество сотрудников (включая филиалы) составляет 1 500 человек¹².

До начала внедрения цифровой системы в 2020 г. сбытовая деятельность предприятия была автоматизирована на другой системе, которая со временем стала не удовлетворять потребностям предприятия:

- в системе несвоевременно отражались законодательные изменения, касающиеся сбытовой деятельности ресурсоснабжающей организации;
- для учета разных типов абонентов было использовано 5 баз данных, что затрудняло формирование единой отчетности и могло привести к ошибкам;
- скорость расчетов и ежемесячный анализ данных специалистами занимали много времени;
- отсутствовали некоторые функции системы, важные для деятельности предприятия (например, отсутствие возможности сохранять историю площадей помещений);
- обслуживание и развитие программы стоило очень дорого по сравнению с аналогичными предложениями на рынке¹³.

Экономический эффект от внедрения

Имеющиеся результаты свидетельствуют о том, что принятые меры по оптимизации производственных и управленческих процессов позволили достичь существенного экономического эффекта. Оптимизация трудовых (на 14 %) и производственных затрат (на 8 %) позволила снизить себестоимость продукции, а сокращение операционных и административных расходов (на 16 %) снизило непроизводственные затраты предприятия. Операционная эффективность компании повысилась благодаря более быстрым сборам управленческой отчетности (на 30 %) и сокращению дебиторской задолженности (на 15 %). В ходе проекта был выполнен полный перенос данных из старой программы в новую. Реализованы необходимые доработки под специфику предприятия. В целом внедрение новой версии ERP-системы оказало положительное влияние на финансовые показатели «Водоканал» Сочи¹⁴.

¹² История предприятия // Водоканал Сочи. URL: <https://www.mup-vodokanal-sochi.ru/about/company-history> (дата обращения: 03.02.2023).

¹³ Победа в конкурсе «1С: Проект года!» // «Софт-портал». 3 ноября, 2022. URL: https://softportal.ru/info/news/index.php?ELEMENT_ID=3139 (дата обращения: 08.02.2023).

¹⁴ Внедрение в МУП Г. СОЧИ «ВОДОКАНАЛ» программного продукта «1С: Управление водоканалом 2». URL: <https://eawards.1c.ru/projects/vnedrenie-v-mup-g-sochi-vodokanal-programmnogo-produkta--1s-upravlenie-vodokanalom-2-128999/> (дата обращения: 18.02.2023).

Санкт-Петербургское государственное унитарное предприятие пассажирского автомобильного транспорта «Пассажиравтотранс»

ГУП «Пассажиравтотранс» Санкт-Петербурга осуществляет пассажирские перевозки, его парк насчитывает 1 600 автобусов большой и негабаритной вместимости. Они перевозят более 300 миллионов пассажиров в год. Предприятие имеет шесть автобусных парков, автовокзалы, учебные базы и медсанчасть № 70. В компании работает более 10 200 человек¹⁵.

До старта проекта на Санкт-Петербургском государственном предприятии «Пассажиравтотранс» учет велся в отдельных различных системах на платформе «1С: Предприятие». Кадровый учет велся каждым филиалом самостоятельно в разрозненных программах. Кроме того, не были автоматизированы закупки, управленческий учет, контроль выдачи запчастей на ремонт транспортных средств, а также их учет. Естественно, в такой ситуации руководству не хватало управленческих отчетов в разных разрезах аналитики. Проект внедрения состоял из двух этапов и был реализован в течение одного года¹⁶.

В результате ввода системы в эксплуатацию были получены различные экономические выгоды:

- 1) повышение операционной эффективности:
 - снижение трудозатрат в подразделениях на 20 %;
 - ускорение обработки заказов на 35 %;
 - снижение затрат на материалы на 10 %;
 - снижение затрат на производство на 25 %;
 - снижение времени простоя оборудования на 20 %;
- 2) улучшение финансовой отчетности:
 - ускорение получения управленческой отчетности на 90 %;
 - снижение дебиторской задолженности на 30 %;
 - ускорение получения регламентированной отчетности на 30 %;
- 3) улучшение управления запасами и заказами:
 - увеличение оборачиваемости запасов на 10 %;
 - снижение времени выполнения заказов/услуг на 40 %¹⁷.

Заключение

Опираясь на изученные примеры, мы можем выделить несколько факторов неудачи развертывания цифровых систем. Эти факторы разделены на пять областей: тайм-менеджмент, управление рисками, планирование, аналитика и финансы.

¹⁵ О предприятии. URL: <https://www.avtobus.spb.ru/about/> (дата обращения: 21.03.2023).

¹⁶ Создание корпоративной информационной системы Санкт-Петербургского государственного предприятия «Пассажиравтотранс». URL: <https://consulting.lc.ru/cases/58082.html> (дата обращения: 22.03.2023).

¹⁷ СПб ГУП «Пассажиравтотранс». URL: <https://sb-vnedr.ru/vnedrenie-lc/uslugi/erp-passazhiravtotrans/> (дата обращения: 22.03.2023).

Тайм-менеджмент является важным фактором цифровой трансформации, поскольку проекты могут быть сложными и длительными. Если изменения внедряются слишком быстро, это может привести к ошибкам и даже провалу проекта. Вместе с тем, если изменения внедряются слишком медленно, это может привести к упущенным возможностям и потере конкурентоспособности. Поэтому поиск правильного времени имеет решающее значение.

Кроме того, организациям необходимо определить потенциальные риски и разработать стратегии по их снижению. Неспособность сделать это может привести к значительным сбоям, задержкам и даже провалу проекта. Наличие плана действий на случай непредвиденных обстоятельств также необходимо для эффективного реагирования на неожиданные проблемы.

Планирование также имеет решающее значение для успешной имплементации цифровых систем. Организации должны четко понимать свои цели и масштабы, а также обеспечить согласованность действий всех заинтересованных сторон. Недостаточное обучение и поддержка конечных пользователей также могут привести к сопротивлению и проблемам внедрения.

Аналитика — еще один важный фактор при проведении цифровой трансформации. Организациям необходимо постоянно отслеживать и анализировать изменения на рынке, в экономике и конкуренции, а также поведение и предпочтения клиентов. Неспособность сделать это может привести к упущенным возможностям и неэффективным стратегиям.

Наконец, грамотное финансовое управление имеет решающее значение для успеха проектов по цифровизации. Организациям необходимо оценить окупаемость инвестиций и обеспечить адекватный финансовый контроль. Неправильно составленные бюджетные планы и перерасход средств могут привести к значительным сбоям и даже провалу проекта.

Цифровая трансформация — сложный и рискованный процесс. По имеющимся данным, более 29 % всех внедрений ERP терпят неудачу. При неправильном проведении она может оказаться чрезвычайно дорогостоящей и неэффективной для компании, однако при правильном подходе приводит к оптимизации бизнес-процессов. Цифровая трансформация только ради трансформации не будет эффективной. Она должна учитывать все внешние факторы и быть тесно связана со стратегией. Неудачные преобразования демонстрируют типичные ошибки, но компании, стоящие за ними, доказывают, что неудача — это не конец пути и что успешная цифровая трансформация возможна.

Внедрение корпоративных систем управления в российские органы государственной и муниципальной власти является одним из наиболее актуальных вопросов, связанных с автоматизацией государственного управления.

Переход на новые цифровые системы потребует больших финансовых и временных затрат. Будет необходимо провести аудит и определить потребности организации, подобрать оптимальную систему, обучить персонал и организовать безопасность информации. Однако он сможет значительно ускорить процессы в государственных органах и уменьшить затраты на бумажную документацию.

Применение цифровых систем позволит автоматизировать процессы управления ресурсами и бухгалтерию, обеспечить прозрачность и эффективность взаимодействия государственных структур, улучшить качество обслуживания граждан и бизнеса.

Таким образом, внедрение цифровых платформ в российские органы государственной и муниципальной власти, а также отдельные предприятия является важным шагом в направлении совершенствования государственного управления.

Имплементация систем (ERP и EPR) в менеджмент городов становится эффективным инструментом автоматизации процесса принятия решений и улучшения качества предоставления услуг населению, включая снижение финансовых издержек.

Поступила в редакцию / Received: 14.04.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 18.05.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.05.2023

Библиографический список

- Артемов А.В., Артемова Е.В., Красников В.А., Трубин А.Е., Трубина И.О. Современные экономико-логистические информационные системы и оценка их эффективности для малого бизнеса // Информационные системы и технологии. 2018. Т. 2, № 106. С. 29–35.
- Демироглу Н.Б. ERP-системы для субъектов малого предпринимательства // Информационно-компьютерные технологии в экономике, образовании и социальной сфере. 2019. Т. 1, № 23. С. 28–35.
- Иванов В.В., Черкасов Д.И. Enterprise resource planning // Аллея науки. 2018. Т. 1. № 4 (20). С. 600–604.
- Музалев С.В., Жариков Е.С. Внедрение ERP-системы как важный этап развития предприятия // Хуманитарни Балкански изследвания. 2021. Т. 5. № 2 (12). С. 62–68.
- Питеркин С.В., Оладов Н.А., Исаев Д.В. Точно вовремя для России: Практика применения ERP-систем. М.: Альпина, 2002.
- Савенкова Е.А., Горбунова О.Н. Особенности выбора ERP-системы для предприятия // Социально-экономические явления и процессы. 2018. Т. 13. № 1. С. 117–121.
- Юрьев С.В. Эффективность внедрения ERP-системы. Расчёт экономического эффекта // Экономический вектор. 2018. Т. 1. № 12. С. 85–87.
- Antero M.C. A Multi-case Analysis of the Development of Enterprise Resource Planning Systems (ERP) Business Practices, PhD Series. No. 6. Copenhagen Business School (CBS), Frederiksberg, 2015.
- Bonner A.C. Navy ERP: An analysis of change management. Naval Postgraduate School, 2013.
- Carroll J., Fitz-Gerald L. Beyond an IT Project: Governance in ERP-driven Business Transformation // ACIS 2005 Proceedings. 18. URL: <https://aisel.aisnet.org/acis2005/18> (accessed: 23.04.2023).
- Choi Y.E., Park J., Lee U-K. A Study on the Factors Affecting Government-Support ERP Systems Adoption for SMEs // The Journal of Information Systems. 2013. Vol. 22. No. 4. P. 1–22. <https://doi.org/10.5859/KAIS.2013.22.4.1>

- Coelho T.R., Cunha M.A., de Souza Meirelles F. The client-consultant relationship in ERP implementation in government: Exploring the dynamic between power and knowledge // *Information Polity*. 2016. Vol. 21. No. 3. P. 307–320. <https://doi.org/10.3233/ip-160397>
- Fernandez D., Zainol Z., Ahmad H. The impacts of ERP systems on public sector organizations // *Procedia Computer Science*. 2017. No. 111. P. 31–36. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2017.06.006>
- Jidong Z., Liyan W. ERP Implementation: A Corporate Governance Perspective // *International Journal of Public Information Systems*. 2010. No. 6. P. 33–42.
- Lengnick-Hall C.A., Lengnick-Hall M.L., Abdinnour-Helm S. The role of social and intellectual capital in achieving competitive advantage through enterprise resource planning (ERP) systems // *Journal of Engineering and Technology Management*. 2004. Vol. 21. No. 4. P. 307–330. <https://doi.org/10.1016/j.jengtecman.2004>
- Leon A. ERP Demystified Third Edition. McGraw Hill Education, 2014.
- Matolcsy Z.P., Booth P., Wieder B. Economic benefits of enterprise resource planning systems: some empirical evidence // *Accounting and Finance*. 2005. Vol. 45. No. 3. P. 439–456. <https://doi.org/10.1111/j.1467-629x.2005.00149.x>
- O’Leary D.E. Enterprise Resource Planning (ERP) Systems: An Empirical Analysis of Benefits // *Journal of Emerging Technologies in Accounting*. 2004. Vol. 1. No. 1. P. 63–72. <https://doi.org/10.2308/jeta.2004.1.1.63>
- Sedera D., Gable G.G., Palmer A. Enterprise Resources Planning Systems Impacts: A Delphi study of Australian public sector // T. Terano, M.D. Myers (Eds.), *Proceedings of the Pacific Asian Conference on Information Systems*. Tokyo, Japan, September 3–5. 2002. P. 584–601.
- Spathis C., Constantinides S. The usefulness of ERP systems for effective management // *Industrial Management & Data Systems*. 2003. Vol. 103. No. 9. P. 677–685. <https://doi.org/10.1108/02635570310506098>
- Stratman J.K. Realizing Benefits from Enterprise Resource Planning: Does Strategic Focus Matter? // *Production and Operations Management*. 2009. Vol. 16. No. 2. P. 203–216. <https://doi.org/10.1111/j.1937-5956.2007.tb00176.x>
- Thomas G.A., Jajodia S. Commercial off-the-Shelf Enterprise Resources Planning Software Implementations in the Public Sector: Practical Approaches for Improving Project Success // *The Journal of Government Financial Management*. 2004. Vol. 53. No 2. P. 12–18.
- Wagner W., Antonucci Y.L. The Imagine PA Project: The First Large-Scale, Public Sector ERP Implementation // *Information Systems Management*. 2009. Vol. 26. No. 3. P. 275–284. <https://doi.org/10.1080/10580530903017401>
- Wang P. Popular concepts beyond organizations: Exploring new dimensions of information technology innovations // *Journal of the Association for Information Systems*. 2009. Vol. 10. No. 1. P. 1–30.
- Wylie L. A vision of next generation MRP II // Gartner Group. 1990. Vol. 40. P. 300–339.

References

- Antero, M.C. (2015). A multi-case analysis of the development of enterprise resource planning systems (ERP). *Business Practices, PhD Series*, 6. Copenhagen Business School (CBS), Frederiksberg.
- Artemov, A.V., Artemova, E.V., Krasnikov, V.A., Trubin, A.E., & Trubina, I.O. (2018). Modern economic-logistical information systems and their effectiveness evaluation for small business. *Information Systems and Technologies*, 2(106), 29–35. (In Russian).
- Bonner, A.C. (2013). *Navy ERP: An analysis of change management*. Naval Postgraduate School.
- Carroll, J., & Fitz-Gerald, L. (2005). Beyond an IT project: Governance in ERP-driven business transformation. *ACIS 2005 Proceedings*, 18. Retrieved May 30, 2023, from <https://aisel.aisnet.org/acis2005/18>

- Choi, Y.E., Park, J., & Lee, U-K. (2013). A study on the factors affecting government-support ERP systems adoption for SMEs. *The Journal of Information Systems*, 22(4), 1–22. <https://doi.org/10.5859/KAIS.2013.22.4.1>
- Coelho, T.R., Cunha, M.A., & de Souza Meirelles, F. (2016). The client-consultant relationship in ERP implementation in government: Exploring the dynamic between power and knowledge. *Information Polity*, 21(3), 307–320. <https://doi.org/10.3233/ip-160397>
- Demiroglu, N.B. (2019). ERP systems for small business entities. *Journal of information systems and technologies*, 1(23), 28–35. (In Russian).
- Fernandez, D., Zainol, Z., & Ahmad, H. (2017). The impacts of ERP systems on public sector organizations. *Procedia Computer Science*, 111, 31–36. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2017.06.006>
- Ivanov, V.V., & Cherkasov, D.I. (2018). Enterprise resource planning. *Alley of science*, 1(4), 600–604. (In Russian).
- Jidong, Z., & Liyan, W. (2010). ERP implementation: A corporate governance perspective. *International Journal of Public Information Systems*, 6, 33–42.
- Lengnick-Hall, C.A., Lengnick-Hall, M.L., & Abdinnour-Helm, S. (2004). The role of social and intellectual capital in achieving competitive advantage through enterprise resource planning (ERP) systems. *Journal of Engineering and Technology Management*, 21(4), 307–330. <https://doi.org/10.1016/j.jengtecman.2004.09.005>
- Leon, A. (2014). *ERP Demystified*. McGraw Hill Education.
- Matolcsy, Z.P., Booth, P., & Wieder, B. (2005). Economic benefits of enterprise resource planning systems: Some empirical evidence. *Accounting and Finance*, 45(3), 439–456. <https://doi.org/10.1111/j.1467-629x.2005.00149.x>
- Muzalev, S.V., & Zharikov, E.S. (2021). Implementation of ERP system as an important stage of enterprise development. *Humanitarian Balkan Research*, 5(2), 62–68. (In Russian).
- O’Leary, D.E. (2004). Enterprise resource planning (ERP) systems: An empirical analysis of benefits. *Journal of Emerging Technologies in Accounting*, 1(1), 63–72. <https://doi.org/10.2308/jeta.2004.1.1.63>
- Piterkin, S.V., Oladov, N.A., & Isaev, D.V. (2002). *Just-in-time for Russia: Practice of ERP system application*. Moscow: Alpina. (In Russian).
- Savenkova, E.A., & Gorbunova, O.N. (2018). Features of choosing ERP system for enterprise. *Social-Economic Phenomena and Processes*, 13(1), 117–121. (In Russian).
- Sedera, D., Gable, G.G., & Palmer, A. (2002). Enterprise resources planning systems impacts: A delphi study of Australian public sector organizations. In Terano T. and M.D. Myers (Eds.), *Proceedings of the Pacific Asian Conference on Information Systems*, (pp. 584–601). Tokyo, Japan, September 3–5.
- Spathis, C., & Constantinides, S. (2003). The usefulness of ERP systems for effective management. *Industrial Management & Data Systems*, 103(9), 677–685. <https://doi.org/10.1108/02635570310506098>
- Stratman, J.K. (2009). Realizing benefits from enterprise resource planning: Does strategic focus matter? *Production and Operations Management*, 16(2), 203–216. <https://doi.org/10.1111/j.1937-5956.2007.tb00176.x>
- Thomas, G.A., & Jajodia, S. (2004). Commercial off-the-shelf enterprise resources planning software implementations in the public sector: Practical approaches for improving project success. *The Journal of Government Financial Management*, 53(2), 12–18.
- Wagner, W., & Antonucci, Y.L. (2009). The Imagine PA project: The first large-scale, public sector ERP implementation. *Information Systems Management*, 26(3), 275–284. <https://doi.org/10.1080/10580530903017401>
- Wang, P. (2009). Popular concepts beyond organizations: Exploring new dimensions of information technology innovations. *Journal of the Association for Information Systems*, 10(1), 1–30. <https://doi.org/10.17705/1jais.00182>

- Wylie, L. (1990). A vision of next-generation MRP II. *Gartner Group*, 40, 300–339.
- Yuryev, S.V. (2018). Efficiency of ERP system implementation. Calculation of economic effect. *Economic Vector*, 1(12), 85–87. (In Russian).

Сведения об авторах:

Курочкин Александр Вячеславович — доктор политических наук, профессор кафедры российской политики, исполняющий обязанности декана факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет; профессор кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: alexkur@bk.ru) (ORCID: 0000-0003-4675-3625)

Дедуль Анастасия Геннадьевна — аспирант факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: anastasia.dedul@gmail.com) (ORCID: 0009-0004-7813-1534)

Шалев Лев Сергеевич — аспирант Высшей школы менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: shalev.lev@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-3217-2427)

Бабюк Ирина Анатольевна — стажер факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: st035775@student.spbu.ru) (ORCID: 0009-0008-2654-570X).

About the authors:

Alexander V. Kurochkin — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Russian Politics, Acting Dean of the Faculty of Political Science, St. Petersburg State University; Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: alexkur@bk.ru) (ORCID: 0000-0003-4675-3625)

Anastasia G. Dedul — Postgraduate student of the Department of Political Science, St. Petersburg State University (e-mail: anastasia.dedul@gmail.com) (ORCID: 0009-0004-7813-1534)

Lev S. Shalev — Postgraduate student of Graduate School of Management, St Petersburg State University (e-mail: shalev.lev@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-3217-2427)

Irina A. Babyuk — intern of the Faculty of Political Sciences, St Petersburg State University (e-mail: st035775@student.spbu.ru) (ORCID: 0009-0008-2654-570X)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-663-676

EDN: RNVRWG

Научная статья / Research article

Взаимодействие общества и власти в вопросах городского развития: кейс крупных городов Северо-Западного федерального округа

Ю.В. Уханова

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Российская Федерация

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Российская Федерация

✉ ukhanova4@rambler.ru

Аннотация. Сбалансированное развитие городов, формирование комфортной городской среды, в том числе с активным участием граждан в этих процессах, выступает приоритетным направлением в рамках стратегических задач и национальных проектов РФ. Для раскрытия сути взаимодействий общества и власти автор использует концепт гражданского участия как процесса, посредством которого общественные объединения или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством (вертикальное взаимодействие), с другими социально-политическими институтами / между собой (горизонтальное взаимодействие) с целью решения общественно значимых задач. На основе количественной (анкетный опрос городского населения, N = 2000) и качественной (экспертные интервью, N = 47) методической стратегии, апробированной на территории 5 крупных городов (столичных центров) Северо-Западного федерального округа (СЗФО), выявляются особенности оффлайн и онлайн-практик взаимодействия общественности и органов власти, а также условий их формирования в вопросах городского развития. Получен вывод, что в городах наибольшее распространение получают такие практики, как обращение в органы власти и участие в инициативном бюджетировании, чем, к примеру, протестное участие по поводу городских проблем. Несмотря на предпочтение оффлайн-практик, для конструктивного взаимодействия общества и власти в вопросах городского развития становится своевременным активное использование информационных ресурсов и онлайн-сервисов. Институциональная среда гражданского участия объективно обеспечена формальными регуляторами, однако горожане далеко не в полной мере их освоили, плохо информированы о данных нормах, не осознают тех правовых возможностей и ограничений, которые определяют их деятельность в вопросах городского развития. Неформальные нормы как часть институциональной среды, с одной стороны, способствуют развитию устойчивых взаимодействий и организационной инфраструктуры общественно полезной деятельности,

© Уханова Ю.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

с другой — могут опираться на неправовую практику манипуляции статусами и ресурсами, что обуславливает рост недоверия населения по отношению к государственным и муниципальным органам власти. Обосновывается важность формирования единого информационного поля на городском уровне по актуальным проблемам, волнующим местных жителей, о возможных форматах гражданского участия в развитии комфортной городской среды. Полученные выводы результаты вносят вклад в понимание проблем и возможностей использования гражданского участия населения в городском развитии.

Ключевые слова: гражданское участие, городское развитие, взаимодействие общества и власти, межсекторное социальное партнерство

Для цитирования: Уханова Ю.В. Взаимодействие общества и власти в вопросах городского развития: кейс крупных городов Северо-Западного федерального округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. 663–676. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-663-676>

Благодарности: Исследование выполнено в рамках госзадания ФНИСЦ РАН № 123091900007-6 за 2023 год по теме «Муниципальная публичная политика в России-2023: возможности выстраивания местных партнерских институтов и механизмов в рамках единой публичной власти».

The Interaction of Society and Authorities in Urban Development: The Case of Big Cities of Northwestern Federal District

Yulia V. Ukhanova

*Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russian Federation
Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

✉ ukhanova4@rambler.ru

Abstract. The balanced urban development, the formation of a comfortable urban environment, including the citizens' active participation in these processes is a priority in the strategic objectives and national projects of the Russian Federation. To reveal the essence of the interactions between society and government the author uses the concept of “civic participation” as a process by which public associations or individuals are involved in interactions with the state (vertical interaction), with other socio-political institutions among themselves (horizontal interaction) to solve socially significant problems. Based on quantitative (questionnaire survey of the urban population, N = 2000) and qualitative (expert interviews, N = 47) methods tested in 5 large cities of the Northwestern Federal District, the author reveals the features of offline and online practices of interaction between the public and authorities, as well as the conditions for their formation in urban development issues. The author concludes that such practices as contacting the authorities and participating in initiative budgeting are more widespread in the cities than, for example, protest participation on the city's issues. Despite the preference for offline practices for constructive interactions between society and authorities, the active use of information resources and online services is becoming timely. The institutional environment of civic participation is provided with formal regulators, but urban residents are far from being fully informed about them and are not aware of the legal opportunities and limitations that determine their participation in urban development. Informal norms as part of the institutional environment, on the one hand,

contribute to the formation of sustainable interactions and organizational infrastructure of socially useful activity; on the other hand, they can be based on the illegal practice of manipulating statuses and resources, which causes the growth of public distrust of state and municipal authorities. The article substantiates the importance of forming a unified information field at the city level on the topical issues of concern to residents, on possible formats of civic participation in the development of a comfortable urban environment. The findings contribute to the understanding of the problems and opportunities for the use of civic participation in urban development.

Keywords: civic participation, urban development, interaction of society and authorities, inter-sectoral social partnership

For citation: Ukhanova, Yu.V. (2023). The interaction of society and authorities in urban development: The case of big cities of Northwestern federal district. *RUDN Journal of Political Science*, 25(3), 663–676. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-663-676>

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the State Task No 123091900007-6 of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences for 2023 theme „Municipal Public policy in Russia-2023: opportunities for building local partner institutions and mechanisms within a single public authority.“

Постановка проблемы

Во все времена города представляют собой центры экономического прогресса, технологических инноваций, творческого потенциала, так как там сосредоточены основные финансовые, трудовые, интеллектуальные, социальные и прочие ресурсы. По данным на 1 января 2022 г. в России имеется 1117 городов, в которых проживает 75 % от всего населения страны¹. В то же время городское пространство отличается существенной социально-экономической дифференциацией, что проявляется, в первую очередь, в серьезных разрывах по уровню и качеству жизни граждан. Сбалансированное развитие городов, формирование комфортной городской среды выступает приоритетным направлением в рамках стратегических задач и национальных проектов РФ. Согласно установленным показателям в Паспорте национального проекта «Жилье и городская среда» к 2030 г. по сравнению с 2019 г. планируется повысить долю городов с благоприятной средой с 25 до 80 %, индекс качества городской среды со 165 до 250 баллов, количество городов с благоприятной городской средой с 299 до 894, долю граждан, принявших участие в решении вопросов развития городской среды, с 10,5 до 30 %². Таким образом, в правовом поле особое внимание уделяется как ключевым направлениям повышения комфортности городской среды, общественных пространств, так и созданию механизмов развития городов, в том числе за счет участия граждан в вопросах городского развития и их конструктивного взаимодействия с властью в обозначенной сфере.

¹ База данных показателей муниципальных образований // Единая межведомственная информационно — статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://rosstat.gov.ru/databases> (дата обращения: 11.01.2023).

² Паспорт федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» // Минстрой РФ. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyu-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/> (дата обращения: 02.02.2023).

Настоящее исследование направлено на выявление особенностей оффлайн и онлайн-практик взаимодействия общественности и органов власти, а также условий их формирования в вопросах городского развития.

Теоретические рамки исследования

В современном социально-политическом дискурсе проблематика выстраивания коммуникаций и диалога местных сообществ и власти в вопросах территориального развития занимает значимое место. Фокус внимания зарубежных и российских исследователей сосредоточен на роли взаимовыгодного взаимодействия между основными акторами как фактора обеспечения высоких и устойчивых темпов развития территорий [Bulkeley et al. 2016; Халий 2012; Никовская, Якимец 2022]. Эмпирические данные убедительно показывают, что субъекты городского развития, в том числе представители региональной и муниципальной власти, бизнеса, НКО, граждан и исследовательских институтов, все чаще сотрудничают по преобразованию социальной инфраструктуры города [Raven et al. 2019; Мирошниченко, Морозова 2021].

Для анализа подобных взаимодействий авторы используют такие концепты, как межсекторное социальное партнерство, общественно-государственное/муниципальное партнерство, общественно-государственное управление, «со-управление», публичная политика [Shumate, Hsieh, O'Connor 2018; Vestergaard et al. 2018; Уколов 2009; Якимец 2018].

Несмотря на различия в используемых категориях при характеристике способов коммуникации общества и власти, их объединяет два системообразующих аспекта: во-первых, государственная поддержка общественных инициатив гораздо эффективнее, чем любая попытка одностороннего реформирования «сверху»; во-вторых, без понимания и заинтересованного участия общественности любая инициатива органов власти изначально обречена на провал [Якимец 2018].

Изучая внешние условия взаимодействия общества и власти в развитии городских территорий, ученые выявляют положительные взаимосвязи с социально-экономическими условиями (например, корреляция уровня участия и индекса человеческого развития) [Jho, Jae 2015], развитием интернет-технологий [Соколов 2020]. Важнейшими внешними факторами участия в общественно-политической жизни города исследователи определяют также территориальные особенности и приходят к выводу, что уровень вовлеченности городского сообщества в решение проблем среды своего проживания во многом определяется плотностью населения, расстоянием до центра, экономической специализацией [Pimoljinda, Siriprasertchok 2017], историчностью местности, (не) включенностью в зону агломераций [Щербакова 2017].

Специфика и эффективность коммуникации общества и власти, развития диалога и партнерских отношений между ними определяются особенностями институциональной среды на местах. К примеру, исследовательская группа ИС РАН обосновывает характер общественно-политических коммуникаций в зависимости от типа власти на региональном, муниципальном и локальном

уровнях: «отчужденная власть», для которой характерно как бы параллельное существование власти и общества; «статическая власть», которая более интегрирована в местные сообщества, но вместе с тем такая власть избегает обсуждения серьезных тем; «акторская власть» с ярким лидером, пользующимся широкой поддержкой активной общественности, как правило, не ограничивающимся формальными коммуникационными каналами [Власть и общество в регионах России... 2015]. Безусловно, подобное деление весьма условно: ни одна модель в чистом виде не может существовать, в реальности на местах они переплетены между собой. Что важно, при изучении институциональной среды развития взаимодействия общественности и власти авторы используют комплексный подход и учитывают как формальные, так и неформальные нормы и правила.

В настоящем исследовании изучение взаимодействия общества и власти в вопросах городского развития рассматривается в рамках теории гражданского участия (или концепта активного участия), что позволяет учитывать не просто результат этого участия — качественные и количественные изменения в преобразовании окружающей действительности, но и возможность формирования среди местного сообщества своего повседневного существования как активных, информированных, критических и ответственных граждан [Kiwan 2008]. Система коммуникации не может функционировать в одностороннем порядке — как требования населения к органам власти, а предполагает гражданскую самоорганизацию и ответственность городского сообщества, готовность и способность к доверительному сотрудничеству по всем проблемным аспектам развития города.

Под гражданским участием мы понимаем процесс, посредством которого общественные объединения или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством (вертикальное взаимодействие), с другими социально-политическими институтами / между собой (горизонтальное взаимодействие) с целью решения общественно значимых задач [Уханова 2020]. В рамках статьи автор ограничивается рассмотрением условий формирования, базовых форм, стратегий и результатов вертикальных взаимодействий (общество — власть) в вопросах городского развития.

Методическая стратегия исследования

В работе используется стратегия последовательного смешивания методов («mixed methods research»), которая базируется на принципах количественной и качественной социологии. На первом этапе проведен опрос общественного мнения в мае-июне 2021 г. на территории 5 столичных центров³ (крупных городов — население свыше 250 тыс.) субъектов Северо-Западного Федерального округа, отличающихся по уровню развития городской среды⁴.

³ Социологическое исследование в г. Пскове осуществлено при участии автора в июне 2020 г., N = 400, по единому инструментарию, что и в других городах.

⁴ Индекс качества городской среды // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. URL: <https://xn----dtbcccddtsypabxk.xn--plai/#/methodology> (дата обращения: 15.02.2023)

Репрезентативность получаемой социологической информации обеспечивалась использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения. Было опрошено 2000 респондентов посредством анкетного метода по месту их проживания. В ходе анализа использован индексный метод на основе разработанного автором инструментария. На втором этапе для выявления условий, результатов и ограничений взаимодействия общества и власти в вопросах городского развития были проведены интервью с экспертами — представителями региональных и городских органов власти, руководителями НКО, городскими активистами (N = 47).

Результаты исследования и их обсуждение

Практики взаимодействия общественности и власти в вопросах развития городской среды. Компаративный анализ ситуации в пяти региональных столицах СЗФО позволил выявить территориальную неравномерность в общем уровне развития гражданского участия: значение нормированного индекса выше в Калининграде (0,28) и Пскове (0,28), значительно ниже — в Мурманске (0,05), где наблюдается и более низкий уровень развития городской среды (табл.).

Практики гражданского участия населения в вопросах городского развития в индексах, 2021 г.

Практики	Города				
	Вологда	Калининград	Мурманск	Петрозаводск	Псков
Волонтерская работа в городских мероприятиях	0,18	0,29	0,08	0,24	0,27
Подписание обращений, жалоб, петиций в органы власти	0,38	0,4	0,09	0,32	0,43
Публичные протестные акции по поводу городских проблем	0,11	0,19	0,02	0,15	0,19
Публичные слушания, отчеты местной власти	0,21	0,26	0,03	0,17	0,34
Инициативное бюджетирование по благоустройству городских пространств	0,35	0,31	0,04	0,28	0,3
Конкурсы (субсидии) проектов по созданию комфортной городской среды	0,36	0,24	0,03	0,18	0,15
Нормированный индекс	0,27	0,28	0,05	0,22	0,28
<i>Индекс городской среды*</i>	<i>218</i>	<i>223</i>	<i>207</i>	<i>220</i>	<i>213</i>

* Индекс качества городской среды // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. URL: <https://xn----dtbcccddtsypabxk.xn--p1ai/#/methodology> (дата обращения: 15.02. 2023 г.)

Источник: рассчитано по данным опроса ВолНЦ РАН, 2021 г.

Practices of public education in urban development in indices, 2021

Practices of interactions	Cities				
	Vologda	Kaliningrad	Murmansk	Petrozavodsk	Pskov
Volunteer work in city events	0.18	0.29	0.08	0.24	0.27
Signing of appeals, complaints, petitions to the authorities	0.38	0.4	0.09	0.32	0.43
Public protests about urban problems	0.11	0.19	0.02	0.15	0.19
Public hearings, reports of local authorities	0.21	0.26	0.03	0.17	0.34
Proactive budgeting for the improvement of urban spaces	0.35	0.31	0.04	0.28	0.3
Competitions (subsidies) of projects to create a comfortable urban environment	0.36	0.24	0.03	0.18	0.15
Normalized index	0.27	0.28	0.05	0.22	0.28
<i>Urba. Environmen. Index*</i>	218	223	207	220	213

Urban Environment Quality Index // Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation. URL: <https://xn----dtbcccddstypabxk.xn--p1ai/#/methodology> (accessed: 15.02.2023).

Source: calculated according to the survey of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2021.

Значимое место в общественно-политической жизни городов занимают не столько традиционные формы участия населения (к примеру, протестное участие по поводу городских проблем, например, вырубка деревьев, строительство автостоянки, точечная застройка и т.п.), сколько новые формы — обращение с жалобами в органы власти (лично или через государственные онлайн-сервисы, к примеру «Заяви о проблеме», «Активный гражданин») и участие в процессе инициативного бюджетирования (народные инициативы, в рамках которых каждый гражданин может предложить улучшить благоустройство территории рядом с местом своего проживания, вложив при этом свои средства или труд, например, «Народный бюджет», «Градостроительные советы», «Самообложение»). Оба вида гражданского участия получают свое развитие в контексте общественно-государственного / муниципального партнерства и иницируется «сверху» со стороны региональных и городских органов управления.

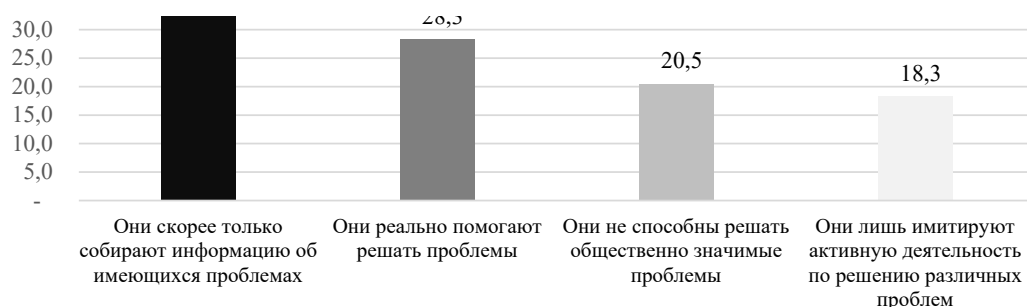
Таким образом, среди способов эффективного влияния на местную власть городское сообщество предпочитает формы прямого диалога с местными органами управления. Гораздо менее популярны во всех исследуемых городах массовые акции (согласованные с властью демонстрации, митинги, акции протеста). На местах наблюдается общий тренд: городское сообщество отстаивает свои интересы и права преимущественно посредством подписания обращений, петиций, жалоб в органы власти, а не через протестное участие.

Онлайн-коммуникации городского сообщества и власти

В условиях цифровизации все больше актуализируется необходимость реализации потенциала информационной инфраструктуры в развитии гражданского участия, так как одной из основных его функций признается получение быстрой обратной связи общества и государства [Уханова 2022]. Как отмечают А.В. Соколов и Е.А. Исаева, выстраивание электронного взаимодействия органов публичной власти и общества создает условия для согласования их мнений и позиций, а также способствует совершенствованию административных процедур государственного управления [Соколов, Исаева 2022].

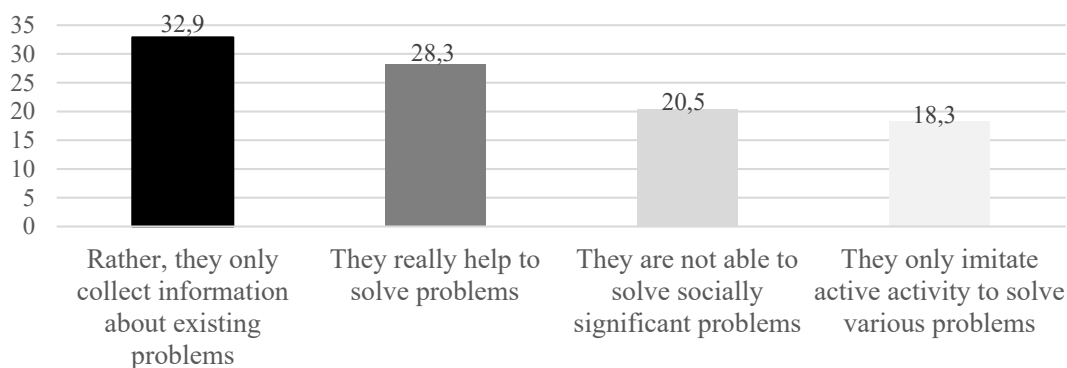
Представляет интерес выявление позиции жителей городов относительно эффективности онлайн-коммуникации с властью в решении городских проблем. Как показывают данные социологического исследования, по мнению трети респондентов, онлайн-формы гражданского участия в основном аккумулируют информацию об имеющихся проблемах (33 %; рис.). Менее популярно суждение о том, что онлайн-формы позволяют не только информировать о проблемах, но и решать их (28 %). Каждый пятый считает, что онлайн-формы не способны решать общественно значимые проблемы (21 %), 18 % убеждены, что они лишь имитируют активную деятельность, не имея реального положительного эффекта. Можно констатировать, что городское сообщество пока в целом не определилось с оценкой эффективности онлайн-форм гражданского участия, что может быть связано с их «новизной».

В ходе интервьюирования большинство экспертов отметили большое значение интернет-технологий как фактора эффективного выстраивания взаимодействий общества и власти. Условия, в которых оказались города в период пандемии коронавируса, форсировали использование онлайн-ресурсов как органами власти, так и городскими активистами. По наблюдениям экспертов, гражданская активность в социальных сетях выше, чем в каких-либо других форматах. Создаются сообщества, которые формируют повестку дня:

Оценка городским сообществом эффективности онлайн-форм гражданского участия при ответе на вопрос «Какую роль играет онлайн-участие в развитии Вашего города?» (среднее по городам), % от числа опрошенных

Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН, 2021 г.

Assessment by the urban community of the effectiveness of online forms of civic participation. The answer to the question “What role does online participation play in the development of your city?” (average for cities), % of the number of respondents

Source: data from the sociological survey of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2021.

«Органы власти не могут игнорировать такие вещи, должны с ними [участниками сообществ] сотрудничать, отвечать на вопросы, реагировать на их проблемы». «Применительно к сегодняшнему участку работы, мы фиксируем, что у нас 98 % всех обращений граждан, которые к нам поступают, — это обращения в социальных сетях. Формат работы с гражданской активностью уходит в виртуальный» (муж., 44 г., представитель городской администрации).

Другим важным механизмом реализации гражданского участия посредством интернет-технологий становятся специальные сервисы для обращений граждан к представителям органов власти. Один из примеров — площадка «Активный горожанин» на сайте администрации Петрозаводска:

«Мы регулярно там запускаем и опросы, и голосования. В частности, вот сейчас проходит на площадке экономическое развитие Петрозаводска до 2025 года» (муж., 56 лет руководитель городской администрации).

В то же время наличие таких сервисов или присутствие органов власти в социальных сетях не позволяют гарантировать эффективное использование этих ресурсов, поскольку «тут общение с властью чисто формальное. Руководитель структурного подразделения тебе не отвечает, отвечает статист. У него есть набор фраз, которые он знает. В онлайн-пространстве нет прямого общения» (жен., 44 года, председатель городской общественной организации).

Несмотря на предпочтение офлайн-форматов, для развития гражданского участия городского сообщества становится своевременным активное использование информационных ресурсов. По справедливому замечанию В.В. Петухова, онлайн-участие дает толчок многим гражданским инициативам, которые выходят из виртуального пространства в жизнь, позволяет высветить реакцию властей на значимые проблемы, заставляет их прислушаться к общественному мнению [Петухов 2019]. Сетевые сообщества участвуют не только в формировании городской повестки, но и в реализации проектов развития в рамках данной повестки на основе активного

взаимодействия между бизнесом, властью и локальным сообществом [Мирошниченко, Морозова 2021].

Институциональные условия для взаимодействия общества и власти в вопросах городского развития. Особенности взаимодействия общества и власти на местном уровне во многом определяются общественно-политическим контекстом, в котором они формируются. Основываясь на институциональном подходе (Д. Норт), мы исходим из понимания того, что институционализованный публичный сфера общественно-государственного взаимодействия и диалога по поводу общих целей развития городского пространства представляет собой совокупность действующих формально-правовых (нормативно-правовая база) и неофициальных норм (неформальные правила, координирующие взаимодействие субъектов участия при отсутствии легитимных норм).

Представители городской администрации однозначно придерживаются позиции о том, что на местах нормативно-правовая среда полностью способствует развитию взаимодействия общественности с властью:

«Для развития общественной деятельности сейчас есть масса правовых механизмов: действующая программа поддержки местных инициатив, комфортная городская среда, когда именно участие жителей, их мнение влияет на развитие определенной территории города» (муж., 57 лет, руководитель департамента).

«У нас созданы все условия для того, чтобы развивались отношения власти с общественностью, так и общественностью между собой. Это и консультативные советы при администрации. Это и программа, направленная на объединение общественных организаций и горожан через совместные форумы. Это и конкурс по предоставлению субсидий некоммерческим организациям и физ. лицам» (жен., 49 лет, руководитель управления).

Сами общественники положительно оценивают региональные программы, связанные с народным бюджетом, проекты, направленные на развитие территориального общественного самоуправления:

«ТОСы предлагают благоустроить территории. Это все сопряжено с личным участием человека, это большая работа. Одну часть средств самим подтвердить, привлечь спонсоров, другую получить из бюджета. Я считаю, это положительный опыт, созданы все правовые условия для этого» (муж., 61 год, председатель ТОСа).

Однако со стороны местного сообщества, общественников, руководителей некоммерческих организаций встречается критика в отношении существующего законодательства по регулированию вопросов включенности граждан в городское развитие:

«Законов, регулирующих общественную деятельность в городском развитии, много. Это и специальные акты и косвенные. Скорее всего, должны быть обучающие мероприятия со стороны регистрирующего и контролирующего органа. Не хватает двухстороннего взаимодействия, чтоб они проводили круглые столы, семинары после того, как меняется законодательство в этой сфере» (муж., 45 лет, городской активист).

Незавершенность и противоречивость процесса формирования нормативно-правовой среды механизмов взаимодействия общества и власти приводит к тому, что сфера регулируется неформальными нормами, координирующими коммуникации субъектов участия при отсутствии легитимных норм. В ходе нашего исследования представителями городского сообщества были высказаны следующие мнения:

«Где люди друг друга знают, там легче договориться по осуществлению каких-то социальных проектов на местном уровне. Власть, местные предприниматели, как правило, оказывают такую поддержку для проведения территориальных мероприятий, если лично знают их организаторов» (жен., 41 год, городской активист).

«Когда лично знаешь кого-то из городской администрации, то имеешь доступ к информации и различным ресурсам. На какие конкурсы подавать заявки, какие в приоритете городские проекты. А так без связей не всегда найдешь нужную информацию. А ресурсы на реализацию тем более. Вот, это серьезная у нас проблема» (жен., 35 лет, городской активист).

Неформальные нормы как часть институциональной среды оказывают противоречивое влияние на реализацию практик гражданского участия. С одной стороны, способствуют формированию устойчивых взаимодействий и организационной инфраструктуры общественно полезной деятельности, с другой — могут опираться на неправоую практику манипуляции статусами и ресурсами. Это, в свою очередь, обуславливает рост недоверия населения по отношению к государственным и муниципальным органам власти и становится барьером развития конструктивного взаимодействия общества и власти в вопросах развития на местах.

Заключение

Одной из основных функций гражданского участия населения является его способность выступать в качестве механизма обратной связи с властью, обеспечивать передачу сигналов в политические властные институты. Через механизмы реализации гражданского участия создается возможность корректировать, модифицировать, изменять институциональные формы, программы по развитию городской среды. Исследование, проведенное на материалах 5 крупных городов СЗФО, показало, что в условиях меняющейся социальной реальности традиционные практики гражданского участия при вертикальном взаимодействии общественности с властью постепенно уступают место новым. Выявлено, что в городах наибольшее распространение получают такие практики, как обращение в органы власти и участие в инициативном бюджетировании, чем, к примеру, протестное участие по поводу городских проблем. Несмотря на предпочтение офлайн-практик, для конструктивного взаимодействия общества и власти в вопросах городского развития становится своевременным активное использование информационных ресурсов и онлайн-сервисов.

На региональном и городском уровне институциональная среда гражданского участия объективно обеспечена формальными регуляторами, однако сами горожане далеко не в полной мере их освоили, плохо информированы о тех правовых возможностях и ограничениях, которые определяют их деятельность в вопросах городского развития. В этой связи представляется важным формирование единого информационного поля на городском уровне по актуальным проблемам, волнующим местных жителей, о возможных форматах гражданского участия в развитии комфортной городской среды, что будет обеспечивать прозрачность принятия решений региональными и городскими властями, тем самым повышая подотчетность лиц, принимающих решения и рост доверия к ним со стороны общественности.

Поступила в редакцию / Received: 14.02.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 19.05.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.05.2023

Библиографический список

- Власть и общество в регионах России: практики взаимодействия / И.А. Халий, О.В. Аксенова [и др.]. М.: Институт социологии РАН, 2015. 183 с.
- Мирошниченко И.В., Морозова Е.В.* Сетевые сообщества как субъекты формирования городской повестки дня (на примере движения «Помоги городу») // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17, № 2. С. 135–149. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.202>
- Никовская Л.И., Якимец Н.В.* Муниципальная публичная политика как индикатор качества взаимодействия власти и общества на местном уровне // Местное право. 2022. № 4. С. 3–20.
- Петухов В.В.* Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3–14. <https://doi.org/10.31857/S013216250007743-0>
- Соколов А.В.* Особенности коллективных действий в современной России: динамика, цифровизация и результаты // Социальные и гуманитарные знания. 2020. № 6 (1). С. 30–45. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-30-45>
- Соколов А.В., Исаева Е.А.* Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 4. С. 686–710. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-686-710>
- Уколов В.Ф.* Взаимодействие власти, бизнеса и общества. М.: Экономика, 2009. 621 с.
- Уханова Ю.В.* Гражданское участие территориального сообщества: теоретические основы и практическое развитие. Вологда: ВолНЦ РАН, 2022. 297 с.
- Уханова Ю.В.* Феномен гражданского участия в научном дискурсе: теоретические и методологические основания исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 3. С. 25–50. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.2>
- Халий И.А.* Власть и общество: в поисках взаимодействия // Власть. 2012. № 9. С. 16–20.
- Щербакова И.В.* Особенности территории проживания как фактор гражданского участия // Социологический журнал. 2017. № 23 (3). С. 64–79. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5364>

- Якимец В.Н. Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления // *Власть*. 2018. Т. 26, №4. С. 15–25. <https://doi.org/https://doi.org/10.31171/vlast.v26i4.5757>
- Bulkeley H., Coenen L., Frantzeskaki N., Hartmann C., Kronsell A., Mai L., Voytenko, Y.P. Urban living labs: Governing urban sustainability transitions. *Current Opinion in Environmental Sustainability*. 2016. Vol. 22. P. 13–17. <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2017.02.003>
- Jho W., Jae S.K. Institutional and technological determinants of civil e-Participation: Solo or duet? // *Government Information Quarterly*. 2015. Vol. 32. (4). P. 488–495. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2015.09.003>
- Kiwan D. Conceptions of Democracy, Citizenship and Diversity // *Education, Citizenship and Social Justice*. 2008. Vol. 2. P. 223–235.
- Pimoljinda T., Siriprasertchok R. Failure of public participation for sustainable development: A case study of a NGO's development projects in Chonburi province Kasetsart // *Journal of Social Sciences*. 2017. Vol. 38. (3). P. 331–336. <https://doi.org/10.1016/j.kjss.2016.08.016>
- Raven R., Sengers F., Spaeth P., Xie L., Cheshmehzangi A., Jong M. Urban experimentation and institutional arrangements // *European Planning Studies*. 2019. Vol. 27, no. 2. P. 258–281. <https://doi.org/10.1080/09654313.2017.1393047>
- Shumate M., Hsieh Y.P., O'Connor A. A nonprofit perspective on business-nonprofit partnership: Extending the symbiotic sustainability model // *Business and Society*. 2018. Vol. 57. (7). P. 1337–1373. <https://doi.org/10.1177/0007650316645051>
- Vestergaard A., Murphy L., Morsing M., Langevang T. Cross-sector partnership as capitalism's new development agents: Reconceiving impact as empowerment // *Business and Society*. 2018. Vol. 5. P. 1–38. <https://doi.org/10.1177/0007650319845327>

References

- Bulkeley, H., Coenen, L., Frantzeskaki, N., Hartmann, C., Kronsell, A., Mai, L., & Voytenko, Y.P. (2016). Urban living labs: Governing urban sustainability transitions. *Current Opinion in Environmental Sustainability*, 22, 13–17. <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2017.02.003>
- Jho, W., & Jae, S.K. (2015). Institutional and technological determinants of civil e-participation: Solo or duet? *Government Information Quarterly*, 32 (4), 488–495. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2015.09.003>
- Khaliy, I.A. (2013). Power and society: In search of interaction. *Vlast' (The Authority)*, (9), 16–20. (In Russian).
- Khaliy, I.A., Aksenova, O.V., et al. (2015). *Power and society in the regions of Russia: Interaction practices* Moscow: Institute of Sociology RAS. (In Russian).
- Kiwan, D. (2008). Conceptions of democracy, citizenship and diversity. *Education, Citizenship and Social Justice*, 2, 223–235.
- Miroshnichenko, I.V., & Morozova, E.V. (2021). Network communities as agencies for the formation of a city's agenda (the case of «Help the city» movement). *Political expertise: POLITEX*, 17 (2), 135–149. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.202>
- Nikovskaya, L.I., & Yakimets, V.N. (2022). Municipal public policy as an indicator of the quality of interaction between government and society at the local level. *Local law*, (4), 3–20. (In Russian).
- Petukhov, V.V. (2019). Civic participation: Interaction of social and political practices. *Sociological Research*, (12), 3–14. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250007743-0>
- Pimoljinda, T., & Siriprasertchok, R. (2017). Failure of public participation for sustainable development: A case study of a NGO's development projects in Chonburi province Kasetsart. *Journal of Social Sciences*, 38(3), 331–336. <https://doi.org/10.1016/j.kjss.2016.08.016>

- Raven, R., Sengers, F., Spaeth, P., Xie, L., Cheshmehzangi, A., & Jong, M. (2019). Urban experimentation and institutional arrangements. *European Planning Studies*, 27(2), 258–281. <https://doi.org/10.1080/09654313.2017.1393047>
- Shcherbakova, I.V. (2017). Territory of residence as a factor of civic involvement. *Sociological Research*, 23(3), 64–79. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.3.5364>
- Shumate, M., Hsieh, Y.P., O'Connor, A. (2018). A nonprofit perspective on business-nonprofit partnership: Extending the symbiotic sustainability model. *Business and Society*, 57(7), 1337–1373. <https://doi.org/10.1177/0007650316645051>
- Sokolov, A.V. (2020). Features of collective action in modern Russia: Dynamics, digitalization and results. *Social'nye i gumanitarnye znania*, 6(1), 30–45. (In Russian). <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2020-1-30-45>
- Sokolov, A.V., & Isaeva, E.A. (2022). Transforming the interaction between authorities and civil society in digital: The evidence from the Yaroslavl Region. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 686–710. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-686-710>
- Ukhanova, Y.V. (2020). The phenomenon of civic participation in scientific discourse: Theoretical and methodological background of the research. *The Journal of sociology and social anthropology*, 23(3), 25–50. (In Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.3.2>
- Ukhanova, Y.V. (2022). *Civil participation of the territorial community: Theoretical foundations and practical development*. Vologda: VolRC RAS (In Russian).
- Ukolov, V.F. (2009). *Interaction between government, business and society*. Moscow: Economics (In Russian).
- Vestergaard, A., Murphy L., Morsing, M., & Langevang, T. (2018). Cross-sector partnership as capitalism's new development agents: Reconceiving impact as empowerment. *Business and Society*, 1–38. <https://doi.org/10.1177/0007650319845327>
- Yakimets, V.N., & Nikovskaya, L.I. (2018). Mechanisms and principles of intersectoral social partnership as a basis for developing the public-state governance. *Vlast' (The Authority)*, 26(4), 15–25. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i4.5757>

Сведения об авторе:

Уханова Юлия Викторовна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией Вологодского научного центра; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (e-mail: ukhanova4@rambler.ru) (ORCID: 0000-0001-7307-9520)

About the author:

Yulia V. Ukhanova — PhD in History, Senior Researcher, Head of Laboratory, Vologda Research Center; Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. (e-mail: ukhanova4@rambler.ru) (ORCID: 0000-0001-7307-9520)

«ТРУДНЫЙ РЕБЕНОК» ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ДИСКУРС РУРАЛИСТИКИ

THE “DIFFICULT CHILD” OF POLITICAL SCIENCE: THE DISCOURSE OF RURALISTICS

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-677-698
EDN: SKSPOF

Research article / Научная статья

The Leadership in the Institutional System of Rural Development Policy: The Results of the Empirical Study in Krasnodar Region

Inna V. Miroshnichenko , Irina V. Samarkina , Maria V. Tereshina

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

 mirinna78@mail.ru

Abstract. There is a lack of explanatory models and analytical tools for studying the role of intangible resources in rural development. Based on the results of theoretical modeling and empirical data from independent field studies, the article identifies and characterizes the leadership potential in the institutional system of rural development in the Krasnodar region. The multilevel analysis of leadership as an important component of intangible resources for rural development reveals the considerable potential of a set of resources (human, personal, professional, network, and institutional), which at present is not fully realized in the system of rural development institutions in the Krasnodar region. Leadership as an intangible development resource achieves the greatest effect when it comes to the creation of leadership communities and the institutional practices of their functioning as territorial development institutions. Regional and local identity act as the foundation and significant factors determining the leaders' orientation towards involvement in the territorial development policies and building systems of human capital formation in rural communities, which can become one of the main directions for regional development strategies.

Keywords: rural development policy, intangible resources, leadership, development institutions, regional and local identity

© Miroshnichenko I.V., Samarkina I.V., Tereshina M.V., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Miroshnichenko, I.V., Samarkina, I.V., & Tereshina, M.V. (2023). The leadership in the institutional system of rural development policy: The results of the empirical study in Krasnodar Region. *RUDN Journal of Political Science*, 25(3), 677–698. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-677-698>

Acknowledgements: The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation and KNF within the framework of the 2021 competition “Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by individual scientific groups” (regional competition), project No. 22-18-20059 “Policy for the development of rural areas of the Krasnodar Territory: the potential of intangible resources”.

Лидерство в институциональной системе политики развития сельских территорий: результаты эмпирического исследования в Краснодарском крае

И.В. Мирошниченко , И.В. Самаркина , М.В. Терешина

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

 mirinna78@mail.ru

Аннотация. Научная проблема, на решение которой направлено данное исследование, заключается в дефиците объяснительных моделей и аналитического инструментария для исследования роли нематериальных ресурсов развития сельских территорий. По результатам теоретического моделирования и эмпирических данных самостоятельных полевых исследований авторами определен и охарактеризован лидерский потенциал в институциональной системе политики развития сельских территорий Краснодарского края. Показано, что многоуровневый анализ феномена лидерства как важного компонента нематериальных ресурсов развития сельских территорий позволяет говорить об имеющемся значительном потенциале как совокупности ресурсов (человеческом, личностном, профессиональном, сетевом, институциональном), который в настоящее время не в полной мере реализован в системе институтов развития сельских территорий Краснодарского края. Практики актуализации лидерства могут принимать формальные и неформальные вариации в институциональной системе политики развития сельских территорий, но так или иначе они связаны с активацией институтов развития регионального и федерального уровня, позволяющего достигать определенных приоритетов. Наибольшего эффекта лидерство как нематериальный ресурс развития достигает, когда речь идет о создании лидерских сообществ и институциональных практиках их функционирования в качестве институтов развития территорий. Региональная и локальная идентичность выступают фундаментальными основаниями и значимыми факторами, определяющими ориентацию лидеров на включенность в политику развития территорий и выстраивание системы формирования человеческого капитала сельских сообществ, что может стать одним из приоритетных стратегических направлений развития региона.

Ключевые слова: политика развития сельских территорий, нематериальные ресурсы, лидерство, институты развития, региональная и локальная идентичность

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ и КНФ в рамках конкурса 2021 г. «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс), проект № 22-18-20059 «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов».

Для цитирования: *Мирошниченко И.В., Самаркина И.В., Терешина М.В.* Лидерство в институциональной системе политики развития сельских территорий: результаты эмпирического исследования в Краснодарском крае // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. 677–698. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-677-698>

Introduction

The development of rural areas is gradually beginning to enter the system of strategic priorities of modern Russia, which is due to a whole range of factors that are diverse in nature, including the need to ensure national food sovereignty and replenish the shortage of food resources; overcoming the digital divide in rural areas, which exacerbates social inequality amid the digitalization of public relations; the growth in attractiveness of the “non-urban” lifestyle and the deurbanization due to the mass migration of the urban population to the countryside during the COVID-19 pandemic. These factors determine the development of new national priorities for rural development, which are complex and go beyond the policy in the field of agro-industrial complex and agriculture.

The intensive search for rural development practices alternative to the existing financial and infrastructural models is in the subject field of intangible resources that are “tied” to specific territorial spaces and their “carriers” — local communities. One of the significant intangible resources is leadership and development institutions that are able, in close connection with each other, to incorporate new rural development priorities into the practice of national and regional strategic management and achieve qualitatively different results on their basis. In modern public discourse and public practice, leadership and development institutions are considered as significant, but rather autonomous factors that affect the diffusion of innovations in various sectors of the economy and public administration in modern Russia, ensuring the sustainable development of the country and territories. The lack of interaction between leaders and development institutions creates conditions for the formation of facade and imitation development institutions and leadership practices that do not have a significant impact on the development of the country and territories.

This study **aims** to identify and determine the potential of leadership and its configuration characteristics in the institutional system of rural development policy in the Krasnodar Region based on the empirical research conducted by the authors.

Leadership as an intangible resource in territorial development policies: the theoretical and methodological foundations of the study

The scientific discourse on development policy is represented by various narratives in economic and political sciences, the common message of which is the limited traditional material resources and the deepening inequality in the access of countries and regions to development sources. Western models of social development that claimed to be universal (such as the “welfare state” models), based on the principles of economic growth and the mechanisms of state redistribution of income and social responsibility, have ceased to “work” in the new crisis conditions of a lack of resources associated, among other things, with the aging of the population of countries that promoted such models. This led to the search for alternative development opportunities that take into account the diversity of meanings and dimensions of social well-being [Semenenko, Khaynatskaya 2022], as well as unlocking the potential of the state and society in the use of internal development resources of an intangible nature [Semenenko 2021; Miroshnichenko et al. 2022].

The problem of rural development in global social science is largely determined by the “meanings” that scientists put into the concept of “rural” or “non-urban”, which largely determines not only research “optics”, but also the content of political and managerial decisions in this area [Hawley, Koziol, Bovaird, McCormick, Welch, Arthur, et al. 2016; Ray 2001]. The traditional analytical framework that allows assessing rural development through sectoral policies (agrarian, social, migration, tourism and recreation, cultural, etc.) is limited in heuristic potential, as it focuses on universal socio-economic indicators, without revealing the political, managerial, socio-cultural, ethical and axiological content of the development policy for the “non-urban” lifestyle. More productive are theoretical constructs based on the “options” of intangible resources, their actualization as factors that ensure “the growth of the welfare of rural areas, the improvement of non-urban spaces and the consolidation of local communities” [Cloke, Marsden, Mooney 2006; Semenenko 2019; Morozova, Miroshnichenko, Semenenko 2020] in relation to a favorable image of the future for all residents and ways to achieve it.

The “options” of non-material resources are based on various components of various political spaces (intellectual resources of leaders and elites, identity and political culture, social solidarities of various levels, values, moral attitudes, and motivational complexes of development subjects), which are integrated into political and managerial models of interaction between political and social actors, into institutional practices for generating development alternatives [Semenenko 2021]. According to experts, the results of the studies within the framework of the problem of intangible resources have considerable potential for being implemented in real political and managerial strategies, which will further contribute to the formation of new “development spaces” [Bardin, Sigachev 2019].

It is important that the common denominator in the activation of intangible resources as development factors in the socio-economic and political dimension is such results as ensuring equal access to the benefits for all citizens, improving the quality of life of the population, and the emergence of new forms of interaction between the authorities and citizens who provide them. Thus, according to the authors' definition, "a rural development policy is a process of developing strategic priorities and securing institutional mechanisms that allow local communities, in the practices of interaction with authorities at various levels, business structures, and civil society institutions, to create, reproduce and use a variety of resources, including intangible ones, to achieve a qualitatively new standard of living for the population. The cardinal difference of this model is the presence of a socio-cultural mechanism for integrating traditions and innovations in generating and implementing development policies" [Miroshnichenko et al. 2022: 158].

Development institutions as intangible resources are represented by a wide range of institutional practices that allow rural communities to develop policies of common guidelines and values of social coexistence in the public space, and define strategic goals and development priorities, which is associated with the instrumental measurement of spatial and territorial identity. Such institutions lay down the system of coordinates for the interaction of subjects of public policy and act as "conductors" of changes that result from the consolidated activities of local/regional communities and create conditions for investing resources in new activities and the development of new technologies. At the same time, in most cases, the research focus and public discourse in the field of rural development policies is concentrated on structural or institutional mechanisms external to rural areas.

Recently, authors representing various social and human sciences have made attempts to consider more or less deeply the issues of leadership and the contribution that leaders can make to the development of territories [Collinge, Gibney, Mabey 2010], as well as the tactics used by local leaders to achieve certain goals [Sotarauta 2010]. Leadership theories, well-researched within the framework of organizational management, have serious heuristic limitations in the analysis of "leadership of places", since leadership by definition is contextual and is manifested as problems arise, the solution of which corresponds to the abilities, skills, and resource potential of certain individuals. We agree with the author's opinion that "the development of place is not the rolling-out of logical (technical) plans from the centre but the consequence of local agents (leaders) shaping the decisions and interpretations of what is, and is not, possible" [Grint 2010: 366].

The study of how leaders, representatives of local governments become "entrepreneurs" and "administrators" who are able to form and implement strategies for the socio-economic development of territories, ensure the effective functioning of all institutions involved in this process, makes an important contribution to understanding the key components of effective leadership and the

relationship between leadership and development institutions in the institutional environment of rural development policies.

The theoretical framework for identifying the relationship between leadership and development institutions in the context of this study is the conceptual foundations of “building local communities” as a reflection of new management practices that model the residents’ self-organization, encouraging them to take the position of a decision-maker of important public problems for the community [Lyska 2013]. The theoretical foundations of this concept allow us to consider leaders as an integral part of rural local communities, which are included in interactions with other institutions and subjects in generating development priorities and their achievement through joint activities based on cooperation. Leaders, who have significant social capital and actualize the potential of development institutions, ensure the diffusion and consolidation of innovative practices in the institutional environment [Fredericksen 2004; Filyak 2015].

Development institutions begin to “work” not when they just engage leaders with a wide range of open social connections and contacts (social capital as a public good) but when a community of leaders emerges who think and act in the same value paradigm, sharing common development priorities. Investing in leaders and their teams (training and team building, supporting leadership initiatives, and strengthening their social ties) allows them to overcome the inertia OF THE CURRENT POLITICAL, MANAGERIAL, AND ECONOMIC INSTITUTIONAL ENVIRONMENT and mobilize various public groups, representatives of business structures to generate a joint development strategy and implement it through innovative practices [Miroshnichenko et al. 2022]. At the same time, the institutional environment of the public policy of local or regional communities goes beyond the administrative-territorial boundaries of the territories and includes various regional, interregional, and national development institutions (state and public funds, programs supporting the economic activities of entrepreneurs, business entities and social initiatives of representatives and organizations of territorial or socio-cultural communities).

The heuristic potential of the explanatory research model proposed by the authors is based on the integration of methodological principles of neo-institutional, political-psychological, and identitarian approaches. Leadership from the standpoint of the political-psychological approach is defined as a dynamic process during which leaders and their followers interact in situations and contexts characterized by increasing complexity [Mirzoyan 2013; Samsonova, Shpuga 2016]. The resource potential of leadership and its functions in rural development strategies are determined, on the one hand, by a set of knowledge, skills, abilities, and motivations of a person that have economic value and serve as a source of future income and benefits, and on the other hand, as a set of subjective characteristics of a person: abilities, life, and professional experience and skills, readiness for productive life activities, their identification with the local community and territory.

The neo-institutional approach allows us to consider leadership as a set of formal and informal practices that exist in the institutional environment

(development institutions) of rural development policies. At the same time, leadership practices can play a dual role: leaders can activate, by formal and informal means, the resource potential of regional and federal development institutions external to rural areas to solve the problems of local communities; or play the role of development institutions, producing innovations and integrating them into rural development and securing them in the institutional environment of rural municipalities.

The identitarian approach makes it possible to explain under what conditions leaders and leadership communities become part of the institutional environment for rural development policies. The key factor that ensures this connection is the strongly pronounced positive local identity of the leaders and their emotional attachment to the territory.

The methodology of empirical research includes a set of qualitative and quantitative methods, and techniques for collecting, processing, analyzing, and interpreting data. The empirical research strategy is based on the case study method in regional and local projections. The Krasnodar Region was chosen as the object of the empirical study of the institutional practices of rural development policies. The Krasnodar Region is an agro-oriented region with a rural population of 2.48 million (43 % of the total population),¹ where the processes characteristic of all non-urban areas of Russia are manifested clearly, diversely, and, at the same time, contradictory.

The choice of local cases for the development of rural municipalities was due to the existing and legally fixed spatial division of the region into specialized economic zones (according to the “Strategy of the socio-economic development of the Krasnodar Region until 2030”). For the empirical study of cases, we used the methods of focus groups with the population, expert surveys with leaders of local communities and representatives of development institutions, as well as the analysis of documents (regulatory documents, media publications, posts in social networks) characterizing the activities of leaders and institutions for the development of rural areas.

To determine the potential of the regional leadership community and study the effectiveness of institutional mechanisms for recruiting leaders into the public administration system, we conducted an online questionnaire survey of the finalists of the governor’s personnel competition “Leaders of Kuban — Moving Up” (it had 300 participants during the 2018–2022 seasons). 500 people (100 finalists in each season) participated in the finals through the five seasons of the Leaders of Kuban personnel competition (according to the rules of the competition), so the results of the study represent the opinion of the most active part of the region’s leadership community.

¹ Estimation of the permanent population of the Krasnodar Region as of January 1, 2023 (taking into account the results of the 2020 All-Russian Population Census). Retrieved June 5, 2023, from <https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/МО%20cisl.htm>

Rural Development Institutions

The theories of exogenous, endogenous and neoendogenous development are productive for understanding the system of interactions between the subjects of rural development policies. The exogenous approach to rural development, based on attracting external resources to the territory, developing economies of scale, and recognizing state support for agricultural production as the basis of rural development policies, while having its positive aspects, was quite rightly criticized. The development of rural areas, based solely on exogenous institutions and resources, firstly, is increasingly becoming dependent on them (“the culture of dependence on subsidies” [Olmedo, O’Shaughnessy 2022]), and secondly, it leaves unique local assets and development messages “beyond the scope” and negates their specific features.

The endogenous approach to rural development [Ray 2000], which involves development from the inside through bottom-up initiatives, encourages the involvement of local people in the formulation of needs and decision-making, strengthening local capacity for leadership, entrepreneurship, innovation, and networking [Flora et al. 1997]. Emphasizing the socio-economic diversity of rural areas, as well as the possibility of mobilizing previously unused resources to increase the potential of each specific rural area, the endogenous approach in practice means excessive autonomy and concentration on local resources as the basis for development, without taking into account the influence of factors and trends external to rural areas [Fischer, McKee 2017].

The neo-endogenous approach to rural development policies is becoming increasingly popular [Marango, Bosworth, Curry 2021], implying integrated, locally focused development based on local resources and, at the same time, the ability to attract external resources and compete for them, as well as to introduce, through external resources oriented at local conditions, solutions that promote community development.

Researchers of the potential of neo-endogenous development policies emphasize that local rural development is inevitably associated with exogenous actors and factors. From this point of view, external institutions can play an important role both as providers of resources that are not available locally and as “animators” of rural development [McElwee, Smith, Somerville 2018]. From the neoendogenous point of view, this raises the question about the abilities of local community leaders in rural areas to mediate internal and external development processes, and manage them within a broader institutional environment. In this neo-endogenous architecture of rural development policies, the role of external state development institutions (financial, legal, infrastructural, investment) is undoubted, but more as a factor that sets the general framework for the development of local initiatives aimed at solving specific problems of rural areas. At the same time, the main catalyst for activating the potential inherent in development institutions external to the territory is the leadership initiative of local actors capable of developing networks, using resources at different spatial scales, and increasing the involvement of the local population in the implementation of development projects.

The external institutional environment, the main actor in the creation of which is the state, is an ordered structure of institutions that set the matrix for the development

of rural areas. The state creates a legal framework and develops directions for rural development policies and financial mechanisms to provide for them.

Recently, in our country, development institutions, as coordinators and operators of the most significant projects, have become widespread, increasing the density of the institutional environment for rural development policies. By development institutions, the authors mean “such organizational forms of interaction between business and government that help attract investment, launch new projects and increase economic growth” [Balatsky, Ekimova, Yurevich 2019: 95–100]. Development institutions, on the one hand, are state tools for stimulating and modernizing the economy of rural areas, including based on public-private partnerships, and, on the other hand, are institutional structures that redistribute financial, innovative, investment, organizational, infrastructural, informational and other resources for the implementation of rural development projects.

The interaction of the subjects of rural development policies is an open, continuous, interactive process based on the opportunities and abilities of rural community leaders that transform in the process of development and create mechanisms that promote progressive socio-economic transformations based on incentives coming from outside.

The constituent principle makes it possible to classify rural development institutions into two groups: federal development institutions, whose activities are aimed at supporting regional development; and regional institutions. The activities of the institutions provide support for various areas: production and consumption, prices and markets, social policy and infrastructure using such tools as subsidies to agricultural producers, preferential credit programs, infrastructure construction, subsidies for the construction and purchase of housing, etc.

The state program “Integrated Development of Rural Territories” became the basis for building a modern system of rural development institutions at the federal level, the main goals of which include: “maintaining the share of the rural population in the total population of Russia at a level of at least 25.3 %, achieving the ratio of average monthly disposable resources of rural and urban households of up to 80 %, increasing the share of the total area of comfortable housing in rural settlements to up to 50 %”.² One of the target indicators of the program is to increase the level of interest and participation of the population of rural areas in its implementation to 80 % of the total population of rural areas, and one of the directions provides for the implementation of initiative projects in rural areas, in which individual residents or groups, rural businesses can also take part. As part of the order of the President of the Russian Federation following the meeting of the State Council of the Russian Federation on December 26, 2019, several mechanisms were created to integrate the activities of federal development institutions into the activities of rural development entities.³ In general, we can

² The state program “Integrated Development of Rural Territories” has been approved. *Government of Russia*. Retrieved June 5, 2023, from <http://government.ru/docs/36905/>

³ List of orders of the President of the Russian Federation following the meeting of the State Council of the Russian Federation on December 26, 2019. *President of Russia*. Retrieved June 5, 2023, from <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62785/print>

state that at the federal and regional levels, there is currently a further expansion of the system of development institutions as tools for stimulating the development of rural areas and consolidating ongoing support programs and projects.

Currently, there are more than 15 different programs in the Krasnodar region implemented by various development institutions within the framework of federal and regional programs directly or indirectly related to the development of rural areas. Thus, in 2023, financing of projects for the development of rural areas within the framework of the federal program “The Modern Look of Rural Areas” will amount to 312 million rubles. It should be noted that in order for the state program to support development projects in rural areas the rural communities need to provide equity participation (at least 30 %) in the implementation of the projects, including through financing, labor contribution, and the use of their own technical means.

Leadership Potential in the Institutional System of Development Policies: Rural Cases of the Krasnodar Region

An empirical study of rural municipalities in the Krasnodar region made it possible to identify and characterize several typical leadership practices in the studied local communities and, on this basis, to assess their potential as intangible resources in the institutional system of territorial development policies.

Case “Consolidated Leadership and Responsible Development of a Rural Settlement”

The Kuban rural settlement of the Apsheronsky District municipal formation belongs to a regressing territory with an increasing rate of regression in the Predgornny economic zone of the Krasnodar region and is typical in terms of the natural-geographical and socio-economic specifics of the foothill zone of the Krasnodar region, in which the focus on agricultural production, logging, and wood processing and the status of a logistic corridor of regional significance in the form of the Krasnodar-Apsheronk highway and the Belorechensk-Tuapse railway line has been preserved since Soviet times. The territory of the municipality includes 6 settlements (the Kubanskaya village, the Vpered village, the Zarechny farm, the Erik village, the Kalinina farm, and the Malko farm) with a population of 7876 people, with constant population growth due to an increase in the birth rate and a decrease in mortality, the influx of labor migration for employment in agriculture⁴.

⁴ The history and current state of the Kuban rural settlement of the Apsheron region municipality. *Administration of the Kuban rural settlement of the Apsheron region*. Retrieved June 5, 2023, from <https://kuban.apsheronk-oms.ru/istoriya-poseleniya.html>

The key factors that ensure the development of a rural settlement include the pronounced positive local identity of the locals, which contributes to their unity and joint participation in solving the problems of the territory, as well as the leadership community integrated by the head of the administration into development practices. The head of the rural settlement has serious managerial experience, including Komsomol and party experience in the Soviet period. His communication skills and his wide formal and informal social ties, including those with regional elites, allow him to successfully build interaction with various subjects of the rural settlement development (the business community, the local deputy corps), including the leaders of the Muslim diaspora (30 % of the population of the settlement are Meskhetian Turks, Kurds, Yezidis, Hemshils, Azerbaijanis and others): *“People everywhere and everyone wants life to change somehow. Because everyone has different opportunities... Some people reproach that the Malko farm is a small settlement, of 400 people, but there are also people there. We have a subsidized budget. There is little money, so we make it work where possible. Somewhere we save budget funds on our own, somewhere we have entered the program, somewhere we ask entrepreneurs to get involved... And we are slowly developing”* (from an expert interview with the head of the settlement). It is important that the head was able to create a team of like-minded people focused on attracting resources and involving active citizens in solving the problems of the territory: *“Our head, Ivan Matveyevich, loves grants... state programs in the region, he probably knows them by heart. And the assistant, Alexandra Viktorovna, with whom they work all the time. They know what is being done and where, how, where you can join in order to improve the life of the Kuban rural settlement”* (from a focus group with residents of the rural settlement).

The personal and business resource of the head of the settlement administration made it possible to create a leadership community capable of aggregating and providing for the needs of the population, updating the resources of local identity in the practices of territorial development and contributing to a high level of public confidence in the authorities: *“we are happy here”, “our village is the best... the most successful”, “For some reason, all the organizations of the settlement are at the forefront and people try to be the most active everywhere... library, club, administration, school, hospital, post office... the best in the area”, “and a sports school, achievements, development. Somehow everyone is moving forward. Everyone is trying to glorify the Kubanskaya”; “In general, it’s nice to be in the settlement, because it’s clean, we are improving the environment... infrastructure is being developed: a hospital and a sports complex are being built”* (from a focus group with residents of the rural settlement).

The lack of financial and material resources for the administration of the rural settlement is overcome by being included in various grant programs, the implementation of national projects and programs, as well as initiative budgeting projects, which leads to the intensive development of the social infrastructure of the territory: *“The goal of our work is not to earn fame, but to create normal conditions for the residents who*

work here... to change life for the better in all populated areas of the settlement...” (from an expert interview with the head of the settlement).

The leadership community must be multigenerational and consolidated, which makes it possible to accumulate the resources and traditions of the older generation and the innovative potential of young leaders while maintaining continuity in development. The transformative nature of leadership is associated with its ability to build new priorities for the socio-economic development of the territory, taking into account its resource potential. New priorities include gardening, greenhouse vegetable growing, cultivation of planting material for ornamental crops, beef farming; development of the resort and recreational industry and expansion of the sales market for agricultural products; cultivation and processing of medicinal and essential oil crops (including wild ones), and agricultural tourism. In the context of the implementation of the priority investment project of a regional scale “Reconstruction and development of a logging complex, wood processing, organization of the production of MDF” boards based on the production facilities of CJSC Production and woodworking complex “PDK Apsheronsk”, the administration of the Kuban rural settlement sees the creation of new enterprises specializing in the manufacture of furniture from an array of local valuable hardwoods or MDF boards produced in the Apsheronsk region.⁵

The transformative nature of the rural leadership community is also revealed through the “soft power” tools, which consist of the team’s ability to win over various population groups and representatives of the regional elite, transferring certain worldview constructs and basic social meanings and civil solidarity shared by the local community, find support for their projects and innovations through regional and federal development institutions. The local identity shared by all has become a connecting component for the leadership and the local community, which allowed the formation of a culture of civic participation and a model of responsible development, in which the local government becomes the “designer” and “operator” of positive changes.

Case “Informal farming community as a subject of change”

The Medvedovskoye rural settlement of the Timashevsky District municipal formation, which includes the village of Medvedovskaya, the Bolshevik and Leninsky farms, is characterized as a developing steppe territory with accelerating economic growth in the Central Economic Zone of the Krasnodar region with a population of more than 17 thousand people. The dominant economic activity of the residents of the settlement is agriculture (mainly in the

⁵ The history and current state of the Kuban rural settlement of the Apsheron region municipality. *Administration of the Kuban rural settlement of the Apsheron region*. Retrieved June 5, 2023, from <https://kuban.apsheronsk-oms.ru/istoriya-poseleniya.html>

field of crop production), which involves two large agricultural enterprises (“Holding Company-Agricultural Firm “Rossiya” LLC and Agricultural Company “Khutorok” LLC, which account for 90 % of the gross agricultural output of the settlement) and 28 peasant farms.⁶ The local population is differentiated in their life and labor strategies: some are oriented towards employment in the sphere of production and services in the nearby cities of Timashevsk and Krasnodar while maintaining a rural lifestyle, and the other part is engaged in local agriculture (at enterprises, farms, and personal subsidiary farms); the rest are older residents, including migrants from other subjects of the Russian Federation who have chosen a rural settlement as an attractive place for retirement. These factors have led to a shortage of consolidating resources of the local community and local administrative and business elites.

In the rural settlement, a conflictive leadership interaction has developed, based on several lines of confrontation: representatives of the administration of the rural settlement (“varyags”) — top management of large profit-oriented agricultural enterprises — communities of local farmers and active social activists interested in solving problems of the territory and positive changes. Elected in recent decades, the heads of the administration of the rural settlement were not indigenous people, and their tenure in this position worked as a “social elevator” for further administrative work at the level of the district and region. These circumstances laid the foundation for a certain level of distrust among the population and the local elite, which includes representatives of farms and public figures. The positions of the top management of large economic enterprises, “Holding Company-Agricultural Firm “Rossiya” LLC and Agricultural Company “Khutorok” LLC, regarding their contribution to the development of the rural settlement are quite tough: since they account for 90 % of the gross agricultural output of the settlement, then *“there can be no talk of any ‘social investments’”* (from an expert interview with community leaders of the settlement).

The community of local farmers sees the solution to rural problems in a completely different way. They are fully integrated into the local community and emotionally attached to their “small motherland”. They are engaged in family and neighborly entrepreneurial activities, they involve a wide range of relatives and fellow villagers of different generations, who are the indigenous inhabitants of the rural settlement. This has resulted in their indifferent position concerning rural changes that they carry out on their own initiative or at the request of local residents through the community members of the settlement: *“Good people live here. Both the village is good, and the people are good... The Council of Farmers, the Council of Entrepreneurs help a lot... There are councils, there are chairmen, where they collect a certain amount and distribute it where? To kindergartens and schools, to houses of culture...”* (from a focus group with residents of the rural settlement). *“So, we gathered with our circle of farmers and we understand that communications are not equipped at all in the*

⁶ The plan for the integrated development of the Medvedovskoye rural settlement of the Timashevsky district of the Krasnodar region. *Official website of the Medvedovskoye rural settlement*. Retrieved June 5, 2023, from https://admmedved.ru/?page_id=6207

house of culture... the toilet is on the street, and there our children regularly study in various creative clubs, participate in events, this is a place for festive meetings of our fellow villagers. We decided to invest in making everyone comfortable and our children healthy” (from an expert interview with a farmer-community leader).

At the same time, when solving the problems of developing their own business, the income from which allows them to make social investments in the rural settlement, farmers skillfully and regularly use federal and regional state support for entrepreneurs operating in the field of agriculture and agro-industrial production. They also actively introduce advanced technologies and innovations into the economic system, importing them from the practice of European countries: *“At some point, it became clear that we needed to reach a different level... And we went to Denmark, Switzerland, Italy, France... We looked and realized that we can do this too, there is nothing complicated about it”* (from an expert interview with a farmer-community leader).

Actively interacting in the formal institutional environment, using the resources of federal and regional development institutions, the farming community creates informal institutions of local development at the settlement level in the form of a council of farmers and entrepreneurs, a farm fund to finance rural changes: *“Several times a year we collect certain amounts (as much as we can) so that we can finance various civil initiatives or quickly solve problems in our social sphere and improving the environment... This fund is in the hands of our informal leader and all issues are resolved through it... Heads of schools, kindergartens, hospitals, houses of culture, chairmen of territorial public self-government, everyone turns directly to us with specific requests... At the same time, we do not coordinate our decisions with the administration, we do everything ourselves...”* (from an expert interview with a farmer — community leader).

Thus, the leadership potential of the farming community (personal characteristics and competencies, social capital and financial resources, motivation to develop their native rural settlement) makes it possible to solve the problems of rural areas on a systematic basis. However, an obstacle to building a strategy for the development of the settlement is the lack of a consolidated position of key actors in the development of rural areas (heads and representatives of local governments, large business entities, the farming community, and public leaders). Under these conditions, farmers create an environment of informal practices, autonomous from the formal institutional system, that contributes to positive rural changes. Using federal and regional development institutions, the farmers strengthen their businesses, which opens up new opportunities for them to develop rural areas.

Case “The Role of Transformative Leadership in Social Investment in Rural Areas: Traditions and Innovations”

Rural settlements of the municipality Ust-Labinsk district (Aleksandrovskoye, Bratskoye, Vimovskoye, Voronezhskoye, Vostochnoye, Dvubratskoye, Zheleznoye, Kirpilskoye, Ladoga, Leninskoye, Nekrasovskoye, Novolabinskoye, Suvorovskoye,

Tenginskoye) are located in the Central Economic Zone of the Krasnodar region and represent actively developing areas of agro-industrial specialization, gravitating towards the regional center (city Krasnodar). Today, the Ust-Labinsky district is one of the leaders in the production of agro-industrial products in the Krasnodar region, ranking 4th in terms of the contribution of GDP in agriculture (In 2020, 15.9 billion rubles).⁷ The settlements of the municipality are developing in the agglomeration strategy of rural areas, which involves close relationships between settlements in providing cost-effective and labor-intensive production capacities, orienting the population towards employment within the local agriculture and agro-industrial complex, creating a system of continuous education to keep the employable population in the economy of the municipality.

A key role in the development of the rural agglomeration of the Ust-Labinsk district was played by the persona of Oleg Deripaska, who is one of the largest entrepreneurs and philanthropists in Russia, the founder of the “Basic Element” industrial group. Born in the Nizhny Novgorod Oblast, from the age of 4, O. Deripaska lived in a rural settlement in the Ust-Labinsk district, which contributed to his deep emotional attachment to the rural area and influenced his motives as an already successful entrepreneur to be interested in and invest in the integrated development of the territories of the municipality.

The practices of rural development in the Ust-Labinsk district, implemented by O. Deripaska, represent the social investment of big business in the local community. In 2002, O. Deripaska founded the “Kuban” Agroholding as part of the “Basic Element” industrial group based on several state farms in the Ust-Labinsk district, which until 2019⁸ remained one of the industry leaders throughout Russia and included more than 20 agricultural enterprises divided into five divisions: “Agricultural Enterprises”, “Seed Production”, “Grain Storage and Processing”, “Meat Processing” and “Sugar Production”.⁹

It was during this period that the entrepreneur implemented private charitable initiatives aimed at developing the territory where the enterprises of the Agroholding are located. Starting in 2008, O. Deripaska created a non-profit organization in the form of the “Volnoe Delo” Social Innovation Support Fund, which became an institutional mechanism for the implementation of a comprehensive territorial development

⁷ Draft Strategy for the socio-economic development of the municipality Ust-Labinsky district until 2030. Retrieved June 5, 2023, from https://www.adminustlabinsk.ru/upload/iblock/094/rsaxui07gvupdgwoxnkufmhhe0xuoxy/UL30-Strategy-1.3-230217_01.pdf

⁸ After the introduction in 2018 of sanctions by the US Department of the Treasury against Oleg Deripaska and his enterprises, the foreign trade activities of the “Kuban” agricultural holding turned out to be significantly hampered. In this regard, in 2019, Deripaska sold the enterprises that were part of the “Kuban” agricultural holding to the “Progress Agro” group of companies, which continue many of the economic and social initiatives of the Agroholding. Source: Progress-agro: regional development. Retrieved June 5, 2023, from <https://www.progressagro.com/region-development/>

⁹ Special project of “Komsomolskaya Pravda”. “Who feeds Russia? 15 years of history of AgroHolding “Kuban” in grains, liters and rubles”. *Komsomolskaya Pravda*. Retrieved June 5, 2023, from <https://www.kp.ru/best/msk/agroholding-kuban/>

program, the priorities of which are the human, social, and cultural capital of the rural agglomeration of the Ust-Labinsk district.¹⁰

An innovative project aimed at developing human capital is the opening in Ust-Labinsk of the First University Lyceum named after N.I. Lobachevsky — a unique academic school with an in-depth study of the natural and exact sciences. The project is aimed at attracting gifted schoolchildren in grades 7–11 from different regions of the Russian Federation (485 students in total) to study with the help of grant support measures and is a social lift to the scientific and technological sphere for talented youth. The quality of the educational process and early career guidance is ensured by cooperation with leading universities and educational centers of the country, including the natural science faculties of Moscow State University after M.V. Lomonosov. The lyceum also has high-level social infrastructure and logistics.¹¹

To stimulate public self-government and civic initiatives in the Ust-Labinsk district, a local development institution was created in the form of the “Stimulus” local community fund, which, in partnership with the “Volnoe Delo” Foundation, implements competitions of social projects: “Khutorok”, “We all come from childhood”, “Children are our future”, as well as various projects for the development of social infrastructure and improved environment. Public discussions of the plan and projects of the strategic development of the region are being held with the participation of the heads of rural settlements, heads of enterprises, and representatives of the public. According to Tamara Rummyantseva, General Director of the “Volnoe Delo-South” Foundation, it is in the Ust-Labinsk district that “we manage to implement the principle of strategic partnership between government, business, public organizations, and the population, which greatly increases the effectiveness of our programs”¹².

It is important that by investing in the development of rural areas, the foundation successfully combines innovative formats with traditions that are an integral part of the socio-cultural complex and markers of Kuban’s regional and local identities. For example, thanks to the participation of O. Deripaska in 2019, the public initiative of local residents to return the historical name Argatov to the Oktyabrsky farm of the Ust-Labinsk district was supported by the deputies of the Legislative Assembly of the Krasnodar Region.¹³ From this period, a new life began in the rural settlement:¹⁴ architectural objects of traditional Cossack life

¹⁰ Territorial development. *Volnoe Delo Foundation*. Retrieved June 5, 2023, from <http://volnoe-delo.ru/directions/territorial-dev/>

¹¹ The First University Lyceum solemnly opened in the Krasnodar Region. *Yuga*. April 8, 2022. Retrieved June 5, 2023, from <https://www.yuga.ru/news/462549/>

¹² Territorial development. *Volnoe Delo Foundation*. Retrieved June 5, 2023, from <http://volnoe-delo.ru/directions/territorial-dev/>

¹³ The Kuban farm, where Deripaska lived, will get back its historical name. *Delovaya Gazeta*. South. March 29, 2019. Retrieved June 5, 2023, from <https://news.rambler.ru/other/41949657-kubanskomu-hutoru-gde-zhil-deripaska-vernut-istoricheskoe-nazvanie/>

¹⁴ Zheleznoye Rural Settlement: How Oleg Deripaska's Small Motherland Lives. *Kuban Inform*. July 17, 2022. Retrieved June 5, 2023, from <https://kub-inform.ru/news/2022-07-17-khutor-zheleznyy-kak-zhivet-malaya-rodina-olega-deripaska/>

began to appear, a church was built, and a Sunday Orthodox school was opened by it, an annual festival of traditional Cossack culture “Alexander Fortress” is held annually, which include the best folklore groups not only of the South of Russia and the central regions but even Siberia and the Urals¹⁵.

The leadership of one successful person with serious resource potential made it possible to influence the development policy of rural areas, create powerful institutions for development of the federal and local levels, and organize multi-level (federal, regional, and local) cooperation of various subjects. The ideological and moral priorities of O. Deripaska, who is focused on his small motherland, are associated with the actualization of local identity at its various levels: cognitive (knowledge and systemic understanding of the history and present of the territory, the image of its future and development prospects); emotional (feeling of love for one’s Motherland, its positive perception and attitude towards it); value-motivational (sharing traditional values characteristic of the local community and relying on them in one’s life strategy); instrumental and behavioral (active citizenship, inclusion in projects and practices of territorial development).

The analysis of individual leadership practices in the rural development policies in the Krasnodar region raises a logical question for researchers: how large is the potential of the leadership community in the region? Are the described cases exceptions or does the region have the potential to include active, motivated, enterprising people in the development policy system?

The authors were able to answer these questions based on the data obtained through a study of the regional leadership community, which includes participants in the regional personnel project “Leaders of Kuban — moving up!”. The results of the survey of 300 finalists of the competition (participants of all five seasons of the project) represent the most active and motivated cohort of real leaders or those who aspire to take this position.

The results of the survey of the region’s leadership community show that there is a significant *potential* for leaders to integrate into regional projects aimed at solving the problems of territories or communities (36.2 %). Even though the leadership community is focused on various formats of activity (expert activities in state authorities and local self-government (35.6 %), involvement in regional personnel projects (27.7 %), in the implementation of educational programs, seminars, and trainings to develop leadership potential (20.3 %), etc.), solving the problems of rural areas is an absolute priority for them (Figure 1).

An important part of the mechanism for integrating leaders into the policy of territorial development is their involvement in various communities and their subjective position regarding the solution of significant problems of the territory, as well as their willingness to take responsibility. The survey showed that in the

¹⁵ A festival of Cossack culture takes place in Ust-Labinsk Argatov. *Ust-Labinsk Info*. October 1, 2022. Retrieved June 5, 2023, from <https://ustlabinfo.ru/news/2022-10-01-v-argatove-prokhorit-festival-kazachey-kultry/>

Krasnodar region leaders are included, first of all, in professional communities, whose members are united by common interests in the development of professional activities and industries — 52.5 % of respondents; 35.6 % are included in self-development communities, whose members are united by common interests in personal self-development, hobbies or leisure activities; about a quarter of the leaders (24.3 %) are active participants in political communities that are united by common political values, views, interests, and the country’s development goals; 22 % are active members of volunteer communities, whose members are ready to share their resources, strength, time, abilities and professional skills for the benefit of other people free of charge. Approximately the same number (21.5 %) actively participate in the life of territorial communities, whose members are united by a sense of belonging to the territory, common interests in solving the problems of the territory, and development goals of the municipality/region. The participation of respondents in “single case” communities, whose members are united by common interests in solving a specific problem, can be considered episodic (9 %).

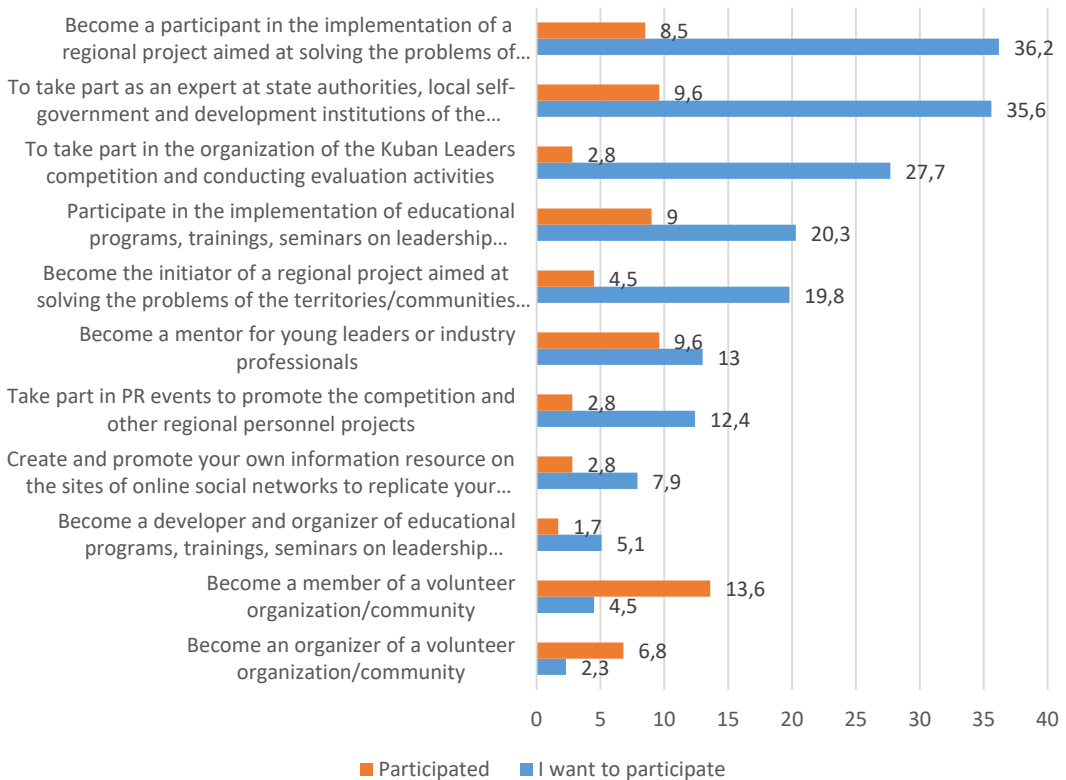

Figure 1. The Potential of Integrating the Leadership Community into The Region’s Public Administration System, %
 Source: compiled by the authors based on the research.

Territorial communities, professional communities, and “single case” communities have the maximum potential for integrating the leaders, delta (the positive delta between the desire to participate and participation is 17.5, 15.9, and 14.2 %, respectively) (Figure 2).

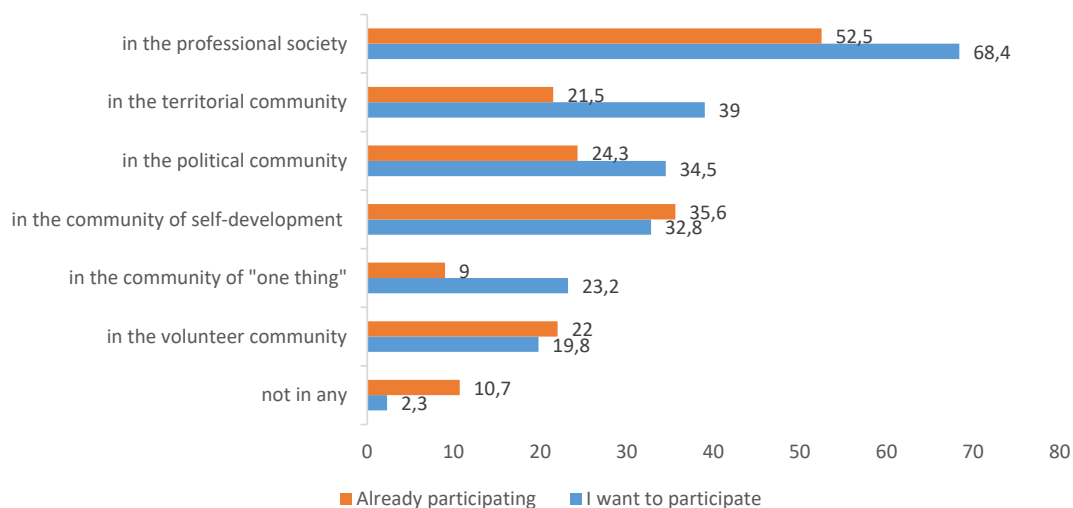

Figure 2. Potential Involvement of Survey Participants in Various Communities (indicate up to three, the most significant ones)

Source: compiled by the authors based on the research.

The motivation for constructive activity aimed at the development of local communities, based on local identity, is an important part of the mechanism for integrating leaders into the implementation of development policies. For 40 % of the leaders, the main motives for participating in regional personnel projects are the desire to benefit their region (21.5 %) and join the activities of change teams for the development of the Krasnodar region (18.6 %).

Conclusion:
**The political and managerial practices
of actualizing leadership potential in the system
of institutions for the development of rural areas**

The multilevel analysis of the phenomenon of leadership as an important component of intangible resources for the development of rural areas allows us to speak about the existing significant potential presented by a set of resources (human, personal, professional, network, institutional), which is currently not fully implemented in the system of institutions for the development of rural areas of the Krasnodar region. Leadership actualization practices can take formal and informal variations in the institutional system of rural development policies, but in one way or another, they are associated with the activation of regional and federal development institutions that allow achieving certain priorities. Leadership as an intangible development resource

achieves the greatest effect when it comes to creating leadership communities and institutional practices of their functioning as institutions for territorial development.

The existing social lifts for leaders in the form of competitions (“Leaders of Russia”, “Leaders of Kuban”) and specialized training programs (for state and municipal employees, for entrepreneurs and social activists) are aimed at individual and group trajectories of representatives of leadership communities, which are autonomous in relation to the existing institutional environment of territorial development policies. Moreover, the cognitive horizons of most leaders are limited by their career strategies, which may not coincide with the needs of rural communities for leaders who align themselves with rural development priorities.

At the same time, our research has shown that leadership can become one of the key resources that determine the successful future of rural areas. Regional and local identities are the fundamental foundations and significant factors that determine the orientation of leaders towards involvement in the territorial development policies and building a system for forming the human capital of rural communities, which can become one of the priority strategic directions for the region’s development. Therefore, there are several levels of strategic goals and practices corresponding to them in the development of leadership potential in the rural development policies: long-term (associated with the education and formation of a cohort of young (younger) regional leaders based on integrating traditional values and innovative approaches in the education system and youth policies); medium-term (associated with the formation of change teams, which are primarily consolidated through common values that do not contradict the existing values and identification matrix of the community) and operational (popularization and replication of already established practices of integrating leaders into the policy of rural development).

Received / Поступила в редакцию: 11.04.2023

Revised / Доработана после рецензирования: 25.04.2023

Accepted / Принята к публикации: 31.05.2023

References

- Balatsky, E.V., Ekimova, N.A., & Yurevich, M.A. (2019). Development of regions and municipalities formation of regional development institutes in Russia. *Municipal Academy*, (3), 95–100.
- Bardin, A.L., & Sigachev, M.I. (2019). Discourses of development: Social and humanitarian aspects. *Analysis and forecasting. IMEMO Journal*, (4), 24–41. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/afj-2019-4-24-41>
- Cloke, P., Marsden, T., & Mooney, P. (Eds.). (2006). *Handbook of rural studies*. London: Sage Pub.
- Collinge, C., Gibney, J., & Mabey, C. (2010). Leadership and place. *Policy Studies*, 31(4), 367–378.
- Filyak, M.S. (2015). Social factors of sustainable community development in Uregionne based on empirical research. *Vestnik of Saint Petersburg University, Ser. 12, 1*, 137–146. (In Russian).
- Fischer, A., & McKee, A. (2017). A question of capacities? Community resilience and empowerment between assets, abilities, and relationships. *Journal of Rural Studies*, (54), 187–197.

- Flora, J.L., Sharp, J., Flora, C., & Newlon, B. (1997). Entrepreneurial social infrastructure and locally initiated economic development in the nonmetropolitan United States. *The Sociological Quarterly*, 38(4): 623–645. <https://doi.org/10.1177/0002716293529001005>
- Fredericksen, P.J. (2004). Building sustainable communities: Leadership development along the U.S.–Mexico Border. *Public Administration Quarterly*, 28(1/2), 148–181.
- Grint, K. (2010). Placing leadership. *Policy Studies*, 31(4), 365–366. <https://doi.org/10.1080/01442871003723226>.
- Hawley, L.R., Koziol, N.A., Bovaird, J., McCormick, C.M., Welch, G.W., Arthur, A.M., et al. (2016). Defining and describing rural: Implications for rural special education research and policy. *Rural Special Education Quarterly*, 35(3), 3–11.
- Lyska, A.G. (2013). Concept of local community constructing in international academic writing. *Sociological Studies*, (7), 99–104. (In Russian).
- Marango, S., Bosworth, G., & Curry, N. (2021). Applying neo-endogenous development theory to delivering sustainable local nature conservation. *Sociologia Ruralis*, 61(1), 116–140. <https://doi.org/10.1111/soru.12315>
- McElwee, G., Smith, R., & Somerville, P. (2018). Conceptualizing animation in rural communities: The village SOS Case. *Entrepreneurship & Regional Development*, 30(1–2), 1–26. <https://doi.org/10.1080/08985626.2017.1401122>
- Miroshnichenko, I.V., & Morozova, E.V. (2022). Public policy as a space for converting intangible resources into factors of territorial development. *Political science*, (3), 144–163. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.07>
- Miroshnichenko, I.V., Morozova, E.V., Rakachev, V.N., & Samarkina, I.V. (2022). Intangible resources in rural development policy: Conceptualization experience. In T.A. Hagurov, V.N. Rakachev, Ya.V. Rakacheva, A.S. Yevtushenko, & N.E. Hagurova (Eds.), *Ethnos and Society in The Context of Interethnic Relations: Materials of The VIII All-Russian (With International Participation) Scientific and Practical Conference* (pp. 152–158). Krasnodar: Kuban State University. (In Russian).
- Mirzoyan, V.A. (2013). Management and leadership: Comparative analysis of leadership theories. *Russian Studies in Philosophy*, (6), 5–11. (In Russian).
- Morozova, E.V., Miroshnichenko, I.V., & Semenenko, I.S. (2020). Identity policies in rural local community development in Russia. *Polis. Political Studies*, (3), 56–77. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.05>
- Olmedo, L., & O'Shaughnessy, M. (2022). Community-based social enterprises as actors for neo-endogenous rural development: A multi-stakeholder approach. *Rural Sociology*, (87), 1191–1218. <https://doi.org/10.1111/ruso.12462>
- Ray, C. (2000). Endogenous socio-economic development in the European Union — Issues of evaluation. *Journal of Rural Studies*, 16(4), 447–458. [https://doi.org/10.1016/S0743-0167\(00\)00012-7](https://doi.org/10.1016/S0743-0167(00)00012-7).
- Ray, C. (2001). *Culture economies: A perspective on local rural development in Europe*. Newcastle upon Tyne: Centre for Rural Economy, Dept. of Agricultural Economics and Food Marketing, University of Newcastle upon Tyne.
- Samsonova, T.N., & Shpuga, E.S. (2016). The challenges political leadership faces in the modern world. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, (4), 142–163. (In Russian).
- Semenenko, I.S. (2019). The rural local community in development policies in Europe: Discourse and agency. *South-Russian Journal of Social Sciences*, (3), 6–27. (In Russian). <https://doi.org/10.31429/26190567-20-3-6-27>
- Semenenko, I.S. (2021). Rethinking development in social sciences: On the threshold of an ethical turn. *Polis. Political Studies*, (2), 25–45. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.03>

- Semenenko, I.S., & Khaynatskaya, T.I. (2022). Well-being discourses in an environment of “unsustainable development”: Bridging the past and the future. *Social Sciences and Contemporary World*, (5), 76–99. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S0869049922050045>
- Sotarauta, M. (2010). Regional development and regional networks; the role of regional development officers in Finland. *European Urban and Regional Studies*, 17(4), 387–400. <https://doi.org/10.1177/0969776409352581>

About the authors:

Inna V. Miroshnichenko — Doctor of Political Science, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (e-mail: mirinna78@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-2650-6662)

Irina V. Samarkina — Doctor of Political Science, Head of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University (e-mail: smrkn@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0205-8543)

Maria V. Tereshina — Doctor of Economics, Professor of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (e-mail: mwstepanova@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-8982-5831)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-699-721

EDN: SABLGI

Научная статья / Research article

Сельские территории Краснодарского края в контексте политики пространственного развития: социально-демографический аспект

В.Н. Ракачев

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

midav.sf@mail.ru

Аннотация. Вопросы развития сельских территорий Краснодарского края не могут рассматриваться вне рамок политики пространственного развития, реализуемой на федеральном и региональном уровне и анализа особенностей социальных и демографических процессов в сельском населении региона. Сделан вывод о существенных структурных изменениях в составе сельского населения Кубани, которые в силу инертности демографических процессов сегодня еще не столь заметны, но в перспективе могут приобрести необратимый характер. Отмечается, что развитие сельских территорий в крае при наличии ряда общих тенденций характеризуется неоднородностью, что требует разработки и реализации программ пространственного развития с учетом особенностей конкретных сельских территорий. Кроме того, необходимо учитывать, что модели, используемые при реализации политики сельского развития, должны принимать во внимание не столько экономическую составляющую села (отраслевая модель), сколько ориентироваться на развитие, прежде всего, человеческого капитала в уникальных условиях конкретной территории (неоэндогенная и территориальная модели).

Ключевые слова: сельское население, сельское развитие, социальный капитал, человеческий капитал, нематериальные ресурсы, демографические процессы

Для цитирования: Ракачев В.Н. Сельские территории Краснодарского края в контексте политики пространственного развития: социально-демографический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. 699–721. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-699-721>

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ и КНФ в рамках конкурса 2021 г. «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс), проект № 22-18-20059 «Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов».

© Ракачев В.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Rural Areas of the Krasnodar Region in the Context of Spatial Development Policy: A Socio-Demographic Aspect

Vadim N. Rakachev

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

✉ midav.sf@mail.ru

Abstract. The development of rural areas of the Krasnodar region has to be studied within the framework of the spatial development policies implemented at the federal and regional levels and the features of social and demographic processes in the rural population of the region. The author concludes about significant structural changes in the composition of the rural population of the Kuban, which, due to the inertia of demographic processes, are not yet so noticeable today, but in the future may become irreversible. The author also notes that the development of rural areas in the region, in the presence of several general trends, is characterized by heterogeneity, which requires the development and implementation of spatial development programs considering the characteristics of specific rural areas. In addition, it should be considered that the models used in the implementation of rural development policies should consider not so much the economic component of the village (sectoral model), but focus on the development, first of all, of human capital in the unique conditions of a particular territory (neo-endogenous and territorial models).

Keywords: rural population, rural development, social capital, human capital, intangible resources, demographic processes

For citation: Rakachev, V.N. (2023). The rural areas of the Krasnodar Territory in the context of spatial development policy: A socio-demographic aspect. *RUDN Journal of Political Science*, 25(3), 699–721. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-699-721>

Acknowledgements: The article was supported by RSCF and KSCF within the framework of the 2021 contest “Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by individual scientific groups” (regional contest), project No. 22-18-20059 “Development policy for rural areas of the Krasnodar Territory: the potential of intangible resources”.

Введение

Вопросы политики пространственного развития являются одними из наиболее актуальных в современном мире. В Российской Федерации, вынужденной сегодня реагировать на геополитические, экономические и социокультурные вызовы, они приобретают особую важность, поскольку проблемы территориального развития находятся в тесной связи с вопросами социально-экономической стабильности и безопасности государства. Они обостряются в связи с рядом неблагоприятных тенденций, в последние десятилетия отчетливо проявившихся в большинстве территорий РФ: массовый отток населения из северо-восточных регионов на юг и в центр страны, а также из сельской местности в города, обусловленный значительным разрывом в качестве жизни горожан и сельских жителей, процессы депопуляции и пр. Это выдвигает на первый план в политике пространственного развития проблему сохранения и развития тех территорий, которые оказались в этой ситуации наиболее уязвимыми.

К числу таких территорий относятся преимущественно регионы со значительной долей сельского населения. Одним из них является Краснодарский край — регион, за которым прочно закрепился статус основной житницы и здравницы страны. В последние годы край столкнулся с целым рядом вызовов: значительно выросли миграционные потоки в регион, резко выросли темпы урбанизации, в том числе за счет оттока сельского населения в города, при этом сохраняются низкие показатели рождаемости и высокие показатели смертности, как следствие обостряется проблема депопуляции.

Политика пространственного развития территорий является сегодня важным инструментом, обеспечивающим реализацию экономических, экологических и социальных задач, как на национальном, так и на мировом уровне. В Российской Федерации пространственное развитие определяется в качестве одного из центральных вопросов государственной политики, от успешности реализации которого напрямую зависит социально-экономическая стабильность и безопасность государства¹.

Пространственное развитие в широком смысле может пониматься как интегративное согласование запросов на использование пространства [Knieling 2018]. Более узкая трактовка пространственного развития определяет его как деятельность, направленную на решение государственных задач управления развитием территорий (оптимальным расселением, размещением производительных сил и т.д.) как целостным объектом регулирования и включающую инструменты такого управления². Эффективность этой деятельности во многом зависит от оптимального использования материальных и нематериальных ресурсов конкретной территории.

Отдельным направлением пространственного развития является решение комплекса задач преобразования сельских территорий. В Российской Федерации на сегодняшний день действует государственная программа комплексного развития сельских территорий, реализация которой обеспечивается нормативными документами федерального, регионального и местного уровня³.

Однако, как отмечает А.И. Костяев, действующие в России нормативно-правовые документы по развитию сельских территорий являются несовершенными [Костяев 2018]. Как показывает анализ этих документов, они преимущественно ориентированы на развитие материальных ресурсов села: создание условий для обеспечения доступным и комфортным жильем сельского населения, развитие рынка труда на сельских территориях, создание и развитие инфраструктуры

¹ Формирование стратегии пространственного развития Российской Федерации: проблемы и перспективы. URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/59975/> (дата обращения: 10.06.2023).

² Там же.

³ Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий». URL: <http://government.ru/docs/36905/> (дата обращения: 10.06.2023). Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г. Утв. распоряжением Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174933/ (дата обращения: 10.06.2023).

на сельских территориях и т.д. Тогда как главный и ключевой компонент развития — население, человеческий капитал, оказываются на периферии программ и стратегий. Кроме того, по-прежнему село рассматривается в качестве ресурсной базы, обеспечивающей город продовольствием и сырьем, тогда как сама сельская местность остается на периферии. Вместе с тем город и село являются частями единой системы, что необходимо учитывать при разработке и реализации программ пространственного развития.

Другим важным моментом, который слабо учитывают эти документы, является значительная дифференциация сельских территорий в хозяйственно-экономическом, природно-климатическом, социально-культурном плане, что требует создания региональных программ, учитывающих эти особенности.

В Краснодарском крае — регионе со значительной долей сельского населения — также принят ряд документов, определяющих сельское развитие. Это «Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 г.»; «Концепция развития сельского (аграрного) туризма в Краснодарском крае на 2017–2020 гг.»; Государственная программа Краснодарского края «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия»⁴ и др. Однако, например, из 13 подпрограмм в рамках госпрограммы только две ориентированы на сельское население: «Устойчивое развитие сельских территорий» и «Комплексное развитие сельских территорий»⁵.

Вместе с тем в «Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 г.» отмечено, что с точки зрения глобальной конкурентоспособности край имеет системные проблемы в развитии человеческого капитала, который в условиях современного общества выходит на первое место среди долгосрочных факторов развития будущей экономики⁶.

В этих условиях важной задачей является анализ социально-демографических характеристик сельского населения края как значимых составляющих человеческого капитала сельских территорий и роли политики пространственного развития как инструмента обеспечивающего развитие села.

Разработанность темы исследования

Все многообразие концепций и теорий, описывающих принципиальные схемы и модели развития сельских территорий, можно объединить в два концептуальных подхода. Первый исходит из представлений о том, в каком направлении предполагается развитие села, здесь отправной точкой является принцип

⁴ Последние изменения в программу были внесены 6 июня 2023 г.

⁵ Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» от 5 октября 2015 г. № 944. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430643160>

⁶ Закон Краснодарского края «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 г.» от 21 декабря 2018 г. № 3930-КЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550301926> (дата обращения: 15.05.2023).

экзогенности-эндогенности. Соответственно, в рамках первого подхода исследователи выделяют эндогенную, экзогенную и неэндогенную модели развития сельских территорий N. Ward, J. Atterton, T.Y. Kim, P. Lowe, J. Phillipson, N. Thompson [Ward et al. 2005]. Экзогенная модель ориентирует сельские территории на обслуживание городских поселений и, соответственно, предполагает расширение их производительных площадей и производственных сил в целом. Эндогенная модель в центр устойчивого развития ставит собственно сельские территории, что требует учета их уникальных природно-климатических, социально-культурных, человеческих и прочих характеристик [Ploeg, Dijk 1995; Lowe, Murdoch, Ward 1995; Ward et al. 2005]. Неэндогенная модель основывается на экономике знаний, в основу развития села здесь положены человеческий и социальный капитал [Ploeg, Marsden 2008].

В рамках второго подхода в качестве классифицирующего признака используется оппозиция «отрасль — территория». Здесь также выделяются три модели сельского развития: отраслевая, перераспределительная и территориальная [Мантино 2010.; Петриков, Скрибунова 2003; Овчинцева 2011; Морозова, Иванова 2015].

Как полагает А.И. Костяев, развитие сельских территорий в РФ в настоящее время осуществляется на основе экзогенно-отраслевого подхода. Об этом свидетельствует ряд характеристик. Прежде всего, применительно к селу ключевым принципом является концентрация производства и эффект масштаба. Движущей силой развития сельских территорий преимущественно выступают города-центры, которые притягивают из села трудовые ресурсы, формируют стратегию сельского развития, осуществляют трансферт бюджетных средств местным органам и т.п. Институциональные нормы также закрепляют на среднесрочную перспективу экзогенный путь развития сельских территорий, усиливают роль городов и разрыв в развитии их с сельской местностью. Помимо этого, основной функцией сельских территорий остается производство продовольствия и сырьевых товаров для развития городской экономики, а главной проблемой развития большей части сельских территорий является периферийность, способствующая депопуляции и депрессивности. Наконец, развитие на сельских территориях в ближайшей перспективе ориентировано на модернизацию сельского хозяйства [Костяев 2018].

Это приводит к сильному оттоку сельского населения, причем эти тенденции характеризуются для всех регионов России [Авдеев, Сидоркина, Ушакова 2017; Горина 2014; Мотрич 2016; Гальянов, Резвяков, Студенникова 2017; Суховеева, Калинина 2018] и рассматриваются через призму социальной и экономической безопасности страны [Васильева, Васильева 2022; Жуков 2018].

В случае сохранения и закрепления на перспективу экзогенно-отраслевой модели сельского развития, ориентированной на управление и финансирование села извне (из федерального центра либо из субъектов), человеческие и иные местные ресурсы могут оказаться незадействованными в полной мере, социальный капитал, который признается основой современного сельского развития, не сможет быть полноценно сформирован.

Как отмечает Ф. Мантино, в настоящее время требуется активизация «человеческого и социального капитала, которые являются недостающими факторами во всех политиках развития, но которые в случае политики развития сельской местности играют более значимую роль» [Мантино 2010].

Решение этих задач ряд ученых видит в изучении социально-демографических процессов в контексте комплекса нематериальных ресурсов в развитии региона. Теоретические и практические аспекты этого направления рассмотрены в работах И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозовой, В.Н. Ракачева, И.В. Самаркиной, Е.В. Михалкиной, Н.А. Косолаповой, Л.С. Леонтьевой, В.В. Смирновой [Мирошниченко, Морозова, Ракачев, Самаркина 2022; Михалкина, Косолапова 2018; Леонтьева, Смирнова 2020].

Вместе с тем представляется, что развитие территорий не является самоцелью, но должно обеспечить достойный уровень и качество жизни населению этих территорий, дать возможность ему реализовать свой потенциал и, таким образом, способствовать развитию того пространства, в котором человек существует. Соответственно при разработке и реализации любых программ необходимо иметь представление о состоянии населения, его количественных и качественных характеристиках, тенденциях его развития.

Методология и задачи исследования

Теоретико-методологической базой исследования послужили концепции пространственного развития территорий, сельского развития, а также ключевые положения концепции демографического перехода.

В основе статьи лежат результаты статистико-демографического анализа материалов текущего учета и данные Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. по Краснодарскому краю. В качестве индикаторов развития сельских территорий Краснодарского края нами взяты ряд социально-демографических показателей: численность сельского населения, темпы его прироста, доля во всем населении, общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста, сальдо миграции, а также уровень образования, уровень и характер занятости. Для наглядности данные по сельскому населению по некоторым признакам приводятся в сравнении с городским населением.

В данной статье мы ставили целью изучить социально-демографические характеристики сельского населения края как значимые составляющие человеческого капитала сельских территорий и роли политики пространственного развития в обеспечении сельского развития.

Результаты анализа и обсуждение

Краснодарский край исторически сложился и развивался как сельскохозяйственный регион. Это определило целый ряд пространственно-территориальных и социально-демографических особенностей: здесь традиционно преобладало, а после урбанизационного перехода значительную долю составляло

сельское население. Собственно, и сам переход на Кубани был поздним, совершился на несколько десятков лет позднее общероссийского и даже после перехода и до сих пор доля горожан незначительно превышает долю сельских жителей.

Другой особенностью сельскохозяйственной специфики региона является размер сельских поселений, многие из которых уже в XIX в. по числу жителей превосходили большинство городов Центральной России, насчитывая несколько десятков тысяч человек [Ракачев, Ракачева 2005].

Однако в последние десятилетия наметилась тенденция к увеличению темпов роста городского населения в крае и сокращению численности и доли сельских жителей. Если в городских населенных пунктах региона население за 2010–2022 г. выросло на 15 %, то в сельских на 1,9 %. Среднегодовой прирост за указанный период составил в городах 34,5 тыс. чел., в селах — 3,9 тыс. чел. С 2020 г. рост численности сельского населения края сменился его сокращением, что в итоге привело к снижению его доли во всем населении на 3 % (с 47,1 до 42,9 %) (рис. 1).

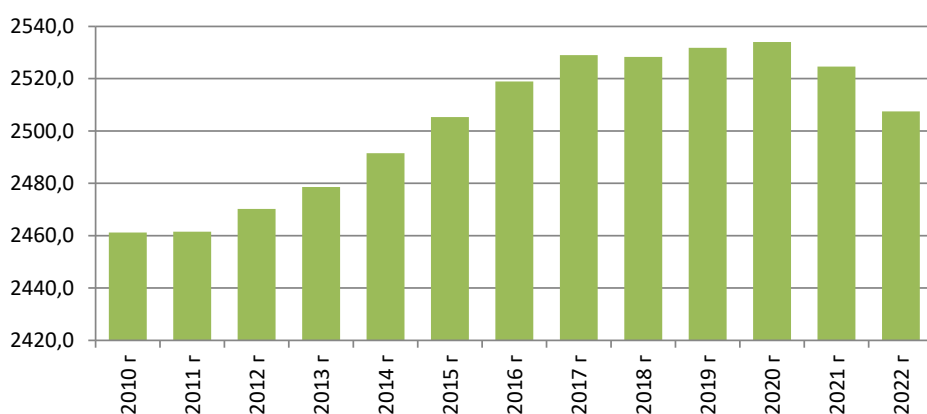

Рис. 1. Динамика численности сельского населения Краснодарского края в 2010–2022 гг., тыс. чел.

Источник: Краснодарский край в цифрах. 2015: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2016. С. 27–29; Краснодарский край в цифрах. 2018: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2019. С. 23–25; Краснодарскому краю — 85 лет: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2022. С. 21.

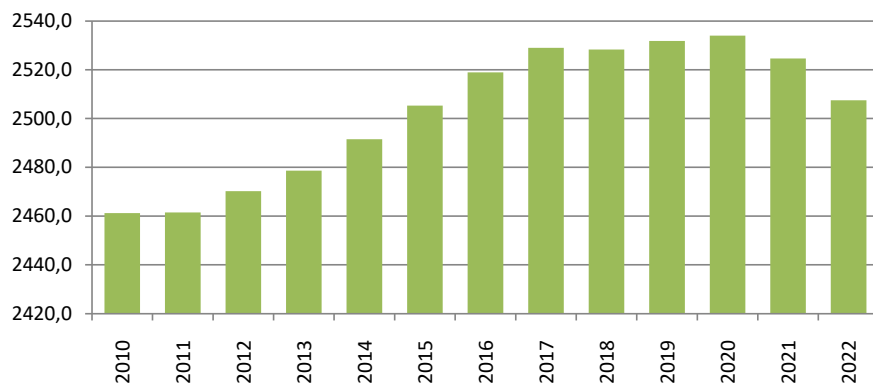

Figure 1. Dynamics of the rural population Krasnodar Territory 2010–2022, thousand people

Source: Krasnodar region in numbers. 2015: Statistical collection (pp. 27–29). (2016). Krasnodar: Krasnodarstat. (In Russian); Krasnodar region in numbers. 2018: Statistical collection (pp. 23–25). (2019). Krasnodar: Krasnodarstat. (In Russian); Krasnodar Territory — 85 years: Statistical collection (p. 21). (2022). Krasnodar: Krasnodarstat. (In Russian).

Эти изменения носят неравномерный характер и определяются целым комплексом факторов: в ряде районов и сельских территорий края население росло высокими темпами, в других при положительном приросте темпы его были невысоки, в третьих наблюдалась незначительная убыль и, наконец, четвертая группа — территории, значительно потерявшие население.

Проведя группировку сельских территорий по темпам роста, можно выделить: 1) группу значительно возросших территорий, к ним относятся приморские территории, и, в первую очередь, сельские пригороды Новороссийска, Анапы и Сочи; 2) группу с высоким ростом сельского населения в последнее десятилетие образуют пригороды краевого центра и граничащие с ним Динской и Северский районы; 3) группа сельских МО с невысоким положительным ростом — преимущественно сельские территории вокруг городов, как правило, транспортных и промышленных центров; 4) сельские территории с незначительной убылью — преимущественно районы, центрами которых являются сельские поселения; 5) группа сельских территорий с заметной убылью населения — это, как правило, предгорные, удаленные районы края, а также степных территорий на северо-востоке края. Соответственно абсолютное большинство сельских территорий Кубани на протяжении 2010–2022 гг. потеряли население (рис. 2).

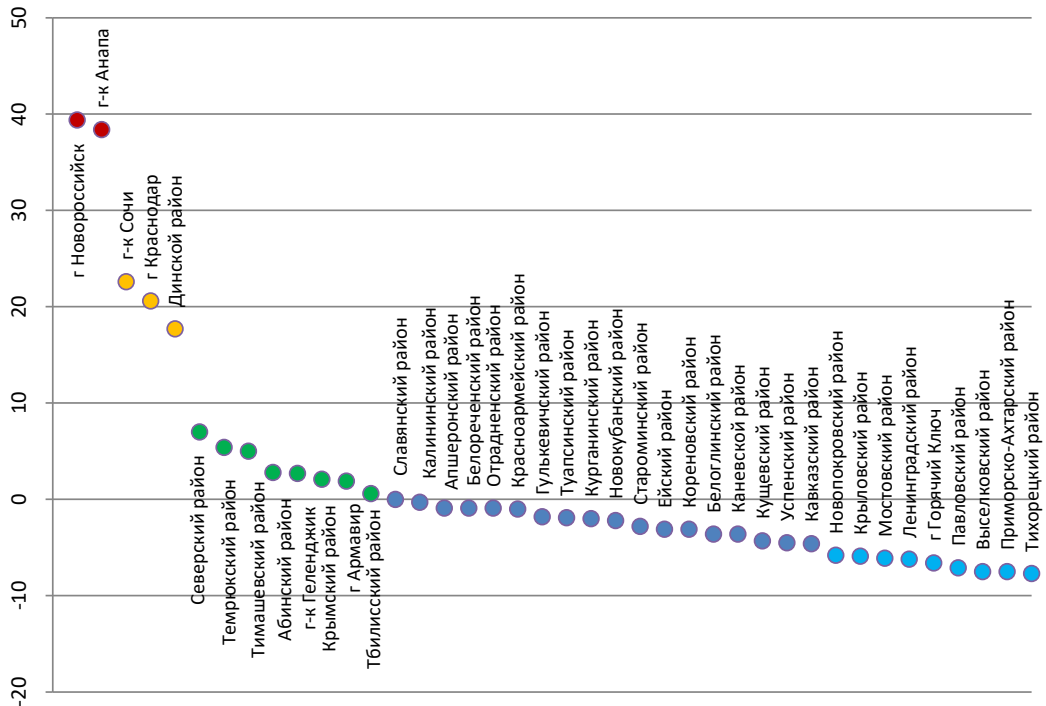

Рис. 2. Группировка территорий Краснодарского края в зависимости от роста/убыли сельского населения за 2010–2022 гг., тыс. чел.

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Краснодарский край. Том 1. Численность и размещение населения. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/vpn2010> (дата обращения: 8.06.2023); Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Краснодарский край. Т. 1. Численность и размещение населения. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/folder/179316> (дата обращения: 8.06.2023).

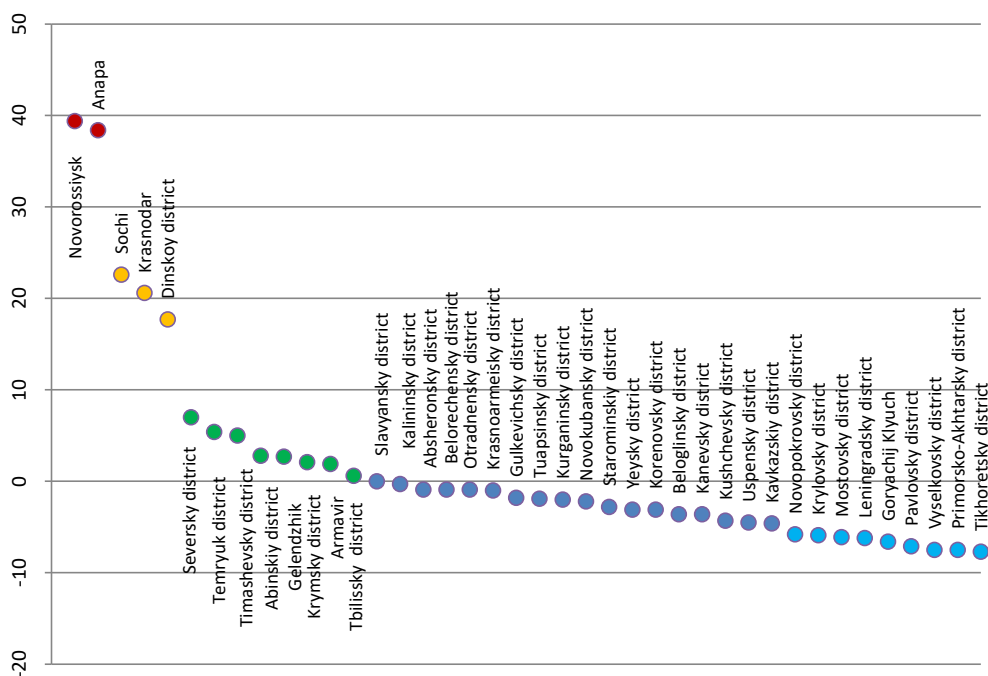

Figure 2. Grouping of the territories of the Krasnodar Territory depending on the growth/decline of the rural population for 2010–2022, thousand people

Source: Results of the 2010 All-Russian population census. Krasnodar region. Volume 1. Number and distribution of the population. Retrieved August 6, 2023, from <https://23.rosstat.gov.ru/vpn2010> Results of the All-Russian population census 2020. Krasnodar region. Vol. 1. Number and distribution of the population. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/folder/179316> (In Russian).

Таким образом, ведущим фактором, определяющим динамику сельского населения края в последние годы, является его местоположение относительно морского побережья и краевого центра. Другим фактором выступает наличие в районе города (городов), выполняющих функции производственных и или транспортных центров. При этом 14 районов края являются полностью сельскими, в них нет ни одного города и прочих поселений городского типа. 20 районов имеют в своем составе города и поселки городского типа. Кроме того, часть сельского населения включено в 7 городских округов. Этот определенно является одним из факторов, который косвенным образом влияет на динамику численности конкретной территории. Наличие не только крупных, но даже средних и мелких городов в районе, как правило, позитивно влияет на численность и состав его населения. Важным условием, положительно влияющим на развитие населения сельских территорий, является наличие крупных транспортных магистралей. Вдоль крупных трасс, как правило, концентрируется больше населения, и, напротив, удаленные от ключевых транспортных артерий районы и населенные пункты постепенно пустеют.

Ситуация эта не уникальна. Как отмечают О.Б. Глейзер и Э.И. Вайнберг [Глейзер, Вайнберг 2013], «концентрация всего и городского населения регионов в их центрах (даже в случае сокращения их людности) и концентрация сельских жителей в крупных населенных пунктах и пригородах крупных городов

на фоне обезлюдения остальной территории сельской местности и депопуляции большинства городов» являются сегодня общероссийскими трендами, исключение составляют степные и приморские районы юга Европейской России и ряда других территорий.

Численность любого населения складывается из двух компонентов: естественного и механического. Определяя вклад в динамику сельского населения края каждого из них, можно отметить, что решающую роль здесь играет миграция. Причем если в период 2010–2016 гг. наблюдалась естественная убыль, которую компенсировала активная миграция в сельскую местность, то с 2017 г. на фоне роста естественной убыли сельского населения края наблюдалось значительное снижение миграционного сальдо. Для сельских поселений края с 2015 г. коэффициент миграционного прироста устойчиво снижался и стал отрицательным в 2022 г. (с 68,9 до –4,6 мигрантов на 10 тыс. жителей). Сегодня миграция уже не может компенсировать естественную убыль на селе (рис. 3).

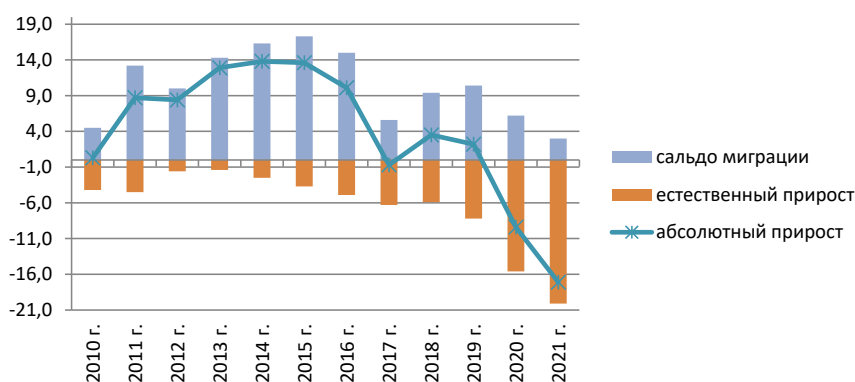

Рис. 3. Вклад естественного и механического компонентов в динамику численности населения сельских территорий Краснодарского края в 2010–2021 гг., тыс. чел.

Источник: Краснодарский край в цифрах. 2015: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2016.

С. 27–29; Краснодарский край в цифрах. 2018: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2019.

С. 23–25; Краснодарский край в цифрах. 2022: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2023. С. 24.

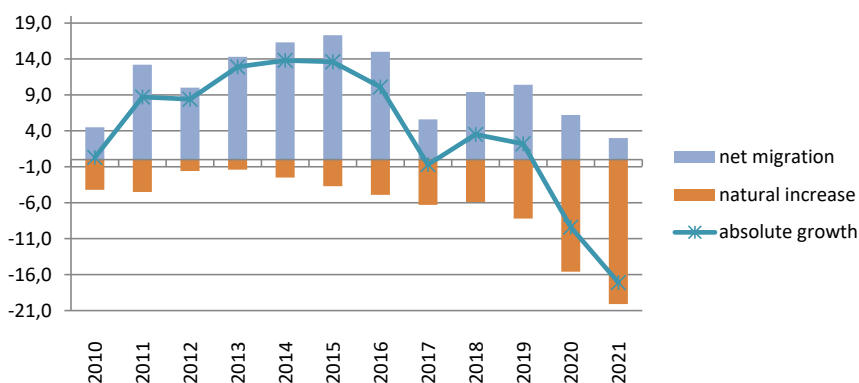

Figure 3. The contribution of the natural and mechanical components to the dynamics of the population of rural areas of the Krasnodar Territory, 2010–2021, thousand people

Source: Krasnodar region in numbers. 2015: Statistical collection, 2016, pp. 27–29. Krasnodar: Krasnodarstat; Krasnodar region in numbers. 2018: Statistical collection, 2019, pp. 23–25. Krasnodar: Krasnodarstat; Krasnodar region in numbers. 2022: Statistical compendium, 2023, p. 24. Krasnodar: Krasnodarstat (In Russian)

Естественная убыль сельского населения, в свою очередь, является результатом устойчивого снижения показателей рождаемости и роста показателей смертности. В последние годы в условиях пандемии КОВИД-19 в сельском населении края наблюдалось практически двукратное превышение показателями смертности показателей рождаемости (в 2020 г. — 14,3 и 8,1‰, в 2021 — 16,9 и 8,9‰, в 2022—13,9 и 8,2‰ соответственно) (рис. 4).

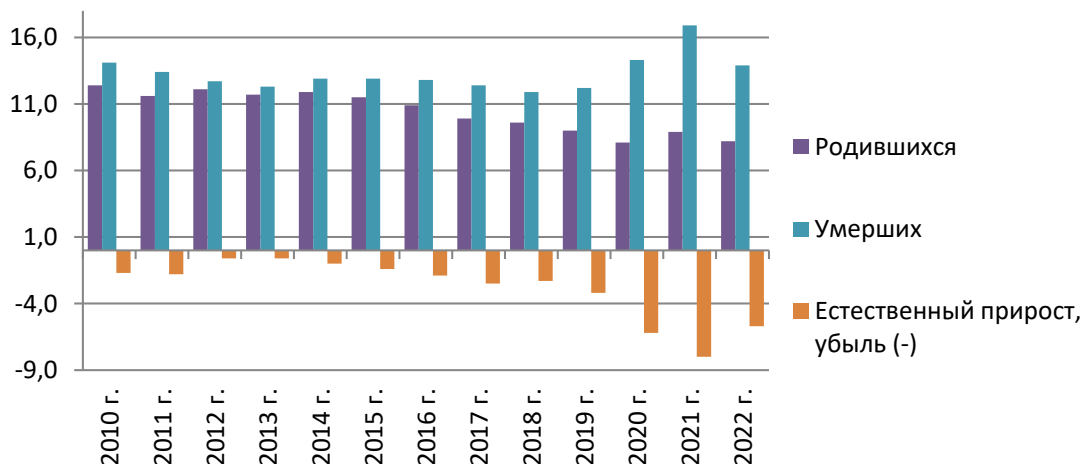

Рис. 4. Динамика показателей рождаемости, смертности и естественного прироста в сельском населении Краснодарского края в 2010–2022 гг., ‰

Источник: Краснодарский край в цифрах. 2015: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2016. С. 27–29; Краснодарский край в цифрах. 2018: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2019. С. 23–25; Краснодарский край в цифрах. 2022: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2023. С. 24–26.

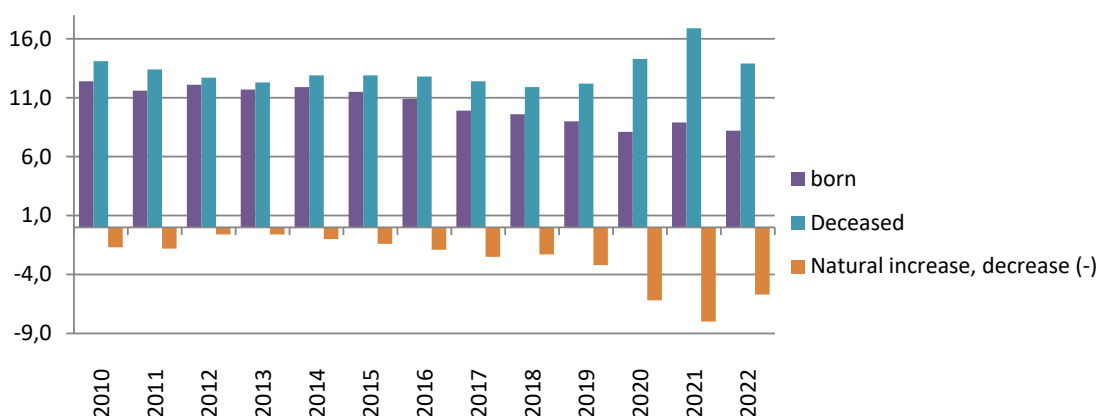

Figure 4. Dynamics of birth rates, mortality and natural increase in the rural population of the Krasnodar Territory, 2010–2022, ‰

Source: Krasnodar region in numbers. 2015: Statistical collection, 2016, pp. 27–29. Krasnodar: Krasnodarstat; Krasnodar region in numbers. 2018: Statistical collection, 2019, pp. 23–25. Krasnodar: Krasnodarstat; Krasnodar region in numbers. 2022: Statistical compendium, 2023, p. 24–26. Krasnodar: Krasnodarstat(In Russian)

В сравнении с городами сельские территории края в последнее десятилетие имеют более низкие показатели смертности, однако уровень младенческой смертности в селе на порядок выше, чем в городе. При этом общей тенденцией в сфере младенческой смертности стало устойчивое снижение коэффициента. В сельском населении это снижение было более заметно, он сократился примерно на треть с 6,8‰ в 2012 г. до 4,2‰ в 2022 г. В сфере рождаемости сельское население края характеризуется низкими показателями, и с 2014 г. они устойчиво понижаются. За период с 2010 по 2022 г. рождаемость в селах Краснодарского края сократилась с 12,4 до 8,2‰ (табл. 1).

Таблица 1

**Показатели естественного движения населения
Краснодарского края в 2010–2022 гг., ‰**

Год	Общий коэффициент рождаемости		Общий коэффициент смертности		Коэффициент младенческой смертности	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
2010	12,0	12,4	13,0	14,1	4,4	6,2
2011	12,8	11,6	13,7	13,4	5,6	6,7
2012	13,9	12,1	13,5	12,7	6,4	6,8
2013	14,3	11,7	13,3	12,3	6,0	5,7
2014	14,9	11,9	12,9	12,9	5,3	5,9
2015	15,3	11,5	13,1	12,9	4,7	6,5
2016	15,1	10,9	13,0	12,8	4,5	5,8
2017	13,8	9,9	12,5	12,4	3,9	5,1
2018	13,0	9,6	12,0	11,9	3,4	5,1
2019	12,3	9,0	12,4	12,2	4,0	3,3
2020	12,4	8,1	14,6	14,3	3,6	4,4
2021	11,6	8,9	17,0	16,9	4,2	4,3
2022	10,6	8,2	13,9	13,9	3,6	4,2

Источник: Краснодарский край в цифрах. 2015: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2016. С. 27–29; Краснодарский край в цифрах. 2018: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2019. С. 23–25; Краснодарскому краю — 85 лет: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2022. С. 21; Краснодарский край в цифрах. 2022: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2023. С. 2.

**Indicators of the natural movement of the population
of the Krasnodar Territory, 2010–2022, ‰**

Year	Total fertility rate		Total mortality rate		Infant mortality rate	
	Urban	Rural	Urban	Rural	Urban	Rural
2010	12.0	12.4	13.0	14.1	4.4	6.2
2011	12.8	11.6	13.7	13.4	5.6	6.7
2012	13.9	12.1	13.5	12.7	6.4	6.8
2013	14.3	11.7	13.3	12.3	6.0	5.7
2014	14.9	11.9	12.9	12.9	5.3	5.9
2015	15.3	11.5	13.1	12.9	4.7	6.5
2016	15.1	10.9	13.0	12.8	4.5	5.8
2017	13.8	9.9	12.5	12.4	3.9	5.1
2018	13.0	9.6	12.0	11.9	3.4	5.1
2019	12.3	9.0	12.4	12.2	4.0	3.3
2020	12.4	8.1	14.6	14.3	3.6	4.4
2021	11.6	8.9	17.0	16.9	4.2	4.3
2022	10.6	8.2	13.9	13.9	3.6	4.2

Source: Krasnodar region in numbers. 2015: Statistical collection. Krasnodar: Krasnodarstat, 2016, pp. 27–29; Krasnodar region in numbers. 2018: Statistical collection. Krasnodar: Krasnodarstat, 2019, pp. 23–25; Krasnodar Territory — 85 years: Statistical collection. Krasnodar: Krasnodarstat, 2022, p. 21; Krasnodar region in numbers. 2022: Statistical compendium. Krasnodar: Krasnodarstat, 2023, p. 24. (In Russian)

Это чрезвычайно низкий уровень, который обусловлен преимущественно структурными факторами, решающим среди которых является половозрастная структура сельского населения, и прежде всего процесс старения населения. Старение населения — универсальная тенденция, характерная для большинства современных развитых стран. В Краснодарском крае, и преимущественно на его сельских территориях, эта тенденция усиливается благодаря активной миграции пожилого населения из других регионов страны. Край привлекает пенсионеров благоприятным климатом, хорошо развитой инфраструктурой, в том числе в сельской местности (объекты здравоохранения, доступность качественной медицины и социальных служб в ближайших городах и т. п.). Как следствие доля населения в возрасте 65+ лет в сельских поселениях здесь значительно превышает среднероссийский показатель и устойчиво растет: с 23,7 % в 2011 г. до 27 %

в 2021 г. С увеличением доли пожилых снижается доля трудоспособного населения, которая за тот же период сократилась на 2,8 % (с 58,6 в 2011 г. до 55,8 % в 2022 г.). При этом доля детей в селах края остается относительно стабильной: 17,7 % в 2011 г и 18,8 % в 2022 г.⁷

Значительная доля пожилых в сельском населении края усиливает демографическую нагрузку. Так, если в 2011 г. на 100 трудоспособных сельских жителей приходилось 40 чел. в возрасте 65+, то в 2019 г. этот показатель составил 51 чел. (max), в 2022 г. — 46 чел. (рис. 5). Общая демографическая нагрузка в сельском населении в 2011 г. составляла 71 чел. нетрудоспособных на 100 трудоспособных. Максимальных значений этот показатель достиг в 2019 г. и составил 87 чел. На 2022 г. показатель несколько снизился — до 79 чел. В целом за последнее десятилетие коэффициент демографической нагрузки в селах края вырос почти на 13 пунктов (с 0,70 до 0,83). При этом для городских и сельских территорий при некотором различии в темпах прироста населения и прироста населения трудоспособного возраста перспективы демографической нагрузки весьма схожи.

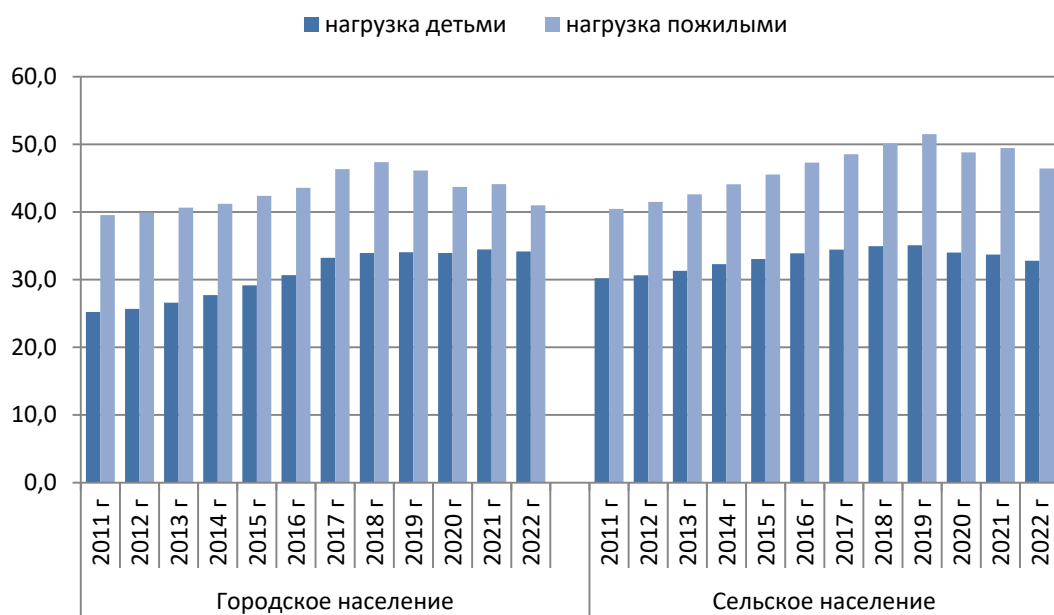

Рис. 5. Демографическая нагрузка в Краснодарском крае, 2011–2022 гг., на 100 чел. трудоспособного населения

Источник: Краснодарский край в цифрах. 2015: статистический сборник, Краснодар: Краснодарстат, 2016. С. 27–29; Краснодарский край в цифрах. 2018: статистический сборник, Краснодар: Краснодарстат, 2019. С. 23–25; Краснодарский край в цифрах. 2022: статистический сборник, Краснодар: Краснодарстат, 2023. С. 24–25.

⁷ Рассчитано по: Краснодарский край в цифрах. 2015: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2016. С. 27–29; Краснодарскому краю — 85 лет: статистический сборник. Краснодар: Краснодарстат, 2022. С. 21.

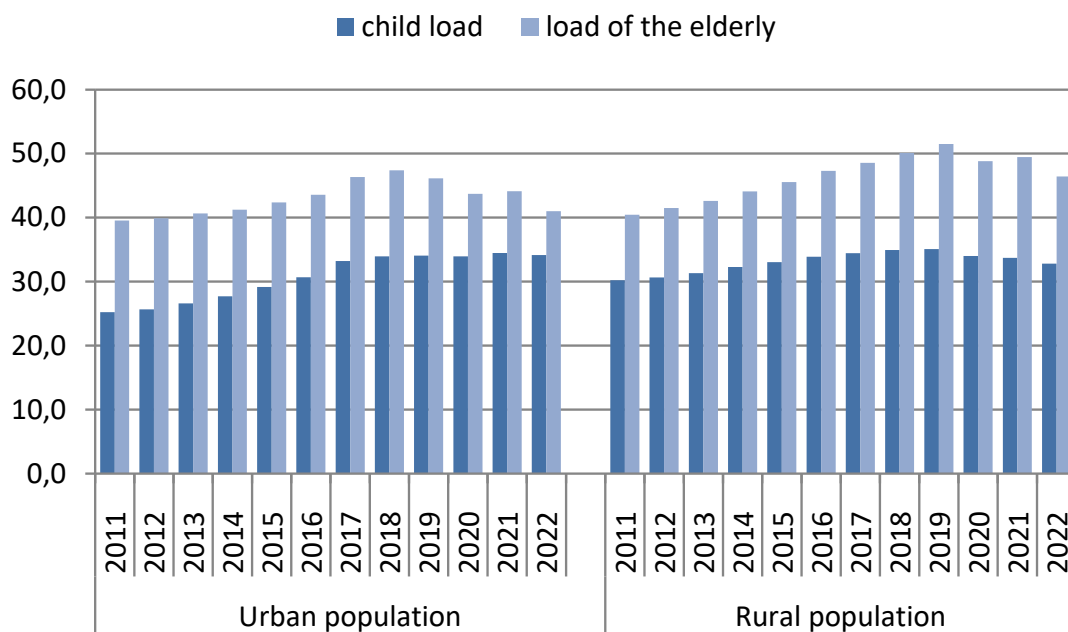

Figure 5. Demographic load in the Krasnodar Territory, 2011–2022, per 100 people of the able-bodied population

Source: Krasnodar region in numbers. 2015: Statistical collection Krasnodar: Krasnodarstat, 2016, pp. 27–29; Krasnodar region in numbers. 2018: Statistical collection Krasnodar: Krasnodarstat, 2019, pp. 23–25; Krasnodar region in numbers. 2022: Statistical compendium. Krasnodar: Krasnodarstat, 2023, pp. 24–25. (In Russian)

Низкая доля детей в перспективе снижает для сельского населения вероятность демографического дивиденда, который представляет собой «потенциал экономического роста, который может возникнуть в результате сдвигов в возрастной структуре населения, главным образом когда доля населения трудоспособного возраста превышает долю нетрудоспособного населения»⁸. Другими словами, это повышение экономической производительности, которое происходит, когда число работающих увеличивается по сравнению с числом иждивенцев. Демографический дивиденд может получить население с растущим числом трудоспособных и снижающейся рождаемостью, когда большее количество людей имеет потенциал для продуктивной работы и способствует росту экономики. При этом для обеспечения экономического роста молодежь должна иметь доступ к качественному образованию, здравоохранению, социальным гарантиям и проч. Однако, согласно прогнозам Росстата, в ближайшие годы доля трудоспособного населения края будет снижаться⁹, что, в свою очередь, приведет к усилению демографического бремени и скажется на показателях экономического роста.

⁸ Demographic dividend. UNFPA. URL: <https://www.unfpa.org/demographic-dividend#readmore-expand> (accessed: обращения 8.06.2023).

⁹ Коэффициент демографической нагрузки. URL: <https://www.gks.ru/freedoc/newsite/population/demo/progn4.htm> (дата обращения: 8.06.2023).

В сельском населении края наблюдается резкое сокращение численности лиц в возрастных группах 20–24 и 25–29 лет, и, напротив, в городском населении численность этих возрастных групп заметно выше, что является следствием оттока молодежи на учебу и работу в город. Эта особенность также видна на половозрастных пирамидах: в городе возрастные группы 30–44-летних являются более многочисленными, чем в селе. Как результат, село теряет значительную часть наиболее активного в экономическом и демографическом плане населения (рис. 6).

Значительные возможности для самореализации населения в городской среде меняют установки горожан, что в последующем оказывает существенное влияние на демографическое поведение и в целом на демографическую структуру городского населения. В частности, город оказывает влияние на систему семьи и брака, которые вступают в конкуренцию с карьерой и саморазвитием.

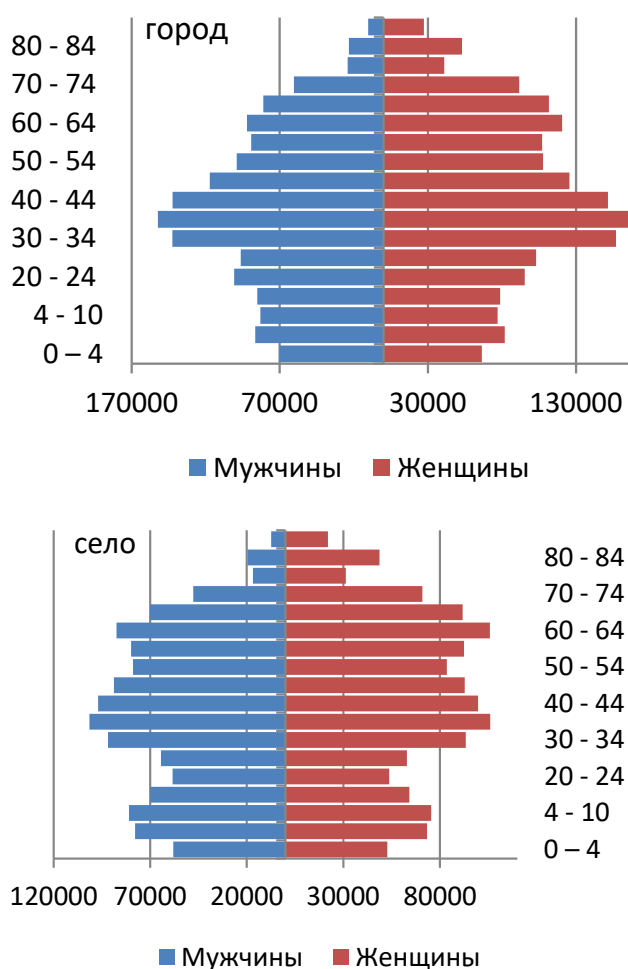

Рис. 6. Возрастная структура населения Краснодарского края, на 2020 г., чел.

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Краснодарский край. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/folder/179316> (дата обращения: 08.06.2023).

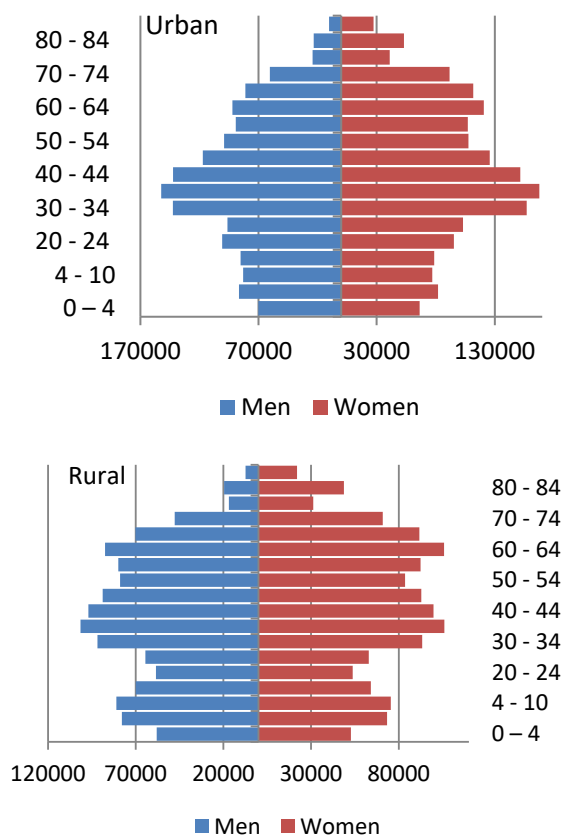

Figure 6. Age structure of the population of the Krasnodar Territory, for 2020, people

Source: Results of the All-Russian population census 2020. Krasnodar region. Volume 2. Age-sex composition and marital status. Retrieved August 6, 2023, from <https://23.rosstat.gov.ru/folder/179316> (In Russian)

Темпы роста среднего возраста в селах края почти в 2 раза выше, чем в городах. С 2010 по 2020 г. средний возраст горожан вырос на 1,3 года (с 39,7 до 41 года), а сельских жителей на 2,1 года (с 39,4 до 41,5 года).

Специфика возрастной структуры сельского населения предопределяет состояние таких социально-экономических показателей, как уровень и структура занятости, доля экономически активного населения.

При большей доле пожилых в сельском населении края в экономике они заняты меньше, чем пожилые в городах. Так, среди всех занятых в селе 92 % приходится на трудоспособное население и 8 % на лиц пенсионного возраста, в городе доля пенсионеров, продолжающих трудиться, на 1,5 % выше — 9,5 и 90,5 % занятых приходится на лиц трудоспособного возраста. Кроме того, среди всего трудоспособного населения в городах края доля занятых составляет 73 %, среди трудоспособных в селах занятыми являются 71,8 %. Соответственно в группе лиц старше трудоспособного возраста в городском населении продолжают трудиться 20,2 %, в селе — 13,6 %.

При этом работают по найму 85,1 % сельских и 88,1 % городских жителей края. Соответственно работающих не по найму в селах 14,9 %, в городах 11,9 %. В том

числе в сельской местности 6,4 %: занятых являются владельцами собственного предприятия, 21 % — ИП, 39,7 % — самозанятые, 1,9 — помогают на семейных предприятиях и 31,1 % заняты иной деятельностью. В городах соответственно 9,4 имеют свое дело, 27,8 % ИП, 34,4 % — самозанятые, 2,1 — помогают в семейном деле и 26,2 % — иное. Кроме того, лишь 70,9 % занятых сельских жителей, работающих по найму, трудоустроены на территории своего населенного пункта, среди работающих не по найму, таковых 13,1 %. При этом 1,5 % жителей села работают по найму на территории другого субъекта РФ. Среди городских жителей края 95,2 % занятых по найму работают в своем населенном пункте, за пределами своего населенного пункта трудятся 4,8 %, в том числе за пределами края 0,1 %¹⁰. Показательно также, что «международных» трудовых мигрантов из села значительно меньше. Возможно, в своих миграционных стратегиях они первоначально ориентированы на город как первую ступень восходящей миграции.

Вероятно, эти особенности связаны, с одной стороны, со спецификой сельского рынка труда, и в частности с изменением структуры сельского хозяйства, когда с появлением современных агрохолдингов заметно сокращается потребность хозяйства в рабочей силе [Костяев, Кузнецова, Никонов 2020]. С другой — со структурой рабочей силы, ее возрастного и профессионального состава. Кроме того, уровень образования работников, и прежде всего наличие профессиональной подготовки, является важным показателем, характеризующим качественное состояние населения сельских территорий, и одновременно выступает важным капиталом, позволяющим этому населению самореализоваться в экономическом плане.

По этому показателю сельское население края заметно уступает городскому. Согласно данным Всероссийской переписи 2020 г., доля специалистов высшей квалификации и лиц, имеющих высшее образование среди занятых, в селах края в два раза меньше, чем в городах: 1 против 1,9 % и 19,6 против 34,5 % соответственно. При этом доля специалистов со средним профессиональным образованием в городе и селе примерно одинакова: 40,6 и 44,8 % (табл. 2).

Таблица 2

Занятое население Краснодарского края в возрасте 15+ по уровню образования на 2020 г.¹¹, %

Территория	Имеющие профессиональное образование				Имеющие общее среднее образование
	Кадры высшей квалификации	Высшее	Неполное высшее	Среднее профессиональное	
Город	1,9	34,5	3,8	40,6	12,3
Село	1,0	19,6	2,1	44,8	22,6

Рассчитано по источнику: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Краснодарский край. Т. 3. Образование. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/folder/179316> (дата обращения: 08.06.2023).

¹⁰ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Краснодарский край. Том 7. Экономически активное и экономически неактивное население. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/folder/179316> (дата обращения: 08.06.2023).

¹¹ % от всех указавших уровень образования.

**Employed population of the Krasnodar Territory aged 15+
by level of education for 2020, %**

Territory	Those with professional education				Having a general secondary education
	Personnel of the highest qualification	Higher education	Incomplete higher education	Secondary vocational education	
Urban	1.9	34.5	3.8	40.6	12.3
Rural	1.0	19.6	2.1	44.8	22.6

Calculated from the source: Results of the All-Russian population census 2020. Krasnodar region. Vol. 3. Education. URL: <https://23.rosstat.gov.ru/folder/179316> (accessed: 06.08.2023).

В целом доля лиц, имеющих профессиональное образование среди всего занятого населения, в городах края на 13,2 % превышает аналогичный показатель в сельской местности: 80,7 против 67,5 %.

Таким образом, на фоне общего сокращения занятости в сельской местности выявляется дефицит квалифицированных кадров. Отчасти это связано с тем, что сельская молодежь, отправляясь за образованием в город, в большинстве своем по окончании вузов и средних специальных учебных заведений не возвращается в село.

Эти и другие показатели являются важными для реализации политики развития региона, но, несмотря на это, в большей части государственных программ — документов по устойчивому развитию территорий отсутствуют отдельные программы для развития сельских территорий. В современных условиях село проигрывает в явной конкуренции с городом, как в экономическом, так и в социальном плане, что, в свою очередь, приводит к потере населения как в количественном, так и в качественном компонентах.

Выявленные особенности имеют важное значение для оценки и прогнозирования социально-экономической ситуации в сельских территориях края и должны учитываться при разработке программ пространственного развития с учетом их неоднородности.

Заключение

Развитие сельского населения Краснодарского края, состояние его ключевых социально-демографических характеристик заметно отстает от аналогичных показателей в городе. Кроме того, в развитии собственно сельских территорий наблюдаются значительные диспропорции, которые проявляются в высоких темпах роста населения приморских территорий и пространств, включенных в агломерации, тогда как население большинства сельских районов северо-восточной зоны края значительно уступает им в своем развитии (количественном и качественном). Следует предположить, что существующая дифференциация сельских территорий и процессы депопуляции в большинстве из них в перспективе сохранятся.

Существование различных по своим типам сельских территорий в крае, их неоднородность требуют разработки и реализации программ пространственного развития с учетом конкретных условий. Кроме того, необходимо учитывать, что модели, используемые при реализации политики сельского развития в условиях современного общества, должны принимать во внимание не столько экономическую составляющую села, рассматривать его как ресурсную базу для города (экзогенно-отраслевая модель), но ориентироваться, прежде всего, на развитие человеческого капитала в уникальных условиях конкретной сельской территории (неоэндогенная и территориальная модели).

Также возможным решением может стать комбинированный подход в политике развития сельских территорий, сочетающий в себе как экзогенную, так и эндогенную модели. Это позволит учитывать интересы различных политических, социальных, институциональных сил участвующих в реализации политики пространственного развития.

Поступила в редакцию / Received: 10.04.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 22.05.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.05.2023

Библиографический список

- Авдеев Ю.А., Сидоркина З.И., Ушакова В.Л.* Территориальная структура демографического потенциала российского Дальнего Востока // *Уровень жизни населения регионов России*. 2017. № 2. С. 16–22.
- Васильева Е.В., Васильева А.В.* Демографические исследования в контексте потенциала развития и экономической безопасности территории // *Экономика региона*. 2022. Т. 18, № 1. С. 1–20. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-1>
- Гальянов И.В., Резвяков А.В., Студенникова Н.С.* Демографические изменения на сельских территориях Центральной России в контексте государственной социальной политики // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2017. Т. 13. Вып. 2. С. 270–284.
- Глейзер О.Б., Вайнберг Э.И.* Пространство жизнедеятельности населения и расселение как факторы и условия модернизации России // *Регион: Экономика и социология*. 2013. № 3 (79). С. 21–38.
- Горина К.В.* Демографическая характеристика структур городской и сельской местности Забайкальского края // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия: Естественные науки. 2014. № 3 (174). Вып. 26. С. 166–174.
- Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001.
- Жуков В.И.* Суверенитет России: национальные интересы, демографические угрозы и вызовы // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Экономика. 2018. Т. 26. № 3. С. 335–346. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-3-335-346>
- Костяев А.И.* Концептуальные подходы к развитию сельских территорий с учётом европейского опыта // *Аграрная наука Евро-Северо-Востока*. 2018. № 6 (67). С. 141–148. <https://doi.org/10.30766/2072-9081.2018.67.6.141-148>
- Костяев А.И., Кузнецова А.Р., Никонов А.Г.* Сельские территории в системе расселения «город-село»: в контексте стратегии пространственного развития // *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2020. № 4 (376). С. 19–23. <https://doi.org/10.24411/2587-6740-2020-14064>

- Леонтьева Л.С., Смирнова В.В. Количественная оценка потенциала нематериальных ресурсов регионов (на примере Южного федерального округа) // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. Вып. 79. С. 229–245. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10057>
- Мантино Ф. Сельское развитие в Европе: Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней: пер. с итал. ФАО / Business Media of the Sole 24 Ore, 2010.
- Мирошниченко И.В., Морозова Е.В., Ракачев В.Н., Самаркина И.В. Нематериальные ресурсы в политике развития сельских территорий: опыт концептуализации // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы VIII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Краснодар, 2022. С. 152–158.
- Михалкина Е.В., Косолапова Н.А. Оценка использования потенциала нематериальных ресурсов региона // Пространство экономики. 2018. № 1. С. 118–133. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-1-118-133>
- Морозова Н.С., Иванова Е.В. Развитие сельских территорий: зарубежный опыт // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 6. С. 63–69.
- Мотрич Е. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России: основные тренды и вызовы // Народонаселение. 2016. № 1. С. 25–33.
- Овчинцева Л.А. Российская политика сельского развития в контексте европейских тенденций развития сельских территорий // Никоновские чтения. 2011. № 16. С. 200–202.
- Петриков А., Скрибунова Н. Стратегия устойчивого развития в зарубежных странах // Аграрная реформа. Экономика и право. 2003. № 3. С. 20–24.
- Ракачев В.Н., Морозова Е.В. Высшее образование как ресурс политики развития региона: пример Краснодарского края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 827–855. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-556-584>
- Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование: в 4 т. Т. 1. 1900–1920-е гг. Краснодар, 2005.
- Суховеева А.Б., Калинина И.В. Демографическая ситуация в сельской местности Еврейской автономной области и меры по ее улучшению // Региональные проблемы. 2018. Т. 21. № 4. С. 85–92. <https://doi.org/10.31433/1605-220X-2018-21-4-85-92>
- Knieling J. Spatial development. 2018. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0156-559917416>
- Lowe P., Murdoch J., Ward N. Beyond endogenous and exogenous models: Networks in rural development // Beyond Modernisation: The Impact of Endogenous Rural Development / J.D. van der Ploeg and G. van Dijk (eds.). Van Gorcum: Assen, 1995.
- Ploeg J.D., Dijk G. Beyond modernization. The impact of endogenous rural development. Assen: Van Gorcum, 1995.
- Ploeg J.D., Marsden T. et al. Unfolding Webs: The Dynamics of Regional Rural Development. Assen, the Netherlands: Van Gorcum, 2008.
- Ward N., Atterton J., Kim T.Y., Lowe P., Phillipson J., Thompson N. Universities, the Knowledge Economy and Neo-Endogenous Rural Development. Centre for Rural Economy Discussion Paper Series. 2005. No. 1. P. 1–15.

References

- Avdeev, Yu.A., Sidorkina, Z.I., & Ushakova, V.L. (2017). Territorial structure of the demographic potential of the Russian Far East. *Living standards of the population of regions of Russia*, (2), 16–22. https://doi.org/10.12737/article_590079df73e104.37232532 (In Russian).

- City and village in European Russia: One hundred years of changes* (2001). Moscow: OGI (In Russian).
- Galyanov, I.V., Rezvyakov, A.V., & Studennikova, N.S. (2017). Demographic changes in rural territories of central Russia in the context of state social policy. *National Interests: Priorities and Security*, 13(2), 270–284. (In Russian).
- Glazer, O.B., & Weinberg, E.I. (2013). The space of life activity of the population and resettlement as factors and conditions for the modernization of Russia. *Region: Economics and Sociology*, 3(79), 21–38. (In Russian).
- Gorina, K.V. (2014). Demographic characteristics of the structures of urban and rural areas of the Trans-Baikal Territory. *Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Natural Sciences*, 26(3), 166–174. (In Russian).
- Knieling, J. (2018). *Spatial development*. Retrieved from <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0156-559917416>
- Kostyaev, A.I. (2018). Conceptual approaches to the development of rural areas, taking into account the European experience. *Agrarian science of the Euro-North-East*, 6, 141–148. <https://doi.org/10.30766/2072-9081.2018.67.6.141-148> (In Russian)
- Kostyaev, A.I., Kuznetsova, A.R., & Nikonov, A.G. (2020). Rural territories in the urban-rural settlement system: In the context of a spatial development strategy. *International Agricultural Journal*, 4(376), 19–23. <https://doi.org/10.24411/2587-6740-2020-14064> (In Russian).
- Leontieva, L.S., & Smirnova, V.V. (2020). Quantitative evaluation of regional intangible resources potential (example of the Southern Federal District). *Public Administration. Electronic Bulletin*. 79, 229–245. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10057> (In Russian).
- Lowe, P., Murdoch, J., & Ward, N. (1995). Beyond endogenous and exogenous models: Networks in rural development. In Van der Ploeg J.D. & G. van Dijk (Eds.), *Beyond modernization: The impact of endogenous rural development* (pp.87–105). Van Gorcum: Assen.
- Mantino, F. (2010). *Rural development in Europe: Politics, institutions and actors on the ground from the 1970s to the present day*. Moscow: Business Media of the Sole 24 Ore (In Russian).
- Mikhalkina, E.V., & Kosolapova, N.A. (2018). Evaluation of the use of the potential of intangible resources of the region. *Space of Economics*. (1), 118–133. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-1-118-133> (In Russian).
- Miroshnichenko, I.V., Morozova, E.V., Rakachev, V.N., & Samarkina, I.V. (2022). Non-material resources in the policy of development of rural territories: experience of conceptualization. *Ethnos and society in the context of interethnic relations. Materials of the VIII All-Russian scientific-practical conference with international participation* (pp.152–158). Krasnodar. (In Russian).
- Morozova, N.S., & Ivanova, E.V. (2015). Development of rural territories: Foreign experience. *Socio-economic phenomena and processes*, 10(6), 63–69. (In Russian).
- Motrich, E. (2016). Demographic situation in the Russian Far East: Main trends and challenges. *Population*, (1), 25–33. (In Russian).
- Ovchintseva, L.A. (2011). Russian policy of rural development in the context of European trends in the development of rural areas. *Nikon readings*, (16), 200–202. (In Russian).
- Petrikov, A., & Scribunova, N. (2003). Strategy for sustainable development in foreign countries. *Agrarian reform. Economy and law*. 3, 20–24. (In Russian).
- Ploeg, J.D., & Dijk, G. (eds.). (1995). *Beyond modernization. The impact of endogenous rural development*. Assen: Van Gorcum.
- Ploeg, J.D., Marsden, T., et al. (2008). *Unfolding Webs: The Dynamics of Regional Rural Development*. Assen, the Netherlands: Van Gorcum.
- Rakachev, V.N., & Morozova, E.V. (2022). Higher education as a resource for regional development policy: An example of the Krasnodar Territory. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 827–855. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-556-584> (In Russian).

- Rakachev, V.N., & Rakacheva, Ya.V. (2005). *The population of the Kuban in the Twentieth century: A historical and demographic study*. Vol. 1. Krasnodar (In Russian).
- Sukhoveeva, A.B., & Kalinina, I.V. (2018). Demographic situation in rural areas of the Jewish Autonomous Region and measures to improve it. *Regional problems*, 21(4), 85–92. <https://doi.org/10.31433/1605-220X-2018-21-4-85-92> (In Russian).
- Vasilyeva, E.V., & Vasileva, A.V. (2022). Demographic research in the context of economic development and security of regions. *Ekonomika regiona [Economy of regions]*, 18(1), 1–20. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-1> (In Russian).
- Ward, N., Atterton, J., Kim, T.Y., Lowe, P., Phillipson, J., & Thompson, N. (2005). *Universities, the Knowledge Economy and Neo-Endogenous Rural Development*. Centre for Rural Economy Discussion Paper Series.
- Zhukov, V.I. (2018). Sovereignty of Russia: National Interests, Demographic Threats and Challenges. *RUDN Journal of Economics*, 26(3), 335–346. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-3-335-346> (In Russian).

Сведения об авторе:

Ракачев Вадим Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, Кубанский государственный университет (midav.sf@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6505-4208)

About the author:

Vadim N. Rakachev — Doctor of Science in History, Professor of the Department of Sociology, Kuban State University (midav.sf@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6505-4208)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-722-737

EDN: SAEZFX

Научная статья / Research article

Гражданское участие молодежи малых территорий крупного индустриального региона России

М.В. Певная , А.Н. Тарасова , Э.Р. Якубова

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация*

 m.v.pevnaya@urfu.ru

Аннотация. В последнее время актуализируется публичный дискурс по поиску возможностей и источников развития малых территорий. Значимая роль при этом отводится молодежи, вовлеченной в различные практики общественно-политического участия и решение актуальных социальных проблем. Целью работы стало выделение особенностей гражданского участия молодежи малых территорий, которые могут и должны быть учтены для эффективного взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества. Эмпирические данные собраны в ходе анкетного опроса молодежи Свердловской области 14–35 лет, проведенного в октябре 2022 г. (n = 2500 человек). В исследовании подвыборка молодежи из малых территорий (1091 человек) сравнивалась с данными по молодежи крупного города (784 человека). Для анализа применялись методы дескриптивного анализа и непараметрические тесты. Результаты показали, что молодежь из малых городов и сельских поселений проявляет меньший интерес к политике, но при этом она оказывается сильнее включена в проблемы местных сообществ, чувствует большую ответственность за происходящее в родном городе, чем молодые жители крупного города, а также более оптимистична в оценке своих возможностей. При схожести форм гражданского участия молодые люди из малых территорий демонстрируют большую активность и готовность к действию на благо родного города, его жителей, у них также выше вовлеченность в патриотические акции. Молодежь крупных городов и малых территорий отличается способами включения в добровольческую деятельность, последняя предпочитает коллективные, а не индивидуальные формы участия. Обозначена проблема недоверия молодежи малых городов и сельских поселений к некоммерческим организациям при более высоком уровне межличностного и институционального доверия. Полученные результаты вносят вклад в понимание проблем и возможностей использования молодежного ресурса для развития малых территорий.

Ключевые слова: общественно-политическая активность, гражданское участие, формы участия, молодежь, малые территории

© Певная М.В., Тарасова А.Н., Якубова Э.Р., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Певная М.В., Тарасова А.Н., Якубова Э.Р. Гражданское участие молодежи малых территорий крупного индустриального региона России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. 722–737. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-722-737>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта № 20-011-00471.

Civic Participation of Young People in Small Territories of a Russian Large Industrial Region

Maria V. Pevnaya , Anna N. Tarasova , Elvina R. Yakubova

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

 m.v.pevnaya@urfu.ru

Abstract. Recently, the public discourse on the search for opportunities and sources of development of small territories has been updated. A significant role is assigned to young people involved in various practices of socio-political participation and solving urgent social problems. The aim of the work was to highlight the features of civic participation of young people in small territories, which can and should be considered for effective interaction between authorities and civil society institutions. Empirical data were collected through a questionnaire survey of the youth of the Sverdlovsk region aged 14–35 years, conducted in October 2022 (n = 2500 people). In the study, a subset of young people from small territories (1,091 people) was compared with the youth of a large city (784 people). Descriptive analysis methods and nonparametric tests were used for the analysis. The results showed that young people from small towns and rural settlements show less interest in politics, but at the same time, they are more involved in the problems of local communities, feel more responsible for what is happening in their hometown, compared to the young residents of a large city, and are also more optimistic in assessing their capabilities. Considering similar forms of civic participation, young people from small territories demonstrate greater activity and willingness to do something for their hometown, and its residents; they also have a higher involvement in patriotic actions. The youth of large cities and small territories differ in the ways they participate in voluntary activities, as the latter prefers collective rather than individual forms of participation. The problem of distrust of young people of small towns and rural settlements towards non-profit organizations with a higher level of interpersonal and institutional trust is outlined. The obtained results contribute to the understanding of the problems and possibilities of using the youth resource for the development of small territories.

Keywords: social and political activity, civic participation, forms of participation, youth, small territories

For citation: Pevnaya, M.V., Tarasova, A.N., & Yakubova, E.R. (2023). Civic participation of young people in small territories of a Russian large industrial region. *RUDN Journal of Political Science*, 25(3), 722–737. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-722-737>

Acknowledgements: The research has been conducted with financial support of The Russian Foundation for Basic Research (RFBR) as part of the scientific project № 20-011-00471.

Введение

Проблематика гражданского участия молодежи в общественной жизни в поселенческом срезе (город — село или большой город — малый город) привлекает все больше внимание исследователей. С одной стороны, высокая социальная связанность населения малых территорий более способствует вовлечению молодежи в реализуемые на территории социальные проекты. Как отмечают исследователи, чем меньше город, тем более значимым он является для проживающих в нем молодых людей [Самаркина, Башмаков 2021: 168]. С другой стороны, имеется объективно существующий разрыв в социально-экономических условиях и существующих возможностях самореализации жителей крупных городов и сельской местности, что активизирует образовательную миграцию и тем самым снижает привлекательность малых городов и сел для молодежи, а соответственно, и их готовность к участию в общественной жизни территории своего проживания [Зборовский, Амбарова 2019].

Фиксируемый исследователями процесс стирания социокультурных различий между большими городами и малыми поселениями, обусловленный интенсивным образовательным миграционным процессом «город-село» [Павлов, Козлов, Бердник 2015] также связан с развитием информационно-коммуникативных технологий, рассматриваемых исследователями как инструменты сближения населения с разных по размеру территорий [Шабунова, Калачикова, Груздева 2022: 43]. Выделенные тенденции неоднозначно отражаются на гражданской активности молодежи малых территорий. С одной стороны, для молодого поколения открываются новые возможности онлайн участия, с другой — проявляется риск разрушения традиции группового взаимодействия — коллективной самоорганизации, характерной для малых поселений.

Таким образом, актуализируется запрос на исследование особенностей гражданского участия молодежи малых городов и сельских поселений для поиска внутренних механизмов и источников сохранения традиционных практик общественно-политической активности при интеграции новых возможностей цифрового участия для развития малых территорий.

Цель данной работы — показать особенности гражданского участия молодежи в малых городах и сельских поселениях крупного индустриального региона России, сравнив его виды и формы с общественно-политической активностью молодого поколения крупных городов.

Материалы и методы

По данным статистики, в Свердловской области проживает всего 15 % сельского населения, однако, учитывая индустриальный характер региона, это не традиционные села и деревни, как во многих других регионах, а скорее рабочие поселки, по своим социокультурным особенностям более схожие с малыми городами. Исходя из этого целесообразно в поселенческом срезе сравнивать не сельскую и городскую молодежь, а молодежь из мегаполиса (города-миллионника) и малых территорий с численностью населения менее 50 тысяч человек.

В Свердловской области эти две группы примерно сопоставимы по численности. В г. Екатеринбурге численность населения 1 493 600 человек по данным на 1 января 2022 г., в городах или сельских поселениях с численностью населения менее 50 тыс. человек — 1 602 197 человек.

Эмпирической базой данной работы послужили данные анкетного опроса молодежи Свердловской области 14–35 лет, проведенного в октябре 2022 г. Общая выборка исследования составила 2500 человек, она квотирована по полу, возрасту, типу населенного пункта и основному виду занятости (школьники, учащиеся СПО, студенты ВУЗов и работающая молодежь). Среди опрошенных 49 % мужчин и 51 % женщин, 17 % обучающихся образовательных организаций общего образования (школьники), 12 % обучающихся образовательных организаций среднего профессионального образования, 11 % обучающихся образовательных организаций высшего образования, 58 % респондентов из числа работающей молодежи (в том числе 3 % из числа предпринимателей, самозанятых), а также 2 % безработных молодых людей (не учатся и не работают). Данное распределение полностью соответствует локализации молодежных групп на территории Свердловской области.

В ходе исследования сравнивались подвыборки молодежи из города-миллионника Екатеринбурга (784 человека) и молодежи из населенных пунктов с численностью населения менее 50 тысяч человек (1091 человек). Использовались методы дескриптивного анализа и непараметрические тесты для оценки статистической значимости различий между подвыборками.

О гражданском участии в социальных и политических исследованиях

Гражданское участие в исследованиях раскрывается через конкретные формы вертикального и горизонтального взаимодействия, трактуется как политические действия или общественно значимые виды деятельности. Гражданское участие можно охарактеризовать как способ самопроявления граждан и их объединений (формализованных и неформализованных) в разных сферах жизни общества — в социальной сфере, в политике, экономике, культуре, религии [Петухов 2019: 6]. Участие представляет собой форму самоорганизации, при которой граждане мобилизуют энергию и ресурсы для коллективной реализации проектов, направленных на предоставление общественных благ или оказание определенных услуг членам своего сообщества [Igalla, Edelenbos, van Meerkerk 2019]. Граждане могут не только инициировать и развивать проекты, но и повышать их эффективность [Rahim, Saleem 2021]. «Это процесс, посредством которого общественные объединения или отдельные индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством и другими социально-политическими институтами [Уханова 2021: 96]. Он вписан в контекст повседневной жизни [Lüküslü et al. 2018]. Структурно гражданское участие может рассматриваться как совокупность процедур, правил и структур, которые создаются в ходе взаимодействия

между гражданами. В этих социальных и политических практиках участники четко формулируют общие цели и достигают их, решая актуальные социальные проблемы, реализовывая публичные интересы по созданию общественных благ» [Бухнер 2022: 112]. Для вовлечения в различные практики участия гражданина в жизни общества от последнего требуются определенные знания, навыки и умения, что в целом обеспечивает повышение уровня и качества общественной жизни.

Все социальные практики гражданского участия носят добровольный мотивированный и публичный характер [Обухова, Сафонова, Арканникова, Танова 2020: 96]. Их репертуар достаточно широк и включает формальные (участие в деятельности благотворительных, волонтерских, религиозных организаций, клубов, профсоюзов и т. д.) и неформальные (взаимная поддержка в учебной группе, оказание помощи соседям и т.д.) практики [Уханова, Леон, Шельвальд 2021].

Еще одна группа практик гражданского участия сопряжена с политической активностью, а сам феномен может определяться как «процесс активного вовлечения молодых людей в различные формы политической деятельности» [Huttunen, Albrecht 2021: 48]. Репертуар политических практик постоянно расширяется в том числе за счет участия граждан в культурных или социальных мероприятиях политических организаций, подписания петиции, встреч с политиками [Kitanova 2020]. Во всех политических практиках гражданского участия акцент сделан на вертикальном взаимодействии индивидов или сообществ с государством.

По данным исследований, повышенный уровень включенности в те или иные формы политического участия характерен для материально обеспеченных россиян крупных городов (исключая столичные центры) с высшим образованием и молодежи в возрасте 18–30 лет. Наивысшие показатели общественной самоорганизации демонстрируют хорошо обеспеченные россияне, жители поселков городского типа, молодежь и респонденты с высшим образованием [Петухов 2019]. В зарубежных странах фиксируется тенденция снижения вовлеченности молодежи в традиционные практики политического участия, например голосование на выборах, членство в политических партиях [Weiss 2020]. «Миллениалы» кажутся «уникальным» поколением, отстраненным от какой-либо формы политического участия, но настроенным на его новые формы [Kitanova 2020]. Уровень гражданского участия зависит от уровня образования молодых граждан. Он определенно выше среди молодых, имеющих или получающих высшее образование и работающих [Simonofski et al. 2021]. Вовлеченность в практики гражданского участия коррелирует с самооценкой молодыми людьми их социальной ответственности и будущих альтруистических намерений [Silke et al. 2020: 54]; с уровнем социального доверия и чувством принадлежности к своей стране, местности проживания [Riniolo, Ortensi 2021]. При этом высокий уровень ответственности становится ресурсом развития лишь при наличии солидарности и способности граждан к объединению в сообщества для совместных действий

[Вавилина, Паршукова, Романников 2021: 66]. Участие проживающей в сельской местности молодежи в различных гражданских практиках существенно ниже, чем в сообществе молодых горожан. Исследователи объясняют это менее устойчивым экономическим положением этой группы и ограниченными условиями для создания добровольных ассоциаций [Trivelli, Morel 2021]. Однако при более тесных социальных связях на сельской территории молодежь чаще вовлекается в неформальные практики взаимопомощи в местном сообществе» [Melås, Farstad, Frisvoll 2023]; она более позитивно настроена и альтруистична [Шабунова 2022], но менее компетентна в своей политической и социальной активности [Сухова 2021].

До 2022 г. открытость России глобальному миру наряду со вступлением в активную фазу молодого постсоветского поколения привели к тому, что в конце 20-х гг. XXI в. часто жители крупных мегаполисов и областных городов стали проявлять более активное отношение к социальным основам своей жизни [Якимец, Никовская 2019: 215]. При активной поддержке органов власти молодежь стала более активно вовлекаться в социально значимые для территорий их проживания проекты [Пилипенко 2021: 176]. При этом гражданственность молодых россиян базировалась на противоречивых представлениях, у многих слабо выражена поведенческая установка на политическое участие и гражданскую активность [Самсонова, Зиненко 2021: 20]; фиксируется слабый интерес к политическим организациям и институционализированным формам участия и предпочтения социальных форматов онлайн-активности [Бродовская и др. 2019].

Таким образом, обзор исследований по заявленной проблематике позволил сформулировать следующие исследовательские вопросы. Различаются ли политические интересы и политическая вовлеченность молодежи малых населенных пунктов и молодых жителей мегаполиса в крупном индустриальном российском регионе? Каковы самооценка социальной ответственности, уверенности в собственных силах, особенности генерализированного доверия молодых граждан малых населенных пунктов? Как характеризуются различные практики их гражданского участия, связаны ли они с тесными социальными связями и территориальной самоидентификацией молодежи?

Результаты

Результаты опроса молодежи Свердловской области показывают, что уровень интереса к политике у молодежи из малых городов и сельских поселений статистически значимо меньше, чем у молодых жителей мегаполиса (U Манна-Уитни = 215659, $p < 0,001$). В шкале от 0 (не интересуются) до 1 (лично участвуют в политической деятельности) он соответственно составляет 0,37 и 0,43 для малых территорий и мегаполиса. При этом доля молодежи, непосредственно включающейся в политическую деятельность, примерно одинакова и в мегаполисе, и в малых городах (соответственно 6

и 5 % опрошенных), так же как и доля тех, кто вообще не проявляет никакого интереса к политике (соответственно 21 и 22 %), но если для половины респондентов малых территорий (49 %) характерен случайный интерес, интерес «от случая к случаю» и только четверть (25 %) внимательно следит за информацией о политических событиях в России и за рубежом, то среди жителей региональной столицы более трети опрошенных тщательно следят за политической информацией.

При меньшем интересе к вопросам внешней и внутренней политики страны молодежь малых территорий оказывается сильнее включена в проблемы местных сообществ, она чувствует большую ответственность за происходящее в родном городе, чем молодые жители мегаполиса (Екатеринбурга), а также более оптимистична в оценке своих возможностей (табл.). Так, в полной или значительной мере чувствуют ответственность за то, что происходит в их населенном пункте, 40 % опрошенных жителей мегаполиса в возрасте от 14 до 35 лет и 56 % молодых людей и девушек из малых населенных пунктов. Считают, что они могут в полной или значительной мере лично повлиять на то, что происходит в их городе или поселке, соответственно 32 и 42 % респондентов из мегаполиса и малых поселений.

**Индексы ответственности и самооценки возможностей в шкале от 0
(совершенно не чувствую ответственности, не могу повлиять) до 1
(чувствую ответственность, могу повлиять в полной мере)**

Индексы ответственности и самооценки возможностей	Город-миллионник	Город или ПГТ с населением менее 50 тыс. чел.
Ответственность за то, что происходит в своем доме, дворе	0,60	0,74
Ответственность за то, что происходит в своем микрорайоне	0,41	0,54
Ответственность за то, что происходит в своем городе (селе, поселке)	0,43	0,54
Индекс ответственности	0,48	0,61
Возможность повлиять на то, что происходит в своем доме, дворе	0,64	0,69
Возможность повлиять на то, что происходит в своем микрорайоне	0,43	0,49
Возможность повлиять на то, что происходит в вашем городе (селе, поселке)	0,39	0,44
Индекс самооценки возможностей	0,49	0,54

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

**Indexes of responsibility and self-assessment of opportunities
on a scale from 0 (I don't feel responsible at all, I can't influence)
to 1 (I feel responsible, I can fully influence)**

Indices of responsibility and self-assessment of opportunities	Million plus city	A city or urban settlement with a population less than 50 thousand people
Responsibility for what happens in your home, yard	0.60	0.74
Responsibility for what happens in your neighborhood	0.41	0.54
Responsibility for what happens in your city (village, settlement)	0.43	0.54
Responsibilit. Index	0.48	0.61
The opportunity to influence what is happening in your home, yard	0.64	0.69
The opportunity to influence what is happening in your neighborhood	0.43	0.49
The ability to influence what is happening in your city (village, village)	0.39	0.44
Self-assessment index of opportunities	0.49	0.54

Source: made by authors, data collected in the research.

Выше у молодежи малых территорий и готовность что-то делать для своего родного города, его жителей, различия с городом миллионником статистически значимы (U Манна — Уитни = 263009,5, $p < 0,001$). В малых городах 81 % респондентов отметили свою готовность безвозмездно включаться в различные городские проекты (например, участвовать в субботниках, каких-либо социальных проектах, помогать в организации различных мероприятий и т.п.), более половины (51 %) однозначно готовы к добровольческой деятельности. Среди молодежи областного центра таковых соответственно 68 и 43 % респондентов. Однозначно не готовы заниматься добровольчеством 21 % молодых жителей крупного города и 12 % представителей малых территорий.

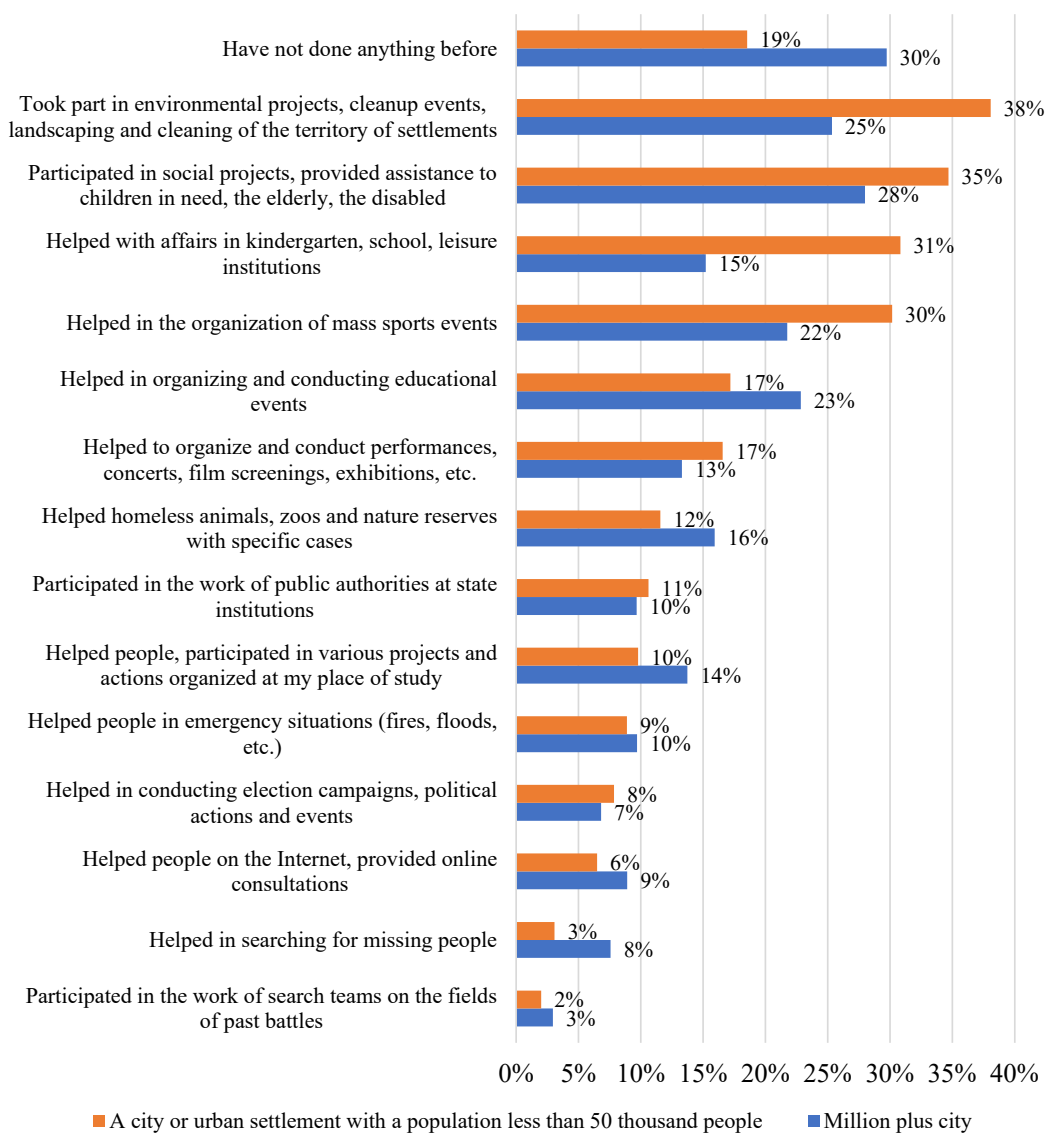
Именно молодежь малых городов и сельских поселений более активно откликается для участия в массовых акциях типа «Бессмертный полк» или «Свеча памяти» (за последний год приняли в них участие соответственно 49 и 37 %, для сравнения в мегаполисе эти показатели 27 и 20 %). Выше у молодых жителей малых городов и уровень интереса к этим мероприятиям: он в среднем составляет 4–4,1 балла в шкале от 1 (совершенно не интересны) до 5 (очень интересны), для сравнения в городе-миллионнике — 3,2-3,36 балла.

Высокий потенциал (готовность) гражданского участия у молодежи из населенных пунктов с численностью населения менее 50 тыс. человек реализуется в различных формах гражданского участия, наиболее распространенными из которых являются участие в экологических проектах и проектах благоустройства территории (38%), участие в социальных проектах и помощь нуждающимся (35%), помощь различным образовательным и культурно-досуговым учреждениям города (31%), организация массовых спортивных мероприятий в городе (30%). Рейтинг форм участия представлен на рисунке.

Формы гражданского участия молодежи из разных типов городов (в % от опрошенных)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Forms of civic participation of young people from different types of cities, % of respondents,

Source: made by authors, data collected in the research.

В разрезе типа поселения отмечают различия по способу включения в добровольческую деятельность. Молодежь малых территорий реже что-то делает в одиночку (15 %, в мегаполисе — 19 %), чаще с друзьями и знакомыми (41 и 31 % соответственно). При формальном участии чаще включение осуществляется через учреждения культуры, образования, здравоохранения (22 %, в мегаполисе — 11 %), чем через общественные организации (21 и 34 % соответственно). Интересный момент состоит в том, что молодежь из малых городов и поселков, в целом отличаясь более высоким уровнем как межличностного, так и институционального доверия, с большим

недоверием, чем молодые жители города-миллионника, относятся к некоммерческим и общественным организациям (доверяют им 25 %, а не доверяют 29 % респондентов, в Екатеринбурге, напротив, доверяющих больше, чем недоверяющих). При этом доверие как к муниципальным, местным органам управления, так и к региональным органам власти (Правительству и Законодательному собранию Свердловской области) находится в «плюсовой зоне», т.е. доверяющих чуть больше, чем не доверяющих. Опять же в городе мегаполисе ситуация обратная.

Обсуждение и некоторые выводы

Наше исследование позволило выявить лишь небольшие, но очень важные различия в гражданском участии молодежи малых территорий от политической активности молодых горожан мегаполиса. Интерес к политической повестке у молодежи малых населенных пунктов ограничен и фрагментарен. В их сообществе достаточно малая часть молодых людей внимательно следит за политическими новостями и событиями в отличие от молодых горожан региональной столицы. Как и у молодых жителей мегаполиса, вовлеченность в политическую активность молодежи из сельской местности слабо выражена. При этом более ярко проявляется интерес к социальной жизни местного сообщества своего населенного пункта, выше и вовлеченность в социальные практики и политически окрашенные патриотические акции, которые системно организуются на территории всей страны. На наш взгляд, если в зарубежных странах ограниченные условия для создания добровольных ассоциаций [Trivelli, Morel 2021] больше объясняют гражданское неучастие, то в нашем случае слабо развитый некоммерческий сектор и ограниченная социальная инфраструктура малых территорий позволяют лучше мобилизовать молодое несколько отвлеченное от политики поколение на разные практики гражданского участия. В итоге в крупном индустриальном регионе у молодежи, проживающей в малых населенных пунктах, выше, чем у молодых жителей региональной столицы, реальная вовлеченность преимущественно в социальные практики гражданского участия. Как и в целом ряде исследований [Silke et al. 2020; Riniolo, Ortensi 2021 Уханова 2021], нам удалось выявить, что выше у социально активных молодых жителей малых территорий и самооценка своей социальной ответственности, и уверенность в собственных силах, и готовность включаться в социально-политическую жизнь территории своего проживания. Эти результаты подтверждают, что осознание сельскими жителями себя как сообщества и формирование позитивной локальной идентичности могут использоваться как ресурс развития малых территорий [Морозова, Мирошниченко, Семенов 2020: 74]. Более выраженный уровень гражданской активности молодежи малых территорий в социальной сфере и описанные выше исследовательские данные подтверждают выводы социологов из Новосибирской области о том, что солидарность и объединение

в сообщества для совместных действий является необходимым для формирования у граждан социальной ответственности как качества [Вавилина, Паршукова, Романников 2021]. Важно отметить, что у молодежи их малых территорий наряду с высоким уровнем доверия, обоснованным тесными социальными связями в сообществе, существенно выше, чем у молодых горожан мегаполиса, и институциональное доверие. При слабом интересе к политическому контексту, в малых территориях не фиксируется доминирование активности в формате онлайн [Бродовская 2019]. Преобладает интерес и вовлеченность в традиционно организованные социальные практики участия.

Анализируя отличия социальной активности между городской и сельской молодежью, некоторые исследователи отмечают, что для последней характерна меньшая опытность в организации мероприятий, большая востребованность всех направлений активности, инертность и «всеядность» [Сухова 2021: 72]. Однако полученные результаты не позволяют говорить о молодежи малых территорий как инертной, скорее как предпочитающей коллективные, а не индивидуальные формы участия. При этом также подчеркнем, что готовность брать на себя ответственность за происходящее в своем городе у них выше, чем у молодежи крупных городов. Этот вывод подтверждается и исследованием вологодских авторов, отмечающих, что «сельская молодежь более отзывчива, менее пессимистична в успешности проявления людьми своей гражданской позиции, а причины неуспеха видит в неорганизованности и индивидуализме самих людей» [Шабунова, Калачикова, Груздева 2022: 46].

Часто отмечается активное включение некоммерческих организаций, работающих с молодежью, в решение проблем территорий, а также поддержку деятельности таких организаций со стороны органов государственной власти [Пилипенко 2021: 176], однако это скорее характерно для крупных городов. На малых территориях, во-первых, собственный некоммерческий сектор развит очень слабо, во-вторых, имеет серьезные проблемы с финансированием, чаще в малые города и сельские поселения со своими проектами «заходят» чужаки — некоммерческие организации из крупных городов, что отражается на доверии к некоммерческому сектору со стороны местной молодежи.

Поступила в редакцию / Received: 14.04.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 17.05.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.05.2023

Библиографический список

- Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А. Гражданские и политические онлайн-практики в оценках российской молодежи // Политическая наука. 2019. № 2. С. 180–197. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6233>

- Бухнер А.А.* Участие молодежи в становлении гражданского общества как теоретическая проблема // *Frontier Materials & Technologies*. 2022. №4. С. 111–115. <https://doi.org/10.18323/2073-5073-2015-4-111-115>
- Вавилина Н.Д., Паршукова Г.Б., Романников О.Д.* Гражданское общество как субъект социального влияния (на примере Новосибирской области) // *Социологические исследования*. 2021. № 1. С. 63–74. <https://doi.org/10.31857/S013216250011313-7>
- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* Университеты и города в провинциальной России // *Высшее образование в России*. 2019. Т. 28, № 5. С. 37–51. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-5-37-51>
- Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Семенов И.С.* Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 3. С. 56–77. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.05>
- Обухова Ю.О., Сафонова А.С., Арканникова М.С., Танова А.Г.* Процесс усвоения политических ценностей и динамика развития института гражданского участия в молодежной среде // *Коммуникология*. 2020. Т. 8, № 3. С. 95–108. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-3-95-108>
- Павлов Б.С., Козлов В.Н., Бердник Л.П.* Социализация молодежи города и села на Урале: общее и особенное // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 26 (381). С. 145–149.
- Петухов В.В.* Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // *Социологические исследования*. 2019. № 12. С. 3–14. <https://doi.org/10.31857/S013216250007743-0>
- Пилипенко А.Д.* Молодежные общественные объединения в социально-политических процессах современной России: на примере Краснодарского края // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021. Т. 23, № 1. С. 172–185. <http://doi.org/10.22363/2313-14>
- Самаркина И.В., Башмаков И.С.* Локальная идентичность городской молодежи: основные компоненты и место в системе социальных идентичностей (на материалах эмпирического исследования городской молодежи Краснодарского края) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021. Т. 23, № 1. С. 159–171. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.07>
- Самсонова Т.Н., Зиненко В.Е.* Формирование политической субъектности молодежи в современной России: критерии, условия, проблемы // *Общество: политика, экономика, право*. 2021. № 3 (92). С. 17–24.
- Сухова Е.А.* Потенциал и реализация социальной активности городской и сельской молодежи Ямало-Ненецкого автономного округа // *Управление устойчивым развитием*. 2021. № 3 (34). С. 68–73.
- Уханова Ю.В.* Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // *Проблемы развития территории*. 2021. № 1. С. 88–106. <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.1.111.5>
- Уханова Ю.В., Леон Д., Шельвальд Р.* Благотворительная деятельность локального сообщества: итоги социологического исследования в российском регионе // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14, № 1. С. 169–185. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.12>
- Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Груздева М.А.* Сельская и городская молодежь: социокультурные разрывы сохраняются? // *Народонаселение*. 2022. Т. 25, № 2. С. 39–51.
- Якимец В.Н., Никовская Л.И.* Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики // *Социальные и гуманитарные знания*. 2019. Т. 5, № 3. С. 208–223.

- Huttunen J., Albrecht E. The framing of environmental citizenship and youth participation in the Fridays for Future Movement in Finland // *Fennia*. 2021. Vol. 199 (1), no. 1. P. 46–60. <https://doi.org/10.11143/fennia.102480>
- Igalla M., Edelenbos J., van Meerkerk I. Citizens in action, what do they accomplish? A systematic literature review of citizen initiatives, their main characteristics, outcomes, and factors // *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2019. Vol. 30. P. 1176–1194. <https://doi.org/10.1007/s11266-019-00129-0>
- Kitanova M. Youth political participation in the EU: evidence from a cross-national analysis // *Journal of Youth Studies*. 2020. Vol. 23, no. 7. P. 819–836. <https://doi.org/10.1080/13676261.2019.1636951>
- Lüküslü D., Pais A., Tuorto D., Walther A., Loncle P. Local constellations of youth participation in comparative perspective // *Partispace Deliverable D*. 2018. Vol. 6.
- Melås A., Farstad M., Frisvoll S. Rural youth: Quality of life, civil participation and outlooks for a rural future // *Rural quality of life*. Manchester University Press. 2023. P. 258–273.
- Rahim F.U., Saleem J.H. Role of Citizen Participation in Rural Development: A Case Study of Pakistan // *Pakistan Social Sciences Review*. 2021. Vol. 5, no. 1. P. 746–759. [https://doi.org/10.35484/psr.2021\(5-i\)56](https://doi.org/10.35484/psr.2021(5-i)56).
- Riniolo V., Ortensi L.E. Young Generations' Activism in Italy: Comparing Political Engagement and Participation of Native Youths and Youths from a Migrant Background // *Social Indicators Research*. 2021. Vol. 153, no. 3. P. 923–955. <https://doi.org/10.1007/s11205-020-02487-5>
- Rönnlund M. 'I love this place, but I won't stay': identification with place and imagined spatial futures among youth living in rural areas in Sweden // *Young*. 2020. Vol. 28, no. 2. P. 123–137. <https://doi.org/10.1177/1103308818823818>
- Silke C., Brady B., Dolan P., Boylan C. Social values and civic behaviour among youth in Ireland: The influence of social contexts // *Irish Journal of Sociology*. 2020. Vol. 28, no. 1. P. 44–64. <https://doi.org/10.1177/0791603519863295>
- Simonofski A., Vallé T., Serral E., Wautelet Y. Investigating context factors in citizen participation strategies: A comparative analysis of Swedish and Belgian smart cities // *International Journal of Information Management*. 2021. Vol. 56. P. 102011.
- Trivelli C., Morel J. Rural youth inclusion, empowerment, and participation // *The Journal of Development Studies*. 2021. Vol. 57, no. 4. P. 635–649. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3520627>
- Weiss J. What is youth political participation? Literature review on youth political participation and political attitudes // *Frontiers in Political Science*. 2020. Vol. 2. P. 1. <https://doi.org/10.3389/fpos.2020.00001>

References

- Brodovskaya, E.V., Dombrovskaya, A.Yu., Pyrma, R.V., & Azarov, A.A. (2019). Civil and political online practices in the assessments of Russian youth. *Political science*, (2), 180–197. (In Russian).
- Bukhner, A.A. (2015). Involvement of youth into civil society development as a theoretical problem. *Science Vector of Togliatti State University*. (4), 111–115. (In Russian).
- Huttunen, J., & Albrecht, E. (2021). The framing of environmental citizenship and youth participation in the Fridays for Future Movement in Finland. *Fennia — International Journal of Geography*, 199(1), 46–60.
- Igalla, M., Edelenbos, J., & van Meerkerk, I. (2019). Citizens in action, what do they accomplish? A systematic literature review of citizen initiatives, their main characteristics, outcomes, and factors. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 30, 1176–1194.
- Kitanova, M. (2020). Youth political participation in the EU: Evidence from a cross-national analysis. *Journal of Youth Studies*, 23(7), 819–836.

- Lüküslü, D., Pais, A., Tuorto, D., Walther, A., & Loncle, P. (2018). Local constellations of youth participation in comparative perspective. *PARTISPACE Deliverable D*, 6.
- Melås, A., Farstad, M., & Frisvoll, S. (2023). Rural youth: Quality of life, civil participation and outlooks for a rural future. *Rural quality of life*, 258–273.
- Morozova, E.V., Miroshnichenko, I.V., & Semenenko, I.S. (2020). Development of rural local communities: The potential of identity politics. *Polis: Journal of Political Studies*, (3), (In Russian).
- Obukhova, I.O., Safonova, A.S., Arkannikova, M.S., & Tanova, A.G. (2020). The process of accepting political values and the dynamics of development of the institute of civil participation in youth environment. *Communicology*, 8(3), 95–108. (In Russian). <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-3-95-108>
- Pavlov, B.S., Kozlov, V.N., & Berdnik, L.P. (2015). Socialization of the youth of the city and village in the Urals: General and special. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, (26), 145–149. (In Russian).
- Petukhov, V.V. (2019). Civic participation in Russia today: Interaction of social and political practices. *Sociological Studies*, (12), 3–14. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250007743-0>
- Pilipenko, A.D. (2021). Youth public associations' political engagement in Russia: The case of Krasnodar Krai. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 172–185. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-14>
- Rahim, F.U., & Saleem, J.H. (2021). Role of citizen participation in rural development: A case study of Pakistan. *Pakistan social sciences review*, 5(1), 746–759.
- Riniolo, V., & Ortensi, L.E. (2021). Young generations' activism in Italy: Comparing political engagement and participation of native youths and youths from a migrant background. *Social Indicators Research*, 153(3), 923–955.
- Rönnlund, M. (2020). 'I love this place, but I won't stay': identification with place and imagined spatial futures among youth living in rural areas in Sweden. *Young*, 28(2), 123–137.
- Samarkina, I.V., & Bashmakov, I.S. (2021). Key Identity features of urban youth: The case of Krasnodar Krai. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 159–171. (In Russian).
- Samsonova, T.N., & Zinenko, V.E. (2021). Formation of the political subjectivity of youth in modern Russia: Criteria, conditions, problems. *Society: politics, economics, law*, (3), 17–24. (In Russian).
- Shabunova, A.A., Kalachikova, O.N., & Gruzdeva, M.A. (2022). Rural and urban youth: Do the socio-cultural gaps remain? *Population*, 25(2), 39–51. (In Russian).
- Silke, C., Brady, B., Dolan, P., & Boylan, C. (2020). Social values and civic behaviour among youth in Ireland: The influence of social contexts. *Irish Journal of Sociology*, 28(1), 44–64.
- Simonofski, A., Vallé, T., Serral, E., & Wautelet, Y. (2021). Investigating context factors in citizen participation strategies: A comparative analysis of Swedish and Belgian smart cities. *International Journal of Information Management*, 56, 102011.
- Sukhova, E.A. (2021). Potential and implementation of social activity of the city and rural youth of the Yamal-Nenets autonomous district. *Managing Sustainable Development*, (3), 68–73. (In Russian).
- Trivelli, C., & Morel, J. (2021). Rural youth inclusion, empowerment, and participation. *The Journal of Development Studies*, 57(4), 635–649.
- Ukhanova, Yu.V. (2021). Collective practices and potential for civic participation of local community (sociological research in Russian regions). *Problems of Territory Development*, 25(1), 88–107. (In Russian).
- Ukhanova, Yu.V., Leon, D., & Schelwald, R. (2021). Charity work of local community: Results of the sociological research in the Russian region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(1), 169–185. (In Russian).
- Vavilina, N.D., Parshukova, G.B., & Romannikov, O.D. (2021). Civil society as an agent of social influence (the Case of the Novosibirsk Oblast). *Sociological studies*, (1), 63–74. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250011313-7>

- Weiss, J. (2020). What is youth political participation? Literature review on youth political participation and political attitudes. *Frontiers in Political Science*, 2, 1.
- Yakimets, V.N., & Nikowskaya, L.I. (2019). Civil participation, intersectoral partnership and internet technologies of public policy. *Social'nye i gumanitarnye znaniya*, 5(3), 208–223. (In Russian).
- Zborovsky, G.E., & Ambarova, P.A. (2019). Universities and cities in provincial Russia. *Higher Education in Russia*, 28(5), 37–51. (In Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-5-37-51>

Сведения об авторах:

Певная Мария Владимировна — доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru) (ORCID: 0000-0003-3591-1181)

Тарасова Анна Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: a.n.tarasova@urfu.ru) (ORCID: 0000-0002-9448-2893)

Якубова Эльвина Руслановна — лаборант-исследователь, магистрант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: e.r.iakubova@urfu.ru) (ORCID: 0009-0008-0257-3992)

About the authors:

Maria V. Pevnaya — Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Sociology and Public Administration Technologies Department, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (e-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru) (ORCID: 0000-0003-3591-1181)

Anna N. Tarasova — PhD Sociology, Associate Professor, Sociology and Public Administration Technologies Department, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (e-mail: a.n.tarasova@urfu.ru) (ORCID: 0000-0002-9448-2893)

Elvina R. Yakubova — laboratory assistant researcher, master's student, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (e-mail: e.r.iakubova@urfu.ru) (ORCID: 0009-0008-0257-3992)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-738-751
EDN: SAZBVV

Научная статья / Research article

Реализация и легитимация результатов дистанционного электронного голосования в регионах России: особенности городских и сельских практик

А.Г. Арутюнов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва, Российская Федерация

✉ anton.arutynov.98@mail.ru

Аннотация. Дистанционное электронное голосование (ДЭГ) постепенно укореняется в политической практике Российской Федерации. Актуальность данного исследования заключается в том, что эта технология юридически и хронологически является новой, она закономерно вызывает как интерес, так и необходимость объяснения ее внедрения и реализации, а также разрешения вопросов, связанных с технологической базой ДЭГ, и как следствие, вопросов о возможностях потенциального нелегального использования данной технологии. Цель исследования состоит в выявлении и приведении элементов анализа практик реализации и легитимации ДЭГ в городе и деревне в разных регионах РФ. Основными методами исследования стали качественные социологические методы, общелогические методы, в целом использовался диалектико-материалистический подход, а также инструментарий сравнительной политологии. Для выявления особенностей легитимации ДЭГ была проведена серия экспертных интервью в 10 регионах России. В результате проведения исследования выяснилось, что ЦИК РФ, региональные избирательные комиссии субъектов РФ, а также региональные и муниципальные органы власти, где проводится ДЭГ, на данном этапе ищут специфические технологии легитимизации электронного голосования. Эти практики будут различаться не только в рамках сравнения нескольких регионов, но и, как правило, в рамках одного субъекта. Одна из ярко выраженных политтехнологических и имиджевых разниц будет заметна при внедрении ДЭГ в высоко урбанизированных массивах (условном городе) и в руральных районах (сфере деревни). Для городских районов характерно использование широкого спектра политтехнологий по привлечению избирателя к электронному голосованию и его легитимации. Значительно более большие бюджеты вкладываются в АПМ, в том числе в объекты крупной печатной продукции (билборды, реклама на остановках и общественном транспорте). Продвигается идея электронного голосования в социальных сетях, преимущественно в ВКонтакте, Telegram, Одноклассниках и WhatsApp. Для руральных зон характерна работа, направленная на личный контакт с избирателем и использование неформальных

© Арутюнов А.Г., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

связей. В то же время работа в социальных сетях в современных условиях доходит и до жителей сельской местности, хотя чаще всего это не целенаправленная деятельность, а фоновый захват аудитории. В связи с совершенствованием технологической базы и расширением географии ДЭГ исследование вопросов его легитимации и реализации может получить дальнейшее развитие, в том числе в контексте вопросов, обозначенных в данном исследовании.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование, выборы, легитимация, урбанистические политические практики, руральные политические практики, региональные выборы, избирательные кампании, политтехнологии

Для цитирования: Арутюнов А.Г. Реализация и легитимация результатов дистанционного электронного голосования в регионах России: особенности городских и сельских практик // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 3. С. 738–751. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-738-751>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках научного проекта «Легитимация дистанционного электронного голосования (ДЭГ) и его результатов в регионах современной России: основные практики и технологии».

Implementation and Legitimization of the Results of Remote Electronic Voting in the Regions of Russia: Features of Urban and Rural Practices

Anton G. Arutynov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ anton.arutynov.98@mail.ru

Abstract. Remote electronic voting (REV) as technology is gradually taking root in the political practice in Russia. As the technology is legally and chronologically new, it is both interesting and necessary to explain its implementation, as well as to identify the technological basis of the REV and, therefore, questions about the potential illegal use of this technology. This study aims at identifying the elements of the analysis of the implementation and legitimation of REV in cities and villages across Russia. The research is based on qualitative sociological and general logical methods: in general, the author uses the dialectical-materialistic approach, as well as the tools of comparative politics. A series of expert interviews were conducted in 10 regions of Russia. The results of the study showed that the Central Election Commission of the Russian Federation, the regional election commissions of the subjects of the Russian Federation, as well as regional and municipal authorities where the REV is being held, are at this stage looking for specific technologies to legitimize electronic voting. These practices will differ not only when comparing different regions, but also, most often, within one subject. One of the most significant differences will be noticeable with the introduction of REV in highly urbanized massifs and rural areas. Urban areas are characterized by the wide usage of political technologies to attract voters to electronic voting and legitimize it. Significantly larger budgets are invested in propaganda materials, including large, printed products (billboards, advertising at bus stops, and public transport). The idea of electronic voting is being promoted in social networks, mainly through VK, Telegram, Odnoklassniki, and WhatsApp. The rural areas, meanwhile, are characterized by activities aimed at personal contact with the voters and the use of informal connections. At the same time, today messages in social networks also reach rural residents, although most often it is not a purposeful

activity, but a background capture of the audience. Concerning the improvement of the technological basis and the expansion of the geography of the REV, we can further elaborate on its legitimization and implementation, including in the context of the issues identified in this study.

Keywords: Remote electronic voting, elections, legitimation, urban political practices, rural political practices, regional elections, election campaigns, political technologies

For citation: Arutynov, A.G. (2023). Implementation and legitimization of the results of remote electronic voting in the regions of Russia: Features of urban and rural practices. *RUDN Journal of Political Science*, 25(3), 738–751. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-738-751>

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University within the framework of the scientific project “Legitimation of remote electronic voting (REV) and its results in the regions of modern Russia: basic practices and technologies”.

Введение

Дистанционное электронное голосование применяется все в большем количестве регионов России, к концу 2023 г. число регионов, где было реализовано ДЭГ на разных уровнях, будет приближаться к 30, причем с каждым годом в процесс вовлекается все больше руральных зон (в отличие от преимущественно городского использования ДЭГ первых лет его применения), что становится неординарным вызовом для политиков и политтехнологов как в вопросе легитимации результатов ДЭГ, так и в популяризации его применения. Отсюда возникает актуальность исследования реализации ДЭГ и в городе, и в деревне, как явления принципиально нового, но обладающего большим влиянием на политическую жизнь России.

Среди исследователей проблемы использования ДЭГ можно выделить Е.А. Набатникову [2022], А.В. Рыбина [2022], И.А. Быкова [Быков 2023], С.В. Петрову и А.В. Сидорову [Петрова, Сидорова 2021]. Вопрос легитимации ДЭГ в России рассматривался, в частности, Н.А. Барановым [Баранов 2022], который уделяет преимущественное внимание технической (процедурной и электронной), а не политтехнологической стороне вопроса. Международный опыт также широко рассматривается в современных исследованиях, к примеру, в работах Ю.В. Анисимовой, Е.В. Еременко, И.И. Мушкета [Анисимова, Еременко, Мушкет 2022], И.Б. Борисова [Борисов, Игнатов 2023], А.Ю. Чихачева [Чихачев 2022]. Здесь же отметим, что тема деревенских и руральных исследований сейчас является весьма актуальной [Виноградская 2019], прежде же роль деревенского населения в обществоведческих и других исследованиях фактически игнорировалась [Акимова 2021]. Отчасти это связано с объективными процессами возвращения относительно небольшой части населения в деревню [Зайцева 2022].

Цифровизация регионального избирательного процесса в современной России представляет собой уникальный процесс, поскольку одновременно является весьма комплексным из-за сложной системы административно-территориального деления России, а вместе с тем потому, что данная цель ставит множество

трудно решаемых практических технологических задач. Одним из существенных направлений является реализация и внедрение системы дистанционного электронного голосования на выборах в рамках процедур выборов федерального, регионального и даже местного уровней, взаимосвязь федерального и регионального уровней отмечается в исследованиях [Любарев 2021]. В 2023 г. в рамках избирательных кампаний Единого дня голосования (ЕДГ) 2023 резко увеличивается количество регионов, проводящих ДЭГ, в марте 2023 г. представители ЦИК РФ объявили о реализации ДЭГ в 25 регионах России в рамках единой технической платформы, а также на базе собственной электронно-цифровой платформы города федерального значения Москва. Единую платформу и московскую платформу ДЭГ иногда сравнивают со старыми институтами для голосования [Наренкова 2021]. Ранее ДЭГ был реализован только лишь в 13 регионах с учетом всех кампаний, прошедших в разные годы, т.е. можно констатировать почти двукратное увеличение регионов данного типа. При этом еще в 2022 г. представители ЦИК РФ также заявляли о готовности всех регионов Российской Федерации (на тот момент 85) к готовности реализации ДЭГ. Сейчас формально решение о реализации ДЭГ на любом уровне выборов принимается ЦИК РФ на основании добровольной системы подачи заявок от региональных избирательных комиссий субъектов РФ.

Город и деревня всегда находятся не столько в противостоянии политических практик, сколько в их дихотомии. При этом политические практики города воспринимаются как нечто большее как по количественному охвату и вовлечению аудитории электората, так и по качеству реализуемых технологий. В рамках рабочей гипотезы можно выдвинуть предположение, что это утверждение будет справедливо и для политических технологий сопровождения реализации ДЭГ, а также для легитимации его результатов.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить, обозначить и привести элементы сравнительного анализа практик реализации и легитимации ДЭГ в городе и деревне в региональной перспективе в современной России. Цель обусловлена как практической значимостью вопроса для политтехнологов, так и теоретической значимостью, поскольку ни политология (в частности институциональный подход, сравнительная политология и другие направления), ни псефология, ни дисциплины, находящиеся на стыке, в исследовательский интерес которых может входить исследование ДЭГ, пока не сформировали единого мнения по этому конкретному вопросу, а также по месту ДЭГ в политической системе страны в целом.

Материалы и методы

В контексте данного исследования высокоурбанизированный массив в региональной политической практике может включать столицу субъекта, районы столицы субъекта (в том числе анклав), центры городских округов (районов) региона, урбанистические пояса или города-спутники вокруг крупных городов, моногорода с промышленными зонами и наукограды. К деревенскому сегменту

можно отнести поселки городского типа, поселки, села, деревни. Дачные товарищества и зоны хаотичной дачной (коттеджной) застройки могут выступать как городская или как руральная зона в зависимости от истории заселения этих территорий и доминирующего типа политической культуры местных жителей, интересным здесь может быть то, что эти тенденции прослеживаются и в некоторых зарубежных практиках проведения ДЭГ [Зиновьев, Туров, Чернецкий 2022].

Основные методы исследования: глубокое экспертное интервью (качественный социологический метод), а также сравнительный анализ политических институтов и практик и общелогические методы, применяемые для систематизации полученной информации. Исследование проводилось с применением диалектико-материалистической методологии. Для анализа ситуации различных практик легитимации и реализации ДЭГ в городе и деревни были выбраны 10 регионов России: Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Республика Чувашия, город федерального значения Москва, Московская, Тверская, Новгородская, Ульяновская, Липецкая и Белгородская области. В каждом регионе было произведено экспертное глубинное интервью, по три эксперта в регионе.

Эксперты отбирались методом «снежного кома», однако отбор производился также на основании ряда критериев. Первый критерий — соответствие профессиональной сферы деятельности эксперта проблематике исследования, а именно политологи или практикующие политики (политтехнологи, политические консультанты, координаторы избирательных штабов в рамках региональных избирательных кампаний, региональные депутаты, эксперты РИКов субъектов РФ, секретари региональных отделений политических партий). Второй критерий — работа с ДЭГ или другими электронными технологиями на региональных выборах или в региональной политике. Город федерального значения Москва присутствует в выборке не только потому, что в столице находится большее количество экспертов в области ДЭГ, но и потому, что здесь находится ряд территорий, которые можно назвать руральными, в первую очередь это территории районов Новой Москвы. Отобранные регионы расположены в ЦФО, ПФО и СЗФО, что является достаточно репрезентативным географически. В исследование также включены регионы с городами-миллионерами; кроме Москвы это будут Казань и Уфа. В тех регионах, где не проводилось ДЭГ на каком-либо уровне выборов, эксперты отвечали на вопросы в контексте реализации смежных электронных электоральных практик (например, онлайн праймериз ВПП «Единая Россия»), а также характеризовали и давали оценки соседним регионам, где ДЭГ было уже реализовано.

Практики реализации и легитимации ДЭГ и их оценка

Эксперты из разных регионов отмечают, что сама реализация ДЭГ в городе или деревни не отличается, что обусловлено нормативной базой, акцент на которой также делается в ряде предшествующих исследований [Щербинин 2021;

Мишуков 2021; Игнатов 2021], единой системой технической реализации и целями ЦИК РФ по созданию единой доступной платформы. Поэтому деревенское население оказывается в выигрышном положении относительно обычной ситуации, когда городское население обладает более широким доступом к информации и имеет специальные условия за счет возможности личного контакта с политическими акторами (или если актор коллективный с его представителем).

При этом существенной разницы между одним регионом и другим не просматривается, кроме некоторых контекстных политико-культурных особенностей, связанных с этничностью и распространением религиозного или просто парохияльного мышления (ценности общины на основе единства, традиций, языкового или исторически-ситуационного фактора). Регионы ЦФО характеризуются высоким уровнем политической атомизации даже в деревенской среде (особым образом здесь выглядит Черноземный район, где ценность общины по-прежнему сохраняется в достаточной степени). Регионы ПФО в этом контексте будут выступать как очаги парохияльной культуры в глубинке, особенно в деревнях с моноэтническим населением, часто сплоченным также по религиозному и языковому основанию. Тем не менее с позиции вопросов реализации ДЭГ все эти факторы не будут играть значимой роли, поскольку здесь ведущую роль будут играть региональные особенности, основанные на модели привлечения электората к очному голосованию в противовес ДЭГ, поскольку ДЭГ здесь может рассматриваться как фактор, осложняющий этнический баланс в представительных органах власти, в том числе в органах местного самоуправления руральных зон. В исследованиях проблематики трансформации выборов местного уровня трендом становится изучение электронных технологий, в том числе за рубежом: в Европе [Арбатская, Сюй 2020] и в Азии [Скосырев 2020]. Необходимо отметить, что, в частности, в рамках европейского поля могут существовать общие электоральные тенденции на уровне региональных выборов [Арутюнов 2022].

ДЭГ в деревне за исключением ряда особых случаев политического активизма не воспринимается негативно и, в отличие от города, не вызывает жесткого неприятия какой-либо частью общественности. В то же время ряд экспертов из регионов, где есть титульные национальности кроме русских или присутствуют компактные места проживания малых коренных народов, отмечают, что ДЭГ может быть негативным фактором, который, по их мнению, способен нарушить хрупкий властно-политический баланс в регионе. При этом сам механизм негативного влияния описывается как потенциальное нарушение соблюдения традиции этнического баланса (равного распределения должностей и полномочий или условно справедливого в глазах элиты или общественности региона). Но в целом при условном гомогенном этническом составе округа, где находится несколько деревенских или сельских зон, ДЭГ не будет технической проблемой и в силу малого политического активизма в руральных зонах будет внедряться быстрее и технологически более легко, чем в городе, часть этих выводов именно по городскому электорату была представлена в предшествующих исследованиях [Петрова 2022]. Деревня традиционно не противится внедрению

новых политических практик в современной России, но медленнее их осознает на уровне гражданина, там проживающего и не интересующегося политикой.

Социально-политические процессы в городе в сравнении с деревней выглядят более динамичными и разнонаправленными. В городе возникают группы, которые со скепсисом относятся к реализации ДЭГ, они не столь велики, сколько сплочены идейно с помощью «*информационных пузырей социальных сетей и мессенджеров*», по меткому выражению эксперта из Москвы, принимавшего участие в нашем опросе. Ситуация выглядит особенно сложной в Москве и Санкт-Петербурге, а также в регионах, где городская среда характеризуется необходимостью достижения сложного властного, этнического и экономического баланса политических сил. Эта ситуация также отражается в других исследованиях [Бочкаев 2021]. При этом нельзя утверждать, что наличие миллионного населения каким-то особым образом влияет на восприятие ДЭГ, единственным существенным исключением будут Москва и Санкт-Петербург, где можно говорить об уникальной свехурбанизированной политической культуре, не наблюдаемой в других агломерациях России. При этом городские политические процессы характеризуются большим вниманием со стороны как старых, так и новых СМИ. Это частично отражено и в более ранних исследованиях [Флаот 2022], что не может ни откладывать отпечаток на внедрение и процессы легитимации ДЭГ. СМИ работают в разных информационных нишах: интернет, телевидение и даже печатные газеты. Наибольшим влиянием на современном этапе в интересующем нас контексте будут пользоваться интернет-СМИ.

Отличительным фактором легитимации или, наоборот, уменьшения доверия к ДЭГ в городе будет партийная работа с электоратом (как своим, так и в рамках политической рекламы и агитации). Можно заметить, что практически единственной всероссийской политической партией, работающей над созданием позитивного образа для ДЭГ, является ВПП «Единая Россия». Многие члены, сторонники и политтехнологи этой партии стали не только убежденными приверженцами дистантных форм голосования, но и во многом первопроходцами, поскольку праймериз «Единой России» почти во всех регионах с начала своей реализации подразумевал и онлайн-формат. В то же время даже оппозиционные парламентские партии (здесь партии, имеющие фракции в Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации с более чем одним мандатом: КПРФ, ЛДПР, «СР-За правду», «Новые люди») либо открыто выступают против ДЭГ, либо пытаются сохранять нейтральную позицию, избегая эту проблематику в публичной риторике. Непарламентские зарегистрированные Министерством юстиции РФ партии, как правило, также либо не затрагивают вопрос реализации ДЭГ, либо выступают с его жесткой критикой.

В деревенской практике можно встретить агитаторов пяти крупнейших политических партий России, которые будут сохранять позиции партии по вопросу, ДЭГ. Это чаще всего осуществляется в узком перечне мероприятий, к примеру, агитэкспедиции и выезды перед региональными выборами (реже муниципальными), а также в рамках встреч с избирателями уже избранных депутатов (в рамках подготовки к уже следующей избирательной кампании). В качестве попыток

системной, хотя все еще недостаточной работы в деревне, экспертами из Тверской и Ульяновской областей назывались только две политические партии, а именно «Единая Россия» и КПРФ, в некоторой степени также ЛДПР. Отметим, что часть политических партий призывала своих сторонников не пользоваться сервисами ДЭГ (особенно это подтверждает городская практика, и особенно в Москве), однако впоследствии они же выдвигали претензии, заключающиеся в том, что за них отдали крайне мало голосов по онлайн-округу, а за их конкурентов (не призывавших к бойкоту ДЭГ) было отдано голосов больше. Если опустить все остальные факторы, то прослеживается довольно четкая тенденция, состоящая в том, что подобный результат был достигнут не столько хорошей и качественной кампанией конкурентов, а непосредственно реализацией бойкота, о котором говорили сами партии и политические силы. Таким образом, в условиях внедрения ДЭГ такая стратегия не может быть выигрышной. В то же время сам факт такой хронологии агитационных мероприятий и политических результатов не способствует легитимации ДЭГ, что, в частности, отмечали эксперты из Москвы.

Важным механизмом легитимации ДЭГ является работа с дачниками и гражданами, меняющими место жительства на календарное лето (и, что самое главное, остающимися на даче в начале сентября, то есть на момент проведения Единого дня голосования), со стороны информаторов из ЦИК РФ или РИКов. Отметим, что изначально они были одной из главных групп, которую предполагалось вовлечь в дистанционные формы голосования, например, к этой группе относятся многие москвичи пенсионного возраста. Но на практике оказалось, что кроме сдержанной онлайн-рекламы (или информирования) об участии в ДЭГ для этих сезонных жителей руральных зон никакой практической и даже информационной работы с потенциальной аудиторией проведено не было. Эксперты из регионов, кроме Москвы, отмечали, что в сельской местности и даже на трассах регионального и федерального значения политической рекламы или информирования о ДЭГ было явно недостаточно, чтобы привлечь внимание. Поэтому можно заключить, что потенциальный электорат в руральной зоне остается без внимания со стороны политтехнологов и избирательных комиссий разного уровня, и если его привлечь, то можно поднять и общий уровень доверия к ДЭГ. При этом данная технология *«не должна развиваться как некая московско-подмосковная история»*, по мнению эксперта из Казани, а может стать общероссийской практикой, поскольку дачная миграция населения свойственна всем крупным агломерациям. Дополнительно, дачная миграция из Москвы затрагивает не только подавляющее большинство регионов ЦФО РФ, но также некоторые регионы СЗФО РФ и ПФО РФ, где также может вестись разъяснительная, рекламная, информационная и агитационная работа. Как отмечают эксперты из регионов ЦФО РФ, единственным затруднительным фактором здесь будет то, что применительно к региональным выборам условные «дачники» не будут иметь права голосовать на выборах органов власти региона нахождения земельного участка. Это объясняется тем, что регистрация «дачников и арендаторов» будет осуществляться по основному месту жительства в другом регионе (особенно остро ситуация здесь будет обстоит в парах Москва и Московская область,

Санкт-Петербург и Ленинградская область). Исключением здесь будет миграция из крупной городской агломерации в пригород или деревни внутри одного региона. В других исследованиях можно отметить собственно миграционный фактор влияния на электорально-политические процессы [Бурда 2022]. Кроме того, также уже исследовался и более широкий фактор социально-экономической разницы регионов [Капелюк 2021].

Эксперт из Владимирской области, а также эксперт из Республики Татарстан отметили один из главных факторов по легитимации ДЭГ, а именно вопрос общего состояния избирательной системы в регионе. Весьма примечательна дословная цитата эксперта из Владимирской области: *«Можно использовать один из принципов по созданию алгоритмов программного обеспечения для производств, а именно если у вас беспорядок на производстве, ни один даже самый лучший алгоритм не исправит ситуацию. Чтоб было что цифровизировать, это что-то должно быть уже качественно к этому готово»*. В большинстве субъектов Российской Федерации избирательная система (всех уровней от РИК до УИК) находится в удовлетворительном состоянии, однако ряд технических элементов требует синхронизации, если ЦИК РФ ставит цель создать единую федеральную платформу высокого уровня. Слаженная и четкая работа технической стороны ДЭГ в РФ станет прочным основанием для его легитимации среди населения. Это также показывает пример работы ДЭГ в 2019 г. на ряде одномандатных округов на выборах в Московскую городскую Думу, когда не отлаженная из-за перегрузок работа (при этом не искажающая результаты голосования) стала поводом для снижения уровня доверия к в принципе исправной системе московской платформы.

Результаты

Исследование показало, что для руральных зон нет единой стратегии реализации как самого ДЭГ, так и технологий его легитимации, в отличие от урбанизированных зон, где работают адресные методики внедрения дистанционных технологий в политическую практику той или иной территории. Деревня выглядит технологически непривлекательной в вопросе реализации современных политических технологий, в том числе цифровых. Вместе с тем город представляется сложным пространством, где происходит не только внедрение ДЭГ, но и борьба различного рода политтехнологий легитимации этого процесса в общественной среде. Подавляющее большинство экспертов отмечает сразу несколько направлений легитимации, которые условно можно разделить на традиционные, цифровые и нестандартные: 1) традиционное направление — печатные агитационно-пропагандистские материалы (АПМ), а также информирование от лица избирательных комиссий различного уровня или агитация от имени политических партий; 2) цифровое направление — онлайн-реклама и агитация, и информирование (сайты и социальные сети); 3) нестандартные технологии — проведение флешмобов и лекториев, разъяснительная работа на политических акциях. Для деревенских практик характерны преимущественно только первые

два направления, причем не в рамках специальных программ, а скорее фоновое, в рамках городских проектов и избирательных кампаний. Нестандартная работа в деревне не проводится, за исключением работы кандидатов по одномандатным округам, расположенных в сельской местности.

Обсуждение результатов

Результаты данного исследования подтверждают общий тренд поэтапной и продуктивной реализации ДЭГ, практическая сторона которого, однако, сопряжена с трудностями не столько технического характера, сколько с проблемой легитимации. Легитимация должна стать основой работы с ДЭГ как технологией. Важен не только формальный рост доверия к процедуре, но и действия с учетом сложного контекста баланса различных социально-политических сил, к примеру, этнических групп в регионе.

В рамках данной проблематики нельзя обойти вниманием две крайние позиции по отношению к ДЭГ, которые откладывают отпечаток и на восприятие его реализации и легитимации в городе и деревне. Первая свойственна политическим деятелям и организациям, ряд из которых считаются иностранными агентами на территории Российской Федерации. Однако в их позиции нельзя отследить четко выраженное мнение по вопросу реализации ДЭГ в деревне. Дискуссия вокруг ДЭГ в целом сконцентрирована вокруг городской проблематики, фактор иных территорий не учитывается, низводится до несущественного или неважного. Отметим, что вышеописанная критика не только относится к российскому сценарию реализации ДЭГ, но и соотносится с зарубежными сценариями [Минтусов 2022]. В то же время существуют и исследования, которые оценивают ДЭГ как в России, так и за рубежом более положительно [Худолей 2022].

Несмотря на общий технологический оптимизм, а также на выявленное в этом исследовании отсутствие существенных ограничений для внедрения ДЭГ в деревенских зонах, ДЭГ, тем не менее, имеет ряд существенных вызовов со стороны социально-политической реальности для внедрения во всех регионах России, что отражено в ряде исследований [Рыбин 2022]. Они должны быть исправлены, тем более что ряд путей для решения этих проблем уже намечен или, по крайней мере, показан прогресс развития технологии [Цветкова, Романова 2022].

Заключение

На современном этапе большой разницы в осуществлении реализации стратегий по реализации ДЭГ в городе и деревне с технологической стороны вопроса фактически нет. Однако технологии политического пиара (как в среде печатных АПМ, так и в среде интернет-рекламы) и способы легитимации результатов существенно разнятся.

Эксперты из разных регионов описывают в целом похожую картину реализации ДЭГ в городе и в деревне. Если попытаться реализовать

упрощенную модель, то это использование онлайн и офлайн-информирования, осуществляемое без учета специфики региона. Легитимация также может достигаться как с помощью очных акций (призывы использовать ДЭГ, адресованные избирателям), так и с помощью онлайн-рекламы технологии. Необходимо отметить угрозы, которые обозначили эксперты из регионов с несколькими основными этносами, постоянно проживающими в регионе, которые ссылались на необходимость дополнительной работы для сохранения хрупкого межэтнического баланса, в том числе отражающегося на электоральных процедурах и особенно на их результатах. Наиболее эффективной технологией легитимации ДЭГ в регионах России можно считать информирование о чистоте и техническом совершенстве самого ДЭГ, а также профилактику на ранних этапах возможных правонарушений и манипуляционных воздействий.

Поступила в редакцию / Received: 11.03.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 19.05.2023

Принята к публикации / Accepted: 31.05.2023

Библиографический список

- Акимова О.Е., Волков С.К., Кузлаева И.М.* Концепция «умная деревня» и сельские территории России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2021. № 4. С. 117–135. <https://doi.org/10.38050/01300105202146>
- Анисимова Ю.В., Еременко Е.В., Мушкет И.И.* Опыт проведения избирательных кампаний (выборов и референдумов) в государствах — участниках МПА СНГ в условиях распространения COVID-19 // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 1. С. 165–170.
- Арбатская М.Н., Сюй Л.* Система местного сельского самоуправления в «новой нормальности» Китая // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 4 (18). С. 106–123.
- Арутюнов А.Г., Сквоиков А.К.* Политическое участие женщин на региональных выборах в Европе // PolitBook. 2022. № 2. С. 89–100.
- Баранов Н.А.* От недоверия — к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 433–446. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-433-446>
- Борисов И.Б., Игнатов А.В.* Электронное голосование в Эстонии бьет рекорды. Общее и особенное в международном развитии ДЭГ // Избирательное законодательство и практика. 2023. № 1. С. 14–20. <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2023-1-14-20>
- Бочкаев А.Р.* Особенности и сравнительные характеристики политических кампаний в Москве и Санкт-Петербурге // Власть. 2021. Т. 29. № 3. С. 94–98. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8146>
- Бурда М.А., Хорева Е.Е., Герасимова И.В.* Миграционная политика в современной России: информационно-коммуникационные технологии в управлении миграцией // PolitBook. 2022. № 2. С. 54–66.
- Быков И.А.* Рецензия на монографию В.И. Федорова «Электронное голосование: российский и зарубежный опыт» // Избирательное законодательство и практика. 2023. № 1. С. 37–38. <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2023-1-37-38>

- Виноградская О.Я. От чего горожане едут в деревню: феноменология и практика // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 3. С. 140–155. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-3-140-155>
- Зайцева И. Приехать и остаться // Новое сельское хозяйство. 2022. № 6. С. 14–19.
- Зиновьев А.С., Туров Н.Л., Чернецкий Ф.М. Локализм в политической динамике современной Европы: кейс Литвы // Политическая наука. 2022. № 4. С. 240–261. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.11>
- Игнатов А.В. Правовые аспекты дистанционного электронного голосования // Избирательное законодательство и практика. 2021. № 1. С. 10–15. <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2021-1-10-15>
- Капелюк С.Д., Лищук Е.Н. Влияние социально-экономического неравенства в регионах России на электоральное поведение // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2021. № 2 (51). С. 7–16. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-2-51-7-16>
- Любарев А.Е. Корреляционный анализ итогов голосования на российских федеральных и региональных выборах 2011–2018 гг. // Политическая наука. 2021. № 1. С. 205–225. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.09>
- Минтусов И.Е., Гуляев Д.С. Дистанционное электронное голосование в странах англосаксонской системы: США, Австралия, Великобритания. Почему голосование ДЭГ не прижилось? // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 1 (23). С. 122–139.
- Мишуков В.О. Развитие национального законодательства об основах электронного голосования // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12 (163). С. 213–215.
- Набатникова Е.А. ДЭГ (дистанционное электронное голосование) в Российской Федерации // Умная цифровая экономика. 2022. Т. 2, № 1. С. 26–30.
- Наренкова А.А. Сравнительно-правовой анализ института «мобильный избиратель» и института открепительных удостоверений // Державинский форум. 2021. Т. 5, № 20. С. 17–23.
- Петрова С.В., Сидорова А.В. К вопросу о внедрении дистанционного электронного голосования в избирательную систему России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 80–84. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-4-80-84>
- Петрова С.В., Сидорова А.В. Система дистанционного электронного голосования в Российской Федерации и пути совершенствования электронной демократии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 192–196. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-192-196>
- Рыбин А.В. Защита результатов волеизъявления избирателей при дистанционном электронном голосовании // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 3 (25). С. 161–175.
- Рыбин А.В. Преимущества и недостатки дистанционного электронного голосования: перспективы или тупик? // Электоральная политика. 2022. № 1 (7). С. 1.
- Скосярев В.А. Низовая демократия в Китае: подходы к оценке // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2020. № 3. С. 108–116.
- Флаот Н.С. Образ электронного голосования в российских СМИ в период избирательной кампании 2021 г. на примере «Российской газеты» и «Новой газеты» // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. 2022. № 11. С. 190–194.
- Худолей Д.М., Худолей К.М. Электронное голосование в России и за рубежом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 57. С. 476–503. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-57-476-503>
- Цветкова О.В., Романова Ю.А. Цифровая трансформация в России: от рейтинга регионов к дистанционному электронному голосованию // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 2 (24). С. 91–97.
- Чихачев А.Ю. Франция-2022: расколотое общество и трансформация политического поля // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2 (26). С. 59–70. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220225970>

Щербинин Р.А. Правовое регулирование и практика дистанционного голосования на выборах 2021 г. // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 4 (50). С. 59–66.

References

- Akimova, O.E., & Volkov, S.K., & Kulaeva, I.M. (2021). The concept of “smart village” and rural territories of Russia. *Bulletin of the Moscow University. Series 6: Economics*, (4), 117–135. (In Russian). <https://doi.org/10.38050/01300105202146>
- Anisimova, Y.V., Eremenko, E.V., & Musket, I.I. (2022). The experience of conducting election campaigns (elections and referendums) in the member states of the IPA CIS in the conditions of the spread of COVID-19. *Legal science: history and modernity*, (1), 165–170. (In Russian).
- Arbatskaya, M.N., & Xu, L. (2020). The system of local rural self-government in the “new normality” of China. *Citizen. Elections. Power*, 4(18), 106–123. (In Russian).
- Arutyunov, A.G., & Skovikov, A.K. (2022). Political participation of women in regional elections in Europe. *PolitBook*, (2), 89–100. (In Russian).
- Baranov, N.A. (2022). From Distrust to Legitimization: The Difficult Path of Digital Electoral Technologies, an Evidence from Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 433–446. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-433-446>
- Bochkarev, A.R. (2021). Features and comparative characteristics of political campaigns in Moscow and St. Petersburg. *Vlast' (Power)*, 29(3), 94–98. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8146>
- Borisov, I.B., & Ignatov, A.V. (2023). Electronic voting in Estonia is breaking records. General and special in the international development of the REV. *Electoral legislation and practice*, 1, 14–20. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2023-1-14-20>
- Burda, M.A., Khoreva, E.E., & Gerasimova, I.V. (2022). Migration policy in modern Russia: Information and communication technologies in migration management. *PolitBook*, (2), 54–66. (In Russian).
- Bykov, I.A. (2023). Review of V.I. Fedorov’s monograph “Electronic voting: Russian and foreign experience”. *Electoral legislation and practice*, (1), 37–38. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2023-1-37-38>
- Chikhachev, A.Y. (2022). France-2022: a split society and the transformation of the political field. *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*, 2(26), 59–70. (In Russian). <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220225970>
- Flaot, N.S. (2022). The image of electronic voting in the Russian media during the election campaign of 2021 on the example of “Rossiyskaya Gazeta” and “Novaya Gazeta”. *Eurasianism: Theoretical potential and practical applications*, (11), 190–194. (In Russian).
- Ignatov, A.V. (2021). Legal aspects of remote electronic voting. *Electoral legislation and practice*, (1), 10–15. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/2500-0306-2021-1-10-15>
- Kapelyuk, S.D., & Lischuk, E.N. (2021). The influence of socio-economic inequality in the regions of Russia on electoral behavior. *Observer of BIST (Bashkir institute of social technologies)*, (2), 7–16. (In Russian). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2021-2-51-7-16>
- Khudolei, D.M., & Khudolei, K.M. (2022). Electronic voting in Russia and abroad. *Bulletin of Perm University. Legal sciences*, (57), 476–503. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-57-476-503>
- Lyubarev, A.E. (2021). Correlation analysis of voting results in the Russian federal and regional elections 2011–2018. *Political Science (RU)*, (1), 205–225. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.09>
- Mintusov, I.E., & Gulyaev, D.S. (2022). Remote electronic voting in the countries of the Anglo-Saxon system: USA, Australia, Great Britain. Why didn’t the DAG vote catch on? *Citizen. Elections. Power*, (1), 122–139. (In Russian).

- Mishukov, V.O. (2021). Development of national legislation on the basics of electronic voting. *Eurasian Law Journal*, 12, 213–215. (In Russian).
- Nabatnikova, E.A. (2022). REV (remote electronic voting) in the Russian Federation. *Smart Digital Economy*, 2(1), 26–30. (In Russian).
- Narenkova, A.A. (2021). Comparative legal analysis of the institute “mobile voter” and the Institute of absentee ballots. *Derzhavinsky Forum*, 5(20), 17–23. (In Russian).
- Petrova, S.V., & Sidorova, A.V. (2021). On the introduction of remote electronic voting in the electoral system of Russia. *North Caucasian Legal Bulletin*, (4), 80–84. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-4-80-84>
- Petrova, S.V., & Sidorova, A.V. (2022). The system of remote electronic voting in the Russian Federation and ways to improve e-democracy. *State and municipal administration. Scientific notes*, (1), 192–196. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-192-196>
- Rybin, A.V. (2022). Advantages and disadvantages of remote electronic voting: A prospect or a dead end? *Electoral politics*, (1), 1. (In Russian).
- Rybin, A.V. (2022). Protection of the results of the will of voters in remote electronic voting. *Citizen. Elections. Power*, (3), 161–175. (In Russian).
- Shcherbinin, R.A. (2021). Legal regulation and practice of remote voting in the elections of 2021. *Izvestiya Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy*, (4), 59–66. (In Russian).
- Skosyrev, V.A. (2020). Grassroots democracy in China: approaches to assessment. *Bulletin of the Moscow University. Series 13: Oriental Studies*, (3), 108–116. (In Russian).
- Tsvetkova, O.V., & Romanova, Y.A. (2022). Digital transformation in Russia: from the rating of regions to remote electronic voting. *Citizen. Elections. Power*, 2(24), 91–97.
- Vinogradskaya, O.Y. (2019). From what the townspeople go to the village: phenomenology and practice. *Peasant studies*, 4(3), 140–155. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-3-140-155>
- Zaitseva, I. (2022). To come and stay. *New agriculture*, (6), 14–19. (In Russian).
- Zinoviev, A.S., Turov, N.L., & Chernetsky, F.M. (2022). Localism in the political dynamics of modern Europe: The case of Lithuania. *Political Science (RU)*, (4), 240–261. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.11>

Сведения об авторе:

Арутюнов Антон Георгиевич — аспирант кафедры российской политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, член Совета по региональному развитию Российской ассоциации политической науки (anton.arutynov.98@mail.ru) (ORCID: 0009-0008-0555-9328)

About the author:

Anton G. Arutynov — postgraduate of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, a member of the Council for Regional Development of the Russian Association of Political Science (anton.arutynov.98@mail.ru) (ORCID: 0009-0008-0555-9328)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
